

Анатолий Ульяхов

ОРЁЛ В СТАЕ НЕ ЛЕТАЕТ

ЗНАК ЗЕВСА
книга первая

Краснодар
2014

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32
И 49

Ильяхов А. Г.

И 49 Орёл в стае не летает: в 3 книгах/Анатолий Ильяхов. –
Краснодар: Перспективы образования.
Книга 1: Знак Зевса. – 2014. – 304 с.

ISBN 978-5-93749-186-2

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-93749-186-2

© ОИПЦ «Перспективы образования», 2014
© Художественное оформление.
ОИПЦ «Перспективы образования», 2014
Все права защищены

ОТ АВТОРА

Книга «Орёл в стае не летает» посвящена Александру Великому. Начинается она с жизнеописания его родителей - царя Македонии Филиппа II и Олимпиады, дочери эпирского царя Неоптолема I, - личностей необыкновенно одарённых, с сильными характерами и необузданными страстями. В истории Древней Греции царь Филипп оказался не только храбрым полководцем, но ещё мудрейшим политиком. Он первый из античных политических деятелей объединил суверенные греческие города на почве национальной идеи. После неожиданной смерти отца Александр наследовал не только македонский престол; в его руках оказалась прочная военно-политическая система управления государством и сильнейшая в эллинском мире армия, обеспечившая ему поражающие воображение победы.

Под стать Филиппу супруга Олимпиада – любящая мать, самовлюблённая и мстительная женщина, претендующая на главенствующее место во власти. Она мечтала подчинить сына своему влиянию; использовала его привязанность к себе в борьбе с супругом за македонский престол. Александр оказался в центре глубочайшей семейной драмы и сделал единственно правильный выбор – отдалившись от матери, отечества и собственного народа, стал «покорителем мира», обожествлённым Александром Великим, недостижимым для остальных смертных.

* * *

На фоне исторических событий, происходящих в Древней Греции в IV веке до н. э., книга «Орёл в стае не летает» даёт читателю возможность решить для себя, кто такой Александр – смертный, рождённый от своих родителей, или «сын Зевса» – миф, легенда... Но ещё разрешить главный вопрос: по каким законам природы в обществе появляются личности, которым дозволено круто изменять ход человеческой истории в своих собственных интересах?

Глава первая

ГОНЕЦ ИЗ МАКЕДОНИИ

ЭПИР (358 г. до н. э.). Летняя ночь сошла на Эпир. Солнечный бог Аполлон увёл с небосвода уставших за день золотоволосых коней; город замер в ожидании Гекаты, Хозяйки Чёрного Света. Простому смертному богиню увидеть нельзя, но можно познать её силу через страх перед крошечной тьмой. Кажется, совсем недавно на небесных пастбищах бродили отары облаков, как вдруг они исчезли, уступив место мраку...

Небо продолжало оставаться тёмным, пока на нём не высветились блестящие, которые, будто влюблённые светлячки, перемигивались холодным мерцанием. Это в жилищах обитателей Олимпа зажглись золотые лампадарии, ночные светильники; в их мерцающих отсветах боги устраивались на ложа в предвкушении пира с полными чашами нектара и амброзии, дающих бессмертие и вечную молодость.

Наступление ночи заставило жителей Эпира отложить незаконченные дела. С улиц исчезли прохожие. На город быстро сошла тишина, прерываемая звучными руладами цикад, скрывающихся в священных кипарисовых рощах.

У городских ворот несли охрану трое молодых воинов – пельтастов (от слова пельта – небольшой деревянный щит полукруглой формы, обтянутый кожей), во главе с пилартом – «запирающим ворота», боевым командиром, о чём свидетельствовал шрам на суровом бородатом лице. У воинов короткие копья и обоюдоострые бронзовые мечи в кожаных чехлах, перекинутых через правое плечо, более похожие на большие ножи, удобные для ближнего боя.

За полночь в глубокой тишине издали послышался лёгкий перестук копыт. Дозорный у ворот, самый чуткий, вытянул голову, словно встревоженный гусак, в ту сторону. Когда звуки проявились явственнее, воин слегка толкнул плечом задремавшего от безделья пиларта.

Тот настороженно прислушался, удивляясь: эпириане знают время, когда запираются ворота, не рискнут задерживаться вне города. Это может быть только припозднившийся в дороге чужестранец...

Стук копыт стал настойчивей, громче, и вскоре с той стороны слышались возгласы; в нетерпении били копьём так, что дубовые плахи отозвались глухим стоном.

– Кого демоны несут в позднюю пору? – проворчал пиларт. Грозно откашлявшись, стараясь придать осиплому горлу необходимую силу, прокричал в небольшую прорезь:

– Кто?

– Гонец из Македонии от царя Филиппа к царю Аррибе! – донёсся сильный уверенный голос.

Убедившись, что опасаться нечего – всадников двое, по команде пиларта стражники с натугой отодвинули огромное дубовое бревно, служащее надёжным засовом. В свете факелов воротная створка нехотя приоткрылась. Появился молодой человек, по золочёным латам и шлему – знатный воин. За ним на коротком поводу следовал конь, роняющий клочки пены; он устало кивал головой. Пиларт заметил, что конь породистый, по всем статьям очень дорогой. Вслед первому воину показался другой, по одежде – оруженосец, потому что на плече он нёс копьё и бронзовый гипасп – щит полукруглой формы. На голове примятая кавсия – широкополая крестьянская шляпа; к тому же в отличие от первого всадника, обутого в кутурны – сапоги до колен из сплетённых кожаных ремней, на ногах у второго были грубые прочные ботинки – крепиды. Оруженосец вёл за собой низкорослого, с густой чёрной гривой, коня, нагруженного дорожной поклажей.

Царь Арриба

Царь Эпира Арриба лежал в супружеской постели, погружённый в невесёлые размышления. Ему пятьдесят лет – возраст, когда пора оглянуться на прожитые годы. Не так давно он женился на двадцатилетней Троаде, дочери старшего брата Неоптолема. С супружескими обязанностями пока справляется, но чувствует, как теряет остатки акмэ (бодрое состояние мужчины в расцвете физических и духовных сил). Если послушать придворного врача, причина – пристрастие к вину и обильной пище...

Молодая супруга сейчас беззаботно смотрит незамысловатые сны, тихонечко сопит под боком, а он, смежив усталые веки, никак

не отвлечётся от дневных забот. Завтра он собирает ближайших советников, чтобы послушать и решить, кого следует опасаться Эпиру в ближайшее время. Повсюду в Греции неспокойно: эллины конфликтуют между собой по любому поводу, убивают друг друга – из-за клочка пахотной земли, морской гавани или горных недр, объединяются в союзы, чтобы навязать волю тем, кто проиграет войну. Нет, в такой ситуации Эпиру не отсидеться в стороне...

Сейчас Эпир слаб, эпирыне с трудом противостоят враждебным иллирийским племенам, протоптавшим дорогу на земли эпирские. И фракийцы, как голодные волки, в любой момент готовы напасть на царство, ограбить и пожечь селения. Афины обещали Фракии поддержку деньгами и войском взамен уступки им земли для устройства афинских поселений. Вот и разберись теперь, кто Эпиру друг, а кто – враг!

С досады Арриба резко повернулся на постели, потревожив супругу. Трояда произнесла что-то недовольным голосом и вновь затихла. Он постарался успокоиться: время шло, но сон всё не приходил. В голову лезли мысли, одна мрачней другой:

Спарта, Афины, Фивы – каждый город претендует на гегемонию в Греции, но Эпиру нужно выбрать, с кем удобнее будет ему, безопаснее.

Персы могут вновь объявиться на греческой земле. Они не простят грекам своё поражение при Марафоне и Саламине, не успокоятся! Эпир окажется на пути персидской армии, и тогда Аррибе придётся выбирать – идти ему с персами на единоверцев, эллинов по крови, или воевать против персов вместе с Грецией. Нужно подумать – персидские цари всегда щедро платили за измену...

Нет, у персов сейчас большие проблемы с престолонаследием. Скорее всего, война случится между Афинами и Македонией. Но если победа будет за афинянами, что выиграет Эпир? Или проиграет? Да, проиграет, потому что Фракия при поддержке Афин обязательно устремится на эпирскую территорию. Тогда Эпиру выгоден союз с Македонией...

Определившись, Арриба немного успокоился и попытался окануться в спасительных объятиях Гипноса. Он решительно прижался к привлекательному изгибу спины безмятежно спящей Трояды; поднул руку ей под грудь, другой начал гладить упругую плоть живота, призывая в помощь Эроса. Трояда во сне отозвалась, шевельнулась телом. И тут Арриба некстати припомнил Мирталу, младшую сестру Трояды, свою племянницу. Он отвлёкся на неё и снова расстроился:

разве сравнить Трояду с Мирталой? Кроткую овечку со зловредной лисицей? Миртала совсем не похожа на покорную обитательницу гинекея – женской половины семейного дома. В глазах у неё всегда угольки тлеют – характер вздорный, непредсказуемый. Скрытная, мстительная, обиды не прощает. Лучше отдалить её от дворца, куда-нибудь в горное селение – и пусть там тешит гордыню свою, пока жёны не объявятся. А затем – прощай, Миртала...

Мысли о дерзкой племяннице окончательно расстроили Аррибу. Он вспомнил своего брата Неоптолема. Эпирыне хвалят его до сих пор, при нём Эпир процветал. Ещё он был отменным грубияном, пьяницей – об этом все знали. Арриба был младше Неоптолема, немало унижений натерпелся от него и никогда не стал бы царём, да случай помог. Ушел Неоптолем с войском на иллирийцев и в первом же сражении сложил голову. Совет старейшин назначил Аррибу опекуном малолетнего сына царя, наследника престола Александра, заодно и его сестёр – Трояды и Мирталы, они были старше Александра. Арриба недолго таил желание видеть себя первым человеком в царстве. Заручившись поддержкой жрецов, влиятельных эпирских князей и военачальников, он женился на Трояде. Вскоре она родила сына, Арриба назвал его Эакидом – «Происходящим от Эака», поскольку род молоссов, из которого были Неоптолем и Арриба, происходил от легендарного героя Троянской войны Ахилла, внука Эака. После рождения сына Арриба пренебрёг законными правами Александра на престол и объявил себя царём Эпира, а Эакиду – наследником. Трояда, супруга Аррибы, не возражала против его действий, но Миртала затаилась...

Тяжкие мысли начали оставлять Аррибу. Ему показалось, будто он медленно погружается в ванну с тёплой водой и лепестками роз... Где-то вдали приятно запела свирель... Веки склеивались, голова тяжелела – это Морфей, добрейший сын Гипноса, сжалился над царём, опустив над ним два чёрных крыла ...

Ночной визит

В дверь супружеской спальни несмело постучали, будто мыши поскреблись. Тревожить царя глубокой ночью мог позволить себе только один человек – постельничий, да и то по самым безотлагательным делам. Арриба, недовольно кряхтя и сопя, встал, накинул лёгкий хитон. У двери спросил негромко:

– Кто? – хотя точно знал, кто нарушитель его сна. Услышав знако-

мый голос, откинул металлическую щеколду – он всегда запирался на ночь.

В полутёмную комнату бесшумно проскользнул человек в короткой тунике – Завкр, надёжный слуга, верный пёс. Склонив голову, он прошептал:

– Мой царь, прибыл гонец из Македонии. Утверждает, что с важным посланием от царя Филиппа.

Арриба приподнял густые брови, отчего лицо с крупным носом приобрело выражение нескрываемого изумления. Усмехнулся про себя: «Надо же, вспоминал македонян, а они уже здесь!». Вслух сказал:

– Проводи в зал приёма. Пусть ожидает.

* * *

Посланник Филиппа в сопровождении Завкра оказался в просторном зале, где царь обычно принимал чужестранные делегации. Гонец присел на климос – стул с изогнутыми ножками и высокой спинкой; со вниманием огляделся. От двух настенных светильников-лихнихионов, которые, видимо, только что зажгли, пахло прогорклым маслом, и света было недостаточно. Углы зала тёмные, не проглядывались. Судя по затхлому воздуху, здесь давно не было приёмов.

Мимо македонянина тенью проскользнул человек. Используя заострённый крючок на длинной палке, ловко снял с фитилей нагар. На посветлевших стенах, покрытых алабастровой штукатуркой, стала заметна с роспись: сцены охоты на кабана и медведя. На торцовой стене – старый дождевой подтёк от прохудившейся кровли. По внешнему виду зала и мебели ночной гость заключил, что эпирский царь к роскоши не стремится.

Дверь, через которую его проводили сюда, была, судя по закоптелым дубовым доскам, очень древней; едва заметно проглядывала незатейливая резьба. Противоположная же дверь выглядела парадно – за счёт инкрустации слоновой костью и золочёных медальонов. Видимо, она служила для выхода царя к послам. Часть «царской» стены занимала большая картина, изображавшая легендарный эпизод из жизни богов. Поверх каменных плит пола лежали два шерстяных ковра с меандром – дорогим для каждого эллина орнаментом из простых геометрических линий. Возможно, в летнюю пору ковры смотрелись не совсем уместно, а в зимнюю непогоду они вовсе не были лишними. Арриба ценил домашний уют, и по этой причине ковры имелись почти в каждом дворцовом помещении, все – больших размеров.

Продолжая осмотр, посланец царя Филиппа отметил вниманием старинное оружие, развешенное позади царского трона: три медных круглых щита, два копья и огромный лук со спущенной тетивой – священные реликвии царей Эпира. По углам на низких постаментах покоились большие вазы из светлого мрамора, внося приятное разнообразие в мрачноватую обстановку помещения.

Молодой человек уже начал скучать, как «царская» дверь открылась. Появился Арриба. Македонянин поднялся, с аристократическим достоинством кивнул головой, приветствуя царя. В Греции низкопоклонство не было принято.

Арриба прошёл к возвышению с креслом-троном, удобно расположился и стал разглядывать посланника македонского царя. Тот оказался вызывающе молод, невысокого роста, с ухоженной курчавой бородкой; с длинными выющимися тёмными волосами на голове. Бледное узкое лицо.

Царь внимательно посмотрел на грудной панцирь македонянина: из бронзы, с большой серебряной эмблемой – знаком родovitости; доспехи закреплены на плечах скобками, на животе широкий пояс с серебряной бахромой. Кожаные нарукавники, набедренники и наколенники плотно облегли руки и ноги. Шлем с позолотой и фалерами – накладными фигурными украшениями; для сбережения щёк от ударов с обеих сторон шлема имелись кожаные продолжения, обложенные чешуйками из металла. На груди ещё одна круглая фалера, большая, которую македонские цари обычно дают военачальникам за отличие в сражениях.

Посланец держался уверенно, обнаруживая знатное происхождение, что было и так понятно – Филипп не мог доверить личное послание человеку не из своего окружения. Арриба спросил, сохраняя в голосе безразличный тон:

– С кем имею дело? И что за спешность для царя Эпира в столь поздний час?

– Моё имя Леоннат, я из Пеллы, рода древних македонских князей. – Гонец заговорил уверенно, осознавая цену своего визита. – Мой царь поручил передать тебе, царь Арриба, личное письмо. Просил дать скорый ответ. Вот почему я осмелился потревожить твой покой и отправлюсь сразу, как дашь ответ царю Филиппу.

Арриба протянул руку. Леоннат извлёк из кожаной дорожной сумки круглую тубу, открыл крышку и достал папирус. Передал, сделав несколько шагов. Арриба снял со свёрнутого в трубку листа шер-

стяную нитку красного цвета с восковой печатью. Собираясь развернуть лист, сказал Леоннату:

– Тебя отведут в комнату для гостей, пришлют молодую служанку. Смой дорожную пыль, поешь, выпей хорошего вина. Отдыхай, у тебя была трудная дорога. А я ознакомлюсь с посланием твоего царя. Будет надобность – дам ответ. Ступай.

Арриба вяло хлопнул в ладоши. Словно тень из подземного мира, явился Завкр. Пригласил македонянина следовать за собой.

Оставшись один, царь развернул послание. Обратил внимание, что папирусный лист был высокого качества, египетский, потому что цвета закатного солнца, плотный и пластичный, с гладкой поверхностью. Письмо написано меланом – особыми чернилами; заглавная буква выделена пурпурной краской, принятой у царей. Арриба поднёс свиток поближе к глазам, но всё равно не смог разобрать написанное: света было недостаточно. Громко хлопнул в ладоши. Появился слуга. Царь махнул рукой в сторону лампадария.

Двое слуг с заметным усилием внесли напольный канделябр – высокую бронзовую стойку на четырёх ножках, изображавших мощные лапы льва; на золочёных цепях висели четыре глубокие чаши с оливковым маслом, которое подавалось из небольших ёмкостей произвольно, без участия человека. В зале сразу посветлело, будто сюда ненароком заглянули солнечные лучи.

Когда за слугами закрылась дверь, царь начал медленно читать, вслух: в Античности не знали, как можно читать «про себя». Осилив письмо, задумался. Хлопнул три раза в ладоши. Немедленно появившийся Завкр услышал:

– Зови Каллиппа!

Советник Каллипп

Каллипп был самым пожилым из придворных советников; возможно, поэтому царь доверял ему больше всех. Каллипп чаще других приближённых встречался с Аррибой, давал советы, многие из которых принимались без возражений. Впрочем, у царя были и особые основания прислушиваться к его мнению.

Во-первых, Каллипп – не эпириянин, а уроженец Аргоса, древнейшего города пеласгов на Пелопоннесе. Достаток отца, торговца пшеницей, позволил ему получить в юности хорошее образование.

С домашними учителями он усвоил естественные и математические науки, философию, полюбил греческую литературу, поэзию. Но когда отец потребовал, чтобы сын стал его компаньоном, – сбежал. Подался в Афины, где вступил в наёмное войско, как многие молодые люди в Греции, отказавшиеся от семейных традиций. Физически сильный, крепкий здоровьем, Каллипп воевал за интересы своих нанимателей, благо заносчивые афиняне одновременно враждовали чуть ли не со всей Грецией. Побывал в нескольких сражениях, где вёл себя храбро, но был ранен в ногу, после чего оставил надежды на военную карьеру. Но это печальное обстоятельство позволило ему осуществить давнишнюю мечту – путешествовать, чтобы увидеть мир людей, определить своё место в обществе. Он побывал в Египте, Вавилонии, Финикии, где в этих центрах древнейших знаний впитал в себя, как податливая морская губка, тайные и явные науки, которыми с подозрительной осторожностью делились с ним жрецы, маги и божественные провидцы. Каллиппа как бывшего воина не страшили расстояния и препятствия на пути, поэтому хождение по миру дало его пытливому уму необыкновенную возможность познать чужие языки, а через них – древние культуры, своеобразные религиозные верования, оригинальные нравы и обычаи чужих народов, которых греки называли язычниками, варварами.

Боги уберегли Каллиппа от многих злоключений, не позволили сгинуть на чужбине. Волей богов однажды он оказался в Эпире. Страна небогатая, вокруг нагромождение скал и ущелий, народ скрытный, недружелюбный. Но эпирыне имели всегреческое святилище в Додонах, с оракулом Зевса и священным дубом. Это обстоятельство давало жителям Эпира возможность считать себя частью великой эллинской нации, хотя большинство греков воспринимали эпирян полуварварами, как и их соседей македонян!

Ручей, истекавший из-под корней дуба Зевса, в любую жару не иссякал, а вода в закрытой посудине не портилась годами, имела чудотворную силу: исцеляла безнадежно больных. Сюда стремился попасть каждый грек, и Каллипп после странствий по миру тоже подался сюда, чтобы услышать оракул со своей судьбой. Когда узнал, что остаток дней проведёт на этой земле, удивился.

В тот день у священного дуба оказался и Арриба; тогда ещё он не был царём. Арриба обратил внимание на пожилого незнакомца, выделявшегося среди паломников благородной внешностью, а когда разговорился с ним, оценил мудрость его речей. Арриба спросил

Каллиппа, есть ли у него, брата царя Неоптолема, надежда на престол. Услышал ободряющие слова:

– Всякому плоду время вызревать – твоё время скоро придёт.

И потом оракул сказал Аррибе то же самое:

– Терпи и жди!

Вскоре Неоптолем погиб, его брат Арриба стал у власти, правда, пока опекуном детей убитого царя. Тогда он и вспомнил о провидце-аргосце, велел разыскать. С тех пор царь Арриба не принимал важных решений без его подсказки. Но главный советник при этом никогда не злоупотреблял доверием царя.

Послание Филиппа

Каллипп появился, припадая на левую ногу. Худощавый телом, словно юноша, одетый в наспех накинутую хламиду, он поспешно направился к тронусу, поприветствовал царя. Встревоженные глаза в сетке морщин и вспотевшая лысина выдавали озабоченность, хотя подобные ночные вызовы советника случались часто.

– Что случилось, мой царь?

– Каллипп, ты знаешь, что своему царю ты нужен днём и ночью. Тогда чему ты удивляешься?

Арриба хитро прищурился, после чего рассыпался сиплым смешком. В ответ Каллипп улыбнулся уголками рта.

– Ночь – неподходящее для дел время. Но если царь вызывает меня, для этого есть важные обстоятельства.

– Да, это так, Каллипп. Поэтому я призвал тебя, прервав сон твой.

– Пусть это не беспокоит тебя, царь! И хотя я видел интересный сон, досмотрю его позже, когда позволят обстоятельства.

Арриба оживился. Он любил расспрашивать приближённых об их снах, пытаясь угадать в них собственное будущее, поэтому доверял психомантии – предсказаниям по вещим снам. Каллипп владел этим редким, столь ценным искусством разгадывания сновидений, обычно предсказывал важные события по сновидениям царя. В этом Арриба ему полностью доверял.

– Расскажи, Каллипп, что видел в своём сне. Мне не терпится узнать.

– Сегодня ночью мне приснился молодой лев, который ласкался к тебе, будто дворовая собачонка. А что с ним случилось дальше – не знаю: меня разбудил слуга, и вот я здесь.

Арриба недоверчиво посмотрел на советника.

– Видеть во сне льва – хорошо или плохо для меня?

– Лев, известно, могучий зверь, он не угрожал тебе, вёл себя дружелюбно. Это значит, что кто-то из молодых царей будет просить тебя о дружбе, не иначе.

Арриба удовлетворённо хмыкнул. Не имея больше терпения молчать о том, ради чего он призвал советника среди ночи, царь протянул папирус, на который с нетерпением поглядывал советник.

– Каллипп, твой сон оказался вещим: вот послание молодого македонского царя Филиппа. Читай!

Каллипп с почтением принял свиток. Царь, как обычно, по невниманию своему не догадался, что советнику необходимо присесть. Пришлось ему стоять, переминаясь и сберегая увечную ногу. Он принял позу, как всегда при чтении царских документов: распрямил грудь, прокашлялся. От важности момента голос его слегка задребезжал:

– Филипп – Аррибе: «Хайре! Царь Македонии приветствует царя Эпира!»

Царь махнул рукой, прервав советника:

– Приветы и пожелания пропусти. Не так важно.

Каллипп согласно кивнул, продолжил почти с середины свитка:

«Царь Арриба, ты ведёшь род свой от Ахилла, героя войны с троянцами. Мой род исходит от Геракла, сына Зевса. Поэтому боги Олимпа покровительствуют нашим царствам. Лучезарный Аполлон щедро посылает свет и тепло земле эпирской, равноценно как и земле македонской. Поля, сады и пастбища эпирян и македонян дают богатые урожаи, а домашний скот – хорошие приплоды. Наши горы богаты строительным камнем, корабельным лесом и полезными рудами».

Каллипп остановился и посмотрел на царя. Арриба, склонив голову набок и прикрыв глаза, слушал со вниманием. Слова царя Филиппа, видимо, доставляли ему огромное удовольствие. Советник продолжил чтение:

«Я говорю о достатке народов Эпира и Македонии, благополучии наших царств. У тебя, царь Арриба, и у меня в сокровищницах есть золото и серебро. И всё-таки у меня нет драгоценности, которая есть у тебя, царь Арриба, – я говорю о Миртале, дочери Неоптолема, твоей племяннице, которая живёт под твоей заботливой опекой. Вот почему я прошу у тебя Мирталу себе в супруги».

У Каллиппа перехватило дыхание. Царь счастливо улыбнулся, он был рад видеть своего советника в таком состоянии.

– Читай, читай дальше! Чего медлишь?

Советник управился с удивлением, продолжил читать послание:

«Если ты отдашь Мирталу мне в супруги, Македония и Эпир объединятся в дружественном союзе, и тогда ни один враг не осмелится притязать на наши земли. Потому что я буду другом тебе, ты – другом мне. Когда Миртала родит сына, он станет наследником македонского престола. Да сохранишь ты здоровье своё на многие годы, и пусть покровительствуют тебе боги Олимпа, сопутствует удача в твоих делах! Будь здоров, Арриба, царь Эпира».

Каллипп поднял глаза на царя. Арриба, посерьёзнев, деловито спросил:

– Каллипп, тебе придётся хорошо подумать, прежде чем ответить на мой вопрос: отдавать ли мне любимую племянницу за этого варвара?

– Мой царь, я готов сразу сказать, что от твоего решения зависит не только судьба Мирталы, но ещё Эпирского царства.

– Ты прав, Каллипп, – сдержанно согласился Арриба.

– Тогда, царь, прояви терпение и выслушай мою правду.

– Всегда ценил тебя, Каллипп, за это качество! Говори!

Старый советник начал осторожно, взвешивая каждое слово:

– Я осмелюсь сказать тебе, царь, что лучшего мужа для твоей племянницы не найти.

Арриба не сдержался, вознегодовал не на шутку:

– Вздор! Миртала из рода Ахилла, она достойна лучшего мужа, чем малоизвестный дикарь Филипп! Её браком должен возвыситься Эпир, а здесь вся Греция будет смеяться надо мной: Арриба выбрал варвара в мужья племяннице!

Советник смиренно откашлялся.

– Позволь объясниться, царь!

Приняв молчание Аррибы за разрешение, продолжил:

– Миртала становится взрослой, строптивой женщиной. Скоро с ней будет трудно справиться. Женщина иногда превращается в неукротимую фурию – а она склонна к этому. Достаточно вспомнить её увлечение вакхическими обрядами. – Каллипп, заметив, что царь слушает со вниманием, продолжил смелее: – А Филипп, женившись на Миртале, не потерпит её строптивости, быстро обуздает её гонор. К тому же, когда она родит ему наследника, забудет про отчий дом. В таком случае, чего тебе желать лучшего, царь? Я думаю, чем скорее ты отдалишь Мирталу от двора, тем будет лучше для тебя и Эпира.

Арриба задумчиво покачал головой, в итоге, видимо, соглашаясь. Это вдохновило Каллиппа.

– Но я посмею предположить, – сказал он, – что Миртала не захочет расставаться с младшим братом Александром, ведь она ему заменила умершую мать. Царь, отправь Александра с ней, и в Эпире надолго воцарится покой. Зачем твоему сыну Эакиду соперник на эпирском престоле!

Лицо Аррибы исказила гримаса, это Каллипп успел заметить. Царю явно не понравился намёк, но он сдержался, поскольку хотел узнать дальнейший ход мыслей советника.

– Я слушаю тебя, Каллипп. Продолжай убеждать меня в пользе брака Мирталы с Филиппом.

– Мой царь, выскажу ещё довод. Эпиру следует опасаться не Фив и не Афин, а Македонии. Я давно слежу за действиями молодого царя Филиппа. Намерения его могут быть опасными для всей Греции, как и для Эпира. При воцарении он обещал своему народу вернуть македонские земли, утерянные прежними царями. А это прежде всего означает войну с соседями. Выходит, с Эпиром тоже. А союз Македонии с Эпиром тебе выгоден, тогда Иллирия и Фракия не предпримут военных действий против эпирян. Не осмелятся.

Каллипп выжидающе посмотрел на Аррибу.

– Тебя послушать – все враги испугаются, если Эпир и Македония объединятся в союзе.

– Да, мой царь, я осмелюсь подтвердить свои слова. Эпиру будет лучше видеть в македонском царе плохого друга, чем хорошего врага. Но если откажешь Филиппу, получишь врага. согласишься – брак его с твоей племянницей тебе обернётся огромной выгодой.

Каллипп умолк, вытащил из-за пазухи платок, пережидая, вытер вспотевшее лицо и лысину. Арриба спросил его:

– А как поступит Персия с Македонией, если решится напасть на Грецию? Персы не устроят Филиппа.

– Ты мудр, мой царь. Если персидские цари надумают пойти на греческие города, Эпиру грозит опасность. Но Македония может помешать их планам, потому что будет стоять на их пути. Нет, Эпиру лучше иметь Филиппа союзником.

Арриба хрустнул пальцами рук, это означало, что он устал. Советник вежливо умолк. Наступила тишина. Где-то на хозяйственном дворе прокукарекал ранний петух. Неожиданно Арриба встал и пошёл к десертному столу, который только что занесли слуги: во дворце знали привычку царя трапезничать по ночам. На широком блюде из кованой бронзы источали запахи жареные дрозды. Хлебная

лепёшка с кусками сыра, листья зелени. Ваза с фруктами и бисквитами, которые Арриба мог поглощать в невообразимых количествах... В деревенском кувшине, орке, – красное вино, густое и терпкое; оно немного горчило, но Арриба знал, что необыкновенный привкус передаётся от кистей вяленого винограда во время брожения сула.

Царь с завидным аппетитом утолял внезапно распалившийся голод, хотя не так давно хорошо поужинал. Каллипп терпеливо пережидал неожиданную трапезу, он знал, что царь не имел привычки разделять её с кем-либо. При этом царь старался не вспоминать слова придворного лекаря о том, что ночная еда сильно утомляет желудок и мешает сну. И Гиппократ говорил: «Кто ест много на ночь, того ожидают неизлечимые болезни». Насытившись, Арриба сунул голову чеснока в тмин, смешанный с солью и какой-то зеленью, целиком съел. После выпил подряд два кубка-канфара вина.

Советник, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо ожидал, когда царь отпустит его. Но Арриба, перейдя опять на тронос, пожелал слушать дальше.

– Послушай, Каллипп, – сказал он умиротворённым тоном, – я хочу узнать о Филиппе столько, сколько ты знаешь о нём.

– Да, мой царь, я готов! – покорно согласился советник.

Царь наконец обратил внимание, что Каллипп всё это время стоял перед ним, хотя для подобных встреч строгих правил не существовало. Он вяло махнул рукой, указав на стул у стены. Подождал, пока советник присел и стал с облегчением потирать увечную ногу.

Каллиппу было что рассказать о Филиппе. Он собирал сведения о нём и положении в Македонии с того момента, когда младший сын царя Аминты затеял смертельную интригу с кандидатами на престол. Сведения добывались по разным каналам – и в разговорах с торговцами и путешественниками, и при встречах с паломниками и наёмными воинами, служившими в войске македонских царей. Советник откашлялся, отметив про себя, что неплохо бы промочить горло хорошим глотком вина. Но царь, увы, не предложит ему.

– Филипп не варвар, как говорят в Греции. Его род действительно происходит от потомков Геракла, которые когда-то были царями на Пелопоннесе.

– Как они оказались в Македонии?

– Я слышал, что последний царь из рода Гераклидов правил в Коринфе, пока недовольные жители не изгнали его. Он и члены его семьи были вынуждены покинуть Пелопоннес. Освоились в Македо-

нии, в богатейшей области Линкестиды, где обрели влияние среди местных жителей. Однажды один из членов царской семьи стал во главе племени линкестов, и с этого времени их представители непременно становились царями Македонии.

– Выходит, Филипп, если он потомок Геракла, – эллин?

– Да. У него греческое имя: Фил-гиппос («Любящий коней»), а кони для греческих аристократов были всегда предметом гордости. Конные состязания – удел только знати. Молва говорит, что Филипп крепок здоровьем, жизнерадостен и неутомим во всём – в походах, кутежах и в общении с женщинами.

– Тебя послушать, Каллипп, так мне выпала большая честь – породниться с ним?

– Но с Филиппом следует быть осторожным, царь, он сам себе на уме и что ни замышляет – всё у него получается.

Каллипп осторожно посмотрел на Аррибу: не хмурится ли, слушающая восхваления чужому царю. Не заметив ничего подозрительного, продолжил:

– Филипп, несмотря на молодость, успел жениться три раза: наверно, в подражание своему предку Гераклу – тот был женат трижды.

Лицо Аррибы изобразило искреннее удивление: брови приподнялись дугами, сухой рот дёрнулся в гримасе.

– О, интересно узнать, когда он успел? Ему ведь только двадцать пять лет, как я слышал!

– Да-да! В первый раз Филипп женился на Филе, сестре князя Дерды, заносчивого и влиятельного в Македонии правителя Элимиотии. Тогда ему исполнилось девятнадцать лет, и он только что вернулся из Фив, где жил шесть лет в заложниках.

– Так-так. А где его жена сейчас? – Арриба увлёкся рассказом советника.

– Фила умерла от лихорадки.

– Ах, вот в чём дело! – Эта новость была не так интересна. Царь заторопил советника. – Кто вторая жена?

– Вторая жена у него была иллирийка. Он привёз её из похода как военную добычу.

Арриба, похоже, удивился ещё больше. Его настроение, кажется, вдохновило советника, и он с упоением, словно сам был очевидцем тех событий, стал рассказывать, как Филипп получил от старшего брата, царя Македонии, в управление область Эги. Набрал наёмников за свой счёт и повёл их на соседнее иллирийское племя, досаждавшее

македонянам. Иллирийский царь Бардил попытался воспрепятствовать его затее со своим войском, но погиб в первом сражении. Филипп не торжествовал и не разорял поверженную Иллирию. Он женился на дочери царя Авдате, а в качестве приданого забрал себе лучшие земли Иллирии. На шумной свадьбе вместе гуляли македоняне и иллирийцы.

В браке Авдата назвалась греческим именем – Евридика. Она родила дочь Кинапу, но умерла в послеродовой горячке.

– Это боги наказали македонского выскочку! – не удержался Арриба.

– Наверно, так и есть, мой царь, но Филипп, когда стал царём, решился на третий брак. Ему очень был нужен наследник!

– Да, конечно. И кто же была его избранница?

– О, этим браком он всех удивил: женился на Филинне, танцовщице и проститудке из Фессалии. Говорили, правда, Филинна была необыкновенная красавица. Поэтому можно понять молодого царя – глупая страсть толкнула его на безрассудный шаг. Филинна родила сына Арридея, но вслед умерла.

Арриба рассыпался смешком:

– Злой рок гонится за Филиппом.

– Да, похоже, мой царь.

– Но тогда выходит, что у Филиппа есть наследник? Зачем ему Миртала?

Каллипп замялся, развел руками:

– Арридей с рождения оказался... не совсем здоров, слаб на голову.

– Так он – маргит? – советник не понял, удивился или обрадовался Арриба.

– Судя по всему, вмешалась богиня помутнения разума Ата, поскольку боги Олимпа были недовольны его последним выбором жены.

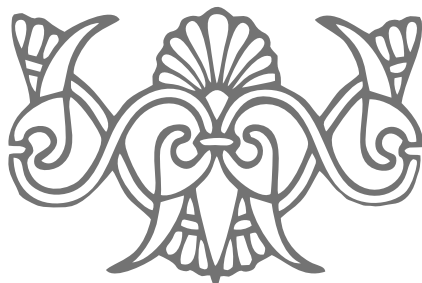
– Теперь мне понятно, почему Филипп прислал гонца. Ему нужен наследник царской крови.

– Это так, царь. Ахилл является предком твоей племянницы Мирталы по материнской линии. Македонянин понимает, с кем нужно породниться.

Арриба оживился. Ему были приятны упоминания о легендарном герое Троянской войны Ахилле.

– Я понял из твоего рассказа, Каллипп, что Македония для Эпира может быть опасна, и только по этой причине мне нужно выбрать из двух зол одно – или держаться от него в стороне, или иметь союзником.

– Уверен, царь, ты поступишь мудро.
– Я выбираю второе.
Каллипп вздохнул с облегчением.
– Это правильный выбор, мой царь.
Арриба показал рукой на розовеющий прямоугольник окна в стене.
– Смотри, богиня утренней зари Эос подаёт нам знак. Пора заканчивать. Я пойду отдыхать, а ты готовь ответ Филиппу, – Арриба неожиданно замялся, – и ещё... сообщи о моём решении Миртале. Пусть готовится к отъезду. Сам понимаешь, возражений я не приму.

Глава вторая

МИРТАЛА

Пробуждение

Солнце подобралось к полудню, а на женской половине царского дворца, в гинекее, властвовали тишина и покой. Небольшая девичья комната оставалась затемнённой из-за плотных штор, прикрывающих единственное оконце. Но яркий солнечный жгутик, что всё это время настойчиво пробивался сквозь случайную щёлку, упал на неширокую кровать и стал приближаться к спящей хозяйке комнаты, беззаботно открывшейся в непорочной обнажённости. Вот тёплое пятнышко света коснулось длинных золотистых волос, разбросанных по слегка влажной от ночи постели, затем коснулось бледной щеки...

Было очевидно, что незванный гость явился сюда с намерением разбудить обитательницу гинекея – юную Мирталу. Но, несмотря на настойчивые приставания, ему не удалось прервать её сон. Она крепко спала, уютно пристроив голову на эпиклитроне, валике, набитом мягкой овечьей шерстью. Видимо, и хорошо проявленная морская трава в кожаном чехле матраца не давала возможности расставаться со сновидениями, которые дарили людям боги ночи. Ведь боги нередко посещают спящего человека по своему желанию, ради развлечения или чтобы сообщить ему очень важное, меняющее его судьбу. Особое значение придаётся сновидениям, приходящим под самое утро...

В комнату неслышно вошла полногрудая женщина в аттическом хитоне – широкой, с двумя рукавами, падающей складками верхней одежде из льняной ткани; на талии пояс с вышитыми узорами. Няня

Мирталы. Седая прядь в тёмных волосах и тучные бёдра, которым тесно даже в просторной одежде. Няня уверенно и без излишнего шума принялась подбирать и раскладывать разбросанные повсюду вещи, одежду, обувь. Вернула на место опрокинутую набок плетёную корзинку для рукоделия, калаф, и вывалившиеся оттуда разноцветные клубки шерстяных ниток. Заметила на полу блюдо с недоеденными фигами и трагематой, детскими печёными сладостями. По привычке покачала головой – вот так каждое утро!

У стоявшего в углу большого деревянного ящика – кисты – была откинута крышка. В ящике хранились самые разнообразные предметы, без которых трудно представить обитателей гинекея: старинные украшения, передаваемые женщинами от одного поколения к другому, косметические средства, праздничная одежда. Хранились тотемные изображения животных и жертвенные сосуды, предназначенные для исполнения тайного женского культа, и много ещё такого, что можно назвать одним словом – «женские штучки». Девочка опять рылась в этих, как ей казалось, «сокровищах» в поисках чего-нибудь невиданного и неведомого.

Няня с лёгким ворчанием стала подбирать по комнате разбросанные вещи, закрыла крышку ящика. Подняла с пола и возложила поверх шляпу с широкими полями конической формы, от солнца – толию. Считая, что порядок в комнате наведён, женщина присела на край постели и стала пристально смотреть в лицо девушки. Оставалось главное – разбудить воспитанницу, но так, чтобы она не рассердилась или не расстроилась зря. Не то целый день будет дуться на няню и слуг ругать почём зря.

Поняв, что таким приёмом Мирталу не разбудить, няня направилась к окну и решительно отдернула штору, пустив в комнату водопад солнечных струй. Миртала непроизвольно прикрыла руками глаза, а потом их открыла. Лицо отразило удивление, словно она впервые видела свою комнату, а в ней – любимую няню. Когда поняла, что из сновидений вернулась в реальный мир, произнесла голосом обиженного ребёнка:

– Артемисия, ты разбудила меня, а я ещё спать хочу.

– Довольно валяться в постели, моя красавица. Повар истомился в ожидании – пора подавать тебе второй завтрак, а ты первый не отведала.

– Артемисия, ну, пожалуйста, я ещё посплю. Ну, совсем немножечко! – капризные нотки усилились. – А я тебе расскажу, что мне пришло во сне. Не поверишь – очень необычное! Хорошо?

– Дядя твой будет недоволен, если узнает, что ты поздно встаёшь! Нет, нет и нет!

Няня решительно потянула покрывало. Миртала не стала сопротивляться, присела на постели.

– Ладно, мучительница, сдаюсь! Но прежде я расскажу, что приключилось мне вот под самое утро. – Заметив интерес на лице няни, Миртала продолжила: – На мне была одежда не совсем обычная, я скажу, варварская, и украшения на мне были – кольца, серьги, – каких я не видела раньше. Но очень красивые – золотые и серебряные... Чудно! – увидев, что няня собирается ей что-то сказать, проговорила до конца. – Подожди, подожди, я не всё сказала! Ещё я летала над землёй. Долго летала, как Дедал с сыном Икаром. Я взмахивала большими крыльями, поднялась так высоко, что когдаглянула вниз, люди были меньше муравьёв. Но мне не было страшно.

Няня ласково притянула Мирталу к себе, прижала к груди, поглаживая длинные послушные волосы цвета спелой пшеницы – редкого для эллинской породы, будто грива коня из упряжки Гелиоса. Заглядывая в широко распахнутые глаза цвета спокойного моря, Артемисия заговорила успокаивающим голосом, как в детстве рассказывала воспитаннице на ночь красивые истории из жизни богов и героев:

– Сон твой, по всему, правильный: богиня женской судьбы Бридзо сообщает, что тебя ожидают большие перемены. Он к скорой свадьбе, милая моя! Об этом говорят чужеземное платье и дорогие украшения.

– Артемисия, о чём ты говоришь! О какой свадьбе может идти речь? Мой опекун, дядя любимый, придумает тысячу предлогов, чтобы не выдавать меня замуж. Зачем ему хлопоты!

– Но ты сама сказала, что на тебе одеяния были вроде как варварские. Вот и отправляться тебе в чужие края, туда, где все носят такую одежду и украшения.

Миртала соскочила с кровати и побежала, как была обнажённая, по комнате, размахивая руками, будто раненая птица. Кричала:

– Не хочу! Не желаю замуж за варвара!

Няня, широко расставив руки, поймала воспитанницу и, чтобы утихомирить, начала гладить по голове, шептала нежные слова. Миртала с усилием вырвалась из её объятий и села на пол, поджав ноги и упрямо сжав губы.

– Постой, а как ты объяснишь мои полёты во сне?

Артемисия, собрав добрые морщинки у глаз, улыбнулась:

– Очень просто, милая: полёты во сне подтверждают твоё скорое замужество, а мужем будет царь в чужой стороне. Рядом с царём ты будешь царицей, потому что чем выше в полёте ты поднималась во сне и видела себя выше людей на земле, тем больше возвысишься ты над ними в замужестве. Потому что царская власть выше удела простого народа. Летать на крыльях – одинаково к добру для всех, кто ждёт освобождения. У тебя это будет освобождением от опеки дяди твоего, царя Аррибы.

Увидев, что воспитанница успокоилась, няня улыбнулась и с радостью в голосе произнесла:

– Сон твой к добру, милая девочка! А теперь послушай, о чём весь царский двор жужжит, как растревоженный улей с пчёлами. Одна ты в неведении.

Миртала резко встала.

– Что я должна узнать? Говори немедленно!

– Ночью из Македонии прибыл гонец с письмом: македонский царь Филипп просит твоего дядю отдать тебя ему в жёны...

В глазах Мирталы заметались злые огоньки, которых Артемисия всегда боялась.

– Ах, обманщица! Вот почему ты разгадала мой сон!

Артемисия запричитала:

– Зачем обижаешь свою няню! Я желаю только добра тебе! Да, я первая узнала о гонце Филиппа, но сон твой – вещий! На всё есть воля богов – и ты их промысел!

Артемисия всхлипнула от обиды, и Миртала тут же прижалась к ней. Через время обе успокоились. Миртала первая прервала молчание:

– Конечно, я думала, что когда-нибудь выйду замуж. Но не за македонянина, пусть он будет даже царь! Няня, ну почему дядя решил отдать меня за Филиппа? Я истинная эллинка, а он, я слышала, дикарь.

– Увы, моя девочка, придётся смириться. Такова воля твоего опекуна.

– Но я совсем не знаю Филиппа! Я должна принадлежать мужчине, которого совсем не знаю? Он мне уже сейчас противен! – из глаз Мирталы продолжали сыпаться гневные искры.

– Ой, моя красавица, разве чувства – главное в женской доле? Вспомни, кто ты есть! Прости меня, старую няню, но ты сирота обездоленная, дитя бесправное, и так будет, пока не обретёшь мужа...

А станешь женой Филиппа – вот ты и царица! Вслушайся – царица! А муж твой будущий, говорят, красавец! Он храбрый воин – не даст тебя в обиду. Не спеши с возражениями!

Няня опять прижала к себе воспитанницу, успокаивая её и взраумляя.

– Когда ты была совсем маленькая, я пела тебе бавкалемату, детскую колыбельную песню, о том, какой будешь ты царицей. Тебе эта песня очень нравилась. Так почему же сейчас ты сомневаешься, что я желаю тебе счастья? Да, ты не знаешь Филиппа, не любишь его. Но это потому, что ещё не познала его как женщина и он тебя не познал. Так бывает всегда с девушками. Любовь женщины к мужу таится глубоко в недрах её собственного сердца, и эта любовь будет неведома тебе до определённого мгновения в замужестве. Придёт время – и ты полюбишь мужа, захочешь рожать от него детей и тогда будешь любима, значит, по-женски счастлива.

– Но когда я читала стихи Сапфо, поняла, что настоящая любовь случается только один раз. Когда девушка встречает своего мужчину, которого подскажет её собственное сердце. Остальное не любовь, а подделка!

– Миртала, дорогая, я говорю о замужестве, а не о какой-то чепухе, которую воспевают поэты вроде твоей бесстыдницы Сапфо. Только беспутные жрицы Афродиты могут толковать о какой-то необыкновенной, страстной любви! Если девушка выходит замуж, она обязана любить мужа. Пусть не сразу это произойдёт, но со временем! – Артемисия заговорщицки подмигнула Миртале. – Поверь моему опыту, женщины в супружестве могут обходиться и без горячей мужской любви.

Увидев, что воспитанница проявила интерес, няня воодушевилась:

– Представь себе, ты станешь царицей всех македонян, бедных и богатых, крестьян и князей. Тебе придётся властвовать над людьми. Но при всей власти над ними ты будешь подчиняться мужу своему. Тебе придётся умерить свою горячность, принизить гордыню – а она у тебя излишняя, сверх меры! В замужестве будешь благоразумной в поступках, но деятельной – и тогда с тобой ничего плохого не случится. Муж твой оценит твоё усердие, окружит тебя любовью и своей привязанностью. Будет делать тебе дорогие подарки.

Голос у Артемисии неожиданно задрожал, она всплакнула и достала из недр одеяния крохотную амфору из серебра. В ней храни-

лась целебная анисовая настойка, прописанная придворным лекарем-фармакопеем в качестве поддержки больному сердцу и при волнениях души. Сейчас как раз тот случай!

Увидев слёзы няни, Миртала прижалась к ней, стараясь не расплакаться самой. Вволю излив чувства, обе успокоились. Слёзы высохли. Миртала засыпала Артемисию вопросами: каков Филипп по обличью своему, сколько лет ему. Артемисия, довольная тем, что выполнила поручение Каллиппа – это было именно так, – неспешно поведала обо всём, что поутру узнала от царского советника. Няня рассказывала, от возбуждения всплёскивая руками, а Миртала слушала, уносясь в мир девичьих грёз...

Память детства

Неужели наступил день, который в последнее время представлялся Миртале вовсе не печальным событием, а освобождением из-под унизительной опеки подозрительного и невероятно скупого дяди Аррибы? Неужели пришло время проститься с привычными вещами в родном доме и с Эпиром и начать, вот так – вдруг, совершенно иную жизнь, неизведанную, полную непредсказуемых событий?

Миртала называла комнату, которую отвёл для неё во дворце дядя Арриба, птичьей клеткой. Здесь «птичку» кормили и поили, но покинуть гименей без разрешения опекуна было невозможно. В последние годы дядя не позволял племяннице заводить себе даже подруг из знатных семей придворного окружения.

Взгляд упал на туалетный столик: вот любимый перстень из агатеса, подарок матери. Она купила его для Мирталы у заезжего финикийского купца в тот день, когда узнала, что дочь из подростка превратилась в девушку, стала взрослой. Купец сказал, будто агатес приносит счастье. Может, это и есть её счастье – сочетаться браком с царём Македонии? Миртала дорожила камнем как памятью о матери. Ещё у неё есть небольшая тарелочка для косметических мазей, крохотный ножичек с рукояткой из кости и поясная пряжка из позолоченной бронзы. Всё, всё в этой комнате знакомо и дорого! Как же бросить эти милые вещички и уехать вдруг навсегда?

Вот картина на стене, изображавшая встречу Диониса с пиратами. Пираты захватили его, не зная, что он бог. Дионис не открылся им, а когда корабль направился в море, свершилось чудо: по палубе заструилось вино, на парусах проросли виноградные лозы, на мач-

тах развесились диковинные фрукты, а корабельные уключины для вёсел оказались увитыми гирляндами из цветов... Только тогда пираты поняли, что пленник непростой, и перепугались, стали униженно просить у Диониса прощения. Но было поздно: на палубе появились хищники и растерзали пиратов; некоторые из них успели выброситься в море, превратившись в юрких дельфинов... Этот эпизод художник изобразил на картине.

Когда отец пригласил художника и спросил дочь, что она хочет видеть на картине, Миртала не сомневалась: «Диониса». Для неё он представлялся прекраснoliким юношей с пронзительными голубыми, как небо, глазами и светлыми, словно лучи солнца, кудрями, с небольшой бородкой на пышущем здоровьем лице. Дворцовый жрец-прорицатель объяснил девочке, что имя Дио-Нис означает «Бог с горы Нис». По воле злой судьбы божественный малютка оказался в Индии на горе Нис, где прошло его детство. Когда Дионис вырос и стал богом, он научил людей растить виноградную лозу и делать вино, веселящий сердце напиток, прогоняющий заботы и страдания. Эллины называют бога именами Влага Вина, Небесная Влага, Живительный дождь, Изначально Оплодотворивший Землю. Жертвенные приношения посвящают Дионису-Одождителю, после чего небесные потоки увлажняют землю, давая рост всевозможным злакам, деревьям и травам. Одним из символов Диониса является змея на посохе – эмблема здоровья, за это бога называют Змеями Увенчанный, Змеевидный. Имена эти почитают наравне с именем Диониса.

С тех пор как девочка Миртала себя осознала, она начала чувствовать необъяснимое влечение к Дионису, словно к божественному жениху. По этой причине она перестала бояться змей, часто подбирала их маленькими, кормила, приручая к рукам, как делали взрослые жрицы культа Диониса, бесстрашно целовавшие их в разящие смертью пасти. Миртала замечала, что вся трепещет от одного вида неуловимого изящества змей и мистической таинственности застывших в неподвижности глаз. Со стынувшим благоговением она пробовала прикоснуться щекой к прохладной змеиной коже, осознавая, что это её не страшит, а, напротив, даже нравится...

Миртала выросла, заполняя пребывание в эпирском дворце феишиами избранного культа. Повсюду висели виноградные лозы или, в соответствии с временем года, – густые нити вечнозелёного плюща. Разлапистые ветки сосны с шишками фаллического вида занимали немало места в дворцовом гинекее. Но особенно девушке было по душе

общение с ручными змеями – длиной до шести локтей, толстыми и недовольно шипящими питонами. Днём они позволяли хозяйке прикасаться к своей мраморовидной толстой коже, при этом осторожно обвивали хрупкое девичье тело. По вечерам змеи отправлялись на отдых в большие ивовые корзинки с плотными крышками. Возможно, питомцам Мирталы нравились ее ласки. Артемисия однажды подсмотрела: перед тем как вытащить змей из убежища, она окуривает их дымом каких-то благовоний, и те сразу становятся вялыми, безразличными ко всему. Это похоже на состояние змей, опоздавших по какой-то причине забраться поглубже в нору в осеннюю пору, на зимовку.

Миртала иногда чувствовала сильные головные боли. Лекарь предлагал свои настойки, няня уговаривала «прибить головную боль к ясеню или осине»: с больной головы надо было срезать прядь волос и прибить её к дереву. Миртала отмахивалась от советов и обвязывала вокруг лба сброшенную змеиную кожу. Помогало!

Девочка слышала от женщин о чудесном острове Самофракий, где совершались священные мистерии в честь Диониса. Повзрослев, она поняла, что очень хочет побывать там, окунуться в священную мистирию и стать одной из менад, «безумствующей в вере». Постепенно желание превращалось в страстное нетерпение. Неокрепшая душа подростка рвалась из стен гинекея, устремлялась к познанию культа Диониса. Остров Самофракий стал желанной мечтой Мирталы...

* * *

Голос Артемисии вернул её в действительность:

– А почему ты говоришь мне, что не знаешь Филиппа? Вспомни юношу, которого встретила во время праздника Диониса на Самофракии! Сколько лет было тогда тебе? Немногим больше двенадцати.

Остров Самофракий

Отец Мирталы, царь Неоптолем, уступил настойчивым просьбам любимой дочери, разрешил посетить известное в Греции святилище на острове Самос Фракийский, или Самофракий. С девочкой отправили двух молодых служанок и дальнюю родственницу из небогатой, но знатной семьи молоссов, Артемисию, в прошлом кормилицу, теперь заботливую няню. Ей можно было доверить избалованную вниманием родителей дочь.

Особенно запомнилось девочке плавание по беспокойному морю. Ветер налетел внезапно и чуть не наделал беды, несмотря на

то, что кормчий в начале пути бросил в море бронзовую чашу в дар Посейдону. Небольшое торговое судёнышко неуклюже моталось с борта на борт, зарывалось тупым носом в иссиня-зелёную волну и, казалось, вот-вот утонет. Мирталу, как и многих пассажиров на корабле, сразу укачало. Тошнило и не хотелось жить. Наконец сквозь дрожащее полуденное море на горизонте возник остров. Ближе Самофракий был похож на огромное чудовище, которое опустило в море лохматую морду, оказавшуюся мрачной скалой. Над всем островом возвышалась священная гора Саока.

В глубокой древности несколько сотен греков с перенаселённого острова Самос перебрались на пустующий незнакомый остров возле побережья Фракии, организовали поселение. Поскольку многое на новом месте напоминало покинутую родину, переселенцы тоже называли остров Самосом, но Фракийским. В прибрежных водах сбивались в огромные косяки всякие рыбы, густо росли сосны, горы состояли почти целиком из мраморов ценной цветовой гаммы. Затем люди, поколения за поколениями, бездумно изводили рыбные запасы, вырубали лес на строительство домов и дрова, добывали мрамор, обезображивая горы глубокими карьерами. Наконец Самофракий обезлюдел, но вскоре на нём стали селиться жреческие касты разных верований – фригийской Кибелы и греческих богов – Деметры, её дочери Персефоны и Диониса – Вакха. С тех пор дважды в год, весной и осенью, со всех концов Эллады на Самофракий стекались тысячи паломников. Экзальтированные истинной верой, греки предавались безумствам в священных мистериях, обретая божественное вдохновение – энтузиазм. А когда паломники возвращались к своим домам, они рассказывали о творимых здесь чудесах, добавляя славу острову как священному месту обитания богов.

Миртала прибыла на остров для участия в религиозных торжествах в честь обожаемого ею Диониса. Высадившихся с кораблей паломников встречали местные жрецы и жрицы. Они распределяли их на мужские и женские группы. Было много таких, кто впервые посещал остров, а среди них – появившиеся здесь из праздного любопытства, как например, Филипп, который недавно вернулся из Фив. Его сопровождали два друга, одинакового с ним возраста. Юношей привлекли рассказы мужчин, посетивших остров во время мистерий, когда происходит немало удивительного. Говорили, что, участвуя в вакхических оргиях, можно обрести некоторый опыт общения с доступными жрицами Диониса.

У подножия священной горы, где в древности был установлен каменный алтарь, служительницы культа Диониса начинали первое действие праздника. Миртала находилась среди паломниц, наблюдавших с благоговением за действиями старшей жрицы в чёрном облачении, с головным венком из ветвей плюща. Она возложила на алтарь цветы и фрукты, из небольшого керамического сосуда пролила несколько капель вина. Затем низким голосом поведала историю жизни и смерти бога. Миртала слушала жрицу и паломниц, которые рыдали по поводу трагичных событий в жизни младенца Диониса.

...Мать Диониса, фиванская царица Семела, погибла в пожаре по вине Зевса, своего возлюбленного. Пришлось Зевсу донашивать Диониса в собственном бедре...

Иногда голос рассказчицы возвышался, срываясь в крике, и тогда воздух вокруг насыщался страстными эмоциями паломниц.

...Титаны разорвали младенца Диониса, а из пролитой крови выросло гранатовое дерево с крохотными кроваво-красными цветками...

Мирталу постепенно окутывало состояние транса. Сердечко стучало чаще, чем обычно. Она почувствовала, как грудь её стеснило – не хватало воздуха... Артемисия вовремя заметила, крепко взяла её за руку и вывела из взвинченной толпы. В стороне девочка не слышала, как жрица оповещала паломниц о возмужании бога и славных деяниях во благо людей.

Страдания по Дионису

Филипп и два его друга примкнули к небольшой группе мужчин, впервые прибывших на праздник с разных концов Греции. Как «непосвящённые», они не принимали участия в религиозных таинствах. Но каждый при желании мог стать мистом, то есть «обладающим знаниями тайных обрядов», что позволяло быть допущенным к участию в священных оргиях. Для этого следовало пройти определённые процедуры совершения сложных обрядов и непростых ночных бдений.

Во главе сформированной из «новобранцев» мужской процессии – тиаса – появился один из распорядителей праздника – экзарх, седовласый и худой аскет с глубоко сидящими тёмными и, казалось, безумными глазами. Он всё время обращался к Дионису, называя его именем Вакх, заставляя паломников громко повторять за ним:

– Э-Вакх!

Вместе они пришли к поляне, на краю которой Филипп увидел возвышенную площадку, похожую на театральную сцену. На ней по знаку экзарха актёры разыгрывали телестерию – постановку мифологических историй из жизни бога. Действие сопровождалось громкими восклицаниями исполнителей, пронзительным пением и резкими телодвижениями. У участников спектакля на лицах были деревянные маски, некоторые, изображая сатиров, спутников Диониса, нарядились в чёрные козлиные шкуры. У них имелись не только рога и хвосты, но ещё гротескные фаллосы из красной кожи. С фаллосами, болтающимися между ног, огромными животами и задками из подушек исполнители выглядели несуразно и поэтому комично, веселя зрителей, пытавшихся смотреть на действо с серьёзными лицами.

Филипп смеялся вместе со всеми. После представления он угадал, кто был главным из актёров – самый пожилой, кто усталым голосом давал указания остальным, вытирая со лба пот несвежей тряпицей. Юноша спросил у него:

– Уважаемый, почему в вашем представлении о жизни и смерти бога вы показываете весёлые действия?

Актёр не ожидал вопроса. На морщинистом лице, с маленькими пронзительными серыми глазками и жиденькой бородкой, изобразилось удивление.

– Ты, юноша, кто будешь?

Услышав, что отец Филиппа – царь и прибыл он из Македонии, актёр широко улыбнулся.

– Мой юный друг, позволь так тебя назвать, когда актёры показывают трагедию, они стараются играть, чтобы зрителя преследовал страх за свою жизнь, если он нарушает законы богов. А в комедии смех – главное, он выступает как эмоция, выражающая радость и полноту жизни. Ты не будешь отрицать, что Дионис после смерти воскрес? Тогда зачем печалиться? Дионис снова с нами – радуйтесь, люди!

Филипп не удержался, возразил – в нём сидел заядлый спорщик:

– Но зачем смеяться над богами? Боги выше людей: только им дано право судить смертных. А так вы можете разгневать богов.

– О, юноша, боги не гnevаются по пустякам. Гомер говорил, что на Олимпе бессмертные боги сами веселятся и смеются беспрестанно. Выкидывают такие штуки – обхохочешься, поэтому всегда находятсЯ в блаженном состоянии. А люди только у богов и научились ве-

селиться и смеются теперь, даже если им очень трудно жить. Когда люди смеются над богами, им кажется, что они становятся равными с ними, потому что им в жизни приходится много лить слёз.

Было видно, что старому актёру приятно общение с юношей, которого заинтересовало его искусство. Он продолжал с ним разговаривать, хотя другие актёры уже покидали площадку:

– Иному кажется, что мы на сцене зря бегаем, навесив на себя фаллосы. А что есть безобразный, на первый взгляд, фаллос для актёра? Он всего лишь символ оплодотворяющего или рождающего начала жизни, и всё! Ибо похожее слово «фаллус» не зря у нас, греков, означает олицетворение времени года – когда всё распускается и цветёт. И если на сцене мы изливаем брань, то это совсем не ругань, а когда машем кулаками, изображая драку, – мы не кривим душой, а лишь копируем реальные житейские ситуации.

Старый актёр увлёкся разговором с юношей, стал жестиковать, словно на сцене исполнял первую роль, глаза загорелись менторским задором:

– В комедии мы насмехаемся не над людьми, а над пороками их души и тела, которые разоблачаем во время актёрского действия. А переодевание да обнажение частей тела у зрителей вызывают лишь беззаботный смех и веселье. Слышишь, юноша, без забот! Ведь смех есть оберег от тёмных демонов, нечистой силы и злых людей. Смотри! – актер сложил пальцы в кукиш и задорно потряс перед лицом Филиппа. – Что сей жест изображает? Не знаешь? А это есть фигуральное изображение соединения женского и мужского начала.

Филипп при виде большого актёрского кукиша расхохотался. Актёр вслед за ним тоже не удержался, долго рассыпался тихим смешком, невольно утирая слезу. Успокоившись, завершил:

– Тебе, юноша, простительно многое не знать – ты молод. Но актёры знают всё, что творится на земле и на небе, и поэтому смешат народ, изображая веселье на сцене.

Они ещё посмеялись вместе, заражая своим настроением стоявших рядом людей, с интересом поглядывавших в их сторону, прислушивавшихся. Наконец актёр попрощался с ним и поспешил к своей группе.

Неожиданно мимо Филиппа прошла группа паломниц, среди которых он заметил хрупкую девушку с волосами цвета спелой пшеницы; подростка, о чём свидетельствовали бугорки груди, проглядывавшие сквозь ткань. Бледное лицо с большими глазами, рас-

пахнутыми миру, выражало одухотворённое удовлетворение от всего, что происходило здесь. При этом она выделялась в обезличенной религиозной толпе едва уловимой величественной осанкой и походкой. Так ведут себя только царственные особы.

Филипп затеял «про себя» игру – разгадать, кто она. Но его, казалось, безвинное занятие – разглядывание девушки с головы до ног – привлекло внимание её спутницы, пожилой женщины. Она с суровым выражением лица заслонила дородным телом свою спутницу, давая понять, что юноша выходит за рамки дозволенного. Филипп отвернулся, сотворив безразличие на лице, а когда вновь посмотрел в ту сторону, девушку не обнаружил, как и её охранительницу. Огорчаться он не стал, считая этот случай небольшой потерей в череде непривычных глазу событий священного праздника.

Но через некоторое время Филипп снова увидел незнакомку, когда перебрался на другой конец острова. На этот раз она была в эксомиде – белой тунике, с обнажённым правым плечом. Видимо, поэтому девушка показалась ему лесной нимфой, и этим она ещё больше привлекла его внимание; вместе с другими девушками, одетыми таким же образом, она пела нежным голосом, устремив взгляд в неземную даль. Филипп разобрал слова:

– Зевс в определённый Мойрами срок родил бога с рогами быка и увенчал его змеями, отчего и менады вплетают в волосы змей. Слава, Дионис воскресший!

Девушки образовали круг и начали медленный танец, держа в руках ивовые решёта. Их гибкие тела плавно раскачивались из стороны в сторону. Продолжая танцевать, одновременно каждая извлекала из своего решета небольшую живую змею. Две девушки, вероятно, впали в транс, выкрикивая неразборчивые слова. Подошла жрица, руководившая обрядом, наклонилась, прислушалась и объяснила, что «через них говорит Дионис, он требует жертвы»... Несколько взрослых жриц-менад с яростными выкриками впились в змей... зубами и в мгновение растерзали на куски... Жрица объяснила, что так менады «насыщались божественным телом бога» и теперь «бог присутствует в них»... Действие закончилось тем, что служители храма принесли в амфорах священное вино – дар от Диониса, и кто пил его, понимал, что «поглощает не вино – а кровь Диониса, чтобы частичкой бога приобщиться к бессмертию»...

Филипп хорошо рассмотрел незнакомку, тем более что её толстая охранительница не замечала его. Она следила за своей подопечной.

Чем дольше юноша смотрел на загадочную «нимфу», тем больше его заполняло непонятное состояние, явно не похожее на праздное любопытство. Но пока он разбирался в своих неведомых ранее чувствах, девушка потерялась из виду. И вновь праздничная суэта охватила Филиппа, закрутила и увлекла мощным потоком древней мистерии по поводу страданий бога Диониса...

Взятие на лоно

На острове Самофракий заметно стемнело. Часть женщин-паломниц столпились у отвесной скалы рядом с узким лазом в священную пещеру. По замыслу устроителей мистерии, здесь свершается один из самых таинственных обрядов культа Диониса – посвящение в «невесту бога»: пополнение новых служительниц. Местный жрец объяснил, что означает символ пещеры для культа Диониса:

...Пещера – не произвольная пустота в горе, а божественное укрытие сына Зевса и смертной женщины Семелы. Согласно легенде, нимфы Нисейской долины спрятали самого младшего из олимпийских богов в пещере, укрыв его от злых сил, посланных мстительной Герой. Ведь имя Диониса – от названия пещеры, расположенной от Финикии вдали и вблизи от течений Египта...

...Пещера – храм, сотворённый природой, где не существует времени, ночь и день там не отличаются друг от друга, отсутствует суэта. Пещера похожа на материнское лоно Земли, она есть вместилище, представляющее собой и место рождения, и могилу, то есть начало и конец всякого бытия. Она является местом соединения нескольких миров, заключения брака между Землёй и Небом...

...Пещера внутри горы — нечто женское, спрятанное и закрытое, при том, что Гора — мужской символ, видимый и внешний. Гора представлена треугольником, направленным вверх, а пещера символизируется женским, направленным вниз треугольником. Войти в пещеру, пройти в неё через лаз, означает вернуться в лоно Матери Земли, преодолевая многие опасности. Здесь совершаются обряды посвящения, это место встречи божественного с обычным человеческим, если человек входит сюда, словно в могилу, чтобы родиться для новой жизни, и тогда его душа увидит дневной свет...

...Пещера – обитель призраков древних монстров, сокрушённых Зевсом под землю за нежелание покориться Всесильному богу. Они стремятся вырваться наружу, прорваться на свободу и завоевать

весь мир. То есть пещеры символизируют ящик Пандоры, охраняющий мир от зла. Чтобы убедиться в этом, человеку нужно долго пробыть в пещере или зайти туда не вовремя; тогда он увидит неясные тени, услышит таинственные голоса...

Отправляясь на Самофракий, ещё в Эпире Миртала узнала от придворного жреца содержание таинственного обряда под названием «взятие на лоно» и теперь, несмотря на некоторые познания, с душевным трепетом и даже опаской ожидала свершения своей мечты.

С небольшими промежутками во времени женщины подходили к входу в таинственную пещеру и после того, как оттуда появлялась очередная «посвящённая» с просветлённым лицом и блуждающей улыбкой, протискивались вовнутрь. Им помогали служители культа – неокоры – с горящими факелами. Подошла очередь Мирталы. Девочка легко проникла в пещеру, освещённую мерцающим светом трёх факелов. Пределов пещеры видно не было. Подошла жрица, державшая в руках змею длиной не менее чем в три локтя; тварь широко раскрывала пасть, словно зевала, но девочка не испугалась. Она ожидала чуда. Жрица оттянула на груди у неё хитон и в образовавшееся пространство ловко запустила змею. Обжигающий холод скользнул по обнажённому телу, сверху вниз; потом появилось ощущение, будто жар вспыхнул внизу живота,... и так же внезапно исчез.

Жрица подхватила выпавшую из-под хитона змею, следом кто-то за спиной, невидимый в темноте, высыпал на голову Мирталы маленькие фигурки из запечённого теста – содержимое священной корзины, лихниона, – изображавшие фаллос в виде изогнутых змей. Миртала вспомнила слова, которые она должна произнести, как напутствовала её Артемисия; голос девочки прерывался от волнения:

– Лоном я покрывная по воле царицы подземной...

Наконец Миртала оказалась вне пределов пещеры и попала в объятия встревоженной Артемисии. Свершилось! Лишь сейчас девочка осознала произошедшее: «взятие на лоно» в священной мистерии Диониса означало, что теперь она допущена участвовать в празднествах в качестве жрицы, невесты бога, она «посвящённая»... Миртала ещё долго продолжала ощущать на себе пронзительный холод шершавой кожи священной змеи, её прикосновение к пылающему девичьему лону. По внутреннему состоянию, она, как и остальные женщины-мисты, восприняла новое чувство едва ли не как совокупление с любимым божеством. Она услышала громкий призыв старшей жрицы:

– Дионис, во Вселенной ты мой бог! Я часть Вселенной, как и ты, тогда ты – это я. Где пребываешь ты, там постоянно нахожусь я. Я во всём, и ты меня собираешь своей волею, а собирая меня – ты собираешь себя...

В свете ярко горевших в ночи факелов Миртала видела счастливые лица других «посвящённых», которые громко повторяли за жрицей её слова. Девочка тоже присоединилась к общему хору, вызывая к богу:

– Светоч ночей, Дионис лучезарнейший, пламенноликий, явись ко мне, к своей невесте!

Жрица подала Миртале горящий факел, пламя которого слилось в общее зарево; жрица прокричала ей на ухо:

– Огонь твоего факела есть мужской бог, являющийся в пламени и тем проникающий в лоно богини Ночи...

Дальнейшая ночь на священном острове показалась девочке чудесной сказкой, видения которой она ещё долго вспоминала по возвращении в Эпир.

* * *

Филипп, переодевшись в белый хитон, как требовал ритуал праздника, примкнул к отдельной процессии, направлявшейся к храму Диониса. Перевоплощение произошло с молодым человеком не только внешне. Поддавшись всеобщему религиозному настроению, он внезапно почувствовал потребность прикоснуться к таинствам культовых ценностей, забыв о легкомысленном замысле своего посещения Самофракия. Набравшись впечатлений, неприметно для себя он становился частью огромной религиозной процессии, что кружилась по острову от одной святыни к другой. Женщины и мужчины шли в факельном свете, каждый в своей феории – группе, в сопровождении служителей храма. Иногда пути их пересекались, и тогда приходилось пропускать группу или они проходили параллельными потоками. У Филиппа появлялась возможность разглядеть лица «соседей», и в глубине души он надеялся ещё раз встретить «ту самую незнакомку».

Люди медленно продвигались в тесноте, при этом не чувствуя неудобства или беспокойства, осознавая лишь собственное состояние погружения в обрядность дионисийства. Они осторожно ступали по камням, стараясь не оступиться на тропе в опасной близости с глубоким ущельем, мимо которого проходила процессия. И когда шли под нависшими над головами скалами, тоже было не легче. Но никто ничего не боялся, так как знали: бог с ними...

Из-за ближайшей горы выглянул серебряный диск луны – хороший знак! Мир вокруг залился магическим светом. Миртале показалось, что она в стране грёз, среди чародеев, показывающих чудеса. У девочки резко обострились обоняние и слух – ей казалось, что воздух вокруг был насыщен чудесными цветочными ароматами, совсем рядом чудились голоса ночных птиц, всплески реки в невидимом ущелье, шорох листвы деревьев из окружающего леса...

Миртала вдруг заметила юношу, в упор смотревшего на неё. Взгляды встретились. Она успела разглядеть округлое лицо, обрамлённое короткой юношеской бородой. Обычно таких молодых людей женщины называют красавцами. Но девичье сердце при виде его встрепенулось не сильнее, чем при обычном любопытстве. Мгновение, и она безо всякого интереса отвернулась к Артемисии.

Няня узнала молодого человека. Её возмутила настойчивость, или даже назойливость, с какой он преследовал Мирталу. Поэтому Артемисия решила покончить с этим. Незаметно от подопечной она отослала к юноше служанку, поручив передать ему своё возмущение.

Когда служанка вернулась, няня девочки узнала, что юношу зовут Филипп и что он сын македонского царя. Вполне воспитанный молодой человек, не замышлявший ничего плохого в отношении её воспитанницы. Обычное, ничего не значащее любопытство! Но Артемисия представила, какой неприятностью могут обернуться дальнейшие попытки этого царского отпрыска ближе познакомиться с Мирталой. Поэтому решительно увела её прочь, от греха подальше, прикрывая собой воспитанницу, будто львица беззащитное дитя.

А Филипп успел узнать от молодой болтливой служанки всё о юной госпоже, что было ему нужно...

Явление Вакха

Любопытствующая луна, добросовестно освещавшая всё это время подвластное ей пространство острова, будто потеряв интерес к происходящему, внезапно скрылась за ближайшим хребтом. Но окончательной победы мрака над светом не случилось, поскольку праздник продолжался в колышущихся отсветах факельного шествия. Окружающие скалы отражали мятущееся пламя, которое устремлялось вверх, чтобы упереться в низкие ночные облака, где оно превращалось в чудовищных персонажей из древних легенд и мифов. Красочное праздничное священнодействие, насыщенное

возгласами жрецов и ночными звуками окружающей природы, колеблющимся светом костров и факелов, капля по капле проникало липким туманом в сознание тысяч паломников, настраивая каждого на непрерывное повиновение религиозно возбуждённой толпе единомышленников.

Филипп, как и его македонские друзья, тоже попал под всеобщее настроение, оказавшись в положении неплохого пловца, попавшего в стремнину общего потока мыслей, слов и действий блаженных от счастья людей. Он не стал сопротивляться новому чувству, это состояние ему нравилось, отчего безропотно устремился за теми, кто искал вдохновение в боге. Юноша не мог знать, что жрецы и вместе с ними экзальтированные верующие погрузились в религиозный транс больше по причине того, что до начала мистерий долго держали строгий пост и употребляли в пищу лишь один киксон – смесь муки, воды, перебродившего мёда и вина и чего-то ещё, притупляющего живой разум нормального человека. Некоторые долго вдыхали дым от тлеющих ветвей лавра, священного дерева Аполлона. В подобном состоянии все они могли входить в мир божественных существ, общаться с ними, вызывая их на разговор и откровения.

Филипп не был «посвящённым», не соединялся с богом через мистерии, но он попал под влияние всеобщей экзальтации. Ему показалось, что он тоже стал слышать глухие ворчания и шёпот незримых духов, присоединившихся к участникам мистерии. Томление в членах тела внезапно овладело им, его охватил восторг, мозг сверлила мысль: «Я покорён Дионисом... Бог внутри меня. Весь окружающий мир, необузданная Природа и Космос сосредоточились во мне, и во мне происходят удивительные изменения, разнородные и приятные – и я перестаю быть собой...»

Он стал одним из них, участников мистерий, был вместе с ними, подменив собственные мысли, страдания и желания их чувствами... В его сердце поселились вожеления и помыслы людей, с которыми он влился в праздничное священнодействие... Его собственная душа делилась на мельчайшие части, рассеиваясь по воздуху над священным островом, становясь достоянием бога. Это не был уже сильный македонский юноша, который ещё вчера с беспечным видом ступил с корабля на прибрежные камни Самофракия...

Но Филипп обладал сильным характером, не позволившим ему сдаться. Внутри его сильного тела тихо закипало раздражение. Он нашёл в себе силы отделиться от бурлящей страстями толпы. Этого

оказалось достаточно, чтобы освободиться от наваждения. Протиснувшись к краю огромной поляны, свободному от паломников, Филипп пришёл в себя, получив возможность наблюдать за происходящим со стороны, пока окончательно не сбросил с себя неудобное чувство несвободы.

* * *

Прохладные дуновения ветра известили всех, что близилось утро. Вскоре раннее солнце позолотило горные вершины острова. Паломники нестройными колоннами, группами и в одиночку устремились по дороге, замощённой плоскими камнями, вниз, в долину, где размещался древнейший в Греции храм Диониса. Филипп тоже направился в ту сторону, предполагая увидеть значительное и яркое зрелище.

Храм возвышался на платформе из огромных тёсаных камней, потемневших в течении ушедших столетий. По фасаду разместился ряд массивных дорических колонн. Крыши у храма, как и у множества греческих святилищ, не было, поскольку бог, находясь внутри собственного жилища, должен иметь возможность общаться с другими богами. Вход в храм ориентирован на восток, чтобы божество видело восходящее солнце.

Лучи солнца брызнули на бронзовые двери храма – Гелиос будил Диониса. Солнце поднималось выше, захватывая в тёплые объятия всю округу. Сейчас произойдёт чудо! Запел незримый хор, зазвучали гимны с восхвалениями несравненного бога. Двери храма отворились, и главный жрец-экзарх, поднявшийся на возвышении, произнёс в тишине, какую только способна была удержать многотысячная толпа:

– Я спешу обрадовать вас, эллины: Дионис видит и слышит нас! Он говорит, да будут счастливы те, кто пришёл ко мне, чтобы вместе заново возродиться после страданий земной жизни, очиститься от греховной суеты! Дионис говорит вам, эллины, возрождайтесь в этот час! Испейте от источника божественного света сполна, от того, кто пришёл к вам из темноты!

Экзарх продолжал с упоением, словно его устами владел сам бог:

– Мисты, мужчины и женщины, посвящённые служению Дионису, – радуйтесь! Возрадуйтесь все, кто много страдал в своей жизни, и не огорчайтесь, вспоминая бога! Кто борется со злом и темнотой, продолжайте дело, а кто устал бороться, снова возродитесь для новой жизни сильным и здоровым, с чистой душой и светлыми помыслами!

Дионис передаёт вам наставление: «Благодатное Солнце пусть засияет в сердцах верующих; но это Солнце не есть солнце смертных – оно чистейший свет меня, идущий от меня, вашего бога! Я – Великая звезда всех посвящённых!»

Его слова были понятны людям, ибо они желали слышать именно их от бога. Люди воспринимали экзарха, будто говорил с ними сам бог:

– Силою пережитых вами жизненных страданий и тех усилий, что привели вас ко мне, своему богу, вы повергнете любого врага. Верьте мне, эллины! Но победы вы добьётесь, если только вера ваша в божественное слово будет крепка! После тёмной ночи всегда приходит день, темнота насилия сменяется свободой в свете бога Диониса. Но если здесь сегодня затесались злые и богопротивные люди, они будут уличены Дионисом и жестоко наказаны, так как бог умеет не только вознаграждать, но и казнить! Злых людей поразит ужас, а неугодных богу настигнет смерть! Пусть свет, который Дионис зажжёт в ваших сердцах сегодня, освещает дальнейший ваш земной путь. Пусть поможет он всем страждущим в утешении, в ослабевших духом людей пусть вдохнёт он надежды!

С последними его словами лучи солнца, будто сговорившись, обильным потоком обрушились на долину; ослеплённые светом глаза верующих повлажнили. Экзарх восторженно провозгласил:

– Эллины, призовём Диониса, нашего милостивого и всемогущего бога: пусть остаётся он в наших сердцах, пребывает в нашей любви к нему, в наших слезах и радостях! Любите Диониса, как любят его боги на Олимпе, герои и демоны в безднах! Любите в нём свет, а не мрак! Вспоминайте во время пути к нему о цели, что вывела вас в путь. Ваши души да очистятся в обители света, и лишь чистые и сильные верующие достойны этого света!

С последними словами со всех сторон раздались громкие крики жрецов:

– А теперь воспоём, Э-Вакх! Э-Вакх!

Послышались пронзительные звуки свирелей. Народ, будто выдохнул разом:

– Э-Вакх!

Беззаботная нимфа гор Эхо, которая до сих пор рассеянно прислушивалась к тому, что совершалось людьми в долине, радостно приняла многоголосый окрик и перебросила его, как мяч, ближайшей скале; скала, приняв окрик на грудь, отразила его другой скале, а та – дальше... И пошло, пошло:

– ВАКХ! ВАКХ! ВАКХ! ВАКХ!...

Филипп не удержался и в порыве единения с ревущей толпой, разрываемой священными восторгами, громко кричал:

– ВАКХ! ВАКХ!...

Ему казалось, что голос его, похожий на зов растревоженного весной оленя, достиг родной Македонии и там его слышат. В этот миг он пожелал себе, чтобы его услышала вся Греция!

* * *

Через пять лет Филипп стал царём македонян. В предыдущих браках боги не дали ему наследника. И тогда он вспомнил о девочке из Эпира, юной вакханке с горящими глазами.

Прощание с Эпиром

Следом за посланцем Филиппа, Леоннатом, в Эпире появился доверенный царя Онисим, его дальний родственник; он имел поручение не тянуть с подписанием брачного договора. По этой причине Онисим не спорил с царём Аррибой по мелочам, не настаивал и не торговался по поводу размеров приданого невесты. Но удивился, когда эпирский царь настоял на записи: «Если Миртала вдруг скоропостижно умрёт, деньги, определённые в приданом, должны возвратиться в Эпир». Что ж, греческие законы позволяли подобное требование. Озадачился Онисим и когда Арриба определял размер приданого, хотя тоже не упорствовал, услышав:

– Поступим как велел Солон, афинский мудрец. Он совершенно был прав, когда говорил, чтобы за невестами не давали большого приданого. Он разрешил приносить в дом мужа самое необходимое – хозяйственную утварь, и то небольшой ценности. В противном случае брак может превратиться в подобие доходного предприятия или купли-продажи женщины, а ведь сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость и любовь.

Сказал так и распорядился выдать из казны для царской невесты два таланта (1 тал. = 26,2 кг) серебром, хотя наследованного от родителей имущества за Мирталой числилось в десять раз больше! Ещё разрешил отдать столовую посуду из серебра, подарок Миртале от матери, когда она была жива, и всякой одежды с тканями на двести серебряных драхм (1 др. = 4,3 г), не пожалел и трёх рабынь для прислуги. Арриба был счастлив, когда Миртала решила увезти с собой три большие корзины со своими любимыми питонами. Ещё взяла индийский зонтик с подвижными

спицами для раскрытия, редкий предмет женской гордости и греческой моды. Не забыла Миртала любимую флейту, плагиавлос, к которой прикасалась в минуты грусти или отчаяния.

День свадьбы определял Филипп, причём недолго. Поначалу обратился к жрецу-астрологу, который сказал, что наиболее благоприятным для свершения свадеб был гамилион – седьмой месяц аттического календаря (январь – февраль). Македонского царя гамилион не устроил – долго было ждать, а Филипп торопил событие, ибо намеревался сразу после свадьбы завершить военные действия, связанные им во Фракии. Аррибу его пожелание обрадовало, поэтому договорились, что брак Филиппа и Мирталы будет заключён осенью.

По законам предков невеста отправлялась из родительского дома к будущему супругу в сопровождении отца. Поскольку Миртала росла без отца, сопровождать её должен был царь Арриба, её опекун. По понятным соображениям он отказался, поручив свою миссию Гермогену, дяде Мирталы по материнской линии, с которым она любила общаться. Но оставалось одно испытание – проверка девственности и способности забеременеть. Этого требовали законы предков, и никто не мог противиться этому! С этой целью с Онисимом прибыла Береника, пожилая женщина, потомственная акестрис, повитуха, имевшая большой опыт общения с женщинами из царского рода; Филипп доверил ей испытать невесту.

Береника, оставшись в девичьей спальне вместе с Мирталой и Артемисией, чтобы не напугать девушку, начала с отвлекающих разговоров. Говорила напевно, ласково:

– Тебе, моя милая, повезло: Филипп молод и красив – загляденье. И ты красива. Получается, дети родятся замечательные. Я буду принимать у тебя роды, как делала всегда. Есть у Филиппа врач Критобул, но я не доверю тебя ему, так как женщина не всё может сказать и показать мужчине. Я буду с тобой рядом, когда понадобится...

Говоря всё это, повитуха уверенно обнажила девушку, уложила на постель, поворачивала, как ей нужно было. Удовлетворившись, одобрительно закивала седой головой, опять говорила, так же тихо, уютным голосом:

– Я о Критобуле. Если кто из женщин во дворце страдает скрытым недугом, о котором нельзя рассказать ни мужу, ни врачу, помогаю всегда я. Ещё помогаю женщинам при болезнях, не только принимаю роды или прерываю нежелательные беременности. Хотя не всё тебе сейчас нужно говорить!

Продолжая монолог, Береника готовила Мирталу к новому испытанию – проверке на возможность забеременеть. Она велела с головой завернуть её в одеяло, а под кроватью зажечь благовония.

– Ну, как? – спросила она через время. – Что ты чувствуешь, милая?

От резкого пряного аромата Миртала едва не задохнулась под одеялом, закашлялась.

– Хорошо, хорошо, моя дорогая! – весело откликнулась повитуха. – Если слышишь запах сквозь толстое одеяло, выходит, что ты по природе своей не бесплодна. Такая невеста и нужна нашему царю, – заключила она и поспешила докладывать о результатах осмотра старшему члену македонского посольства Онисиму.

Теперь ничто не препятствовало отъезду невесты из Эпира.

* * *

Наконец, когда численный и качественный состав свиты, сопровождающей невесту, был определён и сформирован, а приданое и дорожные вещи уложены в дорожные тюки, Миртале было разрешено отбыть в Пеллу. В тот день состоялось прощание с царём Аррибой. Дядя хотел показаться добрым, заботливым. Он доверительным голосом высказал племяннице:

– Главное в судьбе женщины – брак, а в браке – рождение детей, для обеспечения непрерывности людского рода. Солон говорил, что жёны нужны элину для рождения детей-наследников, а для развлечения мужчина всегда найдёт гетеру!

Арриба широко улыбнулся, выставив кривые, с жёлтым налётом, зубы. В ответ не услышал от племянницы ни одного слова, в чём усмотрел необычную для неё покорность. Радуюсь этому обстоятельству, поспешил закончить неприятный для обоих разговор:

– Брачный договор с доверенным лицом македонского царя подписан. Я доволен подарком твоего жениха – у меня великолепный жеребец из Персии. Теперь ты должна стать ему подарком от меня, дорогая племянница.

Арриба вновь изобразил улыбку, радуясь собственной неожиданной шутке. Неуклюже прижав племянницу к груди, сделал вид, что поцеловал её в голову, затем подтолкнул к выходу, давая знать, что прощание завершилось.

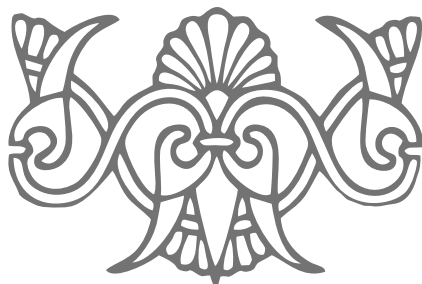
* * *

Проезжая на колеснице по скверной дороге в направлении Македонии, Миртала невнимательно слушала негромкое журчание слов Артемисии, сидевшей рядом, и почти не обращала внимания на

жёсткие толчки от выбоин и кочек, то и дело попадавших под колёса. Два коня в упряжке дружно тянули не слишком тяжкий для них груз – двух женщин, а всё приданое направлялось караваном из десятка медлительных ослов, следовавших за ними в сопровождении погонщиков и слуг. В караване везли малолетнего брата Александра. Опекун не стал препятствовать его отъезду, даже сказал Миртале, что братику будет лучше с ней, чем если ему оставаться в Эпире со старшей сестрой Троадой.

Миртала думала о своём – о скорой свадьбе, о Филиппе и неизвестности, что ожидает её в Македонии. При всей неожиданности и необычности сватовства Филиппа и поспешности подготовки к свадьбе, Мирталу всё равно радовал отъезд из Эпира. Свой брак с Филиппом она воспринимала прежде всего как удачный повод для избавления от нудного дядино надзора. К тому же она надеялась, что будет любимым супругом, станет ему подругой и, возможно, верной помощницей в царских делах. Вместе с Филиппом она станет управлять страной и народом. Ведь она рождена для власти – в этом Миртала была уверена. Она будет на вершине власти и ещё вернётся в Эпир, чтобы отомстить Аррибе за свои страдания под его опекой, за то, что незаконно занял престол царства Эпирского.

Эти мысли приятно скрашивали время и неудобства многодневного путешествия. Иногда девушка вздыхала, и настроение у неё менялось, вызывая озабоченность у няни, но в целом жизнь впереди обещалась ей необыкновенной, чудесной...

Глава третья

ПОТОМОК ГЕРАКЛА

У стен Амфиополя

Царь Македонии Филипп II проснулся в походной палатке, тотчас как услышал сквозь ночные видения звуки дальней переклички стражи. Пробуждение пришло быстро, возрождая дремавшую силу крепкого молодого тела. Желание продлить удовольствие поваляться в постели к Филиппу не приходило, поскольку раскладная кровать была достаточно узкой и жёсткой. А ведь проспал он совсем немного...

Вчера у царя собрался совет хилиархов – высших командиров «тысячников», отряды которых вот уже десять дней безрезультатно стояли под стенами Амфиополя. Амфипольцы, в основном греческое население, не верили Филиппу, объявившему через глашатаев, что желает мира и поэтому просит разрешить ему лишь поставить в городе македонский гарнизон, обороняться от фракийцев. В ответ с высоких стен сыпались оскорбления в адрес царя и македонян вперемежку с камнями, стрелами, копьями. Понадобилось решительное противодействие, и тогда Филипп приказал пустить в действие стенобитную машину – чудовищную новинку в истории греческих войн. Её возводил вместе с сотней строительных рабочих сиракузский механик Доримийон, которого Филипп не так давно переманил от сицилийских правителей с помощью весомого аргумента – золота.

Амфипольцы, уверенные в прочности городских стен, поначалу с интересом и весёлым любопытством наблюдали за возведением невиданной конструкции. День за днём добавлялись новые детали к диковинному сооружению из брёвен, где главной частью был «баран» – ударное бревно, таран огромных размеров с круто закрученными рогами, око-

ванными железом. Македоняне так и прозвали машину – «баран». По заверению Доримиона, перед его рукотворным творением не устоит теперь каменная стена любой толщины. И действительно, когда произошёл первый удар – он пришёлся по краю башни, – добротное с виду сооружение будто застонало, как от неожиданной боли. Последовал ещё удар, и ещё, не менее жестокий, и каждый раз стены отзывались стонами, ссылая с себя каменные осколки, словно брызги дождя в осеннюю пору... Наконец, когда горожане ощутили, как дрожит земля под их ногами от могучих ударов «барана», приуныли..

Они, конечно, пытались помешать разрушительному процессу, закидывая «баран» камнями, обстреливали стрелами и копьями воинов при нём. Бесплезно! Доримион предусмотрел защитный навес из жердей, обложенных мокрыми воловьими шкурами: воины (их скрывалось внутри до трёхсот человек) без потерь управляли ходом машины и раскачивали подвешенный на прочных цепях таран, утяжелённый в задней части противовесом. Навес, сплошь утыканный копьями и стрелами, вскоре походил на большого злобного ежа. Амфипольцы догадались, в конце концов, защищать стену в месте ожидаемого пролома. Навстречу таранному удару спускали мешки с песком и толстые покрывала из шерсти – для смягчения ударов. Старались поймать головную часть верёвочными петлями, но македоняне каждый раз мешали, пуская в ход длинные жерди. После серии безуспешных мер защитники решили спешно наращивать толщину стены напротив места ожидаемого пролома.

Об этом и прочих событиях был вчера разговор на совете. До Амфиполя многие из хилиархов впервые видели такое чудовище в деле, поэтому не верили в успех. Но, зная нетерпимый характер царя, побаивались сомневаться вслух. Но исподволь заводили разговор о существовании старых, годами проверенных методов ведения войны, среди которых главный – вызвать противника в поле и победить его в честном открытом бою. Но Филипп планов не менял, он верил в успех, поэтому выжидал, хотя македоняне каждый день несли потери, при том, что боевых действий ни одна из сторон не вела. Вот как было вчера. Когда пехотинцы-гоплиты со штурмовыми лестницами подходили к стенам города, неожиданно открылись ворота, выпустив наружу отряд лихих амфипольских конников с пиками наперевес. Они с шумным гиканьем понеслись на македонские шеренги, без труда разогнав их. Филипп наблюдал подобное уже несколько раз, сильно огорчился потерям, но тактику не менял.

– Филипп! – горячился на совете молодой Леоннат, его любимец.
– Разве ты сомневаешься в отваге своих воинов? Разреши отобрать сотню храбрецов – и я захвачу ворота в тот момент, когда они откроются для очередной вылазки!

Пожилые военачальники, готовые поддержать Леонната, выжидательно смотрели на царя, а тому приходилось сдерживать их пыл.

– Я знаю, Леоннат, насколько ты отважен, – успокоил царь. – Но Амфиполь – греческий город. Зачем македонянам зря убивать греков, будоражить Грецию, если можно взять город иным способом?

– Тогда прикажи сделать подкоп под стену, – немедленно отозвался Полисперхонт из Тимфея, уважаемый всеми пожилой командир. – Я с тимфейцами, а ты наслышан об их отваге, попробуешь в город ночью, тайно. Открою ворота. Вот будет потеха!

– О, нет, друзья мои! Как раз этого делать не следует! – сдержанно возразил царь. – Амфипольцы сами должны понять бессмысленность собственного упрямства, добровольно открыть ворота для мирных переговоров. Греки считают нас варварами, потому что мы не научились договариваться с врагами. Всегда жаждем крови. Нет, я буду терпелив, выжду, когда плод созреет и упадет ко мне в руки. Амфипольцы должны увидеть в македонянах друзей, а не врагов. Зевс свидетель, я не желаю крови!

Вскоре возражения военачальников угасли сами собой. Поговорили о других делах, и совет закончился приглашением царя отужинать. Повод у Филиппа был: Антипатр, его друг и первый военный советник, оставленный в Пелле наблюдать за Македонией, сообщал, что царская невеста отбыла из Эпира и направляется в Пеллу. Филипп отписал, что рад сообщению, но предупредил, что задержится до покорения Амфиполя. Поэтому пусть Антипатр встретит невесту царя, окружит вниманием, позаботится о приличном содержании.

Вина по случаю выпито было немало. Филипп, как и его сотрапезники, не разбавлял чудесный дар Диониса водой, как обычно делали греки. Он часто опустошал чашу-килик, забывая закусывать; в голове с утра теснило. Но жалеть не приходилось – общение с друзьями дорогого стоит, всегда на пользу: или дружба будет крепче, или неверный друг во хмелю проговорится...

* * *

Македонские цари издавна домогались города Амфиполя, построенного на месте афинской колонии во Фракии за восемьдесят лет до описываемых событий. Его стратегическое значение опре-

делялось близким расположением к устью реки Стримон, что позволяло амфипольцам контролировать как сухопутный путь вдоль морского побережья, так и движение по самой реке. Его жители получали доход от добычи золота на расположенной поблизости горе Пангей, а на ближайших горах происходила заготовка в больших объёмах корабельного леса, которым торговали с Афинами, способствуя росту могущества афинского военного флота. Именно такие обстоятельства позволили Амфиполю заявить о своей автономии, чем, естественно, Афины были недовольны. К тому же амфипольцы разрешили спартанцам, вечным врагам афинян, разместить у них небольшой военный гарнизон.

Аминте II, отцу Филиппа, удалось уговорить амфипольцев поставить у них свой небольшой гарнизон из македонских воинов – как остережение враждебным фракийцам. Но до прямого подчинения Амфиполя Македонии дело не доходило. А что Афины? Афиняне не забыли обиды на амфипольцев, как и важность города для собственных стратегических планов. Поэтому Филипп придумал план, исходя из того, что сейчас афинянам некогда возиться с Амфиполем, поскольку завязали в противостоянии со Спартой.

Вначале молодой македонский царь прислал в Амфиполь Пармениона, опытного военачальника и умелого переговорщика. Парменион был на двадцать лет старше Филиппа, к тому же, оценив его военный талант, рассудительность и ум – редкие достоинства в царском окружении, царь доверял ему особые, «деликатные» поручения. Появившись в Амфиполе в качестве посла «доброй воли», Парменион объявил горожанам о намерении Македонии навсегда отказаться от притязаний на город. В доказательство вывел из города воинов македонского гарнизона. Радости амфипольцев не было предела! Затем Филипп отослал Пармениона в Афины с тайным сообщением, что Амфиполь не представляет для него никакого интереса. Мол, заберите его себе, афиняне!

По этому поводу в Афинах объявили праздник – ведь Амфиполь достаётся афинянам без войны и прочих нежелательных действий, можно сказать, даром! Пармениона разве что на руках не носили. В благодарность Афины просили передать царю, что не будут возражать, если македоняне тогда завладеют Пидной в беспокойной для афинян области Пиэрия – другим поселением греков на фракийской земле. Афиняне также не возражали, если вслед за Пидной македоняне приберут к рукам ещё Дион, Гераклею и Метону – все греческие

поселения, которые долго оставались без участия Афин в их жизни. Неожиданный «подарок» афинян в виде их собственного нейтралитета во Фракии устраивал Филиппа. Захватить их теперь было не трудно – дело времени, потому что ни один из этих городов не имел ограждающих стен. А Пидна с удобной вместительной гаванью открывала Македонии доступ в Фермейский залив и дальше в открытое море.

Но когда афиняне, ободрённые секретными переговорами с македонским царем, послали небольшой отряд к Амфиполю, как к себе домой, ворота им не открыли! Всё произошло так, как предполагал Филипп: амфипольцы помнили слова Пармениона, что они вольны теперь распоряжаться своей судьбой сами. Вот и решили отстаивать свободу и независимость – и от Македонии, и от Афин! Афиняне обиделись на амфипольцев и попросили Филиппа... наказать непокорный город. Ну разве мог Филипп отказать Афинам?

* * *

Робкий рассвет пробивался сквозь плотную ткань палатки вместе с тишиной, создавая иллюзию умиротворённого покоя. Так бывает только перед грозой. А тишина на войне обманчива: лагерь вот-вот растревожится звуками побудок медных труб, окриками беспокойных командиров, ржаньем отдохнувших лошадей. Обычное многоголосие войны...

Палатка слегка содрогнулась под натиском свежего южного ветра – левконота. Пробравшись через щель в дверном пологе, он заставил Филиппа поёжиться. Затихли цикады, умолкли загадочно гукающие ночные птицы. Вдали прогорланил петух – это в армейском обозе; ему откликнулся другой, потом ещё и ещё, и вскоре громкоголосый хор известил македонское войско о начале нового дня. Увы, многие из этих петушков сегодня закончат жизненный путь в солдатских котелках наваристым бульоном...

Филипп потянулся к столу, где стоял глиняный кувшин – орк. Багрово-красный напиток, сохранивший свежесть ночной прохлады, дохнул ароматом слегка перезревшего винограда. Заел без особой охоты куском холодной свинины с блюда, оставленного от ужина. Никого из слуг и ординарцев звать не хотелось.

За палаткой послышалась лёгкая возня – в ожидании распоряжений царя насторожились слуги.

Филипп поймал себя на мысли, что сегодня или завтра некоторые из его воинов, которые сейчас нехотя пробуждаются у погасших ко-

стров, потягиваясь и зевая, падут от вражеской стрелы или меча. Расстанутся с жизнью лишь потому, что царь прикажет сражаться с тем народом, кого он назовёт врагом Македонии. Нет, Филипп не желает своим воинам смерти, но, повелевая ими, побуждает их умереть... Человек сеет смерть своей жизнью, чтобы самому выжить: он должен убивать – животных, рыб или себе подобных. Вот и выходит, что богиня смерти Танатос – потребный атрибут жизни человека, а для воина присутствие смерти на поле битвы только обостряет восприятие жизни...

Сейчас должен прийти Хабрий, царский астролог и летописец, который каждое утро толковал сновидения Филиппа. Только ему можно было доверить царские тайны и веления богов.

Отец Хабрия служил писцом ещё у царя Архелая, это было почти пятьдесят лет назад. Он обучил сына наукам, какие знал сам, поэтому после смерти отца молодой Хабрий остался при дворе македонских царей. Полезный двору, он увлёкся философией, астрологией и математикой, познакомился с греческими мистериями, освоил науку жизни бога-врачевателя Асклепия. Заметив усердие и пылкий ум, царь доверил ему вести свою библиотеку и делать ответственные записи на деревянных навощённых досках. Туда он записывал свои наблюдения за небом и звёздами, выдавая царской семье полезные советы и предсказания. Хабрий объяснял мальчику Филиппу, что такое астрология, ведя свои рассказы от создателей астрологии, месопотамских халдеев Борсипена и Орхена.

Когда Филипп стал царём, он не отдал Хабрия – юноша нуждался в мудрых наставниках. Хабрий, несмотря на пожилой возраст и низкое происхождение, оказался царю другом. Но положением своим не злоупотреблял.

Мысли вернули Филиппа к Амфиполю. Если Амфиполь падёт, Македония обретёт не только господство над важными морскими путями. Отсюда проще диктовать условия Фракии и даже Афинам. В Греции давно вырубили лес, а Амфиполь обладает лесом в достатке. Без древесины афинянам невозможно развивать свой морской флот. В горах Амфиполя, говорят, есть ценные руды, золото, серебро, а царь Филипп мечтает о собственной золотой монете – как у персидских царей!

Мечты у Филиппа реальные! В пылу неуважения к нему, как к царю варваров, заносчивые афиняне не разгадали мудрёный замысел, поэтому, считай, упустили Амфиполь. Филипп до сих пор заверяет афинян в искренней дружбе, и Афины верят ему или вынуждены доверять.

О, не знают афиняне, что, если бы Олиф и Амфиполь объединили с Афинами усилия против Македонии, Филипп не стоял бы сейчас здесь с войском! Да и вообще, удержался бы он сам у власти при других обстоятельствах? А так, македонский царь не даёт повода Афинам и союзным городам не только выступить вместе, но даже заподозрить его в неискренности – и всё по причине взаимного недоверия друг к другу.

Таков был блестящий и коварный по замыслу план наступательного движения Македонии на интересы Афин во Фракии, который вынашивал Филипп. После Амфиполя греческие города и поселения на фракийской земле, он был уверен, окажутся разобщёнными и беспомощными против действий македонян. Остальную Грецию ожидает такая же участь – вот почему стенобитный «баран» у Амфиполя прокладывает Филиппу дорогу к всегреческой славе...

Советник Хабрий

Послышался окрик стражи. Откинув полог, пригибаясь, вошел человек высокого роста, тщедушный в плечах. Это Хабрий. На скулатом лице незаметно следов бессонной ночи, хотя дело происходило именно так – он посвятил время разглядыванию звёздного неба, составляя царю гороскоп на предстоящий день. Астролог принёс хорошую весть: дела у Филиппа пойдут успешно. Он услышал:

– Привет тебе, Хабрий!

Царь, продолжая сидеть на кровати полуголым, махнул рукой в сторону диффа – низкого стула напротив.

– Будь здоров, царь! – приветствовал советник. Непроизвольное дергание острого кадыка выдавало лёгкое волнение, которое он всегда испытывал при виде царя.

– Хабрий, ты убедил меня взять в жёны эпирскую княжну. Буду тебе благодарен, если ты не ошибся.

Филипп рассмеялся, выказывая благодушное настроение. Хабрий продолжил в том же тоне:

– Этого брака желают боги, царь, да услышат меня Зевс и Гера, покровительница семейных уз. Я лишь передал знамение.

– Ну, тогда я подчиняюсь воле богов. – Филипп продолжал шутить; затем посерьёзней. – Брак с Мирталой мне действительно необходим. Вчера получил письмо от Антипатра, он призывает возвращаться в Пеллу, встречать невесту. Скажи, мой верный советник, как мне следует поступить? Оставить Амфиполь?

Хабрий пожевал тонкими губами:

– Небо приветствует любые действия царей, если они не противоречат их желаниям. Но если ты хочешь знать моё мнение, скажу: невеста у тебя есть, а вот Амфиполя под тобой я пока не заметил!

Филипп, не ожидавший подобной вольности от старого советника, громко рассмеялся, насторожив чуткую охрану за пределами палатки.

– Ну, Хабрий, удивил! Не видит подо мной Амфиполь! Ха-ха-ха-ааа!

Царь утёр слезу. Хабрий осторожно вставил:

– Я говорю так, потому что верю в звёзды и сновидения. Расскажи, царь, что привиделось тебе сегодня во сне, и я развею сомненья, как поступать дальше.

Царь задумался, припоминая:

– Сначала я видел огромного орла, сидевшего на скале. Орёл взлетел высоко в небо, поймал поток воздуха и потом долго парил.

Хабрий соображал недолго:

– Сон твой к хорошему известию, царь. Видеть гордую птицу – орла, сидящего на скале, дереве или на ином возвышении, – к добру. Потом, ты видел орла в полёте, спокойном и свободном – это означает, что ты очень скоро обретёшь силу и большую власть, будешь недосыгаем для врагов. Боги извещают о твоих великих победах над врагами Македонии.

Филипп задумался. Он верил Хабрию, всему, что он говорил, так как за полгода до Амфиполя у него состоялся разговор с советником. В тот вечер он пригласил Хабрия, чтобы поговорить о своих намерениях, в положительном исходе которых не был уверен. Он всегда так делал. Он спросил Хабрия, стоит ли портить отношения с Афинами, намереваясь воевать с греческими поселениями на фракийской земле. Хабрий решительно поддержал его:

– Мне понятны твои устремления, царь. Помимо того что новые приобретения открывают Македонии доступ к удобным гаваням на море, в местных горах есть золотые копи. Особенно богата гора Пангей: рассказывают, что когда в тех местах проходят сильные дожди и потоки размывают скалы, самородки уносятся вниз. Местные жители нередко выпаживают на своих полях такое золото.

– Твои слова радуют меня, Хабрий. О сокровищах Пангей я тоже слышал. Но как на Пангее оказались греки?

– Всё началось с греков – переселенцев из Милета. Они пришли к Пангею пятьдесят лет назад. Но все погибли в стычках с местными

племенами. После милетян там появилась колония греков из Фасоса. Они сумели войти в доверие к аборигенам, которые разрешили им не только строить город, но добывать драгоценную руду. Но богатство фасосцев привлекло персов, потом и афинян.

– О, можешь не продолжать! Дальше история мне знакома: Спарта в союзе с фасосцами сокрушила афинское войско, после чего Афины потеряли контроль над Пангеем.

– Это так, мой царь. Потеряли контроль, но не интерес: с той поры они ревностно относятся к проявлению внимания каждого, кто появляется в этом регионе. В последнее время они следят за Македонией и за тобой, царь.

За палаткой разгоралась лагерная жизнь. Раздались жалобные звуки солдатской флейты-сиринги, перебрасываясь от одного отряда к другому; за ними послышались громкий стук барабана-тимпана и стоны тубы: Командиры объявляли отрядам сбор.

Без стука почти ворвался Темен, совсем юный командир, любимец царя, как и Леоннат. Пот на лице, грязь на доспехах свидетельствовали о быстрой скачке на коне. Он только что прибыл от Амфиполя. Юноша выпалил с нескрываемой радостью:

– Амфипольцы согласны открыть ворота! Со мной их переговорщики!

Филипп резко вскочил с постели, на которой сидел до сих пор. Кинулся к юноше, поцеловал в губы, прижал к груди. Крикнул слугу – облачаться: позолоченный шлем, бронзовый нагрудный панцирь, нарукавники, поножи. Пока поспешно одевался, слушал рассказ Темена. Оказывается, ночная «работа» осадного тарана дала ожидаемый результат: стена разрушилась; туда уже могли проникнуть македонские воины. Ждут приказа. Амфипольцы решили не ждать штурма, запросили пощады.

Филипп, едва приведя себя в достойный для царя вид, вышел из палатки. Крикнул:

– Коня!

За ним из палатки торопливо выбрался Хабрий.

– Царь! Я тебе не всё поведал!

– Невелика беда! Мне уже всё ясно! Вот она – моя победа, предсказанная богами в моём сне!

Царю подали неосёдланного коня (греки сёдел не знали), породистого коринфского самфора. Он легко вскочил на круп, нетерпеливо толкая бока сильными ногами, и с гортанным радостным выкриком

«Элелей! Элелей!» направился к выходу из лагеря. У македонян огнеглазый Элелей – бог войны, с его именем они всегда шли в бой на врага. Темен рванулся вслед за ним.

Леоннат, обычно находившийся рядом с царём, на этот раз замешкался.

– Ты куда, Филипп? – только успел он спросить, высунув голову из своей палатки.

– Я в Амфиполь! А ты разберись с переговорщиками: никаких условий – только сдача! Иначе смерть всем жителям!

Царь верхом помчался среди палаток и дымящихся солдатских костров. Телохранители и гетайры, привыкшие к неожиданным поступкам царя, поспешали вслед на бодрых конях. Догнали у Амфиполя. Филипп был счастлив – это был первый греческий город, готовый унизиться перед Македонией. Такая же участь ожидала остальные города Греции!

Пир победителей

В пыльных панцирях и шлемах, с мечами на перевязях и копьями на плечах, от Амфиполя в Македонию возвращалось войско победителей. Легкораненые воины, ухоженные заботливыми лекарями, плелись по одному или группами, помогая друг другу; сильно увечные тесно лежали в больших плетёных коробах, поставленных на боевые колесницы. Безразличные ко всему воле, жуя травяную жвачку и роняя липкую слюну, тянули повозки, нагруженные добром амфипольских граждан.

Филипп появился в городе, жителей которого он жестоко обманул: сильных и здоровых обратил в рабов, остальных, кто был замечен с оружием, предали смерти – в назидание другим, кто вознамерится сопротивляться македонскому царю.

В отличном настроении царь с военачальниками направился к огромному дубу, одиноко стоявшему на взгорке. Под его разлапистыми ветвями слуги поставили просторный павильон, где всё было готово к пиру. Царские повара и слуги знали, что последует за взятием города. Филипп соскочил с коня.

– Всё! Конец Амфиполю! Празднуем победу!

На столах золотом отсвечивали праздничные чаши, которые прислуга бережно вызволила из походных корзин. Чеканные, тонкой работы кратеры призывали налить благоуханного кипрского вина.

Из-под крышек бронзовых блюд сочился запах жареного мяса, приправленного божественно пряным диким укропом, сельфией. Сбросив доспехи, оставшись в одном льняном гиматии, Филипп облегчённо вздохнул.

Начинался пир победителей. Военачальники умерили боевой пыл, смолкли, ожидая слов царя. Голос Филиппа зазвенел от торжественности и нахлынувших чувств:

– Друзья мои! Полней наливайте чаши, отпразднуем победу!

* * *

Застолье продолжалось. Никто не оставлял столы, наоборот, участников становилось всё больше, поскольку с дальних позиций прибывали новые командиры. В павильоне становилось тесно. Филипп распорядился устроить отдельный стол невдалеке, куда пригласил ближайших друзей – Леонната, Пармениона, Полисперхонта. С этого места просматривались горизонты – вот Амфиполь, за ним Пидна, Потидея, Олинф... Где-то там Метона и города богатой Фессалии...

Мимо пригорка, на котором находился царь с товарищами-гетайрами, вели пленников, связанных длинной верёвкой. От усталости и огорчения они едва волочили ноги. У строптивых на ногах звенели металлические кандалалии, на шеях – кожаные ремни. Их приготовили для отправки на рудники – страшная для свободного эллина участь. Неожиданно один из пленных, заметив Филиппа, небрежно развалившегося на раскладном стуле, крикнул:

– Эй, царь, отпусти меня, а я скажу чего ты не знаешь!

Филипп настолько удивился неожиданному предложению, что отвлёкся от застолья, обратил на пленного внимание. Царь поднял руку, охранники остановили колонну. Человека подвели близко, держа за руки.

– Ты осмелился потревожить меня пустыми речами. Говори, что знаешь, амфиполец презренный.

Пленного не смутило, что видит перед собой царя. Краешком губ он улыбался, видимо, по природе своей был большим весельчаком!

– Я – друг твой, царь Филипп! Если захочешь – узнаешь, что я говорю правду!

– Как мне узнать это, несчастный?

– А ты допусти меня к своей особе – скажу!

Филипп, продолжая удивляться дерзости странного человека, поднял брови. Желание развлечься пересилило осторожность. Кив-

нул страже. Пленного отпустили. Кто был рядом с царём, с интересом наблюдали за происходящим. Стражники держали руки на мечах. Человек сказал с той же хитроватой улыбкой:

– Филипп, тебе никто не посмеет сказать, даже самые близкие друзья, а я не побоюсь. – Он наклонился к уху царя, прошептал: – Си-дишь ты неприглядно, царь, и срам свой показываешь. Не смехи лю-дей, одёрни хитон!

Царь вначале опешил, потом глянул вниз и действительно увидел... Оказывается, удобно развалившись на походном тронсе и сидя на воз-вышении, он невольно показывал детородный орган, чем смешил всех проходивших мимо. А царю неприличие своё показывать нельзя, тем более пленным! Филипп оправил хитон, оставшись в размышлениях – как поступить теперь с пленным. Во-первых, его озадачила дерзость пленного. Во-вторых, этот человек назвал себя другом царя. Лицо Фи-липпа некоторое время выражало лёгкую растерянность, наконец на нём появилась улыбка. Царь весело хлопнул по плечу смельчака:

– Ты действительно мне друг! Скажи своё имя, амфиполец.

Не отводя взгляда, пленный ответил:

– Я не амфиполец и не воин.

– А кто же ты, если тебя ведут в одной связке с моими врагами?

– Имя моё Хейрисофос. Я случайно оказался в Амфиполе, и я не воевал против тебя, царь: при мне не было меча, когда меня схватили твои воины.

– Тогда кто ты и что делал в Амфиполе?

– Я из Коринфа, там моя семья и могилы моих предков. А в Амфи-поле я издавна продаю коней из нашей местности.

– У тебя имя настоящего эллина – Хейрисофос, «Золотисто-жёл-тый» – это о твоей голове? – Филипп имел в виду ярко-рыжие волосы, редкий цвет для грека. – Ты любишь коней?

Коринфянин склонил голову перед царём:

– Да, царь, люблю и хорошо знаю их нрав. Мне известно, что ты большой знаток этих благородных животных, и имя твоё не зря – Фи-лио-гиппос – «Любящий лошадей».

Филипп услышал слова, порадовавшие его. Амфиполь повержен, вина выпито немало, а встреча с необычным пленным могла его по-забавить.

– Ты прав, коринфянин, у меня лучшие во всей Греции кони. Греки пока об этом не знают, но я докажу победой на предстоящих Олим-пийских играх. Ты веришь мне, Хейрисофос?

Царь назвал пленного по имени – добрый знак. Коринфянин кивнул рыжей головой и, почувствовав расположение к себе, поспешил закрепить успех:

– Позволь мне, царь, до конца быть честным с тобой. Я верю, что кони твои быстры, и они могут победить всех соперников в состязании колесний. Но на вольных пастбищах моего Коринфа пасутся кони с родословной от самого Пегаса и, более того, – от бешеных коней повелителя морей Посейдона. Да наберётся позору наездник, кто осмелится состязаться потом с твоими конями! Если позволишь, я добуду для тебя пару-другую могучих красавцев.

Филипп окончательно пришёл в восторг – как от предложения, так и от разговора с неожиданно интересным коринфянином. Царь знал легенду о том, что первые кони в Греции появились на зелёных пастбищах Коринфа, где предки греков приручили дикарей, сделали помощниками.

– Ты мне нравишься, Хейрисофос! – царь обернулся к сотрапезникам, наблюдавшим с весёлым любопытством за развитием событий. – Он смелый человек, если говорит то, что думает!

Снова глянул на пленника, уже с большим интересом.

– Ты лошадиник, говоришь?

– Да, это так, мой царь.

– Тогда скажи, чьи кони лучшие – степные, или те, что у персов, или же ваши коринфские?

– О, царь, ты спрашиваешь меня о том, о чём следует говорить только в кругу друзей. И то лишь, когда чаши с густым кипрским вином ходят по кругу, поются благодарственные пеаны в честь Аполлона. Поверь, о конях я знаю всё!

Филипп захохотал, обнажив в улыбке крупные белые зубы.

– Ну, застолья я тебе не обещаю – как видишь, у нас и без тебя тесно, – он шутливым жестом показал на павильон, – но чашу тебе преподнесут. Заработал! Эй, вина Хейрисофосу!

Подбежал виночерпий, подал коринфянину чашу, налил доверху. То ли руки дрогнули у него, то ли слуга перестарался, но несколько капель пролилось через край. Пленник ловко поймал их на ладонью, которую затем облизал. Ничего не укрылось от царя – коринфянин ему явно понравился: он с улыбкой наблюдал за тем, как опустошается вино – медленными глотками, что всегда достойно эллина.

– Поверь, царь, о конях я знаю больше, чем кто-либо, – Хейри-

софос вытер влажные губы ладонью. – А как иначе? Ведь покупая и продавая коней, я отвечаю за их родословные, истории и судьбы предков.

На мгновение Хейрисофос умолк, словно убеждаясь, интересен ли будет его рассказ. Увидел, что царь слушает с заметным вниманием.

– О быстрых конях жителей северных степей – скифов – впервые узнал царь персов Дарий, когда осмелился войти в их необозримые пределы. Это случилось много лет назад. Скифы. Стремительно разъезжая на быстроногих рослых конях, они так измотали армию персов, что Дарий с позором отступился. Степные воины, уклоняясь от навязываемых им сражений, лихими наездами нападали на обозы и тяжёлую пехоту.

– Да-да, ты прав, я знаю об этом. А знаешь ли ты, что скифские лошади пугались криков мулов и ослов персидской армии, невиданных в тех краях?

– Нет, слышу впервые. Вот почему кони скифов не очень приспособлены к греческой земле. Есть ещё кони у сарматов, царь, врагов скифов: они в холке немногим меньше роста человека, но быстрые в беге. Гнедой масти и с тёмными копытами, что даёт преимущество перед остальными.

– Это почему же?

– А ты не замечал, царь, что если у лошади копыта тёмные, они меньше подвержены трещинам и сбиванию, чем светлые копыта? Я знаю ещё, что своих коней сарматы кастрируют, иначе жеребцы становятся агрессивными, что свойственно их породе. Иначе с ними бы не справились.

– Да, я слышал о тех конях; говорят, что из них сарматы составляют тяжёлую кавалерию, одетую в доспехи – всадник и конь. А персы, каких коней они выбирают?

– У любого персидского военачальника обязательно имеется лошадь нисейской породы, рослая и выносливая. Она имеет большую голову со смешным горбатым носом, у неё толстая шея и хорошо сложенное тело, способное нести своего хозяина в тяжёлых доспехах длительное время.

– Что за места такие – Нисея?

– Царь, это в Мидии, на Нисейской равнине, где почти круглый год растут сочные травы. Там персидские цари держат табуны племенных кобылиц, жеребят от которых раздают приближённым по своей воле. Вот почему у персов популярны в войсках тяжелые кавалеристы, в защитных панцирях и при оружии.

– Ты не так прост, Хейрисофос, если понимаешь в военном ремесле! Но соглашайся с тобой насчёт персов – к ним давно присматриваюсь – конница у них отменная. Я заметил, как они защищают лошадей толстыми передниками, прошитыми металлом, снабжают наголовниками и нагрудниками. Но ты ничего не сказал о греческих конях – неужели так они плохи?

– Если иметь в виду коней в царских конюшнях, где они едят зерно в собственных кормушках, – они отменные. Но откуда в Греции возьмутся свои кони, если для них нет вольных пастбищ – всюду горы?

– А пастбища в Фессалии? – возмутился Филипп. – Они хороши, как и кони оттуда!

– Согласен! И в Беотии есть немного просторных лугов, их используют фивяне, и на Эвбее. Но я имею в виду всю Грецию. Ты же, царь, обратил внимание, что ни один греческий город не может похвастаться хорошей конницей? А всё потому, что их просто нет, породистых греческих коней, несмотря на внешний эффектный вид, с прекрасной головой и надменной осанкой. У них, пожалуй, не хватает выносливости, выдержки. Вот такая беда!

Хейрисофос вздохнул, будто сам оказался виновным в природных недостатках греческих коней. Понимая, что разговор с царём подходит к концу, умолк, ожидая своей участи. Неожиданно Филипп вскочил со стула и обнял его.

– Твои знания достойны свободного эллина! – вскричал он. – Я прощаю тебя! Эй, отпустите его!

Филипп дал знак виночерпию, крикнул:

– Налей ещё вина моему другу Хейрисофосу из Коринфа! На этот раз пусть большой знаток коней выпьет из моего большого царского кубка!

Все, кто видел и слушал их разговор, с интересом ожидали ещё одного развлечения. Принесли царский керас – сосуд, сделанный из большого рога, с головой горного барана, в обрамлении серебряных накладок. Наполнили вином из кожаного меха, не смешивая с водой – по-скифски. Коринфянин осторожно принял керас от царя в обе руки и приложился к краю; пил не отрываясь и, всем показалось, легко. Лишь острый кадык выдавал усилия справиться с огромным количеством вина. Но за всё время на пропылённое одеяние коринфянина упало всего несколько кроваво-красных капель.

Македоняне, истинные ценители шумных застолий и дружеских пирушек, уважали такую манеру винопития – апневисти, что озна-

чало «не переводя дух». Когда рог оказался пустым, коринфянин опрокинул его и так поднял над головой. Восторженные выкрики сотрапезников убедили царя в том, что неожиданное развлечение пришлось по вкусу всем. Глаза его подобрили. Он дружески обнял коринфянина и провозгласил:

– Оставь керас себе! Дарю на память о нашей встрече!

Хейрисофос не ожидал подобного исхода своего пленения; вино уже брало верх над его сознанием, утомлённым трагическими переживаниями. Царь, будто радуясь возможности показать широту своей доброй души, сказал:

– Ещё я скажу, Хейрисофос, что дарю тебе не только жизнь.

Он снял с пальца серебряное кольцо с вправленным огромным прозрачным топазом золотисто-жёлтого цвета. Показал всем, высоко вознеся руку с кольцом.

– Этот камень чист и прочен, как моя дружба с людьми, честными со мной. Он из копей Забергета в жаркой Аравии, а гранили камень в Финикии. Дарю его тебе, Хейрисофос, и цени моё доверие!

Было заметно, как Филиппа тронула случайная встреча с Хейрисофосом. Он разглядел в нём человека, которого позже назовёт своим другом – по его делам и помыслам, с кем не желал расставаться всю жизнь. Он дружески приобнял его, затем оттолкнул.

– Ты свободен, Хейрисофос! Делай что хочешь, езжай куда пожелаешь. Но я жду тебя в Пелле. Во дворце найдётся хорошее дело для тебя! Отправляйся в Македонию, покажи кольцо моему другу Антипатру.

Затем Филипп, уже не слушая Хейрисофоса, который захлёбывался в ответной благодарности, повернулся к сотрапезникам. Протянул смазливому виночерпию ритон; выпил не отрываясь – тоже апневисти...

* * *

После Амфиполя македонский царь собирался возвратиться в Пеллу, как обещал Антипатру. Его друг и советник чуть ли не каждый день присылал гонцов с сообщениями о Миртале. В письмах сквозила дружеская озабоченность: «Невеста выезжает, радуйся!»... «Миртала на днях будет в Македонии, приезжай!»... «Встречаю Мирталу в Пелле! Красавица!» и, наконец, по-настоящему кричащее: «Невеста в Пелле!»...

Но Филипп никак не мог оторваться от дел во Фракии, оправдываясь перед самим собой неотложными военными и дипломатическими заботами. Они держали его мёртвой хваткой, не допуская изменений из-за каких-то там свадебных мероприятий...

Почти ежедневно собирался военный совет из гетайров, товарищей и военачальников царя. На совете любой мог свободно, без оглядки на царя и родовитость соратников, высказываться о предмете, какой считал нужным, не беспокоясь о последствиях, если его предложение или высказывание вдруг не будет принято. Македонские обычаи допускали подобное поведение приближённых царя, потому что царь, даже имевший сильную власть, считался лишь первым среди равных.

Как и предполагал Филипп, торжествовать по поводу обретения Амфиполя пришлось недолго. Афиняне поняли, что Амфиполь, завоеванный с таким трудом, македонский царь по-доброму не отдаст, а потеря важного города в морской стратегии явилась наглядным унижением Афин в глазах Греции. Филипп нервничал в ожидании ответных шагов и самого худшего варианта – военной коалиции Афин с Фивами, обычно непримиримых соперников по гегемонии. Македонская армия пребывала в тревожном ожидании, поэтому у Филиппа не было возможности вернуться в Пеллу даже на два-три дня.

Лев в засаде

Царь Филипп в последнее время не зря тревожился, ожидая военных действий со стороны Афин. Афиняне терпеливо выжидали, когда их македонский «друг» всё-таки передаст Амфиполь под их покровительство. Но Филипп не торопился этого делать. Местных жителей в городе почти не осталось, теперь сюда съезжались переселенцы из неблагоприятных для проживания областей Македонии, которым не терпится занять брошенные дома и земельные участки. Кому не захочется найти пристанище у самого синего моря? Используя благоприятный момент, растерянность Афин, молодой царь бесцеремонно занял следом Пидну, при том что Афины опять сделали вид, будто ничего страшного для них не случилось. Наконец, сообразив, что Филипп не отдаст им Амфиполь, как и остальные обретенные недавно города во Фракии, афиняне приступили к решительным, на их взгляд, действиям. Но начали с уговоров и увещаний, переходящих в угрозы, намекая, что война с Македонией неизбежна.

Филипп не желал такого развития событий. На последнем военном совете первым беспокойство высказал Парменион, самый опытный из командиров:

– Опасность войны с Афинами настолько велика, что нам следует

сделать дополнительный набор в войско. Македонии следует опасаться военного союза Афин с городом Олинфом, расположенным на Халкидском полуострове.

Остальные военачальники тоже разделяли озабоченность Пармениона. Олинф представлял собой греческую колонию, насчитывавшую десять тысяч жителей. За короткое время олинфяне сумели объединиться военным союзом с другими городами на Халкидике – Аканфом и Аполлонием, что позволило им не бояться ни Афин, ни Спарты, ни Македонии. Они были готовы любыми путями отстаивать свою независимость.

– Ты прав, Парменион, – отозвался Филипп, – но причин для беспокойства у меня нет. Граждане Олинфа спокойно наблюдали за нашими действиями, пока мы занимались Амфиполем. Они считали выгодным для себя не вмешиваться, когда убирают их конкурента по морской торговле. Они и дальше будут так себя вести! Мы и в дальнейшем будем надеяться на такое поведение с их стороны, разберёмся с каждым городом на Халкидике в отдельности, пока не придёт черёд Афин.

Царь хитро прищурил глаз, наблюдая за соратниками. Парменион опять не удержался, высказался:

– Филипп, почему ты уверен, будто олинфяне останутся безучастными ко всему, что станет делать македонское войско на Халкидике? Они быстро поймут наши устремления и начнут действовать.

– Я уверен, Парменион, что Олинф не предложит Афинам военный союз ради войны с нами. Олинфяне понимают, что за этим последует: придётся уступить свои права на Халкидику в пользу афинян. Нет, пока в Афинах будут верить моим заверениям в дружбе, ни один из греческих городов не посмеет предпринять военных действий против Македонии. Афиняне вот уже и Пидну предлагают взамен Амфиполя. Пусть надеются, до тех пор пока у нас хватит осторожности не возбуждать Афины против себя. Если, конечно, у афинян хватит терпения!

После памятного совета с военачальниками македонский царь послал Пармениона в Олинф с призывом к сближению с Македонией. Обещал подарить олинфянам греческое поселение Анфем, которое предстояло завоевать македонянам. Царь знал, насколько был желанным для Олинфа этот город у Фермейского залива. Олинфяне, услышав о заманчивом предложении, заколебались в своей верности Афинам, но не решались предать их. Тогда Филипп пообещал в придачу к Анфему ещё Пидну и Потидею – ключ-город, замыкавший полуостров Паллену.

И свершилось: Олинф рассорился с Афинами! Только тогда афиняне обнаружили, что Македония вытеснила их из Халкидики, прежней зоны их влияния, практически без войны. В ответ срочно снарядили депутацию в Пеллу, чтобы на месте убедиться в коварстве македонского царя. Или урезонить его, напомнив, что он поступает совсем не так, как обещал.

Но в Пелле царя не оказалось. Афинян радушно встречал вежливый советник Антипатр. Он разводил руками, просил подождать, пока царь вернётся с охоты, которую затеял во фракийских горах.

Афинскую делегацию продержали обещаниями в Пелле почти месяц, после чего она вернулась домой ни с чем. Граждане в Афинах были оскорблены неуважением царя Филиппа, отослали в Македонию других делегатов, серьёзных и уравновешенных людей, знатных политиков и ораторов. Увы, и этим делегатам не удалось повидаться с неуловимым македонским царём. Оказывается, он вчера был ещё в Пелле, а сегодня, извините, поутру неожиданно отбыл по делам... Когда вернётся – неизвестно. Такова была новая тактика, избранная Филиппом, приносившая ощутимые материальные выгоды Македонии и весомые политические плоды малоизвестному македонскому царю.

Теперь ничто не сдерживало его действий в отношении расширения македонского влияния во Фракии. Он брал то, что желал. Вырвал «из-под афинян» Пидну, продемонстрировав пренебрежение ранее достигнутыми договорённостями. Поссорившись с Афинами, Филипп заключил важный во всех отношениях военный союз с Олинфом, за что предоставил олинфянам право обладания портовым городом Анфем. Македонии открывалась дорога за пограничную реку Стримон с необозримыми фракийскими просторами. Туда, где находилась легендарная гора Пангей (*совр. Пилаф-Тене*), откуда в кладовые Филиппа потекут золотые и серебряные реки. А он знает, как распорядиться таким богатством!

Ночная беседа

Усталый, но довольный результатами смотра войска, Филипп появился в лагере только к ночи. Разоблачился в палатке и подставил пыльное лицо под струю прохладной воды из кувшина, принесённого слугой. А когда тот налил в большой медный таз почти кипятка из другого кувшина – присел на кровать и с наслаждением опустил в таз уставшие ноги. Так советовал лекарь.

Сегодня Филипп получил ещё одно послание от Антипатра. Вер-

ный друг настаивал на его скорейшем прибытии в Пеллу. Не только ради свадьбы – скопилась масса неразрешённых государственных проблем, с которыми Антипатр не мог справиться без участия царя. Филипп ещё раз перечитал письмо. Задумался. Нет, возвращаться в Македонию не было никакого резона – Фракия не отпускала.

Слуга принёс поднос с ужином, без кулинарных излишеств: кусок жареной свинины, приправленной пряностями. Вино из деревенского кувшина добавило телу расслабления. И хотя горячая вода в тазу взбодрила его, усталость всё равно давала знать. Хорошо, если никто его не потревожит. Никого не хотелось видеть.

Но в одиночку трапезничать царь не любил. Решил пригласить Хабрия. С ним не будет скучно... Да, нужно позвать Хабрия!

Когда старый советник пришёл, Филипп заметил по его лицу, что тот рад неожиданному вызову. Хабрий любил посещать царя, когда тот не был занят важными делами. В такие моменты советник мог проявить себя с лучшей стороны. Имея в виду столь поздний час, сегодня он уже не надеялся на встречу.

Царь предложил ему раскладной стул, показал на блюдо, стоящее на низком походном столике.

– Бери чашу, Хабрий, наливай и пей. Ужин мы с тобой сегодня заслужили.

Филипп подыгрывал старику, располагая его к откровенному разговору. Боевых заслуг у Хабрия не было, но незримая тень мудреца витала над большими и малыми победами македонского царя. Филипп об этом помнил.

Советник с удовольствием принял приглашение, взял керамическую чашу. Налил вина доверху, выпил неторопливо до дна, будто утолял обычную жажду.

– Теперь поешь мяса, – Филипп явно угощал Хабрия, что было не совсем привычно в отношении к придворным. Но таков был Филипп в общении с верными ему людьми. Откинувшись на стуле, он выждал, когда Хабрий дожует, затем сказал:

– Хабрий, я рад тебя видеть! Мне захотелось поговорить с тобой вот о чём. – Царь говорил медленно, подбирая каждое слово. – Если не возражаешь, я буду тебя спрашивать о философских предметах. Не возражаешь?

Хабрий кивнул головой.

– Тогда ответь на, казалось бы, простой вопрос: что есть народ для царя?

– Мой царь, люди в Македонии и есть твой народ. Народ можно увидеть даже там, где его нет, а можно не замечать вообще. К примеру, царская колесница. Она состоит из спиц, колес и прочих простых предметов. Если колесницу разобрать по частям – не будет колесницы. Части колесницы и есть твой народ. Поэтому царю должно быть безразлично, как живёт его народ, все действия царя должны быть направлены на улучшение состояния жизни своего народа. Прости меня, царь, но так должно быть.

– Я согласен с тобой, что без народа не будет страны. Но не забывай, что народ есть низкая подставка для ног, которая нужна царю, сидящему на троне. Этот же народ является основой для знатных и богатых, следовательно, низкое есть основание для высокого. Я правильно рассуждаю, мой Хабрий?

– Правильней не бывает, царь! Пусть будет так, как ты сказал – откровенно и с пользой для нас обоих.

Филипп, довольный собой, снова налил вина – на этот раз себе и Хабрию. Когда испил чашу, продолжил:

– Слава Зевсу, с народом мы разобрались. А что говорят философы о хороших и плохих царях? – Филипп прищурил глаз, вызывая советника на откровенный разговор, допустимый только между близкими друзьями. – Говори что думаешь, Хабрий, я сегодня добрый!

– Лучший правитель, я знаю, тот, кто правит естественно.

– Что значит твоё «править естественно»? – удивился Филипп.

– Это когда правитель сидит на престоле, а народ даже не знает его в лицо, но знает, что он всё равно есть. Такому правителю народ может довериться. Кто самый лучший правитель? Кто вдумчив и сдержан в словах, совершая государственные дела. Правители делают большую ошибку, когда желают, чтобы народ их любил. В проявлении народной любви они видят своё предназначение, стараясь, чтобы эта любовь никогда не проходила. От таких правителей не следует ожидать ничего хорошего, о них быстро забывают, когда на смену приходит другой.

– Вот здесь я не согласен с тобой! – возмутился Филипп. – Народ должен бояться своего правителя, бояться и уважать.

– Да, есть правители, которых народ боится, но это очень плохо для государства. Но ещё хуже, когда народ презирает своего правителя.

– А меня к каким правителям ты причисляешь? – Филипп выжидающе заглянул в глаза Хабрия, хотя догадывался, каков будет ответ.

– Ты только начинаешь, мой царь, – тебе выбирать, каким ты покажешься своему народу! – уклончиво ответил Хабрий.

Филипп не стал настаивать, но задал еще вопрос:

– А война на пользу народу?

– Македонии война полезна, если принять во внимание, сколько страданий принесли ей враги. Но помни, царь, кто покоряет другие народы, накликает беду на свой народ, ибо униженные и покорённые находят в себе силы возрождаться. Пример тому – Македония, которая при твоём царствовании воспряла духом.

– Ты прав, Хабрий. Война ставит всё на свои места – она определяет, за кем сейчас сила, а кто слаб.

– Воюй, царь, с врагами Македонии и побеждай их, но беда в том, что можно провоевать всю жизнь. Правитель, начавший войну, должен знать конечную цель. Потому что там, где ступит нога воина, будут расти лишь терновник и колючки. После войн наступают голодные годы. Когда в стране долгий мир, домашний скот унавоживает землю и пахарь собирает хороший урожай. Когда страна воюет со страной, боевые кони противоборствующих сторон пасутся на хлебных полях, фруктовые деревья вырубаются на костры воинам, а города и поселения обезлюдывают. От насилия происходят только несчастия, благополучие же создаётся уважением, а не насилием...

– Постой! – Филипп подскочил со стула. – Выходит, я не должен воевать?

– Я не говорил этого. Но если хочешь слыть мудрым правителем, старайся споры уладить миром, стремись этот мир продлить как можно дольше. Если спор с противником можно завершить миром, предпочитай уступчивость в переговорах, не притязай на лишнее, что тебе не принадлежало никогда, и не будь воинственным ни в разговорах, ни в действиях. Но на войне, когда других решений принять тебе уже не приходится, становись непоколебимым ради своей благородной цели, когда к этому тебя вынуждают государственные обстоятельства...

Филипп согласно закивал головой; расправил широкие плечи, показавшиеся Хабрию необъятными, словно немедленно собирался сразиться с врагом. Было заметно, что слова Хабрия падали на благодатную почву: Филипп добрел лицом и стал более походить на прилежного ученика, слушающего с обожанием мудрого наставника. Да, собственно, так оно и было, потому что Филипп с юности любил учиться мудрости жизни, а Хабрий возрастом и жизненным опытом

как раз подходил для этой роли. Но теперь, ободренный вниманием и почтением царя, Хабрий в рассуждениях пошёл ещё дальше:

– Главное для правителя – это доверие народа. Тот правитель заслуживает доверия народа, кто много не обещает, но делает много.

– Вот в этом, Хабрий, ты, безусловно, прав – я не буду много обещать македонянам, но сделаю многое, чтобы поднять Македонию с колен. Сил у меня для этого достаточно. Вот только денег, ты знаешь, на войну никогда не хватает.

Хабрий, услышав слова царя, загадочно сощурил глаз.

– Если позволишь, дам совет.

Филипп удивился:

– У персов есть хороший обычай: когда придворный подаёт царю советы, он становится на золотую дощечку. Если совет одобряется, советчик получает её в награду. Ну, а если совет не подходит царю, его больно бьют плетьюми. – Филипп, довольный шуткой, рассмеялся. – Ты только что наговорил столько дерзостей – ни один царь не позволяет себе слушать подобное. А потом спрашиваешь дозволения рассказать секрет, как мне быстро разбогатеть. Ну, говори, если знаешь дело.

– Ты, наверно, помнишь, царь, что по поручению отца твоего Аминты я не раз бывал с посольством в Афинах. Пока другие выполняли царское поручение, я зря времени не терял – мне было интересно узнать, отчего Афины имеют преимущество перед другими государствами. Персов при Марафоне сокрушили афиняне, и даже Спарта вынуждена считаться с Афинами, и остальные города всегда напрашиваются в союзники, становясь для афинян чуть ли не подневольными. В чём секрет Афин? У афинян всегда были и есть деньги, источник же, можно сказать, неиссякаемый – Лаврионские рудники на юге Аттики, где добывают хорошей чистоты серебро.

– Я знаю о Лаврионе, – царь оживился. – Я слушаю тебя со вниманием.

– Доходы от рудника огромные – сто талантов в год (3600 кг)! Эсхил говорил, что Лаврион напоминает фонтан, изливающийся на каждого афинянина серебром. Было время, когда рудники захватила Спарта. Вот тогда пошатнулось афинское могущество, хозяйство пришло в расстройство. Пришлось Афинам приложить усилия, чтобы вернуть свой «фонтан». И потом афинский полководец Фемистокл разбил могучий флот персов своим флотом, построенным на серебро Лавриона.

Филипп с раздражением прервал поток его слов:

– Советник, зачем ты отнимаешь у меня время, рассказывая о том,

что не принадлежит Македонии? Я не собираюсь воевать с Афинами за Лаврионские рудники!

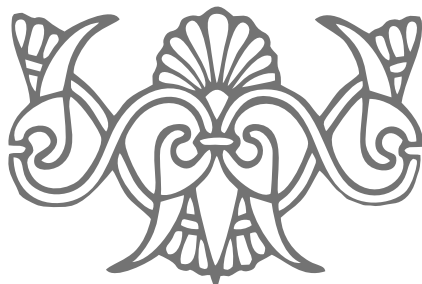
– Не нужно воевать с Афинами за Лаврион. Я говорю о том, что разработка рудников оказалась великолепным подспорьем для афинской казны, главной опорой власти. Рудники передавались в аренду любому афинянину за один талант и двенадцатую часть добываемого серебра в год. Для государства никакого риска – но прибыль для обеих сторон высока. В рудниках работают рабы, государственные и наёмные. Некоторые хозяева рабов, а их у многих арендаторов до тысячи, сдают в аренду своих рабов, получая по оболу (*1 2 серебра*) в день за каждого. Наниматель обязан вернуть хозяину всех его рабов после окончания срока договора аренды в полном здравии, в каком их получил. Чем не гарантия хозяину рабов от всяких потерь – от болезней или бегства рабов? Вот тебе, царь, пример правильного использования горных недр и рабов в интересах государства и народа. Многие афиняне сколотили огромные состояния, делая общественную пользу для Афин. Богатый народ – богатая страна!

Царь со вниманием посмотрел на Хабрия:

– Я понял тебя, мой мудрый советник. Нет надобности македонянам идти на Лаврион. Наш путь лежит на Пангей. Мы прогоним оттуда афинян и завладеем рудниками! А золотой ключ откроет ворота любого греческого города.

– Ты прав, царь! Афинам сейчас не до Пангей, а тебе – по силам!

Филипп впал в раздумье, поглаживая небольшую волнистую бороду, не обращая больше внимания на собеседника. Глубокая морщина пересекла лоб. Молчание царя затянулось, и Хабрий понял, что ему пора уходить.

Глава четвёртая

ОТ МАКЕДОНА ДО ФИЛИППА

Карта Ойкумены

Задолго до восшествия на престол молодого царя Филиппа Македония имела доступ к морям – Ионическому, Эгейскому и даже к Понту Эвксинскому, или Чёрному морю. Из-за грубых политических просчётов и военных неудач прежних правителей она растеряла былое могущество, а её влияние среди греческих государств заметно уменьшилось. Страна оказалась запертой на пространстве, ограниченном горами, между реками Галиакмон (*совр. Быстрица*), Лудий (*совр. Карасмак*), Аксий (*совр. Вардар*) и Стримон («Водная стремнина», *совр. Струма*). Последняя отделяла Македонию от враждебной Фракии, из которой вооружённые группы неоднократно заходили вглубь македонской территории, сжигая и грабя сельские поселения, уводя жителей в рабство или даже присваивая земли и охотничьи угодья в качестве военной добычи. За Стримоном начиналась чужеземная местность Эдония с городами греков Амфиполь (*совр. Неохория*), Крениды (*совр. Филиппы*) и Апполония (*совр. Влёра*); дальше – Халкидика с главным городом Олинф (*совр. Айо-Мамас*).

Природа распорядилась, чтобы страна естественным образом разделилась на две неодинаковые части: Верхняя Македония – горная местность с неблагоприятными природными условиями и, соответственно, суровым характером жителей; Нижняя Македония – равнинная и благоприятная по всем природно-климатическим параметрам. В горной местности главенствовали две труднодоступные области: Орестида и Линкестиды. В равнинной части находились Элимея и Пинерия. Из всех рек македонские цари выбрали судоходный Лудий, вы-

строив в ста двадцати стадиях (1 ст. = ок. 200 м) от устья новую столицу Пеллу («Камень-скала», совр. Айё-Апостоли). В ней родился Филипп, и это обстоятельство призывало его, когда он стал царём, сделать Пеллу прекраснее всех других городов Македонии и даже Греции.

Македонянам повезло, что на их земле возвышалась священная для всех эллинов гора Элимпос (Олимп), где, согласно мифам и легендам, жили боги. К востоку от Олимпа расположились исторические области Пеласгиотида и Пэония, заселённые некогда древними племенами пеласгов, считавшихся прародителями греков. Они переселились сюда из самого сердца Центральной Греции – Аργοлиды и Аркадии – во время так называемой «Первой миграционной волны» (III–II тыс. до н. э.). Другие ветви пеласгических племён попали на острова Лемнос, Имброс, Самофракий, Крит, на берега Геллеспонта и Южной Италии, оставив в этих местах семена эллинской нации. От легендарных пеласгов древние греки научились возводить крепости из огромных камней, возделывать землю и получать урожаи сельскохозяйственных культур, быть искусными в ремёслах.

На севере Македонии находились древнейшие области Одомантика, Денфелетика и Медика с главным городом Ямфорина. Отсюда открывался вид на Пангей, где в горах во множестве водились дикие звери, имелись львы – вожаденный предмет охотничьих забав македонских царей. И, наконец, со стороны Ахайи приграничной полосой высился горный хребет Сколлий – продолжение горного кряжа с Пелопоннеса – Эриманфа.

Большая часть Македонии покрыта горами, что означает недостаток удобных пахотных земель. Но для македонян это обстоятельство обернулось неоспоримой выгодой перед остальной Грецией: на горах рос отличный строевой лес. Греки к тому времени свои леса уже порядком истребили и теперь были вынуждены закупать его у македонского царя. Иначе как обустроить свои города, создать морской флот? За деловую древесину покупатели платили, не торгуясь! Филипп это понимал и использовал сей аргумент в качестве предмета давления на заносчивые Афины.

* * *

Однажды советник Хабрий появился перед царём Филиппом, когда тот знакомился с донесениями тайных агентов о положении дел в греческих городах за Стримонем. Филипп продумывал планы будущих военных экспедиций, искал надёжные пути прохода войск. Советник положил на стол пожелтевший свиток.

– Что это? – раздражённо спросил Филипп, он не любил, когда ему мешали, кто бы это ни был.

– Картис, – ответил Хабрий, загадочно улыбаясь, показывая всем видом, что принёс нечто необыкновенное. – Это изображение земного пространства, Ойкумены, с границами обитаемого мира. Есть здесь и Македония, какой она представлялась много лет назад, соотносительно с другими странами по размерам.

Отбросив донесения в сторону, Филипп с интересом развернул папирус, внимательно просмотрел рисунки.

– Откуда это у тебя?

– Картис обнаружил хранитель царской библиотеки в Эги, где издавна содержатся государственные записи-хроники. Картису не меньше ста лет. Я сразу понял, что он тебе пригодится.

– Покажи, где Македония.

– Вот она, здесь, – Хабрий направил свой длинный палец на небольшое пятно бурого цвета. – Только сегодня Македония выглядит меньше, чем она изображена здесь. Причины ты знаешь лучше меня, царь.

Старинный картис поразил Филиппа, прежде всего возможностью окинуть взглядом земные пространства, которые конный не переедет и корабль не переплывёт даже за месяц. Глядя на изображения гор, морей и равнин, он вдруг представил себя правителем этих земных владений, населённых неизвестными народами, мирными и враждебными...

– Ты порадовал меня своей находкой, Хабрий, – царь оторвался от папируса. – С таким картисом войско не заблудится в чужих землях. – Филипп посмотрел на Хабрия. – Ты прав, мне понадобится этот картис и ещё другие, которые изображают Македонию, Грецию и остальной мир людей, как он есть на самом деле, сегодня. Ты сможешь найти мне папирусы, какие я хочу?

– У меня на примете есть несколько греков, которые занимаются этим ремеслом. Я слышал, что более ста лет назад по приказу персидского царя Дария именно грек впервые изготовил картис с границами Персидского царства. Будет и у тебя подобный картис.

* * *

Хабрий, чтобы не мешать царю, удалился. Филипп, возбуждённый увиденным на диковинном картисе, остался наедине со своими мыслями. Он всегда говорил или думал о Македонии как о стране с необычным бытом и традициями. Македония для него являлась ча-

стью Греции, но лишь географически, так как аттические греки, придерживаясь естественного характера и географических ориентиров, упорно отделяли македонян от себя. В чём-то они были правы: македоняне, как и другие жители Балкан, пребывали в настроениях честолюбивых и даже заносчивых, и чувство национальной гордыни у них нередко превышало допустимые пределы. Их задиристость и мстительность, перерастая временами во враждебность по отношению к другим народам, не позволяли грекам доверять македонянам как прочим эллинам, устанавливать с ними добрососедские отношения. Но македонские женщины чувствовали себя совсем не так, как у остальных греков – в правах они были наравне с мужчинами. Мать и жена в македонской семье играли лидирующую роль. И в этом было разительное отличие македонян от греков!

Но всё-таки объединяющие македонян с эллинами национальные черты имелись, особенно если речь шла о жителях равнин. Тем более что у македонян не было своей письменности; они переняли греческий упрощённый народный язык, общепринятый повсеместно, как и литературный язык, и назывался он койне. В македонском языке слышатся формы эолийского наречия, и в словах, составляющих общее достояние греков и италиков, узнаются остатки многих греческих корней. Были и другие общности, например, македонская область Эмафия благодаря близости моря по климату и растительности скорее относилась к природе Эллады. К тому же была проникнута греческой образованностью. Но Верхняя Македония продолжала находиться чуть ли не во мраке первобытного состояния, тяготее к Хемусу (Балканам) с дикими нравами северных народов, чем искусственно отчуждалась от Эллады.

Поэтому вопрос, к кому или к чему тяготела Македония – к Северу или Югу, – волновал многих македонских царей. Теперь пришла пора беспокоиться новому царю Филиппу. Он думал: если воспринимать Македонию как неотъемлемую часть Греции, Эллады, нужно стремиться породниться с представителями греческих городов; если македоняне для греков навсегда останутся «варварами», с ними нужно поступать «по-варварски» – завоевывать и разорять.

Филипп неплохо знал историю своей страны, древние корни царских родов, безусловно идущие из Греции. Он не имел права сердиться на греков за упорство не воспринимать Македонию так, как того хотелось её царям. То, что македоняне отчасти варвары, виноваты соседи иллирийцы – народ необузданный и дикий. За многовеко-

вую историю они щедро разбавили в македонянах греческую кровь. Разве это греки перед сражениями приносили собственных детей в жертву богам? Иллирийцы! Греки украшали татуировкой тела воинов для устрашения врага? Иллирийцы! А одежда, стрижка волос и нравы многих македонян разве не происходят от варварских обычаев? Чего обижаться на Грецию!

У македонян нет особой древней культуры, наук, как нет мудрецов, поэтов, зодчих. Имелись только попытки использовать чужое, и то не всегда удачно! Нет, есть за что грекам презирать македонян, как и другие варварские народы, пригодные лишь для рабства. Впрочем, афиняне говорят, что из Македонии нельзя достать ничего, даже хорошего раба! Потому что македонянин лучше примет смерть, чем станет рабом!

Гераклиды в Македонии

В архивных документах дворцовой библиотеки советник Хабрий обнаружил древние записи, проливающие свет на историю происхождения названия страны – Македония. Открытием поделился с Филиппом, который ревностно воспринимал всё, что относилось к Македонии и родословной царской семьи ...

В незапамятные времена из-за горных хребтов Хемуса, с севера, в эти места пришло иллирийское племя под предводительством мудрого вождя Македона. Бросить родные места их заставили кочевые племена, бесцеремонно вытеснившие их с исконных земель. Тогда иллирийцы нашли свободную от аборигенов территорию от Пинда до Галиакмона с плодородными почвами, где возвели несколько укрепленных поселений и главную крепость Эдессу («Богатая водой»).

На всей новообретённой территории не было места лучшего, чем Эдесса: пенные водены (*водопады*) шумно проливались по отвесным скалам, вокруг величественные горы – естественная защита от врагов. За широким заливом виднелись горы Халкидики, а в зелёной долине встречались все главные реки местности. Поэтому Эдесса стала служить воротами горной области, её ключом и надёжной крепостью, стражем благодатной для сельского хозяйства равнины. А цари устроили в ней свою резиденцию. Новую страну называли по имени вождя Македона, а жителей с тех пор именовали македонянами.

Но представители иллирийских племён, как бы древни ни были

их корни, настоящими царями македонян, с полной властью над всей территорией, никогда не были. Македонские цари вели родословную от божественного Аргуса, сына Зевса и Ниобы, одной из дочерей пелопоннесского царя Форонея. Этот Аргус, унаследовав престол от Форонея, объединил разрозненные города в Аргосское царство – Аргolidу. После Аргуса правили его потомки, последний из которых носил имя Фидон. Во время его царствования на Пелопоннесе пришли мигрирующие племена воинствующих дорян, противостоять которым мирные пелопоннесцы не могли. По соседству с Аргolidой доряне создали военизированное государство Спарта, жители которого кроме войны и грабежей ничего не желали знать. Для царя Фидона сложились трагические обстоятельства: он потерял престол, ему пришлось бежать с семьёй в дружественную Аркадию (*совр. Ибрагим-Эффенди и Пиали*). За царём тронулись в путь многие аргосские семьи.

Вместе с Фидоном отбыл его младший брат Каран. Он не задержался в Аркадии, а с отрядом молодых воинов добрался до Македонии. Легенда гласит, что оракул велел им «остановиться там, где увидят стадо белорогих коз». Так аргивяне дошли до Эдессы, где увидели пасущихся белорогих коз. Пользуясь внезапностью, воины Карана заняли город, объявив его жителям, что теперь они должны подчиниться новому царю – Карану. В память об этом событии Эдесса была переименована в Эги («Козий город»). Собственным нравственным и физическим превосходством Каран доказал жителям этого сурового края, что он достоин быть их царём. При нём в области Орестиды появился новый город, названный пришельцами Аргосом Македонским – в память об Аргосе на Пелопоннесе. Это случилось за пятьсот лет до царствования Филиппа. Такова легендарная история прародителей всех македонских царей, которые носили теперь гордое имя Аргеадов.

* * *

Историю царя Карана македоняне передавали из уст в уста, она утверждалась в сознании потомков и постепенно стала восприниматься как достоверность. Многие отцы называли сыновей его именем. На знамени македонского войска появилось изображение бодливого козла, последующие цари украшали свои шлемы крутыми рогами горных козлов (Александр Великий по отцу был тоже из рода Аргеадов, он носил рогатый шлем). Но главное состояло в том, что супруга аргосского царя Амфитриона, Алкмена, родила Геракла от

Зевса, македонские цари хранили в родовых записях сведения, что они потомки Геракла, то есть Гераклиды!

После Карана каждый царь стремился расширить границы Македонии за счёт захвата чужих территорий, встречая неприятие и сопротивление соседних племён. Но в условиях усиливающейся вражды и соперничества между удельными македонскими князьями без крепкой централизованной власти становилось всё труднее сохранять целостность государства. В этом смысле Пердикка I, дальний предок Филиппа, силой, угрозами или договорами с удельными правителями сумел подчинить престолу все княжества, став, таким образом, царём объединённого Македонского царства (VII в. до н. э.).

АМИНТА I (VI в. до н. э.), пятый македонский царь, отнял у фракийцев области Пиерию и Боттиэю, на которых проживали выходцы с легендарного Крита, изгнав коренных жителей в Халкидику. Затем захватил приморскую область Мигдонию, где македоняне заняли плодородные поля и охотничьи угодья бывших хозяев. За Мигдонией последовала очередь Алмонии. Аминта заселял захваченные земли не только переселенцами из Македонии; в устремлении казаться эллином по крови царь активно приглашал беженцев из греческих городов. Его политика достойно продолжалась сыном Александром.

АЛЕКСАНДР I был смел и дерзок в поступках. В юности с ним произошла захватывающая история, которую поведал Геродот. Однажды к царю Аминте с требованием унижительной дани прибыли послы персидского царя Дария I Гистаспа, семь знатных персов. В то время Персия покровительствовала македонским царям, имея собственные выгоды на греческой земле. Царь Аминта организовал для послов торжественный приём с застольем, на котором, по македонскому обычаю, присутствовали придворные советники с жёнами. На пиру находился и юный Александр, наследник македонского престола. Персы пили без удержу, опьянев, начали приставать к женщинам, воспринимая их присутствие по-своему. Мужья тех женщин не знали, как поступить, сгорая от стыда и унижения, но нарушить законы македонского гостеприимства, да ещё с официальными посланцами могущественного царя персов, не решались. Тогда Александр тихо сказал царю:

– Отец, тебе в твои годы лучше перестать пить. Иди отдыхай!

Сославшись на усталость, Аминта ушёл, а персы это обстоятельство расценили как сигнал к действию, ещё настойчивее требовали от замужних женщин любовных утех. Александр взял на себя заботу

о гостях, успокоил персов обещаниями, что их желания будут исполнены. Но прежде убедил персов позволить женщинам уйти, для того чтобы они могли соответствующим образом подготовиться к веселью, принарядиться...

Персы обрадовались, увидев, что через некоторое время женщины вернулись. Но это были вооружённые кинжалами безбородые македонские юноши, переодетые в женское платье. Персов закололи, как откормленных боровов, и тайно захоронили.

Царь Дарий долго ожидал возвращения послов, а когда терпение его кончилось, отослал к Аминте гонца с вопросом:

– Где послы?

Ответ был такой:

– Твои послы давно отбыли из Македонии!

Персидского царя Дария было трудно провести, он заподозрил неладное, разгневался и прислал в Эги доверенного советника Бубара, умного, хитрого человека. Тот нашёл нужные слова, устроил Аминте чуть ли не допрос и всё-таки узнал, что произошло на самом деле. Александра ожидала мучительная смерть от удавки персидского палача, а Македонию – возможно, губительные последствия. Но царевич, несмотря на молодость, сумел замять скандал. Он попросту купил Бубара щедрыми подношениями да ещё отдал ему в жёны свою сестру. Довольный приёмом советник вернулся в Персию, где доложил царю, что послы действительно отбыли из Македонии, но по пути в Персию, возможно, с ними приключилась беда – дорога дальняя, опасностей много...

Александр I находился у власти почти полвека, укрепив могущество царства за счёт усиления единовластия. При нём оживилась торговля Македонии с греческими городами на Халкидике, она наконец наладила дружественные отношения с Афинами, торгуя лесом, дёгтем и смолой – материалами, необходимыми для быстрорастущего кораблестроения афинян.

Но в биографии царя Александра имелся факт, оцениваемый греками как позорный. Новый персидский царь Ксеркс в надежде обрести Македонию в качестве вассального государства, сатрапии, предложил молодому Александру, который недавно занял македонский престол, своё покровительство, немало золота и военную поддержку. Ксеркс хотел, прибрав к рукам Македонию, мирным путём значительно расширить на запад границы своей державы и оттуда начать наступление на Грецию и Скифию. Следует напомнить, что к этому

времени у Александра не складывались отношения со многими греческими городами-государствами, полисами. Поэтому предложение могущественного и щедрого на подачки персидского царя пришлось кстати. Намереваясь с помощью персидских воинов решить свои «греческие проблемы», он согласился, после чего в союзе с персами македоняне воевали против Спарты и Афин. Греки негодовали, а царь Александр получил от Ксеркса благодарственное письмо:

«Царь Великой Персии Ксеркс дарует доблестному царю македонян Александру власть над всей областью между горами Олимпом и Хемусом».

Молодой царь воспользовался моментом, проявляя немало воли и упорства, порой и жёсткости, подчинил собственной власти независимые македонские княжества, что послужило поводом для возвышения престольного Эги над прочими городами Македонии. Но при всех распрях с греками Александр думал об укреплении политических связей страны с влиятельными государствами Греции – Афинами, Фивами, Спартой. Он не забывал, что его родина есть малая частица огромного эллинского мира, а македоняне до сих пор находятся в полуварварском состоянии. Поэтому направление движения Македонии видел только в сближении с греческими городами, в приобщении к древнейшей эллинской культуре.

Как показала история, этот мотив послужил основной причиной разрыва отношений Македонии с Персией, и в знаменитом сражении у Марафона (490 г. до н. э.), когда греки разбили армию персов, участвовали македонские воины. Царь Александр пожертвовал десятую часть военной добычи в Дельфийский храм, после чего его беговую колесницу допустили к состязаниям на Олимпийских играх. Кони Александра победили, что позволило ему воздвигнуть в священной роще Алтис свою бронзовую статую. Обнадёженный доверием греков, по примеру своего отца Аминты Александр чуть ли не принудительно проводил эллинизацию македонян. Он принимал на поселение всех политических изгоев из греческих городов, за что заслужил прозвище Фил-эллин («Любящий эллинов»). Молодой реформатор пригласил великого Пиндара посетить Македонию, погостить у него. Избалованный вниманием поэт не отказался, поселился в царской резиденции, радуя слух грубых македонян тонким изяществом своих стихов о схватках и победах могучих атлетов.

ПЕРДИККА II, младший сын Александра, был озабочен укреплени-
ем царской власти, не терпел рядом никого, кто мог претендовать

на македонский престол. Он оттеснил от престола старшего брата Алкета. С другим братом, Филиппом, разделил власть над Македонией, а потом с помощью Афин затеял с ним войну и получил всю Македонию. За это ему пришлось выплачивать афинянам позорную дань и оказывать военную поддержку в конфликтах с греческими городами. Но, используя поддержку Афин, Пердикка ограничил власть удельных македонских князей, стал объединителем Нижней, Верхней и Средней Македонии. С укреплением армии он позволил себе наладить тайные сношения с населением прибрежных греческих городов, стараясь освободиться от союзнических и зависимых обязательств Македонии перед Афинами. Но афиняне сумели его переиграть, вернув своё влияние в этом регионе.

О Пердикке II можно сказать, что он любил пышные застолья и содержал при дворе многочисленный «гарем» из молодых женщин, представительниц различных народов. Успевал общаться с красивыми рабынями. Умер он внезапно (413 г. до н. э.), не оставив завещание о престолонаследии, что послужило причиной для новых дворцовых потрясений.

АРХЕЛАЙ I, сын Пердикки от рабыни, понимая своё происхождение, вначале не претендовал на верховную власть. Но однажды в нём проснулось самолюбие, и он попросту убил всех претендентов. В его лице Македония неожиданно обрела сильного царя, полководца и политика. При нём в приграничных областях возводились крепости, в малообжитых районах сооружались военные поселения, в горах прокладывались дороги. Он был первый, кто понял нужду в переустройстве македонской армии, которая до сих пор формировалась по ополченческому принципу, и в ней единого командования, военного единоначалия, не существовало.

В поисках эллинских корней в своей родословной Архелай продолжил исследования биографий македонских царей, документально подтвердив происхождение своих предков от Геракла. Этим он привлёк внимание эллинского мира к «варварской» Македонии, повысив не только собственный статус, но и страны. Продолжая традиции прежних царей, Архелай пригласил в Македонию самого Еврипида. Знаменитый трагедийный поэт, несмотря на преклонный возраст, к удивлению многих, прибыл в Македонию (408 г. до н. э.), успев за два года до смерти написать «Архелай», «Вакханки», «Ифигения в Авлиде» и другие трагедии.

Царю Архелаю принадлежит заслуга переноса столицы из Эги на

новое место, в Пеллу (400 г. до н. э.). В Греции расценили смену столиц как решительный поворот от древних местнических традиций, осуждаемых как варварские, к новой культуре, новому миру, который называется Элладой. В дальнейшем устремлении превзойти греков царь заложил у горы Олимп город Дион, где однажды устроил «Всемакедонские игры» с музыкальными и поэтическими состязаниями, драматическими представлениями и силовыми агонами, схватками атлетов – по образцу и подобию Олимпийских.

Архелай не успел осуществить всего, что задумал. Его энергичная деятельность, направленная на сближение с Грецией, в Македонии нравилась не всем, поскольку древними иллирийскими корнями большинство князей тяготели к Балканам. После четырнадцатилетнего пребывания Архелая на престоле его убили в собственной спальне, и сделал это грязное дело его возлюбленный Кратер. По сговору с придворной элитой убийца царя занял его место, но продержался у власти... три дня. Его зарезали другие заговорщики.

ОРЕСТ, сын Архелая, в младенческом возрасте оказался единственным претендентом на царский престол. Но часть македонян знала и помнила, что Архелай незаконно пришёл к власти, а значит, его сын не может быть наследником престола. Македония окунулась на десять лет в череду кровавых заговоров, дворцовых переворотов и междоусобиц. Народ стал забывать мирную жизнь, покой и достаток. Крепкое в недавнем прошлом государство разваливалось, испытывая очередное отторжение мятежных горных областей; среди них наиболее влиятельные – Линкестиды и Элимиотия.

Опекуном Ореста назначили его ближайшего родственника – Аэропа II, самого влиятельного владельца Линкестиды. Через месяц при поддержке военной элиты опекун назначил себя новым царём Македонии (396 г. до н. э.). Через три года престол захватил Аминта II, внук Александра I. В том же году Аминту убили заговорщики, руководимые влиятельным князем элимейцев Дердой, который посадил на македонский престол Павсания, сына Аэропа II. Через несколько месяцев Павсания убили новые заговорщики во главе с Аминтой III, правнуком Александра I. Он стал отцом Филиппа II.

АМИНТА III, обладая замечательными достоинствами мудрого полководца, повёл Македонию к лучшему будущему. Своевременная помощь спартанцев, врагов афинян, помогла Аминте вывести страну из кризисного состояния. Царь пошёл на сближение с греческим населением прибрежных городов, обещая всяческие блага и уступки

в торговле с Македонией. Аминта не забывал, что Македония находится в единой эллинской семье. Поэтому в круг его близких друзей вошёл врач Никомах, отец Аристотеля, будущего великого учёного и философа. Так ему виделось сохранение хрупкого мира между Македонией и Грецией.

У Аминты подросла дочь, а наследника не было. Царь сделал смелый для его возраста шаг – в шестьдесят лет он расстался с женой, чтобы соединиться брачными узами с юной Эвридикой, внучкой царя Арридея. Расчёт оказался верным: молодая жена родила подряд троих сыновей. Филипп оказался младшим, когда престарелый царь, казалось, не помышлял о супружеских обязанностях. Упорно ходили слухи, что его зять Птолемей, муж дочери, часто бывает в спальне Эвридики. Аминте регулярно доносили об изменах супруги, а он, возможно, не доверяя слухам или не желая скандала, не принимал никаких действий. Его поведение, неподходящее для мужчины и царя, позволило недругам предполагать, что Филипп не его сын, а значит, о законном престолонаследии не могло быть и речи! Именно это обстоятельство дало повод Филиппу со временем постараться исправить свою подозрительную родословную – жениться на Миртале, дочери Неоптолема II, «чистейшей царской крови».

Бездеятельность Аминты в отношении поведения собственной супруги привела однажды к тому, что Эвридика вознамерилась убить мужа, очистив для Птолемея путь к престолу. Однако дочь Аминты, не простив мужу измены, узнала о заговоре и донесла отцу. К всеобщему разочарованию, Аминта так и не наказал Эвридику – возможно, ради сыновей, которые любили свою мать. Не наказал он и Птолемея. Или не успел, придумывая ему ужасную казнь, поскольку вскоре сам скончался.

Македонский престол перешёл к малолетнему Александру, старшему сыну. По закону вдове царя и его детям полагался опекун из ближайших родственников, агнат. Эвридика предложила старейшинам назначить Птолемея, к которому она уже не скрывала любовных чувств. Достигнув совершеннолетнего возраста эфеба, Александр вступил на престол, но через год во время танца на празднике он внезапно споткнулся и упал замертво. Птолемей развёлся с женой и женился на Эвридике. Власть в Македонии теперь всецело принадлежала ему и Эвридике, хотя законным преемником престола всё ещё считался второй сын Аминты – Пердикка, который по малолетству не мог исполнять царские обязанности.

Через год кто-то надоумил юного Пердикку потребовать от совета старейшин лишения Птолемея неограниченной власти и обязанностей опекуна. Не встретив поддержки в Македонии, ибо многие князья боялись всесильного Птолемея, Пердикка обратился за помощью к Фивам, и фивяне, любители политических интриг, охотно откликнулись. В Македонию вошёл вооружённый отряд под командованием беотарха Пелопида, известного фиванского военачальника. Он быстро разобрался с обстоятельствами и принял сторону Пердикки, при том что поддержал и Птолемея. По распоряжению Пелопида Птолемею достался довольно крупный кусок территории Македонии. «Ради спокойствия и мира среди македонян» Пелопид распорядился отобрать пятьдесят детей из родовитых македонских семей, которых забрал с собой в качестве заложников. Первыми в списке значились Филипп, младший сын Аминты и Эвридики, и Филоксен – сын Птолемея от дочери царя Аминты. Прощание с родными для детей и подростков было мучительным испытанием. Как показали дальнейшие события, развернувшиеся вокруг македонского престола, возможно, решение Фив обзавестись подобной гарантией благонадёжности Македонии спасло маленькому Филиппу жизнь...

ПЕРДИККА III. Вражда между Пердиккой и Птолемеем завершилась, когда последний пал жертвой подосланных убийц. Пердикка стал единовластным правителем Македонии. Его энергичными действиями страна выстояла против повторного вооружённого нашествия иллирийцев, а смерть могущественного полководца Пелопида позволила Македонии освободиться от назойливой опеки Фив. Наконец Пердикка вспомнил о младшем брате Филиппе, затребовал вернуть его, а по возвращении отдал ему в управление область с древней столицей Эги. Филиппу тогда не исполнилось и двадцати лет.

На шестой год царствования Пердикки в Македонии вновь начались междоусобицы: правители горных областей отказывались подчиняться молодому царю, сидящему в Пелле. Иллирийцы не преминули воспользоваться ситуацией, вновь тревожили приграничные области. Пердикка, не привыкший избегать трудностей, отправился с войском навстречу, но погиб в первом сражении. Вместе с ним погибли многие его воины.

Македония снова вверглась в пучину дворцовых интриг и межродовых распрей в борьбе за престол...

Глава пятая

ВКУС ВЛАСТИ

Царский опекун

Высший совет македонских военачальников, от которых зависело, кому быть царём, возвёл на престол Аминту, малолетнего сына Пердикки (359 г. до н. э.). Филиппа, родного дядю, определили опекуном, права которого должны были закончиться по достижении племянником восемнадцати лет – возраста эфеба. Событие омрачалось тем, что объявились сразу несколько претендентов на престол, все из древнейших знатных княжеских родов. И всё потому, что прошёл слух, будто Аминта физически оказался недееспособным. В горных областях назревала смута, неподчинение царской Пелле, отчего позиции Македонии в греческом мире значительно ослабли. Афиняне немедленно объединили усилия с фракийскими князьями, обозначив общего врага – ослабленную Македонию. В приграничье становилось тревожно, но защищать интересы македонян здесь оказалось некому.

В свои двадцать три года Филипп остро чувствовал боль за порушенную мощь отечества. Понимая, что время работает против Македонии, царский опекун решил, что пора браться за реальную власть. Для этого следовало сместить с престола подопечного, несмышлёного царя Аминту, что было противозаконно. Но это обстоятельство не смутило Филиппа.

Молодой человек понимал, что в подобном дворцовом перевороте без поддержки военной элиты не обойтись. Чтобы ею заручиться, нужно было совершить что-то такое, что привлекло бы внимание всей Македонии. Филипп стал действовать. За свой счёт он набрал

отряд авантюристов, вооружил их, предложив «прогуляться» с ним в земли фракийских соседей – Пеонию и Агрионию. Охотников до чужого добра нашлось немало – дерзких и решительных, безжалостных к врагам. Поход длился недолго, но за счёт неожиданности нападения македоняне ограбили владельцев золотосодержащих рудников и с богатой добычей вернулись домой.

Филиппа встречали как героя! Сразу вспомнили, что он сын царя Аминты, с именем которого связано бывшее могущество Македонии. В нём увидели личность, способную оградить народ от беспредела и беззакония удельных князей, спасти страну от грозящего развала. Золото, появившееся у Филиппа, способствовало его признанию среди военной аристократии.

Но путь к царскому престолу ему преграждали другие претенденты, не менее значимые по силе духа и, главное, обладающие более знатными родовыми связями, чем он. Прежде всего Архелай – сводный брат последнего царя Пердикки. Затем Павсаний из рода линкестов: его позиции считались наиболее сильными, поскольку он заручился военной поддержкой фракийского царя Котиса. Ещё был Аргей, рассчитывавший на помощь афинян. Филипп, понимая, что шансов у него немного, прибег к проверенным в таких случаях средствам – подкупу, шантажу и убийству. От неведомой болезни неожиданно умирает Архелай. На охоте от случайной стрелы погибает Аргей. За щедрые дары, переданные Котису, Фракия отказала Павсанию в дружбе. В такой ситуации остальные претенденты на царскую власть в Македонии быстро утратили пыл.

Афины и заодно с ними Фивы, неожиданно обнаружив в лице царского опекуна опасность для себя, в ответ пригрозили вводом союзнического войска в Пеллу. Вот когда пригодились Филиппу уроки риторики, преподанные ему в детстве греческим учителем красноречия! Он вступил в дипломатические переговоры, услаждая слух опытных политиков лестью, клятвенными обещаниями дружбы и личной преданности. Он предлагал Афинам помогать в укреплении македонской армии, обещая использовать её в интересах афинян на Халкидике против Олинфа, Амфиполя, Потидеи и других независимых греческих городов. Удивительно, но обольстительным речам малоизвестного правителя Македонии поверили. Противники – Афины, Фивы и Спарта – успокоились и вновь занялись привычным делом – кровопролитными войнами между собой за гегемонию в Элладе. Такова была первая и весомая победа молодого македонского политика, позволившая ему

немедленно заняться подготовкой к общевойсковому собранию, на котором предстояло утверждение его царём. Но вначале нужно было привлечь на свою сторону военную элиту, самым видным представителем которой являлся Антипатр.

Антипатр

Антипатр был лет на пятнадцать старше Филиппа, но это не мешало зарождению их крепкой дружбы. А всё началось холодным зимним вечером в Эги, древней резиденции македонских царей. На дворе стоял промозглый месяц перитий (середина января – середина февраля). До этого Филипп появлялся в Эги часто – охотился в горах, а по вечерам у очага просматривал собрание редких рукописей, хранящихся в царской библиотеке, где наряду с греческими драмами находил немало записей из истории Македонии. Поэтому сегодня он с некоторым волнением ожидал к ужину гостя из Пеллы. И повод был неплохой: на завтра договорились поохотиться на косулю.

Антипатр появился в своей манере – шумно и без церемоний. Филипп встречался с ним в Пелле, когда был жив брат Пердикка. Но тогда богатый землевладелец и командир элитной македонской конницы снизошёл до близкого общения с юнцом. Когда Филипп получил права опекуна царского наследника и был почти у власти, он не торопился делать решительных шагов к сближению с Антипатром, боясь ошибиться в выборе надёжного единомышленника. Теперь настала пора менять тактику обоим, и Филипп пригласил Антипатра посетить Эги ради зимней охоты в горах.

На госте был зимний гиматий – тёплый плащ; военного человека выдавали решительный громкий голос и уверенная походка. Антипатр был высокого роста, крупный телом, скорее громоздкий. По крайней мере, так показалось Филиппу, когда он увидел долгожданного гостя в дверях кабинета. Длинные ухоженные волосы Антипатра крупными волнами падали на полные плечи, спереди они доходили почти до бровей, скрывая лоб. Гость и хозяин встретились взглядами. В чёрных настороженно прищуренных глазах Антипатра – испытывающие огоньки.

– Хайре!

В приветствии он коснулся широкой ладонью своей груди – жест честности и открытости отношений. Филипп ответил улыбкой, будто давнему другу, сделал шаг навстречу. Обоим сразу показалось, что

они открыты друг для друга, что случается крайне редко среди подозрительных и суровых македонян.

После обычного обмена приветствиями, разговора о непростой дороге в Эги и погоде они перешли в небольшую уютную трапезную. Засуетились слуги. Подоспел ужин, соблазняющий запахами мясных блюд, сдобренных острыми македонскими приправами. Пока они неторопливо насыщались, обсуждая достоинства вина, узнавали друг о друге: Антипатр, оказывается, обожал устриц и фаршированных поросят. Филипп в пище был менее требователен, вино употреблял без особого увлечения определёнными сортами, а пил, будто жажду утолял. Антипатр оживился, когда Филипп похвастался содержанием винария – винохранилища. Слуга принёс высокий глиняный кувшин с узким горлом, запечатанным гипсовой лепёшкой. Густая пыль свидетельствовала, что кувшин долго хранился в темноте и прохладе подземелья. Антипатр оживился:

– О, только очень ценное вино могли затворить таким необычным образом!

– Да, это так, уважаемый Антипатр, – загадочно улыбнулся Филипп, – вот и соответствующие записи. – Он показал на дощечку, прикреплённую к горлышку кручёной ниткой красного цвета. – Сколько вина в кувшине, сорт винограда и год, когда собрали урожай. Даже есть сведения о составе земли, на которой стоит виноградник.

Антипатр восхищённо зацокал языком.

– Старое вино! Чудесное вино!

– Да, такое вино пьют только боги и мы с тобой, уважаемый Антипатр, – отозвался Филипп. Взял с подноса небольшой бронзовый топорик и... одним взмахом срубил горлышко.

Тонкий аромат летних трав заполнил помещение. Виночерпий стал наливать в чаши вино, цветом похожее на кровь раненого оленя; вино выливалось из кувшина толчками, нехотя, заполняя чашу, будто это был жертвенный алтарь Диониса. Антипатр бережно коснулся губами края чаши, сделал небольшой глоток и закрыл глаза, испытывая радость необыкновенного ощущения.

– Настоящая кровь Диониса! В вине ощущается сладость сушёного винограда, он даёт изысканный привкус в дополнение к аромату свежего винограда.

Вино оказалось достойным, чтобы застольники употребили его себе в удовольствие. В приятном времяпрепровождении кувшин медленно опустошался. Наконец Филипп направил разговор в нуж-

ное русло. Вначале поделился впечатлениями об охоте в окрестностях Эги. Антипатр, страстный охотник, поспешил откликнуться:

– Охота – достойное занятие царей и смельчаков.

– Это так, и всё-таки охоту я отношу к досугу. А досуг не главное занятие для македонянина. Защита отечества от врагов – вот наш удел.

Гость согласно кивнул, и Филипп повёл разговор, ради которого они встретились:

– Старая истина, что нет ничего сладостнее отечества. Можно наслаждаться созерцанием бесчисленных чудес в чужих краях, восхищаться великолепием и могуществом чужих городов, пышностью строений, но забыть родину невозможно, ибо она дала нам жизнь, учит нас и воспитывает. Всеми, что люди считают священным и исполненным высокого смысла, научила их родина!

Антипатр огорчённо махнул рукой.

– Не все в Македонии так считают. Удельные князья, которые прячутся по родовым имениям, не воспринимают царскую власть. Не понимают, что Афины, Спарта и Фивы только и ждут, когда князья перебьют друг друга ради собственного тщеславия.

– Да, ты прав, Антипатр, если князья не объединятся вокруг престола, Македонии не быть сильным государством. Но, как нельзя человеку жить без надежды на лучшее, так нельзя оставлять надежду на лучшее будущее нашего отечества. Тот, кого македоняне изберут царём, должен силой и волей прекратить междоусобицы. Только после этого мы станем одним македонским народом, единым с эллинами!

– Ты прав, Филипп! – сдержанно согласился Антипатр. – Но как не ошибиться в выборе царя, при том что в Македонии проживают пэоны и бриги, пиерийцы и боттиэйцы, эдоны и меды и ещё многие племена с иллирийской или даже фракийской кровью. Какой царь будет всем угоден?

– Царь в Македонии нужен, чтобы соединить все племена в одну нацию македонян, объединить разрозненный народ вокруг престола. Боги распорядились, чтобы мы говорили на одном языке, поэтому мы уже одна нация – македоняне. Македоняне с греками общаются на языке койне – значит, мы должны жить в единой Элладе. – Филипп в возбуждении задел керамическую чашу, она упала и разбилась. Это его не остановило. – Македонскому царю следует не только вернуть бывшее могущество страны, но и земли, которые растащили наши враги при прежних правителях. А затем нужно убедить македонян и греков не воевать друг с другом, потому что мы – эллины. Пусть эллины убива-

ют персов, общих врагов Греции и Македонии. Хватит персидским царям покушаться на наши города, осквернять наши святыни! – в голосе Филиппа зазвучала страстная убежденность.

Антипатр вскинул на него оценивающий взгляд.

– Македоняне не найдут лучшего царя, чем ты, Филипп. Я с тобой. Вот моя рука.

Филипп ощутил крепкое рукопожатие друга, готового на всё.

* * *

Дружеское застолье в Эги затянулось почти до утра. Антипатр был поражен глубокими познаниями Филиппа в военном ремесле. Зрелый полководец и участник многих сражений впервые услышал от него, каким должен быть настоящий стратег. Ему понравилось сравнение стратега с архитектором, строящим большой крепкий дом из отдельных материалов: вот камни и брёвна, песок, известь и черепица, разбросанные пока в беспорядке; необходимо со всей тщательностью класть кирпич за кирпичом и один ряд за другим, и также все прочие материалы по порядку. Так и армия стратегом строится, говорил Филипп, из отдельных частей.

Филипп был готов заняться реорганизацией македонского войска, но для этого нужны царские полномочия. Он говорил об этом с воодушевлением, доходчиво излагая мысли:

– Войско – это всегда живой организм: его руки – легковооружённая пехота, туловище из гоплитов – тяжеловооружённых воинов, ноги – быстрая конница. А всему голова – полководец, стратег, который отличается от прочих командиров и воинов лишь тем, что умеет ими всеми правильно распоряжаться. При этом стратег предельно заботлив к каждому воину, энергичен, вынослив и находчив, расточителен и щедр и одновременно жаден. Но осторожность не должна мешать его отваге в сражении.

Следом он перешёл к единоначалию в армии, определяя стратегу необычные функции:

– Начальник над войском, армией, является не только главным командующим во время сражения. Он остаётся полководцем и в мирное время, без устали обучая командиров и воинов искусству воевать, новым приёмам боя, полагая, что старательное обучение отдельных воинов и отдельных отрядов даёт силу целому войску. Он внушает всему войску послушание и повиновение себе, строго наказывая дурных и награждая хороших исполнителей, при этом может снискать любовь всех, кто ему подчиняется. Для успешного за-

вершения задач хороший стратег умеет привлечь к себе союзников и помощников, отыскивать и выбирать лучших военных специалистов.

Слушая Филиппа, Антипатр молчал, удивляясь огромной осведомлённости, при его молодости, в военном искусстве. Лишь однажды добавил, что при построении боевого порядка стратег должен ставить лучших воинов в первые ряды и последние шеренги, а в середине – не очень опытных, чтобы одни их вели, обучая боевому опыту, а другие подталкивали, не давая отступать. Филипп не возражал, поскольку поправка была убедительной.

Антипатр поддержал Филиппа, когда тот заявил, что Македонии следует обзавестись профессиональной армией, потому что воинский труд – плод тяжёлого и часто неблагодарного боевого искусства; он требует хорошего исполнения воинского дела и величайшего старания. Воин в наёмной армии полон остроты чувств, быстроты для преследования врага и силы, если понадобится схватить и обезоружить, наконец, мужества, чтобы доблестно сражаться, и гнева, под влиянием которого душа становится бесстрашной. В такой армии в целях поддержания постоянной боеспособности необходимо придерживаться боевой дисциплины. Для этого надо ежедневно обучать каждого воина преодолевать трудности, воспитывать нечеловеческую выносливость, поддерживая учением крепость телесную.

Но высокая требовательность и дисциплина должны основываться на постоянной заботе командира о подчинённых, заметил Филипп. Следует выделять наиболее неутомимых и наиболее твёрдых в опасностях битв. Таковых командир пусть награждает, увеличивая жалованье в два, три и даже в четыре раза, делая им различные подарки. А если случится увечье воина, командир обязан оказывать ему внимание во время болезни и устраивать почётное погребение, если воин умрёт – на все воля богов! И тогда, в свою очередь, каждый воин, зная, что военная доблесть – средство достижения почёта и богатства, отдаст себя всего военному делу и обязательству перед народом, которому служит.

Надо учить войско, как перестраиваться в боевой порядок, идти походом, днем или ночью, в теснинах или на больших дорогах, на ровных местах или в горах. Как расположить лагерь и выставить охранение; идти на неприятеля или отступать, если так велит ситуация; вести армию на приступ к крепости, подходить к стенам или стоять от них в отдалении. Как обеспечить проход армии лесами, через реки. Какие меры использовать против конницы, копьеносцев, стрелков. Какое делать

распоряжение, когда неприятель идёт на тебя, а ты его не ожидал. Какое движение войску делать, если враг, когда ты идёшь в боевом порядке, готовится ударить на тебя сзади или сбоку. Наконец, каким способом ты можешь открыть его намерения и скрыть от него свои.

* * *

После третьей смены трапезных столов – слуги убирали стол с остатками еды и приносили другой, заставленный новыми блюдами – Филипп высказал беспокойство по поводу обстоятельств, которые привели к ослаблению македонской армии по сравнению с прошлыми успехами в истории Македонии. Главное, по его мнению, это устаревшие методы в управлении войсками. В результате, поделился с Антипатром предложениями о переустройстве армии:

- основное войско должно состоять только из македонян, а в лёгкие пехотинцы можно будет нанимать фракийцев, иллирийцев или представителей других союзных племён – из тех, кто давно замирен;

- пусть будут ещё воины средней пехоты – гипасписты, или щитоносцы. Но если у греков так назывались оруженосцы из рабов, которые несли во время похода щиты своих господ, иногда шлемы, часть багажа и провиант на три дня, то у македонян они должны быть воинами, боевой единицей войска;

- вооружение гипаспистов необходимо усилить защитными панцирями, а их задачей будет поддержка атакующего крыла кавалерии и фаланги тяжёлой пехоты.

Большие надежды Филипп возлагал на фалангистов – тяжеловооружённых пехотинцев-гоплитов. Они станут опорой македонского боевого порядка. Придать им для вооружения огромные пики длиной до семи метров – сариссы, поэтому название воинам будет сариссофоры. Фаланги, оснащенные сариссами, покажутся врагу непреступной колючей стеной, словно рассерженный дикобраз!

Филипп пояснил:

- При переходах каждый воин положит сариссу на плечи впереди идущего товарища: так будет и ему легче, и не помешает передвижению войска. Ещё у сариссофоров появятся мечи и большие македонские щиты, окованные медью. Пора убрать малые греческие щиты из нашей армии. Всех воинов я обяжу носить защитные головные шлемы – нельзя красоваться перед противником, подставляя голову под удары. У легковооружённых пехотинцев появятся луки, пращи и дротики, а у таких же всадников – луки, короткие копья и дротики. И конницу мы разделим на три группы: будет у нас лёгкая, средняя и

тяжёлая конница – последняя вооружится не очень длинными сарисами, зато длинными мечами или кривыми саблями...

При этих словах Антипатр, сам начальник конницы, не удержался от вопроса:

– Филипп, ты затрагиваешь конницу, зная, что всадники в македонском войске всегда были из представителей знати, избранными, элитой. В сражение они шли всегда, как считали необходимым. Если командовать ими будет полководец, захотят ли они служить у него, подчиняться ему? К тому же, судя по твоим словам, наёмный командир может быть греком или человеком вообще низкого сословия. Как тогда быть? На мой взгляд, если ты потревожишь всадническое сословие, получишь обратный результат. Сейчас каждый всадник старается выгодно отличиться в бою доблестью и храбростью, а ты предлагаешь дисциплину, подчинение, приказы! Нет, с конницей у тебя может не получиться!

– У меня такое не случится, Антипатр! В новой армии главным станет служение не полководцу, а Македонии. Это будет великой честью! Поэтому не будем сомневаться в своих земляках.

Антипатр согласился, наконец, с доводами Филиппа, хотя в последний момент не удержался, чтобы не спросить:

– Филипп, на какие деньги Македония начнёт создавать наёмное войско и почему ты уверен, что наберём достаточное количество наёмников?

– Деньги для начала реформирования в казне имеются; потом армия начнёт сама себя содержать за счёт возврата отобранного врагами у Македонии. Так что сейчас больших расходов не предполагается. – уверенно ответил Филипп. – Страну поделим на военные округа – на двенадцать или даже шестнадцать – откуда будем брать воинов в регулярную армию, которая послужит Македонии без перерыва на пахоту или сбор урожая, как сейчас. Будем продолжать набирать в пехоту крестьян, пастухов и охотников из горных районов – они всегда были отличными воинами, и им не привыкать к трудностям. А в конницу пойдут молодые люди из земледельческой знати. Нужно только заинтересовать: простой народ – хорошим жалованием и земельными наделами, а знать – командирскими должностями, всенародным почётом и уважением царя.

– Здорово придумано! – с восторгом отозвался Антипатр. – Я с тобой во всех твоих делах, Филипп!

Закончив важный разговор, похожий более на военный совет, Фи-

липп и Антипатр крепко обнялись, давая клятву верности друг другу и Македонии.

* * *

С памятной ночи в Эги в лице Антипатра Филипп нашёл не только опытного советника и помощника по военной реформе, но ещё близкого человека, старшего товарища. Используя своё влияние в армии, он вёл тайные и явные переговоры с влиятельными хиляирами, полководцами, в том числе с Парменионом, Полиперхонтом и другими членами высшего военного совета. В результате элита согласилась вознести двадцатипятилетнего Филиппа на македонский престол.

Теперь общевойсковое собрание должно решить, быть ли ему царём. Этот древнейший орган политической власти не признавал ни семейное престолонаследие, ни родовитость и знатность, ни, тем более, богатство – во внимание принимались только личные достоинства кандидата. При голосовании не было различий по рангам и происхождению: простолюдин или знатный, пехотинцы, всадники и военачальники были равны друг перед другом. Народ выбирал царя над собой, но для себя! Собрание в Македонии было выше своего царя, так как царь был «первый среди равных»! Оно было палладиумом – опорой и защитой, когда каждый македонянин считал, что именно он вершит судьбу страны. Даже если речь шла о смертном приговоре явному преступнику, его судьбу определяли голосованием, а не решением царя.

Филипп побаивался собрания, поскольку знал, что обязательно найдутся недоброжелатели, исходя из претензий остальных претендентов или по личным мотивам. Но всё прошло спокойно: большинством голосов аккламацией, или «выкрикиванием», собрание отстранило от престола неразумного малыша Аминту, передав царскую власть опекуну Филиппу.

Царь Филипп II, конечно, запомнил имена всех «крикунов» на собрании, возражавших против его избрания. Но по отношению к низвергнутому с престола племяннику проявил невиданное в македонской истории милосердие: считая, что Аминта не представляет большой угрозы его власти, Филипп сохранил ему жизнь. Когда тот стал взрослым, он даже выдал за него замуж одну из своих дочерей... Но это случится позже, а пока наступили первые дни двадцатитрёхлетнего царствования Филиппа.

Реформатор

После триумфального избрания на македонский престол Филиппу пришлось подкреплять доверие народа делами. Он действовал, как пелось в старой македонской песне:

Если ты уважаем, тебя не будут презирать,
если великодушен, овладеешь сердцами людей.
Если вызываешь доверие, люди будут служить тебе,
если сметлив, добьёшься успеха.
Если ты милостив, будешь распоряжаться людьми.

Его первый шаг решительно удивил в Македонии всех: он нарушил действующий закон, запрещающий раздавать земли государственного фонда, отобранные у соседей Македонии во время прошлых войн, как «завоёванные копьём». С разрешения собрания их можно было брать только в аренду или получать в качестве дара «за особые заслуги». Такой привилегией во все времена пользовались «избранные», приближённые к царю аристократы, элита. Молодой правитель распорядился нарезать одинаковые земельные наделы каждому, кто доказал свою верность отечеству в сражениях, в первую очередь, инвалидам и ветеранам, ещё семьям, оставшимся без кормильца, погибшего на войне. Остальную часть земельного фонда получили крестьянские общины для распределения между своими членами, посемейно. И хотя царь раздал земельные участки не в собственность, а в бессрочное пользование, бесплатно, он разрешил передавать их по наследству, что сразу подняло его авторитет в народе. С такого разумного, как оказалось, шага началось объединение простонародья, то есть большинства македонян, вокруг царского престола. Македония дальнейшими действиями Филиппа укреплялась, вызывая настороженность и удивление её старых врагов – Афин, Спарты и Фив.

Царь понимал, что реформирование армии следует начинать немедленно. Антипатр с нетерпением ожидал его поручений. В помощь ему Филипп привлёк Пармениона, опытного в делах военного строительства. Доверие молодого правителя к старому поколению военачальников укрепляло связь с военной элитой, отчего они не сопротивлялись нововведениям в армии. Поэтому, вопреки ожиданиям недругов, внутри Македонии и за её пределами Филипп сумел всего за полгода создать абсолютно новую армию, боеспособную и мобильную. В ней сформировалась тяжеловооружённая пехота как

центр тяжести, а фаланга, доведённая до совершенства Филиппом, стала настолько известной, что получила почётное название «македонской». Численность её составила немногим более шестнадцати тысяч воинов, которые выстраивались в тысячу и более шеренг по шестнадцать пехотинцев в глубину! Взять напролом такую массу противнику было невозможно!

Основной единицей фаланги являлся декас в шестнадцать воинов во главе с декадархом; шестнадцать декасов составляли боевую единицу синтагму, или лох, которая впоследствии стала базовой для всей армии. Шесть синтагм образовывали таксис (полк), который комплектовался по территориальному признаку, численностью до полутора тысяч воинов.

Вооружение фаланги составляли длинные пики, сариссы; их дополняли дротики, короткие мечи и круглые щиты-асписы, сквозь петли которых солдаты просовывали левую руку и брались за копьё. Когда сариссы опускались параллельно земле, расстояние между ними получалось почти один метр, остальные ряды поднимали копья вверх, чтобы отражать щитами метательные снаряды противника. Тяжелые пехотинцы, или фалангиты, получили еще название пэд-зэтайры, или «пешие друзья».

Средние пехотинцы, гипасписты, или «щитonosцы» – собственное изобретение македонян – имели на вооружении копья и аргивянские круглые щиты, как греческие гоплиты, но в бою действовали рядом с конницей, на ударном правом фланге. Каждый отряд гипаспистов, насчитывающий тысячу человек, назывался хилиархией, а командиры – хилиархами. Построение и оснащение лёгкой пехоты, пельтастов, Филипп позаимствовал у греков (от «пельта», что означало «лёгкий щит», плетённый из гибкой ивовой лозы). Филипп добавил в реформированную фалангу ловких и быстрых метателей дротиков, которые смело выбегали перед своим развёрнутым боевым порядком, издали бросали в противника дротики, что создавало буквально смертельный шквал коротких копий. Через мгновение они отступали, не неся больших потерь. Так повторялось несколько раз, пока македонская фаланга не соприкасалась с врагом. Позднее к ним присоединились агриане, горцы из Северной Македонии, умеющие ловко и убийственно для врагов обращаться с простыми на вид пращами.

По поводу необходимости участия дротометателей в боевых порядках македонской армии у Филиппа с Парменионом вышел однажды спор. Пожилой полководец не понимал их предназначения,

считая, что неорганизованные отряды будут мешать размеренному шагу тяжёлой фаланги по направлению к врагу. Филипп был настойчив, он вспомнил Эпаминонда, своего наставника в Фивах, который рассказал, как в Африке охотятся на льва с маленькими собачками, в отличие от Греции, где храбрецы вступают в единоборство со львами с коротким мечом и в одиночку.

Люди в Африке выслеживают льва, укрывшегося в густом кустарнике, затем на него спускается свора маленьких суматошно лающих собачек. Они окружают место, где затаившийся царь зверей чувствует себя в безопасности и считает ниже своего достоинства вступать в схватку с собачьей «мелочью». Отважные собачки истерично облаивают его, при этом не пытаясь соваться в кустарник. Так продолжается долго, очень долго, пока лев терпит, не реагируя на исступлённые вопли нарушителей своего покоя. Наконец грозному зверю надоедают невыносимые для его слуха визги. Он выскакивает из кустарника, взвивается высоко, пугая врагов, делает короткую перебежку и скрывается в следующем кустарнике. А собачкам этого и надо! Они продолжают не бояться его и всё время суматошно лают. Их нервное разноголосье разносится далеко окрест, лай усиливается, почти переходит в истошный рёв и судорожные всхлипывания. И тогда происходит нечто странное: собаки в охватившей их ярости вдруг бесстрашно устремляются в кусты... Увидев это, хозяева собак говорят:

– Лев уже мёртв!

И действительно, сильный и могучий, благородный и величественный царь зверей, в жизни никого не страшившийся, оказывается, умирает от... разрыва сердца! Грозные львы не выносят, когда их облаивают мелкие собачонки...

Пармениона история с собачками развеселила и убедила. Он больше не возражал против дротометателей и прочих вспомогательных боевых отрядов. Только иногда называл их всех «лающими отрядами». Конницу, эту массу ранее недисциплинированных всадников, Филипп безоговорочно соединил в единый отряд кавалерии, подчинённый одному командиру, которого назначал лично. При этом создал две конницы – тяжёлую и лёгкую: основу тяжёлой конницы составляли близкие по духу и знатности товарищи, гетайры, разделённые на восемь ил, которые, как и таксисы, формировались по территориальному признаку. Из восьми ил семь насчитывали по двести человек, а восьмая, она же «царская ила», – триста.

Царская свита во время сражений составила восемьсот всадни-

ков, все – выходцы из княжеских родов, высшая македонская элита. Это были не просто преданные царю воины: восемьсот «спутников царя», его гвардия, получавшие за свою службу новые обретенные земли и огромные поместья врагов. Филипп брал в гвардию сыновей знатных македонян с целью закалить юношей в боях и приучить к несению придворных обязанностей. К изнеженным и ленивым он был беспощаден. Афтонета, молодого человека из знатной семьи, например, царь велел бичевать за то, что тот, почувствовав жажду, на марше покинул строй и свернул на постоянный двор. Другого гвардейца, своего любимчика Архедама, предал смерти за нарушение приказа в походе – не снимать оружия во время отдыха. Юноша совершил проступок и жестоко поплатился, посчитав, что прежней лестью и услужливостью навсегда завоевал расположение царя.

Нововведением Филиппа явилась атака гетайров «клином», на острие которого находился иларх, командир ила: во втором ряду стояли два всадника, в третьем – три, и так далее... Клин не был изобретением Филиппа, его впервые употребил Эпаминонд в сражении при Левктрах, в Беотии. Тогда фиванское войско разгромило спартанцев, считавшихся непобедимыми. Македонский клин прорывал боевой строй противника, как бы он ни был силен, поскольку большое число мужественных воинов, вооружённых смертоносными пиками, концентрировалось в его вершине. Солдаты называли свой клин ещё «свиной головой» или «кабаном» – за сходство с этим порою несмирным животным. Если противник наступал, для обороны македоняне использовали своеобразный боевой порядок, называемый «ножницы» – при таком раскладе ила обычно разворачивалась и нападала на фланги противника.

Гетайры на конях вооружались короткими пиками, удар ими наносился сверху или от пояса. Пробивная сила их оказалась велика, и это позволяло успешно использовать конницу против пехоты противника. В задачу легковооружённой конницы, вооружённой дротиками, продрома, входила скрытная разведка. Лучшие из них, набравшие боевого опыта, назначались в крипты, лазутчики; они незаметно проникали на территорию противника, чтобы разведать местонахождение главных сил, ставки полководца и обозного лагеря. В бой крипты обычно не вступали, если не обнаруживались врагом. До Филиппа ни в одной армии не было ничего подобного! Случалось ведь раньше, что оба войска противников сходились в битве совершенно неожиданно, без подготовки, по неосторожности, не ведая,

кто и где находился до этого, какова раскладка сил друг друга. Без предварительной разведки, подготовки армий к сражению и анализа ситуации.

* * *

Заполучив доверие народа вместе с мощной поддержкой знати, Филипп начал наступление на старый македонский уклад. Он решительно менял всё, что считал лишним, бесполезным: изгонял из армии стародавнюю тактику ведения боя, менял вооружение и обязательно командиров, назначая на высокие командные должности даже юнцов, проявивших себя в боях. Филипп не только издавал законы и распоряжения, он сам участвовал в их реализации, был душой затеянных им дел, имел бодрое состояние духа и убеждённо верил в свои необычные затеи. Особенно если дело касалось государственного устройства и армии. Чувствуя в своём царе «правильного» властителя, македоняне отвечали ему доверительным уважением, ощущая себя единым целым со своим отечеством, Македонией. В надежде увидеть скорые результаты его усилий ему многое прощалось, даже плохо скрываемое желание Филиппа поскорее приобщить Македонию к эллинской культуре.

А вскоре исчезли и оппозиционные партии, расплотившиеся было при дворе, потому что одних активных представителей Филипп ухитрился купить, других запугал или уничтожил – всё благодаря его хитроумной дипломатии. Если в Македонии находился человек, недовольный им, Филиппу докладывали:

– Такой-то сильно ругает тебя – прогони его или прикажи убить.

– Зачем? – удивлялся царь. – Лучше позовите его ко мне на угощение, в гости.

Проходило немного времени, и он спрашивал о своём хулителе:

– Ну, и как теперь?

– Теперь хвалит!

– А я что вам говорил?..

Таковыми мерами Филипп укреплял своё влияние в собственном царстве и далеко за его пределами. Он не сталкивался напрямую с сильнейшими городами Греции, но разрабатывал против них достаточно коварные и далеко идущие планы, строил козни, сталкивая их интересы между собой. Он был уверен, что в многолетней вражде стороны истощат себя, прежде чем Македония займёт достойное место в Элладе.

Следующим шагом Филиппа стало налаживание торговых связей

с соседями, с которыми Македония пожелала дружить или иметь союзниками в предстоящей борьбе с Афинами. Царские советники предлагали Филиппу оставлять в союзных городах свои гарнизоны, а он говорил:

– Мне выгодней долго слыть добрым, чем недолго – злым!

Он всегда помнил, что воевать со всей Грецией бесполезно и невыгодно для Македонии. Добиваться любви войной нельзя, но возможно покорить «по-доброму». Поэтому, когда ему говорили: «Накажи афинян: они тебя бранят» – он удивлялся:

– А после этого они разве будут меня хвалить? От афинской брани я делаюсь только лучше, потому что постараюсь показать всему свету, что это ложь.

Филипп быстро стал изощрённым в политических играх, присматриваясь к ситуации, к любому межгосударственному конфликту, учитывая варианты – война или союзнический мир. И только следующим шагом принималось им собственное решение. Хитростью либо ненавязчивой лестью, часто золотом и серебром, ценными дарами, а то и пустыми обещаниями, молодой македонский царь с выгодой использовал противоречия во взаимоотношениях греческих городов – между собой и Фракией. Чтобы ломать периодически возникающие между ними военные союзы, он привлекал на свою сторону то одних, то других, внося сумятицу в их уже готовые планы. Ловко сея сомнения в стане противников по поводу своих дальнейших действий, он подкупал верхушки власти греческих городов, толкая их на измену, упорно заставляя противника принимать его условия мира или войны. Так благодаря его усилиям и мудрой политической воле шло незримое методичное наступление Македонии на Грецию. И что удивительно, Греция, надеясь, как обычно, на благоприятные для неё обстоятельства и помощь богов, действия Филиппа не принимала в расчёт. А он чувствовал в себе присутствие духа и силы своего предка Геракла, способного голыми руками задушить «немейского» льва...

В результате через три года царствования Филиппа границы Македонии с землями враждебных фракийских племен оказались под надёжной защитой, а с греческими городами на обоих побережьях налажены торговые связи.

Глава шестая

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ЕГИПТЕ

Тем временем в Египте уже семнадцать лет на престоле сидел Нектанабис, третий из рода египетских царей, кто носил такое имя. Его предки пришли из Мидии (часть совр. Ирана), где жреческое сословие, принадлежавшее к священному клану магов, издавна являлось непрекаемым авторитетом для народа и царей. Тайное сословие магов обладало даром предсказаний, чем всегда удачно пользовалось, когда нужно было оказать влияние на власть и общество. К тому же члены древнейшего рода Нектанабиса обладали знаниями, доступными только узкому кругу «посвящённых». Поэтому народ верил, будто боги говорили с магами, передавая указания, как поступать царям.

Чтобы сохранить чистоту родственных связей, маги сторонилось смешанных браков, не стремились к роскоши и вели воздержанный образ жизни, избегали дурных поступков, хотя возможность для проявлений порока у них всегда имела. По поступкам и деяниям магов можно было определить, что они, имея определённое воздействие на окружающий мир и общество, пытались сохранять спокойствие на земле. Помимо установленных религиозных ритуалов в их руках сосредоточилось исполнение культовых обрядов защитного и вредоносного чародейства. Они могли предсказать властителю будущее, грядущие события в стране, природные и божественные проявления. С этой целью маги использовали высшие знания о влиянии звёзд на судьбу отдельного человека и целого народа. Предсказывая, наблюдали за полётом птиц и поведением жертвенных животных у алтаря, изучая их внутренности, открывая иногда такое, что было неподвластно человеческому разуму.

Предания гласили, что свои знания, тайные и явные, маги получили от небесных пришельцев, снизошедших когда-то на землю. Об-

ликом они походили на обычных людей, только были гораздо более рослыми и сильными. Они научили людей кузнечному ремеслу, пахотному делу и выращиванию злаковых культур и овощей, лекарскому искусству и другим житейским делам. Только воевать не учили и оружия смертоубийственного не давали. Через время люди возмнили себя чуть ли не равными пришельцам, перестали обращаться к ним за помощью, забывали благодарить их за содеянное. И небесные гости вдруг исчезли, будто их и не было среди людей...

Не все люди оказались неблагодарными по отношению к пришельцам. Остались ученики, обладавшие высокими знаниями, полученными от великих неземных учителей. И жили эти люди, занимаясь магией и кудесничеством. Их потомки однажды поселились в Египте, вошли в доверительный круг местного жречества, которому стали передавать свои знания о Космосе и физической природе, знакомили с письменностью и основами общечеловеческой цивилизации. Таким образом египтяне одновременно оказались с развитой культурой, опередив на многие поколения культуры других народов!

Магия знаний

Царь Нектанабис II, как и его предки маги, носил длинные свободные одеяния с большими рукавами, штаны, короткие сапожки, имел длинные волосы и бороду, а на поясе у него висел острый акинак, более похожий на длинный кинжал, чем на короткий меч.

Если Нектанабис желал завладеть волей человека, получить власть над ним, ему достаточно было заполучить волосы, ногти или какую-нибудь иную частицу тела. После тайного магического ритуала человек становился безвольным и ручным, как домашняя собачонка. У мага имелся колдовской пояс из воловьей кожи, очень древний, прошитый серебряными нитями, скрывавший в себе огромные возможности. В семье говорили, что пояс вручила предку Нектанабиса сама богиня Милитта («Праматерь Мира») за оказанное гостеприимство. Был у Нектанабиса ещё чародейный жезл. Он достался предкам от Гекаты, богини Ночи, повелительницы мрака, ночных призраков и чернокнижия. При помощи жезла и заклинаний Нектанабис доводил неугодных ему людей до безумия; сам же, имея преклонные годы, наделал его, когда готовил колдовские настои, шепча тайные молитвы. Маг умывал лицо своим настоем, омолаживаясь, так что никто уже не

мог определить, сколько ему лет. И сам он забыл о своих годах, словно находился в возрасте обычного зрелого мужчины.

Итак, царь Нектанабис искусно владел чёрной и белой магией, но применял свои знания тайно, когда имелась государственная нужда, тревожная обстановка внутри страны и за её пределами. Когда приходила угроза для Египта, царь начинал действовать: напрягая сознание, он устремлял свой разум в Космос, откуда начинал видеть предмет своей заботы весь и сразу... Затем проникал внутрь «предмета», чтобы понять, откуда исходит опасность, после чего изменял ситуацию в свою пользу одной только силою мысли. Ему приходилось безотрывно смотреть в Чёрную Бездну, страшась увидеть что-либо опасное для себя, но он не переставал это делать, пока не получал искомое. От избытка Высших Знаний в его глазах, вратах магической души, в такие мгновения ярко горел Свет, и тот, кто нечаянно видел мага в таком состоянии, цепенел от животного страха...

При восшествии Нектанабиса на престол жизнь в Египте шла своим чередом. Царь зорко следил за порядком в народе и армии. Каждый египтянин по будням честно трудился на своём месте, а когда наступали праздничные дни, все веселились и радовались. В стране наблюдались спокойствие и достаток, на границах – мир. Время от времени враги пробовали на прочность правление Нектанабиса. Со всех сторон лезли на страну, казалось, непреодолимой силой, а более всех старались персидские цари, желая покорить Египет, сделать вассалом. Вот когда приходилось Нектанабису применять магическое искусство! Он запирался в потайной комнате, производил ведомые только ему колдовские действия – и вражеские корабли тонули от внезапных штормов, сухопутные войска спешно отступали от границ, военачальники умирали загадочными смертями, в мучениях... В таких случаях Нектанабис загадочно улыбался и говорил народу:

– Я побеждаю врагов не количеством своих воинов, а волею богов, которые мне покровительствуют.

Имя Александрос

Полгода назад к Нектанабису прибыл гонец с сообщением от военачальника египетской армии, что к берегам Египта приближается бесчисленное множество персидских кораблей. И к земным границам подступает несметная вражеская сила. Военачальник спрашивал, что делать и следует ли ожидать помощи. Нектанабис прочитал

сообщение, встал и удалился. Он прошёл замысловатыми коридорами до потайной двери, нажал на скрытый рычаг. Открылся проход в помещение без окон, но в нём было светло от странного белого пламени в двух медных чашах.

Это были особые источники света, секрет которых знали только маги высшего разряда, и назывался он Огонь Вечности. А маги, в свою очередь, получили доступ к этой тайне от небесных пришельцев и с тех пор использовали Огонь при захоронениях в гробницах, где запечатывались священные мумии египетских фараонов и царей. Вечный Огонь питался топливом, которое возобновлялось с такой скоростью, как расходовалось; фитиль светильника никогда не обгорал, так как был сделан из горного льна (асбест), пропитанного особым негорючим составом. Огонь предназначался в качестве приношения Богу Смерти: без него умершие не смогли бы найти путь через Долину Теней. Такие светильники горят в потайных захоронениях уже несколько тысяч лет! Когда грабители взламывали гробницы, они видели горящие внутри светильники. Это вызывало у них ужас. Они бросали похищенные ценности и убегали прочь, нередко погибая от разрыва сердца.

Нектанабис снял со стены ритуальную шкуру льва, надел. Лев для магии – символ Солнца, поскольку Солнце возвышенно, величаво и наиболее удачно расположено в созвездии Льва, которым оно правит и которое какое-то время является основным принципом небесной дуги. Маг окинул взглядом комнату и вдруг увидел на полу странное существо. Всмотрелся – это была живая кошка! Как она оказалась в запертом тайном помещении – непонятно! Он с недоверием разглядывал незваную гостью: у кошки отсутствовала шерсть, её можно было смело назвать голой или лысой. Выразительная худоба завершала её «красоту». В таком виде она выглядела демонессой, недобрым духом подземного царства.

Нектанабис встречал этих ценимых египтянами зверушек, которых считали любимцами богини Луны Исиды. Но появление кошки здесь, в неожиданном месте, показалось очень странным, поскольку появиться она могла, наверно, лишь с помощью своей покровительницы. Кошка попала сюда не случайно...

Маг с опаской смотрел на животное, которое вело себя абсолютно спокойно, невозмутимо взирая на Нектанабиса. Он на всякий случай осторожно махнул рукой, собираясь прогнать её. Кошка зевнула, открыв маленькую розовую пасть с белеющими клыками, поднялась и с

независимым видом удалилась за тканую драпировку, что завешивала дальний угол. Нектанабис осторожно проследовал за животным, отдёргнул ткань и... никого не увидел! В углу лежал лишь брошенный на пол шерстяной шарф, неведомо откуда взявшийся в этом месте...

Нектанабис присел на скамейку, пытаясь вернуть спокойствие в растревоженное сердце. Вертелось в голове: какой знак подала Исида, явив ему странную кошку?

Он как маг знал немало легенд и вымыслов о кошках и теперь думал, каким образом её появление отразится на его личной судьбе. Вспомнил, что помимо Исиды плодовая кошка посвящалась богине Баст, хранительнице супружеского союза. Боги послали предков кошек в мир человека, чтобы охранить семью от неблагоприятных чёрных сил, хотя сами они отождествлялись с ночными невидимыми существами... Кошка чаще других животных принимает форму круга и поэтому является священным животным, подобно змее, сворачивающейся в кольцо... Шарф был свёрнут в форме кольца! Возможно, богиня поручает ему разрешить чью-то супружескую проблему? Что ещё может связывать его с визитом странного создания? Нектанабис вспомнил: бог Солнца в облике рыжего кота убил под священным сикомором огромного змея Апопа... А что если эта кошка пришла, чтобы убить его? Но каким образом? Нет, непохоже, кошка вела себя миролюбиво. И она не рыжая, а вовсе без шерсти. Нет, возможно, ей понадобилось уединение и она не нашла ничего лучшего, как проникнуть в его потайную комнату... Но как это ей удалось?

Подавляя в себе пережитое волнение, маг нервно крутил на пальце правой руки золотое кольцо с большим камнем сиреневого цвета, сапфиром, влево – один из его тайных магических приёмов. В касте магов сапфиры ценились необыкновенно, особенно ярко-синие, добытые в Индии. Их применяли в качестве обрядовых амулетов, имевших огромную магическую силу. По преданию, сапфир возвращает силу усталому телу, восстанавливает отягощённые члены и делает их снова крепкими. Особую значимость маги придавали звёздчатому сапфиру, в котором пересекающиеся линии связывали с тремя великими силами – верой, надеждой и судьбой. Чудодейственный сапфир у Нектанабиса был «правильный», самый «влиятельный» из всех подобных камней. Он помогал снимать с хозяина чёрную зависть и вероломство, мог освободить от темницы, и поэтому Нектанабис ничего не боялся.

Вскоре маг окончательно успокоился, приступил к обряду, зачем

явился в свою комнату, к чародейству. Достал из ящичка на столе полотняный мешочек, высыпал металлические опилки. Поднёс предмет тёмного цвета: опилки «прыгнули» на предмет, выстроились в определённом порядке. То, что увидел Нектанабис, его не обрадовало: он хмурил брови, кривил губы. Затем взял большой медный таз, как обычно, налил воды и опустил туда восковые кораблики. Начал крутить по бортам палочкой из чёрного эбенового дерева; стучал по краю, произносил молитвы и заклинания. Но кораблики не тонули! Понял Нектанабис, что боги оставили его. Похолодел от догадки: жизнь проиграна!

С противной дрожью в теле разложил на столе лист папируса и стал быстро рисовать тростниковой палочкой заклинания справа налево. Это был особый шрифт клинописной формы – его личная тайна, обладание которой позволяло сделать желаемое действительным. Буквы составляли изображение летящих клином журавлей: именно эти священные птицы, согласно легенде египтян, принесли алфавит из Финикии в Египет, где местные жрицы богини Луны-Ио уже владели своим особым ритуальным алфавитом. Они использовали его в священных мистериях, держа в глубокой тайне знания, и их алфавит был тесно связан с лунным календарём.

Закончив написание магических знаков, определяющих его дальнейшую судьбу, маг зажёл кусочек смолы аравийского дерева мирры. Дурмящие запахи распространились в наглухо запертом помещении. Нектанабис часто задышал. Глаза его покраснели. Он ещё раз посмотрел на воду в тазу и вновь ничего хорошего для себя не увидел. Понял царь, что его магия оказалась бессильной против чьей-то чужой, более сильной магии...

Вдруг он заметил в дрожании воды какие-то знаки. Знаки предназначались ему. Он вгляделся и увидел зыбкое изображение пустыни – песчаные горы, пальмы и вода... Нектанабис узнал это место: оазис Сива, предмет восхищения и поклонения каждого египтянина, где расположен священный Оракул Аммона-Ра, бога египтян...

Нектанабис с усилием вглядывался в воду, распознавая волю того, кого называют Аммон-Ра. Он видел: несколько человек пробираются через пески к оазису... Он увидел юношу, вопрошавшего Оракул... На голове – золотой шлем в виде бараньей головы с закрученными рогами. Маг услышал Голос:

– Слушай меня, Нектанабис, я – Аммон-Ра. Ты видишь сына моего. Он ещё не родился, но день появления его среди людей определён, и ты скоро это узнаешь от меня. Ты оставишь Египет и пойдёшь на

север, в Грецию, дальше в Македонию, где будешь ждать слова моего. Я назначаю тебя для сына моего охранителем от злых чар и наставником в юные годы. А теперь выбери имя ему...

Маг не раз делал подобное, подбирал имя для людей, обращавшихся к нему. Но сейчас нужно было узнать имя сына бога. Такое имя не может быть произвольным, оно воплощает те или иные качества человека, проявляемые им на протяжении всей жизни. Имя есть отражение его души, энергия, сила, семя жизни. Человек облекается в имя своё, как тело в одеяние, но если одеяния обветшают или выпачкаются, их выбрасывают, сменяя на новые, чего не сделаешь с именем. У каждого имени есть своё число потенции, или возможностей человека. По числу в имени можно определить судьбу человека: путём сложения или вычитания числовой ценности, с учётом вибраций гласных и согласных...

По небесной карте Нектанабис вычислил время рождения юноши, прочитал имя, хотя оно упорно расплывалось в зыбкой воде таза. У него получилось ЛКСНДРС... Итак, имя юноши – Александрос! Маг стал расшифровывать буквы имени:

...В имени и дате рождения фигурирует число «1». Он будет обладать ярко выраженными способностями гегемона, который не нуждается в чьей-либо помощи, помимо божественного покровительства. Характер он будет иметь гордый и упрямый, настойчивый, поэтому всегда добьётся своей цели. Его не сломят трудности, а поражения станут испытанием его воли, и он в любой ситуации выйдет победителем. Он будет властвовать над народами, подавляя своей напористостью и рассудком. Деяниями своими он возвысится над толпой, а толпа только будет радоваться такому обстоятельству. Он пожелает стать первым во всём, прибегая часто к неожиданным приёмам. В своей целеустремлённости он будет неподражаем, поскольку основные качества юноши, амбициозность и деятельность, находятся под влиянием знатной и могучей вибрирующей единицы...

Нектанабис был счастлив выбором Аммона-Ра. Если бог повелевает покинуть Египет – он это сделает без промедления! Он стремительно вышел из потайной комнаты, добрался до рабочего кабинета, где обычно читал древние папирусы. Отослал прочь дворцовых слуг, приказав отдыхать, и этим скорее удивил их, чем обрадовал. И постельничего своего, верного раба, отпустил, наказав на глаза скоро не попадаться. Всмотрелся в зеркало из осветлённой бронзы: оттуда выглядывал усталый пожилой человек. Обильно смазал голову оливковым маслом, взял нож

и решительными движениями начал бриться. Снял волосы с головы, затем расстался с бородой; с непривычки брился долго, совершая неосторожные порезы, пока не стал совсем непохожим на себя...

Открыл стенной тайник, достал кожаный мешок с магическими предметами. Добавил к ним несколько пергаментных свитков, насыпал золотых монет. Накинул на себя платье простолюдина и вышел прочь из двorca.

* * *

Его никто из стражи не окликнул, будто и не проходил он через ворота. Встречные прохожие на улице не признавали в нём царя. То же – в гавани, где он сел на торговое судно, направлявшееся в Афины: хозяин судна охотно взял его и, словно ожидал, дал команду немедленно отплыть. В Афинах маг примкнул к группе паломников, направлявшихся в Эпир к Додонскому оракулу через Македонию. По пути отстал от паломников, пришёл в Пеллу, где Аммон-Ра назначил ему ожидать. Здесь он поселился в доме зеленщика недалеко от рынка, куда являлся каждое утро, садился в отведённое старостой место и предлагал прохожим необыкновенные услуги: предсказывал судьбу, предлагал фармаконию, или лечебную микстуру, давал житейские советы. Брал небольшие деньги за свой труд, отчего чужестранца скоро узнала вся Пелла. Македоняне тянулись к нему, немного удивляясь странному обличью: бритая голова, худое смуглое лицо, большой нос с горбинкой и длинное до пят белое одеяние. Жители Пеллы думали, что он финикийский гадалщик и фокусник и вообще халдей. Называли Нектабом – так он назвал себя.

* * *

В Египте после бесследного исчезновения царя произошли следующие события. Обнаружив, что Нектанабиса нигде нет, придворные встревожились. Обратились к Гермесу, поскольку из всех богов только он в тот час не был занят. Принесли к алтарю богатые дары, спросили:

– О, Гермес, скажи нам, где искать царя Нектанабиса?

В ответ услышали:

– Не ищите царя Нектанабиса. По воле Аммона-Ра он ушёл от вас на небо. Ваш царь теперь сын Нектанабиса, Тахо. Но Нектанабис возвратится в Египет через тридцать лет и станет опять вашим царём. Будет он в новом божественном обличье: молодой, красивый, сильный, и будет имя у него новое – АЛЕКСАНДРОС...

Глава седьмая

НЕВЕСТА ИЗ ЭПИРА

В гостях у Антипатра

Миртала прибыла в Пеллу месяц назад. Поскольку свадьба задерживалась из-за отсутствия в Македонии Филиппа, невесту царя со свитой поселили в загородном поместье советника Антипатра, в некотором отдалении от столичной суеты. Антипатр приобрёл поместье у вдовы богатого торговца оружием ещё два года назад, оно было достаточно больших размеров и довольно уютным. Но некоторые здания требовали серьёзного ремонта, поэтому Антипатр заодно решил на переустройство под свои планы и денежные средства. Здесь он намеревался принимать царя и близких друзей на отдых и пирушки. Также была задумка завести племенной табун, чтобы в дальнейшем с выгодой поставлять боевых коней в армию. Так совпало, что к приезду Мирталы начатые строительные работы удалось завершить.

Загородная усадьба стоила затраченных средств: просторный дом на прочном каменном основании, большое число жилых и подсобных помещений; удобные хозяйственные пристройки, ухоженный сад с плодоносящими деревьями, поля для выращивания сельскохозяйственных культур, овощей. При поместье имелись три стадия шпалер виноградника, урожаи с которого Антипатр намеревался употребить с большой выгодой. С этой целью в полуподвальном помещении было устроено винное хранилище внушительных размеров – аптека, где в огромных глиняных кувшинах-кади содержались вина для каждодневного употребления. Были ещё вина, зревшие в амфорах в верхней части дома, куда по каналу в стене про-

ходил дым от кухонного очага. Такова была особая технология производства ценных вин.

В эти дни на хозяйственный двор свозили последние корзины с солнечными ягодами. Под присмотром главного винодела работницы босыми ногами давили виноград в огромном чане; из отверстия, устроенного внизу, сок кровавым потоком струился по жёлобу в другой чан, а оттуда – далее, по назначению. Когда сок перебродит, винодел отметит его вкусовые качества, после чего сок разольют по кувшинам и амфорам различной ёмкости. Заполнив до отказа, их надёжно закупорят смолой и перенесут в хранилища. Часть огромных глиняных амфор с вином заруют в землю, чтобы открыть их через десятилетия, когда наступит соответствующий случай – свадьба наследника или похороны хозяина...

Из всех вин со своих теперь виноградников Антипатр предпочитает красное вино из ягод, произрастающих на взгорке сразу за домом. Земля здесь долгое время считалась непригодной под пашню или сад – глина со скальным крошевом, но когда посадили лозу, она начала рожать отличный виноград.

Всё это и ещё другое из жизни поместья Антипатр успел рассказать скучающей Миртале. Когда она спросила, отчего у воды такой приятный вкус, советник с гордостью показал ей устройство домашней водопроводной системы. От родника, что ранее зря изливался прозрачайшей студёной водой из-под скалы по соседству, в земле теперь проложены керамические трубы; по ним вода направлялась в огромные накопительные ёмкости, цисты, выдолбленные в скальной породе. Отсюда вода истекала по трубам в дом, где расходовалась на хозяйственные нужды и гигиену; для этого имелось специальное купальное помещение с небольшим бассейном и двумя ваннами, вырезанными из цельных кусков мрамора. Сточные воды уходили по трубам с чередой осадочных колодцев в отстойную яму, где происходила их естественная очистка и отбор отходов.

* * *

Освоившись с устройством огромного дома, Миртала пожелала посещать сад. Препятствий не было, поскольку поместье со всех сторон ограничивалось глубоким рвом, заполненным стоялой водой; каменная стена в человеческий рост создавала ещё одну преграду от непрошенных гостей. Но кто осмелится забраться в дом к Антипатру, второму человеку в Македонии после царя!

Ежедневные прогулки среди плодовых деревьев – яблонь, груш,

слив – приводили Мирталу в успокоение, давали хороший настрой душе, мыслям.

...Жених задерживается на войне, свадьба откладывается на неопределённое время – ну и что? В отличие от беспокойной Артемисии, которая, дня не проходило, ворчала по поводу отсутствия царя, невеста даже радовалась возможности побыть одной, в размышлениях о будущем. Миртала только сейчас поверила, что больше не увидит дядю Аррибу, не услышит его скрипучего голоса и нелепых приказаний.

...Жених и невеста не виделись до свадьбы? Но так повелось ещё у предков, что мужчина воюет, а женщина ждёт его в гинекее.

...Долг мужчины – оставить после себя потомство, лучше сыновей, которых родит ему жена. Миртала тоже родит Филиппу наследника...

А вот что ожидает её в браке с македонским царём, она себе пока не представляла. Заметив беспокойство воспитанницы по этому поводу, Артемисия решила помочь, поделившись примерами из собственного жизненного опыта:

– Моя дорогая, не питай надежды, что ты сразу обретёшь любовь супруга. Не забывай, он царь, а цари очень заняты государственными делами, им недосуг. Но после свадьбы ты будешь принадлежать ему, а он – только себе. Муж дома – добропорядочный семьянин, а если он захочет любовной страсти, он найдёт её у трибад, продажных женщин. А жена не может запретить мужу такого желания.

– Но почему муж не может получить от жены того, чего хочет от трибады?

– О, ты многого не понимаешь, девочка моя, но знай, муж не станет добиваться любовных утех от собственной жены. Замужняя женщина не рождена для игр Эрота, у неё одно предназначение – рожать детей.

Миртала слушала няню с недоверием: нет, она будет любить мужа так, что у него не появится желания искать любви в объятиях других женщин. Филипп будет принадлежать только ей одной.

Няня продолжала:

– Мужа нужно удерживать добродетельными делами, уютом в доме, тихим нравом и добросовестным воспитанием детей. Только так можно привязать мужа к дому, семье, к себе, моя дорогая. Это своего рода женская хитрость. Я скажу, многим женщинам она удавалась, поэтому, прошу, обрати внимание на эту часть семейной жизни.

Миртала не отставала от няни:

– Артемисия, где я могу научиться искусству, каким владеет любая трибада? Я не хочу, чтобы муж мой встречался с другими женщинами.

– Время придёт, милая, познакомлю тебя со жрицей, которая может тебе обрести нужный опыт. А сейчас не думай об этом, не забивай голову порочными мыслями! Главное для тебя – после того, как состоится свадьба, родить Филиппу наследника. Не будет этого, он разведётся с тобой. Проси Зевса и Геру, чтобы они помогли тебе в твоём супружестве.

Прогулка по городу

После месяца затворничества в поместье Антипатра Миртала, освоившись, пожелала посетить Пеллу. Прежде всего городской рынок, агору, где можно с успехом познакомиться с многочисленными представителями македонского общества в реальном времени, национальной модой на одежду, их обычаями. Антипатр выслушал гостью с понимающим вниманием, распорядился организовать сопровождение. Помимо Артемисии и служанки, которые были счастливы оставить надоевшее поместье, с женщинами отправлялись шестеро дворцовых гвардейцев во главе с молодым командиром Полидором, из знатного княжеского рода.

Агора – символ эллинской нации, место единения человеческого поселения, где в первую очередь размещались общественные здания и торговые лавки. На агору не приводили детей, и замужние женщины встречались редко – за покупками посылали рабынь и слуг. Торговля и покупка товаров на агоре были уделом мужчины, главы семьи, для которых подобное занятие считалось не работой, почти развлечением, более того, приятным и увлекательным досугом. Не правда ли, гораздо интересней для мужчины проводить время на агоре среди таких, как он, свободных от семейных забот мужчин, чем смотреть на жену и детей дома...

Ещё агора считалась местом общественного позора или порицания, поскольку на ней выставляли на особом камне неверных жён, а должников – на обозрение у долгового столба. Каждый мог подойти поближе, глянуть на такого человека и плюнуть в его сторону или бросить камень. А в случае победы над врагами в центре агоры сваливалось в кучу или развешивалось на столбе отобранное оружие. Это называлось трофеем. В общественных зданиях на агоре имелись портики, где народ отдыхал в жару и где любой художник, ваятель по

камню или металлу мог устроить выставку своих изделий, показать их или продать. Агору старались посещать ежедневно, чтобы узнать городские новости и слухи, обменяться сплетнями, перекинуться словом со знакомцем или чужеземцем, коих в Греции становилось немало в последнее время. Здесь можно встретить бродячего философа, излагающего непреходящую мудрость перед простым народом, или поэта, драматурга. А если кто забывал дорогу на агору, того считали ненормальным, идиотес, его сторонились, в итоге делая из него изгоя...

* * *

Антипатр предложил не ехать в Пеллу на конной колеснице – из-за людской толчеи. Миртале удобнее будет отправиться на носилках, лектике, с волосяным матрацем и подушкой. Судя по отделке слоновой костью и перламутром, лектику готовили мастера с Востока. Её без усилий подхватили четверо рослых темнокожих рабов. На другой лектике разместились увесистая Артемисия, правда, не доставившая особых затруднений своим сильным носильщикам.

Отправились с утра, чтобы успеть посетить рынок до жаркого солнца. Слегка покачиваясь в такт быстрому шагу носильщиков, Миртала с любопытством разглядывала всё, что привлекало внимание. Горожане, неторопливо идущие в сторону агоры, замечали вдруг необычную процессию, останавливались, чтобы проводить взглядами парадные носилки с двумя хорошо одетыми незнакомыми женщинами. Кто-то догадывался, что это невеста царя, о которой говорили в Пелле, вступали в разговоры с другими прохожими, обмениваясь впечатлениями от увиденного. Гадали, куда несут их в столь ранний час в сопровождении молчаливых гвардейцев. Вначале Миртале было непривычно их внимание, она немного смущалась, потом отвлеклась, занимаясь угадыванием, чем занимается тот или иной человек, по одежде.

Неспешно шли крестьяне и ремесленники в простых хитонах из грубоотканой материи, надетых на голое тело, без нижней поддёвки. Каждый что-то нёс на плечах или вёз на муле – плоды тяжкого труда для продажи. Среди прохожих было много рабов, озадаченных хозяевами важными поручениями; на них были экзомисы – короткие хитоны, отличительный показатель рабства. Они выделялись нечёсаными длинными волосами, на ногах у них грубые постолы – сандалии из воловьей кожи.

Зажиточные горожане выделялись льняными хитонами с множе-

ством складок, по ионической моде; поверх плащ-гиматий – прямоугольный кусок шерстяной ткани, драпировавшийся вокруг фигуры. Гиматий крепился на плече серебряной застёжкой-фибулой. Надобность в такой одежде диктовалась обычно погодными условиями, ненастьем, но сейчас гиматий указывал на достаток владельца. Редкие в этот час женщины укрывались в гиматий целиком, свободным концом прикрывали голову. Руки скрывали под плащом, иное положение считалось для замужней женщины неприличным. Обувь на жителях Пеллы была разная: сандалии с ремешками, сапоги из кожи или валяной шерсти до голени. Были такие, кто вышагивал босиком, но обязательно с гордо поднятой головой – возможно, бедняки или бродячие мудрецы. Миртала пожалела, что рядом нет Артемисии, а то бы посудачили с ней по поводу того, как выглядели македонянки...

Низкое солнце постепенно прогревало воздух, ещё хранивший утреннюю свежесть. Лектики с Мирталой и Артемисией шустро продвигались среди одноэтажных жилых строений. Служанка поспешала за хозяйкой немного позади командира гвардейцев. Полидор вышагивал рядом с первой лектикой, поглядывая бдительно на любопытствующих пешеходов, успевая отвечать на нескончаемые вопросы царской невесты. А её интересовало, кажется, всё. Полидор объяснил, как узнать по войлочной шляпе с полями, пилосу, зажиточного крестьянина. От него она узнала, что в Македонии помимо знати и ремесленного люда есть люди, владеющие огромными наделами земли, – олигархи. Они сдают землю в аренду беднякам и за счёт этого богатеют.

Миртала обратила внимание на прохожих, неторопливо вышагивающих по улице, спросила:

– Полидор, почему я не увидела никого, кто бы куда-нибудь спешил?

Полидор улыбнулся:

– А куда спешить македонянам? Это не Греция, где у власти крутятся ловкие демагоги и ораторы-болтуны. В Греции народ вечно спешит – в суд, на собрание или на заседание выборного учреждения. А в Македонии есть царь, он сам решает за народ, но перед народом в ответе. А если простому человеку власть не нужна, куда ему спешить?

– Но если у ваших мужчин много свободного времени, они, наверно, посещают тренировочные палестры и гимнасии, где состязаются между собой, или смотрят драматические представления в театрах?

– О, нет, княжна! Мы только любим конные состязания и за хорошего коня можем отдать полжизни. У нас нет, ни гимнасиев, ни палестр – зачем нам бесцельно упражняться в прыжках или борьбе или

массировать дряблые тела, когда есть дела важнее. Мечта каждого македонского юноши – стать воином, в войне мужчины находят свой досуг. А когда войны нет – мужчины занимаются охотой на диких свирепых зверей. В сражениях с врагами и на охоте настоящий македонянин находит достойное приложение своим силам и наклонностям.

– А когда нет войны или охоты, что вы делаете?

– О, между войной и охотой мы устраиваем пирушки с друзьями!

Полидор заметил, как один из прохожих не успел уступить дорогу лектике с Мирталой, замешкался. С руганью кинулся к нему и сильно толкнул в плечо. Наведя порядок, быстро возвратился к Миртале.

Ближе к агоре народу на улицах заметно прибавилось. Среди взрослых замелькали мальчишки, одетые в детские хитоны. На подростках и юношах постарше были серые хламиды, птеригама, с застёжками на правом плече или груди; ниспадавшие концы хламиды болтались на ходу, как крылья большой птицы. Дети шли, озабоченные предстоящими занятиями где-нибудь в частной школе, в сопровождении домашних рабов, педагогов, приставленных к ним родителями.

Немногие жители Пеллы щеголяли ухоженными волосами, отдавая дань столичным требованиям, остальные отпускали волосы до наиболее приемлемой длины. В Македонии мужчины знали дорогу к брадобреям, но брились редко, поскольку густая борода считалась знаком благородства и мужественности. Полидор показал на обритого мужчину, который встретился на пути, объяснил – из-за траура в семье, смерти или иного печального события. Гречанки отличались длинными густыми волосами, а заплетённые в косы были большой редкостью. В Пелле женщины прятали волосы в сетках, мешочках, косыночках или круглых шапочках с остроконечным верхом. У большинства молодых женщин имелись локоны – Миртала сразу обратила внимание: спереди короткие локоны прикрывали лоб, а длинные ложились на спину и прикрывали грудь. Кто-то завязывал волосы узлом на затылке или самом темени. Этим отличались больше девушки.

Вскоре Миртале наскучило рассматривание горожан. Она переключилась на дома и строения, мимо которых несли её лектику. Здесь было всё так или почти так, как в Эпире, но большинство домов выделялись свежей кладкой или покраской. Столица отстраивалась. Одноэтажные деревянные строения имели скромные фасады, а каменные дома в два этажа бросали вызов улице белизной штукатурки и нескромными размерами. Редкие окна небольших размеров указывали на замкнутость хозяев домов.

Улицы Пеллы приспособлялись к местности, но кварталы получились просторные, как положено столичному городу. Замечалась чистота и порядок: Полидор объяснил, что царь Филипп назначил в Пелле особых астиномов, по греческому образцу, должностных лиц, обязанных наблюдать за постройкой домов и порядком на улицах. За мощением проезжих дорог заботились надсмотрщики-одопеи. Если находились такие, кто не выполнял указаний астиномов, их привлекали к суду. Большинство домов в Пелле строились по незатейливому образцу, имея скромные фасады, – это Миртала заметила.

– Это можно объяснить, – сказал Полидор. – Македоняне не обращают внимания на то, какой у них дом и что есть в нём, потому что привыкли к свободе; они не могут долго сидеть дома. Поэтому нередко ночуют у кого-нибудь в гостях, где устраивается пирушка.

На агоре

Рынок бурлил торговыми страстями, когда Миртала и её небольшая свита туда добрались. Вокруг теснился народ, отчего беспрепятственно продолжать передвижение обоих лектик стало невозможным. Вначале Полидор проявлял сноровку, проталкивая их сквозь толпу, но, осознав бесперспективность усилий, предложил Миртале пройти пешком. Ей тоже расхотелось сидеть в носилках. Она согласилась, хотя грузной Артемисии пришлось нелегко. И гвардейцам досталось: они затрачивали немало усилий и сноровки, освобождая перед Мирталой путь, при этом стараясь никого зря не обидеть.

Люди, бродившие между торговых рядов, и те, кто был за прилавками, задерживали взгляд на необычной процессии, затем возвращаясь к своим занятиям. Одни присматривались к товару и приценивались к выбранным вещам, другие бойко торговались, ожесточённо жестикулируя и выкрикивая «последнюю» цену. Кто-то, не сторговавшись, уходил с безразличным лицом, но вскоре возвращался, чтобы продолжить захватывающий для обоих, покупателя и продавца, спектакль, довести до конца, когда можно ударить по рукам и разойтись довольными друг другом. На агоре слышался неумолчный гомон, перекрываемый время от времени зычными голосами самых настойчивых торговцев.

Миртала в сопровождении Артемисии и Полидора неторопливо проходила вдоль рядов, где в живописном беспорядке лежали разнообразные предметы человеческого обихода. Торговые места тес-

нились друг возле друга, походили на пчелиные соты. Удивительно, но в кажущемся хаосе любая вещь обязательно находила покупателя.

Миртала замедлила шаг, заметив пожилую македонянку, которая задержалась у торговца предметами женского обихода. Здесь был большой выбор косметических средств, зеркал и расчёсок, и среди всего многообразия лежали великолепные черные волосы, срезанные, возможно, с молодой фракийской рабыни. Волосы молодых рабынь по всей Греции были распространённым товаром, поэтому на улицах городов встречалось немало служанок, остриженных наголо. Женщина приложила волосы к голове, озабоченно всматриваясь в отражение на бронзовом диске. Торговец начал расхваливать, убеждая, что эти волосы подходят ей, словно родные. Покупательница спросила цену, а услышав, что семнадцать драхм, возмутилась. Призывала богиню Афины в свидетели, говоря, что за эти деньги можно купить овцу! Миртале показалось забавной эта сценка, но она не стала ожидать конца интересного торга.

Рядом торговали другими товарами для женщин: костяные гребни, металлические зеркала любых размеров, ножницы для волос и для ногтей, щипцы для завивки волос, ножи небольших размеров и тканевые салфетки. По соседству хозяин лавки разложил разноцветными горками благовония и сосудики с пахучими цветочными эссенциями для умачивания волос. Смуглолицый торговец, по облику финикиец, уговаривал проходящих мимо женщин что-нибудь купить именно у него. Заметив взгляд Мирталы и нисколько не смущаясь её охраны, стал зазывать громким голосом и махать руками.

– Купи малобатр – душистую мазь из корицы, – уговаривал он сладким голосом, – для воскурения в дар богам. А вот ещё благовония из лилии, египетской розы и лаванды, на миндальном, оливковом или ореховом масле. Что пожелаешь, красавица? Запах моего бальзама излечивает многие недуги и утоляет головную боль.

Миртала даже растерялась при виде обилия и пестроты выставленного товара. Но взгляд её привлекли драгоценные украшения: серебряные серьги с изображениями зверей и цепочка из золотой проволоки, искусно заплетённая крохотными колечками. И ещё браслеты в виде толстой кручёной золотой проволоки, кольца с крупными фиолетовыми камнями сферической формы. Она взяла в руки золотую ленту с пряжкой в виде двух змеиных головок – это был женский пояс: вместо глаз у змей капельки тёмного граната. Мирталу потрясли змеиные глаза. Покупать она вроде ничего не планировала, но, увидев рядом изящную

диадему в виде венка с тончайшими трепетными листочками из золота, оставила в покое пояс и взяла её. Примерила и поняла: диадема царицы!

Артемисия уловила настроение воспитанницы:

– Ты её хочешь?

– Да! – коротко ответила Миртала.

Артемисия начала рыться за пазухой в поисках упрятанных заранее денег. Полидор решительным жестом остановил её и обратился к Миртале:

– Позволь, княжна, это сделать мне. – Заметив удивление в глазах Мирталы, добавил: – Антипатр поручил купить всё, что тебе приглянется.

Миртала изумлённо подняла брови – это было так неожиданно и приятно. Не отпуская из рук диадему, она отступила от прилавка, предоставив Полидору возможность торговаться с хозяином. Под напором молодого командира финикиец уступил в цене немало. Но зато потом бойкий торговец долго не отпускал Мирталу, разложив перед ней ещё много привлекательных женских штучек: разного рода шпильки для волос, а среди них – золотые, украшенные головами животных. Ей понравилась прелестная фигурка Эроса, играющего на флейте: крылатый божок держал в одной руке чашу, а в другой – сосуд с благовониями. Миртала подумала, что он хорошо бы смотрелся у неё в спальне на косметическом столике. Полидор купил и Эроса. Куплены были ещё разные мелочи, без которых трудно представить жизнь женщины в царском дворце.

После лавки финикийца, заметно опустошив кошель Полидора, Миртала перешла в другой ряд, с лавками ювелиров. В каждой сверкающими грудками лежали товары из греческих городов, Египта, Востока и Азии. Здесь нарасхват разбирали апотронии, всевозможные амулеты, отвращающие любую беду. Ловкачи торговцы, нараспев расхваливая товар, обещали панацею от всех напастей. Апотрониям приписывали волшебные свойства ограждать или предохранять людей и животных от чар и злых демонов, вражеского оружия и даже проклятий недругов. Ни человек, ни его дом, ни бытовая утварь, орудия труда и даже оружие, оказывается, не ограждены от всяческих случайностей, проявлений тёмных сил и губительной зависти соседей. А это означало, что каждому требовалась надёжная защита.

Мирталу привлекли не кусочки кожи, зубы, косточки и всякие коренья – самые неожиданные предметы для амулетов, – а драгоценные камни: изумруд, сапфир, рубин и жемчуг. Она знала о

свойствах многих драгоценных камней по рассказам дворцового жреца в Эпире, знала, что они тоже служат оберегами для человека. У Мирталы был такой оберег – тёплый камень электрон, кусочек янтаря золотисто-солнечного цвета из холодной страны гипербореев: его подарила ей мать. Тучный торговец с бегающими глазами и неожиданно тонким голосом, увидев молодую знатную покупательницу, стал предлагать какие-то камни, как он сказал, из далёкой и жаркой страны, где живут голые черные люди. У Мирталы заблестели глаза.

– О, я хочу вот этот камень! – воскликнула она, указав на гранёный камень зелёного цвета, привлекательно сверкнувший в лучах яркого солнца. Артемисия остановила её:

– Что ты, Миртала! Здесь полно подделок, не разберёшь, где настоящий камень!

Полидор поддержал:

– Артемисия права: финикийцы, а ювелиры почти все финикийцы, самые искусные мошенники. Дай им агат или слюду и попроси сделать драгоценный камень – сделают. Они ухитряются окрашивать простые камешки, подолгу выдерживая их в цветных растворах и маслах. Сразу не отличишь от настоящего.

Мирталу увели прочь под возмущённые причитания финикийца. Он продолжал кричать вслед, что он самый честный из всех торговцев.

Им встретились пехотинцы в полном воинском снаряжении. Они неторопливо бродили между рядами по двое-трое и группами. Полидор объяснил, что воины в свободное от службы время ищут, где дешёво купить съестных припасов или оружие. Один из пехотинцев нёс в перевернутом головном шлеме нечто жидкое.

– Он купил себе овощную похлёбку. Сейчас устроится в тени дерева и съест, – с удовольствием разъяснил Полидор.

Навстречу шёл человек, подпоясанный конским недоуздом. Он с унылым видом бродил между рядами, уступая путь всем прохожим. Когда он надумал что-то купить, торговец отвернулся, будто не заметил его.

– Кто этот странный человек? – спросила Миртала у Полидора.

Командир презрительно сморщил губы.

– На войне он показал себя трусом. За свой позор наказан товарищами и будет носить недоуздок, пока не убьёт хотя бы одного врага Македонии.

Полидор разъяснил, что по обычаю предков, если охотник не

убил ни одного кабана в лесу или воин не сразил врага, он не имеет права находиться с остальными на пиру. А с недоуздком все видят его позор.

Халдей

На агоре становилось свободнее – жара наступала. Народ постепенно рассредоточивался по тенистым местам – под редкими деревьями, навесами или в общественных трапезных. Мирталу вновь поместили в лектику, откуда она с интересом поглядывала по сторонам. Артемисия не знала, куда себя деть от палящих лучей, бесполезно прикрываясь платком. Она устала и намекала, что пора возвращаться домой. Наконец её воспитанница согласилась, но пожелала, чтобы назад её несли новыми рядами.

Сначала она увидела фармакополов, которые продавали различные лекарственные составы и чудодейственные мази. Многие снадобья составлялись на основе оливкового, орехового и миндального масел, смешанных с благовониями и смолами. В толпе сновали с лотками мелкие разносчики лекарственных снадобий. Они совали чуть ли не в лицо свой нехитрый товар, предлагая за полцены. В ходу была мастика, ароматическая смола мастикового дерева, употребляемая для очищения полости рта и ещё для придания напиткам и пище специфических кулинарных или лечебных свойств. Мاستику добавляли в жертвенный костёр для усиления приятного запаха, привлекающего богов к алтарю. Это мог быть фимиам, сжигавшийся в качестве воскурений на алтаре, оставляя приятный запах, или обычные шишки сосны, пинии, листья лавра, миндальное масло, смола ладанного дерева, мирра, нард, гальбан, или камедистая смола зонтичного дерева, корица и бальзам.

Благовония предлагались, как правило, индийские или аравийские, но кое-что из этого изобилия выращивалось в самой Греции. Миртала хорошо знала почти все эти вещи, поскольку во время священных торжеств или на празднествах сжигала их не раз в курильницах, фимиатерионах. Артемисии понадобилась мирра, она, не торгуясь, приобрела за две драхмы кусок благовонной смолы и спрятала его в тряпицу, а тряпицу – за пазуху.

Миртала заметила кучку людей, с любопытством наблюдавших за действиями странного человека, судя по одеянию, египтянина или финикийца. И тех и других можно было часто встретить на греческих

рынках. У этого обрита голова, смуглая кожа. Окружившие зрители, кто с удивлением, а кто с наивной восторженностью, следили за тем, как куриное яйцо, которое он держал в руке, неожиданным образом исчезало и так же внезапно появлялось в другой руке.

Увидев Мирталу в лектике, не прерывая представления, человек уверенным жестом остановил рабов-носильщиков. Подошёл поближе, заглядывая ей в глаза. Она не испугалась, наоборот, неожиданно ей стало легко и спокойно. А он взял в руки деревянный посох, бросил его на землю, и посох превратился... в толстую коричневую змею. Змея, извиваясь и угрожающе открыв пасть с белыми клыками и ярким дрожащим язычком, с шипением устремилась на зрителей. Люди в ужасе бросились прочь, а Миртала рассмеялась: она поняла, что перед ней обыкновенный халдей, или маг, как в Греции называли всех восточных кудесников. Один такой халдей долго жил при дворе Аррибы, а до этого он промышлял фокусами на рынке, пользуясь невероятным успехом у народа. Арриба, обожавший подобные представления, приютил его, поручая гадания и астрологические предсказания. Эпирский халдей отличался знаниями астрономии и астрологии, умел рассчитывать ожидаемые явления в жизни человека, заглядывая в таинственные астрологические таблицы, понимал толк в генетлиологии, или в предсказании по дням рождения человека, и апотелесматике – предсказательной метеорологии.

Здешний халдей словно ожидал появления Мирталы. Она зачарованно наблюдала за магическими пассажами, слушала гортанные выкрики загадочной абракадабры. Халдей подбежал к уползавшей змее, схватил за голову, затем за хвост. Дёрнул её в разные стороны – змея выпрямилась и замерла в неподвижности, как палка... Бросил её на землю, и змея на глазах у ошеломлённых невиданным зрелищем людей вдруг вновь превратилась в... деревянный посох. Миртала обратила внимание, что на среднем пальце правой руки халдей носил золотое кольцо с большим камнем василькового цвета, сапфиром.

Миртала захлопала в ладоши, к неудовольствию Артемисии, избегавшей подобные развлечения. Халдей направился к лектике. Полидор попытался его остановить, а маг, едва дотронувшись до него, будто спеленал все его члены. Подошёл к Миртале и произнёс негромким, но завораживающим голосом:

– Я давно ожидаю тебя, дочь царя Эпира, чтобы сообщить волю своего бога.

От неожиданности Миртала отшатнулась, лицо побледнело. Ар-

темисия бросилась к ней, оттеснив халдея от лектики. Ей помог Полидор, который уже оправился от странного состояния. Но она воскликнула:

– Пойдите! Я хочу говорить с ним!

Все отошли, озабоченно наблюдая за странным человеком:

– Как зовут тебя, халдей?

– Нектаб, госпожа, – ответил он со смирением.

– Откуда прибыл ты, Нектаб, и зачем совершил путь свой? И как ты узнал меня? И какой бог должен передать через тебя свою волю?

– Имя бога, которому я служу, – Аммон-Ра, или Зевс по-вашему. Он царь богов, отец всех людей. Это он велел мне бросить все мои дела и прибыть в Пеллу, найти тебя, чтобы сообщить что-то очень важное. И вот я здесь, покорный слуга бога и с этого дня твой слуга.

Миртала недолго колебалась в сомнениях, посетивших её неискушённое сердце, решительно произнесла:

– Следуй за нами, Нектаб, я буду с тобой говорить.

– Слушаюсь и повинуюсь, госпожа, – ответил халдей. Неспешно собрал в лежавший на земле мешок свои принадлежности и скорым шагом последовал за лектикой. Опираясь на палку, которая только что была злобной змеей.

Так человек с агоры, назвавшийся Нектабом, оказался в загородном имении Антипатра рядом с Мирталой.

Теперь Нектаб, будем называть его так, почти неотлучно находился рядом с Мирталой. Артемисию он оттеснил, заняв место мудрого советника. Няня, на глазах терявшая влияние на воспитанницу, выказывала недовольство, пыталась возражать, но сила внушения халдея оказалась сильнее любви Мирталы к няне. Нектаб показался ей настолько любопытным, что она решила оставить его в свите в качестве толкователя сновидений. Халдей сказал ей, что понимает смысл тайных и явных пророчеств, может раскрывать значения знамений, гадает по полёту птиц.

Артемисии пришлось смириться с присутствием халдея рядом с Мирталой, а Гермоген прямо-таки обрадовался появлению в свите царской невесты ещё одного мужчины. К тому же дядя Мирталы тоже занимался онейрокритикой, разгадыванием снов, так что при посредничестве Нектаба он собирался совершенствоваться в этом искусстве.

Глава восьмая

ДРУГ ФРАСИЛ

Большие перемены

Перемены в македонской армии оказались резкими, но результативными, отчего молодой правитель быстро добился доверия многих македонян. В наёмную армию пошли свободные граждане, которые по своей воле и желанию несли военную службу, следуя беспрекословно уставу и приказам командиров. Царь платил жалованье, достаточное, чтобы воины в мирное время не занимались грабежами и могли откладывать кое-что про запас. Филипп не боялся осуждения элиты, приглашая на некоторые должности военачальников из греческих городов. Ценив их боевой опыт, он приближал к своей особе, не обращая внимания на ропот придворного окружения, считая, что действует в интересах Македонии и македонского народа. В вооружённых конфликтах с врагами успех всё чаще сопутствовал Филиппу, и чем многочисленнее противник, тем ожесточённее сражались македоняне, уверенно и без страха! И поражения приносили Филиппу больше пользы, чем вреда, потому что он незамедлительно делал выводы, побеждая в очередных сражениях. В дипломатии он тоже преуспевал, и чем запутаннее были государственные дела, чем более обнаруживалось постороннее противное влияние, тем больше единомышленников собиралось вокруг молодого македонского царя. Вскоре он принимал решения самостоятельно, без оглядки на высший совет военачальников, а это, в свою очередь, приближало его к единоличной власти, что в истории Македонии было невиданным явлением.

Перед Филиппом открывалась истина, что из-за постоянной враж-

ды между собой «великая троица» – Спарта, Фивы и Афины – больше не способна притязать на единоличную гегемонию в Греции. В этой политической ситуации обязан появиться другой претендент на лидирующую роль, способный объединить Македонию и Грецию на основе новой политической идеи – войны с Персией. Царь Филипп был уверен, что Македония во главе с ним способна исполнить такую миссию. Филипп имел право так думать, поскольку, несмотря на молодые годы – ему исполнилось двадцать три года, – он не только обрёл уверенность в своих начинаниях, но обнаружил в себе дарования политика, позволившие смотреть в будущее с надеждой, смело и по-юношески нагло.

У него появилась гордая осанка, подобающая царю. Его манеры и не по возрасту житейская мудрость привлекали к нему активных молодых людей, безраздельно преданных отечеству и бескорыстно обеспокоенных прежним унижением Македонии. Обладая ловкостью в обхождении с различного рода людьми и определёнными знаниями эллинского мира, царь хорошо изъяснялся по-гречески, искусно писал, в то же время остерегался показаться чужим среди своих, македонян. Держа в памяти изречения греческих мудрецов, он умело пользовался ими, выступая перед армией и народом, укрепляя тем самым авторитет. Среди молодежи он слыл лучшим пловцом, мог объездить жеребца с норовом. Любой знатный юноша, которого он приближал к себе, был абсолютно уверен в его искренней дружбе.

Но в нём оставалось ещё очень многое от национального македонского начала, варварского характера, что благоприятно сказывалось на популярности среди патриотично настроенных македонян. Это было связано с его природным необузданным нравом, требовавшим естественного выхода – тогда он бездумно предавался разврату, преследуя лишь чувственные, чаще животные удовольствия. Хотя при этом не терял из виду главную цель, быстро ориентируясь в любой, даже в проигрышной для него ситуации, меняя по ходу и свои настроения. Он охотился и пировал, с вожделием отдавался любовным интрижкам с красивыми женщинами. Именно эти стороны его поведения стали в последнее время поводом для неуважительного отношения к нему со стороны Афин, поддерживая миф о его варварской сущности.

На самом деле Филипп был не так прост, ведь даже самый ожесточённый противник молодого царя не мог отказать ему в светском

изяществе. Понятно, что если с его участием проходили дружеские пиры, то они, соответственно, требовали грубых проявлений природного македонского характера. Они были больше похожи на легендарные пиры кентавров (полулюди-полукони) и лестригонов (великаны-людоеды) – обжорство, пьянство, разврат... Но официальные придворные мероприятия, которые устраивал царь Филипп у себя в Пелле в честь иностранных послов или празднования великих национальных побед, резко отличались от бытовых пиров. По своей организации они являлись предметом зависти греков – были по-эллински мудры и блистательны, по-восточному роскошны!

Филипп интуитивно чему-то учился. Ради господства над массой, умело пользуясь как слабостью, так и силою толпы, он учился быть недосыгаемым даже для ближайшего окружения. Одни знали его гневливым, храбрым и упрямым человеком, иные – кротким, хитрым и уступчивым; порою – жестоким, непоколебимым в своих решениях. Однажды Филипп скажет своему сыну Александру:

– Бери пример с хамелеона, который меняет окраску по ситуации, как делал я в молодости. Изучай нравы тех людей, с кем тебе придётся жить дальше, приспосабливайся к их настроениям. Старайся походить на этих людей, не меняя своих убеждений и намерений, тогда потом сумеешь властвовать над ними, заставишь жить их по своим законам.

Уроки мудрости

Филипп с войском ещё оставался на фракийской земле. Царские гонцы доставляли из Пеллы письма от Антипатра, которого в последнее время волновал, видимо, один только вопрос: когда готовиться к свадебному пиру?

Поначалу верный друг царя отписывал короткие записки, информируя о продвижении свадебного кортежа из Эпира в Пеллу. Когда Антипатр понял, что Филипп не реагирует на его призывы лично встречать невесту, тон писем Антипатра изменился, они стали требовательными: пора жениху возвращаться. А когда Миртала прибыла в Пеллу, послания пошли чуть ли не каждый день, в них советник сильно огорчался: неудобно, мол, перед Эпиром, Македонией и Грецией. Предлагал царю поторопиться на собственную свадьбу.

Сегодня Филипп намеревался отвечать Антипатру, сообразил начало:

«Мой славный и мудрый Антипатр, почему ты не можешь понять, что царь должен находиться там, где он более всего нужен! Македонии нужна Фракия, поэтому я ещё здесь, пока не переломлю события в свою пользу. Невеста... О, невеста подождёт!»

Дальше письмо не писалось, он не знал, чем ещё объяснить своё нежелание возвращаться в Пеллу. Поэтому Филипп подбирал для письма каждое слово, не желая обидеть или расстроить Антипатра. После встречи в Эги Филипп полюбил его как старшего товарища, доверял, как самому себе, находил его самым мыслящим и честным советником. Ближе его у царя не было друзей, хотя многим из них он тоже доверял. А с Антипатром, бдительным и неподкупным придворным, царь мог не появляться в Пелле месяцами, не испытывая особых тревог. И в мудрости ему не откажешь.

Однажды Филипп завёл разговор о том, может ли правитель обладать таким качеством характера, как доброта.

– Как только в моём сердце прорастут побеги добра или, ещё хуже, жалости к врагу, я перестану быть воином и царём.

– Ты ошибаешься, Филипп, – возразил Антипатр, – добро заложено в каждом человеке, будь он воин, пахарь или царь. Поэтому стремление природы человека к добру естественно, оно подобно свободному течению воды вниз. Устрой на пути потока каменную преграду, и вода, наполнив запруду, понесётся дальше. Применяв хитрые приспособления, можно заставить воду подняться на гору, но всё равно вода неуклонно потечёт вниз, найдя удобный для себя путь... Так и с человеком – его можно побудить или заставить делать недоброе, совершить зло, но его природа подобна природе воды...

Передумав самому отвечать Антипатру, царь призвал секретаря. Вошёл человек с пронзительными умными глазами – высокий лоб, короткие чёрные кудри. На перевязи через плечо висела круглая корзинка из берёсты, пенула, откуда он ловко извлек необходимые для письма предметы: лист папируса, двойная чернильница и перо, каламус – заострённый стебель тростника. В чашке чернильная смесь из очаговой сажи и камеди, гумми – клейкого вещества, добытого из сока египетского фигового дерева или обычной греческой акации. Секретарь разгладил желтоватый лист папируса, попробовал пальцем остроту каламуса и выжидательно посмотрел на царя.

«Филипп пишет Антипатру: Хайре! – начал диктовать Филипп. – Обстоятельства задерживают меня во Фракии ещё на десять дней. На этот срок ты готовь мою свадьбу. Будь здоров!»

Секретарь просушил текст письма горстью мельчайшего песка, прочитал вслух. Царь кивнул, соглашаясь. Подписал. Через полчаса курьер мчал письмо в Пеллу.

В палатку зашёл советник Хабрий, без предупреждения и вызова. Он знал, что царь один, а в таких случаях у него появляется возможность пообщаться с Филиппом без придворных тонкостей, если, конечно, тот был расположен. Чтобы не являться с пустыми руками, советник принёс очередной гороскоп.

Филипп, погружённый в свои мысли, не обращал внимания на советника. Он был озабочен военной операцией на завтрашний день. Планировалось взятие крепости, которая удерживалась, по словам перебежчика, немногочисленным отрядом фракийских воинов, не более тысячи человек. Можно обойти крепость стороной или обложить осадой, ждать, пока плод созреет и сам упадёт. Но продвигаться дальше по враждебной территории с такой занозой Филиппу не хотелось... К тому же у него имелся веский довод – тайно переданный командиру гарнизона увесистый мешочек с серебром...

Наконец царь озабоченно поднял брови – неширокий лоб пересекали сразу три морщины, посмотрел на советника.

– Это ты, Хабрий! У тебя ко мне дело?

– Нет, нет, я зашёл с надеждой, что понадоблюсь своему царю.

– Ладно, тогда развеяй мои заботы. У тебя всегда есть в запасе какая-нибудь мудрость для меня или совет. Я слушаю.

– Повинуюсь, мой царь. – Хабрий произнёс это, подыгрывая настроению царя. – Ты недавно спрашивал меня, насколько можно доверять другу.

– Да-да, Хабрий, скажи мне, насколько преданными могут быть друзья. Где черта, за которой кроются измены близких людей?

– Ты молод, царь, в твоих годах друзьями легко обрастают. Но такая дружба ненадолго, поскольку каждый человек с годами меняется. По этой причине нельзя утверждать, что друзья молодости сохраняют добрые чувства к тебе до конца жизни. С каждым периодом твоей жизни у тебя будет появляться нужда в новых друзьях. Поэтому в старшие годы у человека оказывается друзей вдвое меньше, чем их было в молодости.

– А как быть с клятвами друзей перед Зевсом о верной дружбе и преданности друг другу?

– Вернейший способ быть обманутым, царь, – считать себя окружённым преданными друзьями. Верность товарищей для царей

опасней ненависти врагов – врагов ты знаешь, ведь они не скрывают своей ненависти к тебе. А вот что находится внутри друга, ты можешь так и не узнать до конца своей жизни! Преданность друга – в большинстве случаев его уловка, чтобы возвыситься над другими, ради чего завоёвывается доверие царя.

– Но, Хабрий, говорят, что врагом способен стать любой, а другом – далеко не каждый!

– Да, но плохой друг сейчас – хороший враг в будущем, потому что бывшие друзья всегда бьют по слабостям, по уязвимым местам, известным только им. Мой тебе совет, царь, ограничь себя в количестве друзей.

– Спасибо за добрый совет, Хабрий. Я разделяю твои опасения – впредь буду осторожным в выборе друзей. А враги мои сами найдутся!

Имение Фрасила

Через три дня после разговора с Хабрием комендант фракийской крепости сдался на милость македонскому царю.

– Конец! – возликовал Филипп. – Друзья мои, в Пелле меня ждёт невеста! – последние слова он адресовал гетайрам.

До Пеллы конным верхом – два-три дня – если позволят переправы через горные ручьи и реки в случае проливных дождей. Пока погода благоприятствовала. Царь не торопил коня, дал ему волю распорядиться собственным ходом, умело лавируя меж ям и россыпи камней на дороге. Впереди вышагивали тяжеловооружённые пехотинцы, телохранители царя, его любимцы аргираспиды – «носящие серебряные щиты». Командиры тысячных отрядов, хилиархи, и близкие друзья держались рядом с царём – Леоннат, Аттал, Полисперхонт, Неарх. Пармениона Филипп оставил во Фракии командовать, пока сам не вернётся к войску. Позади царского отряда поспешали слуги и погонщики обозных ослов с дорожной поклажей.

Малоприметная дорога пролегла по каменистой равнине, сменявшей низкорослые горы. Затем она вновь возвратилась в гористую местность, намного усложнив дальнейшее продвижение царского отряда. С одной стороны отвесные скалы, с другой – бездонные провалы и пропасти. На извилистой тропе острые камни резали копыта лошадей – подков не знали, – не меньше страдала обувь людей. Кони нервничали, когда щёбёнка ускользала из-под копыт, тогда всадники слезали с коней и осторожно проводили их в поводьях.

Филипп будто не замечал дорожных неудобств и опасностей. Со стороны казалось, что его ничего не заботило, ему всё нравилось – и эта щебёнка, и убийственные скалы, и въедливая пыль, осевшая на лицах людей и крупах животных. Но это, возможно, от чувства, что земля под копытами македонских коней теперь не принадлежала Фракии, она отвоёвана, она возвращена Македонии! Филиппу хотелось кричать во весь голос от радости, торжествовать, не стесняясь совсем не царского проявления чувств. Ни того, ни другого он не мог себе позволить. Душа его пела ещё и потому, что путь лежал в Пеллу, которую он любил с детства, где царя ждали с нетерпением. Конь, чувствуя настроение хозяина, часто вскидывал голову, словно соглашаясь с его настроением. Иногда он призывно ржал, ему вторили другие кони царского сопровождения.

* * *

Фракия постепенно отступала вдаль, оставляя за порванными гребнями гор боевые тревоги и проблемы. С каждым пройденным этапом прежние заботы оставляли Филиппа, заменяясь на приятные думы о доме. В Пелле ждёт невеста – говорят, умная и красивая; сыновья от неё будут красивые, сильные и храбрые – в отца!

Гористая местность постепенно сменилась равниной, и под ногами проявлялась наезженная дорога. Филипп сжал ногами бока коня и, нетерпеливо подёргивая поводья, убыстрил бег. Боевой товарищ, поняв хозяина, резво прибавил ход. Спутники царя встрепнулись, взбодрили своих коней, стараясь не отставать. Филипп, словно озорной юноша, подзадорил коня, чтобы ускорить ход, и гетайры приняли его игру, устроил «догонялки»; по клубам пыли, что поднимали всадники, со стороны можно было думать, что идут конные состязания.

Когда царь наконец дал себя догнать, по улыбающимся лицам запыхавшихся гетайров он понял, что небольшое приключение всем пришлось по душе, отчего дальнейший путь показался легче.

Вот он – Стримон, пограничная река! За ним родная Македония. Отряд переправился через стремнину, найдя безопасный брод. Через время конный разъезд, посланный вперёд, доложил, что впереди находится небольшое поместье – там уже побывал верховой посыльный. Если царь пожелает, там можно передохнуть.

Вскоре открылось великолепное зрелище обжитого пространства. Среди унылого каменного однообразия яркой зеленью сверкнули ухоженные поля, белыми пятнами проступали строения. Вдали проглядывали группы оливковых деревьев. Они вдруг напомнили

Филиппу детство, загородную усадьбу, когда там происходил сбор олив. Работники в деревянных сандалиях топтали маслянистые плоды, рассыпанные кучами на решётке – так удалялись косточки, – и пели песни. Филипп тоже топтался, помогал, ему было весело! После трудового дня работники вместе с хозяевами ели за общим столом, много сыра с прошлогодними оливами, запивали красным вином. Маленький Филипп пил козье молоко и вместе с детьми уплетал за обе щёки сладкие оливы, выдержанные в меду и винном сусле. Кажется, ему до сих пор слышится крепкий аромат человеческого пота, маринованных маслин и молодого вина.

Вблизи строения, выложенные из тёсаных каменных блоков, выглядели добротными. Большой жилой дом в два этажа. Навстречу с остервенелым лаем выскочили две взъерошенные от злобы собаки, предупреждавшие хозяев о появлении чужаков на их территории. Из ворот выехали два всадника. Один, признав македонян, среди них царя, с радостными криками повернул назад, второй приблизился и поздоровался. Затем пригласил следовать за ним.

Царю сообщили, что хозяин поместья – Фрасил; с ним он был знаком по Фивам, подростком. Они не виделись шесть лет, но Филипп знал, что Фрасил был ранен в плечо и оставил армию. В приграничной зоне приобрёл разорённое фракийцами имение и всё это время его восстанавливал.

Когда Фрасилу сказали, что царь с отрядом посетит его дом, он обрадовался, только засомневался, достаточно ли у него припасов, чтобы достойно встретить гостей; коням дать корм и чтоб царские слуги и рабы не остались голодными. Узнав от дозорного, что царь уже здесь, вышел встречать.

Широкоплечий мужчина с буйной шевелюрой и такой же густой чёрной бородой стоял на пороге, улыбаясь.

– Филипп! Хайре! Как доехал, царь?

Оказывается, Филипп был рад встрече с давним товарищем.

– Всё хорошо, Фрасил! Рад видеть тебя! – он заключил Фрасила в объятия.

Хозяин дома приветливо поздоровался с приближёнными царя – многих он знал, – затем проводил Филиппа через прихожую в широкий коридор, откуда они попали во внутренний двор, аулу.

– Я здесь ещё не всё закончил, – Фрасил показал на ряд изящных колонн, окружённых строительными лесами.

Увидев царя так близко, рабочие, не скрывая любопытства, раз-

глядывали его, но без опаски. В разных концах большого строения хлопали дверьми, показывались и скрывались люди, одни что-то приносили, другие уносили. Царь отметил, что его рады видеть.

Внутри дом выглядел просторным, возможно, потому, что из-за ремонта не вся мебель была расставлена; отсутствовали бытовые мелочи, какие обычно дополняют уют или кричат о роскоши. На этот момент жилище представляло собой смесь вкусов богатого грека с македонской скромностью и домовитостью: алебастровая лепнина на потолках, коринфские колонны, подпиравшие входной портал; мраморные и бронзовые статуи разной величины, изваянные, по всей видимости, неплохими греческими мастерами и расставленные, казалось, в непродуманном беспорядке – на полу и в стенных нишах. Фрасил, заметив интерес на лице царя, пояснил:

– Несколько статуй остались от прежнего хозяина – видимо, большого любителя искусства, а прочие предметы я подбирал сам.

– У тебя вкус настоящего эллина! – отозвался Филипп.

Внутренний двор был открыт небу и солнцу, так как, по задумке хозяина, не имел покрытия. По периметру виднелись входы в жилые комнаты, столовую, подсобные помещения и кладовые для продуктов и домашней утвари. Деревянная лестница вела на второй этаж, где размещались женские владения – гинекей. Там супружеская спальня, комнаты хозяйки и детская; на втором этаже содержалась прислуга из рабов, располагалась небольшая мастерская, где хозяйка дома с рабынями проводили время за ткачеством и рукоделием.

Стены дома были выложены из тёсаных камней, таким образом, что в чрезвычайной ситуации, во время нападения врага, можно было выдержать небольшую осаду до прихода помощи соседей из ближайших поселений. Также на случай осады устроена добротная отдельная комната, опистодом, без окон и с узкой дверью из прочных дубовых брусьев на металлических полосах. В опистодоме хранятся боевое оружие, семейные ценности и запас продовольствия на семью. В глубине аулы размещался каменный алтарь Зевса, где хозяин ежедневно совершал обряд с жертвоприношениями и дарами.

Как пояснил Фрасил, первоначально во всём доме имелись глинобитные полы. Теперь в жилых комнатах настилались доски, а в мегароне, главном помещении, со вкусом изготавливались красочные мозаичные полы. Филипп увидел мастера, щедедушного телом человека, руководившего процессом. Под его началом возились два юных помощника; в большом медном тазу они размешивали соеди-

нительную смесь. Подростки бросили своё занятие, как только подошёл царь, откровенно проявляя к нему любопытство. На полу в разных коробочках лежали тысячи мелких камешков и полупрозрачных кубиков, разной формы и цвета, готовых по команде художника – а иначе мастера не назовёшь – занять отведённое им место в напольной картине. Мозаика изображала двух воинов, грека и фракийца, настолько реально, что, казалось, чувствовалось их сдавленное дыхание, физическое напряжение, с каким они сошлись в смертельной схватке. Никто из воинов пощады не ожидал! Царь был восхищён.

– Как зовут тебя? – Филипп привлёк внимание мастера, занятого своим делом, тронув за плечо.

– Диофан я, из Самоса.

– Мне нравится твоя работа, «Любящий бога» (Дио-фан), – продолжал восхищаться Филипп. – Но скажи, почему в твоей картине преимущество красного и чёрного цветов? Разве нет красок синего, зеленого или жёлтого цвета?

– Мой господин, я благодарен за внимание, проявленное к моему творению. Но ты задаёшь вопрос, на который ответить непросто. У меня особое отношение к цвету: красный цвет – атрибут яростного бога войны Ареса, для которого нет ничего приятнее сражений, губительной вражды и смертоубийства. Здесь изображена схватка двух мужественных воинов, но один умрёт. Таковы законы войны! В таком случае уместен чёрный цвет – символ смерти. Остальные цвета лишь дополняют или обедняют палитру художника.

Филипп остался доволен.

– Диофан, закончишь эту картину – будь моим гостем в Пелле. Твоим замечательным рукам я дам работу, о которой мечтают многие греческие художники. В царском дворце будет много простора для твоего творчества. Согласен? Я хорошо плачу!

– Я подумаю, царь, – с достоинством ответил Диофан и повернулся к своей работе.

Приближённых царя встретили молодые женщины. Рабыни, стройные телом, лицом красивые, помогли снять дорожные одежды и обувь. Совершили омовение рук и ног, поливая водой из кувшинов. Повели в баню, где их купали, уставшие тела натирали ароматным оливковым маслом, скребли костяным стригалом маслом, вобравшее в себя крепкий мужской пот и дорожную пыль; обтирали мягкими тканями.

Вечерняя трапеза

Пока свита приводила себя в порядок, две юные девушки, дочери домоправителя, взяли Филиппа под руки и провели в отдельное помещение, оказавшееся супружеской баней; успели подготовить для дорогого гостя. Его ожидали две дубовые кади – одна, поменьше, с холодной водой, а другая – с нагретой. Царь разоблачился. Девушки, немного смущаясь, стали поливать тело водой, скоблили и растирали губкой, радуя Филиппа прикосновениями нежных рук. После купания высушили сухими тёплыми тканями, набрали на ладони чистый елей, втирали в кожу, трепетно ощущая упругую плоть молодого сильного самца. Затем накинули хитон тонкой персидской ткани, сверху – мягкую, приятную на ощупь шкуру белого горного барана: получилось нечто похожее на царскую мантию. Посвежевшего и оттаявшего в усердных девичьих руках, отвели царя в спальню, на пути к которой он с удовольствием обнимал их гибкие станы, испытывая крепость юных грудей.

Постель стелила молодая рабыня, смуглая фракиянка с копной чёрных, как смоль, волос, небольшого росточка, крепкая телом. Было бы желание гостя, она останется до утра – греть постель. Но если он намекнёт хозяину, что ему предпочтительней иметь под боком тех самых девушек, возражений не будет – таков закон эллинского гостеприимства, ибо каждый путник – гость от Зевса, и редко кто осмеливался нарушить такое правило.

Леоннат, обычно следивший за тем, что ест и пьёт Филипп в гостях, прошёл на кухню, распорядиться едой и напитками по вкусу царя. Просторная кухня имела несколько жарочных очагов, на них по котлу. Котёл в доме эллина являл собой не только утварь для приготовления пищи, но и культовое вместилище благополучия дома, основу семейного существования, и по этой причине всё, что связано с котлом, любые действия с ним и вокруг него, являлось священнодействием. Если котёл на очаге, готовится пища – есть жизнь в доме. В Греции существовал особый день, он назывался День котлов, когда к семейному очагу призывали добрых домашних духов, где для них заготавливалась каша из травы асфодели. Праздник заканчивался на третий день, когда глава семьи громко стучал по пустому котелку, призывая тени предков возвращаться назад, к себе в подземное царство – чтобы не мешали жить живым...

Когда Леоннат появился на кухне, мальчишка-раб подкладывал

сухие поленья в один из очагов. На треноге над открытым огнём в большом бронзовом котле булькало пахучее варево. В нишах по стенам – припасённые продукты: соль в мешочках, оливки в кадочках, круги сыра, квашеная капуста, орехи. На крючьях – пучки зелени и овощей, связки вяленой рыбы. Свежеразделанное мясо лежало на досках в кровавых подтёках.

Леоннат расспросил повара, чем он собирается потчевать гостей, удовлетворившись ответом, тотчас вышел.

* * *

Царь и гости, одетые в чистые эксомиды, полуоткрытые туники, собрались в обеденном зале за столами. В отличие от греков, трапезничающих на ложах, здесь были столы со стульями – дроносы, по македонскому обычаю. Рабы разливали по чашам тёплую калду – слегка подслащённое вино с водой, проверенное предками средство, восстанавливающее силы. Каждый участник отлил несколько капель на алтарь – богам Олимпа, после чего приступили к трапезе.

Хозяин дома и гости в начале застолья увенчали свои головы цветочными венками, как принято у эллинов. Распорядителя застолья, симпосиарха, выбирать не приходилось – кому им быть, как не Фрасилу, хозяину дома! Он решительными действиями сразу показал участникам, что попали они не на званный ужин, а на дружеский, почти семейный обед. На таком симпозиуме невозможно более имени тому вельможе с пренебрежением взирать на менее состоятельных гостей. Для симпосиарха все гости за общей трапезой равны в своих правах, без особых привилегий. Все считались друзьями царя и гостями Фрасила.

Поднялся Фрасил с чашей в руке, его пронзительные чёрные глаза блестели, побледневшее лицо выдавало волнение. Обведя взглядом гостей, остановился на царе, который потянулся к блюду с жареной свиной.

– Я счастлив принимать в своём доме нашего царя Филиппа, моего давнего друга, и его гетайров, среди которых вижу своих товарищей. Мой первый тост – за Филиппа!

Все зашумели, поддерживая Фрасила, встали – царь остался на месте, – выпили до дна. Пили вино, не разбавляя водой. Но главное за столом были не чудесное вино и даже не обильная еда, а мужские разговоры о пережитых боевых днях, сражениях и победах, потерях друзей.

Македонское застолье отличалось от греческого невоздержанностью в еде и приверженностью к вину. Филипп, благодушно настроенный после бани и очищения тела, приятно и свободно дышавшего, отметил про себя, что Фрасил старается подать на стол всё, чем богат, хотя избытка в доме он не заметил. Зато недостаток изысканных блюд и напитков с лихвой компенсировался душевным радушием и запасами хорошего вина.

Подали лёгкие закуски: различные сыры и оливки, солёную рыбу – чтобы разыгрался аппетит. За ними, прибрав разоренные столы, в чашках принесли суп – наваристую жидкость с крупными головками лука и кореньями, заправленную острыми пряностями. Вместе с супом слуги принесли глиняные горшки с пышущего жаром очага. Послышались восторженные восклицания, какими македонские мужчины обычно награждают кикеон – любимый овощной напиток, приготовленный по древней рецептуре: несколько сортов вин, лук, тёртый козий сыр и ячменная мука, ещё мёд, овощные коренья, сельдерей и петрушка и, конечно, лепестки цветов, выложенные в горшке слоями. Увидев кикеон, Фрасил бросил шутку:

– А вот еда для возвращающихся путников и воинов! Ждут их дома любимые женщины, ждут мужского задора, а кикеон, по воле Афродиты и Эроса, послужит мужчинам на славу! Выпьешь кикеон – и наберёшься сил, когда овладеет вдруг тобой потос – любовное томление!

Все оживились, дружно поддерживая шутку, и долго ещё мужчины под густое терпкое вино обсуждали любимую тему. Изголодавшиеся в дороге участники пира скоро насытились первыми блюдами, а когда отстранились от еды, разговорились, зашумели вразнобой. В этот момент симпосиарх позволил слугам унести разорённые столы, чтобы следом принесли другие, заставленные новыми кулинарными искушениями. Гости, вновь отдав должное в восхищениях богам и хозяину, продолжили пирушку с наслаждением хорошим вином, вкусной едой и приятной беседой. В завершение подали орехи, плоды, сладости и очень сладкое вино.

Постепенно застолье разгулялось: сотрапезники, которым уже изрядно надоели собственные разговоры о военной доблести, требовали музыки и развлечений.

По знаку хозяина на свободном пространстве трапезной появились трое авлетрид – молодые рабыни, искусно игравшие на свирелях-авлах при каждой смене блюд. После десерта Фрасил распорядился выставить новые кувшины с вином, блюдами с сыром и

зеленью, жареными перепелами и куропатками. Слуги выносили вазы с фруктами и печёным кондитерским тестом, бисквитами – всё дразнило дерзкими запахами, призывая к добровольному чревоугодию. Судя по восхищённым восклицаниям, царь и другие гости были довольны угощением Фрасила.

Глубоко за полночь, когда всё, что было припасено в доме и приготовлено поварами, оказалось выпитым и съеденным, пирушка утихомирилась. Гостей развели по отведённым местам на отдых. По причине большого количества неожиданных гостей спать пришлось в тесноте, но постели застилались свежим постельным бельём.

Фрасил сам отвёл царя в семейную опочивальню, не доверил никому сильно захмелевшего, где Филиппа ожидал сюрприз. В постели его находились две прелестные авлетриды, из тех, кто развлекал в застолье; они благоухали цветочными эссенциями и мило улыбались алыми губами.

Утром царь понял, что флейтистки, вероятно, брали уроки любви у самой Афродиты – настолько изощрёнными были их ласки в эту дивную ночь...

Пробуждение

Пока гости спали, хозяин и домашняя прислуга не сомкнули глаз. Из боязни осрамиться перед царём, если тот задержится со свитой ещё на некоторое время, Фрасил снарядил в соседнее поселение небольшой обоз за провизией.

Филипп расслабился в постели, совсем не похожей на царскую походную кровать; к тому же бойкие авлетриды, умелые мастерицы не только в музыкальных упражнениях, долго не давали ему погрузиться в сладкий сон. Только под утро, когда дерзкие петухи громкими воплями нарушили спящую тишину, он выставил девушек прочь, сопроводив каждую ласковым шлепком под прелестный зад. И только потом Филипп успел провалиться в глубокий, но короткий сон.

Когда открыл глаза, полежал немного, пытаясь сохранить приятное оцепенение, затем сразу и без сожаления расстался с нейгой. Потянулся телом, с усилием в мышцах, до хруста. Резким движением отбросил лёгкое покрывало, присел на постели, спустив ноги на прохладный пол. Если бы на Филиппа в тот момент посмотрела женщина, она непременно отметила бы его особую эллинскую красоту и атлетическую статность в соединении с македонской огрубелостью.

В прикрытую дверь тихо постучали. Филипп откликнулся, полагая, что это может быть Фрасил. По его лицу царь заметил, что тот не спал. Фрасил поздоровался:

– Хайре! Филипп, не тревожил ли кто сон твой?

– Ну, как – не тревожил! Я на тебя в обиде, друг Фрасил. Почему только двух девиц ты подложил мне в кровать?

Филипп добродушно рассмеялся, потягиваясь сильным мускулистым телом. Фрасил осторожно спросил:

– Когда подавать завтрак, царь?

Филипп не ответил, задумавшись. Затем встал, накинул хитон, неторопливо подошёл к открытому настежь окну; ночью было душно. Всмотрелся в хмурившееся низкой дождливой тучей небо. Фрасил переспросил царя, но тот махнул рукой.

– С завтраком погоди. Я не голоден. – Царь кивнул в сторону недавно возведённых хозяйственных построек. – Вижу-вижу, времени зря не теряешь – обростаешь добром.

Фрасил не понял, с одобрением это сказал царь или осуждая.

– Молодец, Фрасил! Мне помнится, после фракийцев здесь оставались одни развалины. Все бы македоняне так возрождали Македонию!

Фрасил благодарно улыбнулся. Он не хотел вспоминать, сколько усилий, времени и, конечно, серебра потратил на эти развалины, как определил царь. Но сейчас этот его дом можно назвать добротным помещением.

– Страшно было начинать. Ты знаешь, Филипп, что любое большое дело состоит из нескольких малых дел. Мой отец учил меня, чтобы преодоление трудного я начинал с малого, но наиболее преодолимого. Я начал с малого: построил небольшой дом, куда перевёз семью, засеял поле, восстановил сад, привёл в порядок виноградник. Потом пристроил к дому новые помещения, чтобы в нём хватило места всем. Да что – я! Ты, царь, подаёшь пример всем нам тем же. Начал с малого похода на иллирийцев. Победил их, а после начал воевать с Фракией. Вот почему всё тебе по силам, дальше ты пойдёшь туда, куда направлены твои помыслы.

Филипп резко повернулся к другу:

– Хорошо сказал ты, Фрасил! Меня тоже так учил мой отец: большое дерево вырастает из малого прутика, поселение начинается с одного дома, а огромный холм насыпается с горстки земли. Фракия – первый шаг, на очереди Греция, дальше – Персия, мой друг Фрасил.

– Ты задумал идти на персов?

– Сорок лет назад храбрый спартанский царь Агесилай собрался в поход на персов. Тогда у него ничего не вышло. Теперь очередь Македонии! Но к этому большому предприятию ещё нужно долго идти, совершить много, как ты говоришь, малых дел.

Царь посмотрел на Фрасила, словно ища в нём поддержки, потом с шутилой укоризной сказал:

– Я знаю, Фрасил, как ты владеешь мечом, ты храбрый воин. Поэтому я не думаю, что ты до конца дней своих будешь отсиживаться в своём поместье. Занятие сельским хозяйством достойно грека, а для македонянина ближе военное ремесло.

Увидев, как вспыхнуло лицо Фрасила, царь обнял его.

– Знаю – ранен ты серьёзно. Но лев лишь в старости учится охотиться за мышами. Ты молод, полон сил и, главное, умён. Мне нужны не только храбрые командиры, храбрость и сила – удел рядового воина. Мудрость военачальника – вот залог побед македонского оружия. Скоро разгорится сильный огонь, жарко станет обидчикам македонян! Не будешь же ты отсиживаться у домашнего очага, когда твой царь и друг пойдёт сражаться за отечество?

У Фрасила глаза загорелись преданностью.

– Филипп, почему ты сомневаешься в моей верности тебе и нашей дружбе? Я готов сейчас же оседлать коня и устремиться за тобой!

Царь улыбнулся.

– Нет, нет, мой друг, не сейчас. Выздоровливай. Я тебя позову.

Филипп снова замолчал, думая о своём. Слово очнулось, обратился к Фрасилу:

– Ты вспоминаешь Фивы?

– А как же, Филипп! Разве можно забыть Фивы, где прошло наше детство?

Филипп согласно закивал. Фивы всплыли вдруг так ясно, будто вчера он вернулся оттуда домой. Мудрое время сгладило многие подробности украденной юности, но горький осадок безысходности остался навсегда...

Глава девятая

ФИВАНСКИЙ ЗАЛОЖНИК

Эпаминонд

Во время спора за македонский престол между Пердиккой, сыном умершего царя Аминты, и Птолемеем, опекуном его детей и зятем, за третейским решением стороны обратились к Фивам. Прославленный фиванский полководец Пелопид поделил Македонское царство на две неравные части, из которых большую передал в управление Птолемею, остальную – юному Пердикке. Покидая Македонию, Пелопид забрал с собой в качестве заложников пятьдесят детей из родовитых македонских семей, в числе которых был двенадцатилетний Филипп, младший брат Пердикки, и шестнадцатилетний Филоксен, сын Птолемея. Такова была практика решения многих военных конфликтов и межродовых розней.

Филоксена поселили в доме олигарха Паммена, где жил он, не общаясь почти ни с кем из земляков, сверстников. У дома постоянно находился стражник – то ли опекал его, то ли стерёг. За остальными ребятами особого надзора не велось. Их судьбой, как и настроением или здоровьем, никто никогда не интересовался, в то же время со стороны фивян особой враждебности к ним не проявлялось. Разве что на первых порах на лицах граждан можно было увидеть некое любопытство, сменившееся вскоре полным безразличием. Юные македоняне с первых дней в Фивах чувствовали себя в определённом смысле свободными, но помнили, что находятся в лагере неприятеля, без любви и внимания родных и близких. Со временем ребята и к этому состоянию попривыкли, справлялись с жизненными проблемами вне семьи и отчизны.

Товарищей Филиппа расселили по двое-трое в домах не очень богатых, но состоятельных фивян. Они питались совместно с хозяевами, общались с членами семей и сверстниками. На их содержание городские власти выделяли немного средств, достаточных, чтобы ребята не чувствовали себя нахлебниками. Их родители, горько переживая разлуку с детьми, как могли, поддерживали деньгами и вещами, передавая их с оказией в Фивы. Это была единственная и не очень надёжная связь с родным домом, с Македонией...

Филиппа определили в дом Эпаминонда, известного всей Греции пятидесятилетнего военачальника, победами которого фивяне безмерно гордились, но к нему самому относились странным образом, проявляя неуважение к его боевому прошлому, забыв его беспримерные личные заслуги. Отстранённый от государственных дел, несправедливо невостребованный, он жил вдвоём с женой – детей у них не было – в небольшом скромно обставленном доме. Именно это обстоятельство сыграло большую роль в отношениях хозяина и юного македонского постояльца. Жильё мальчику определили в угловой комнате, где имелось всё необходимое: стол, стул, низкая деревянная кровать и настенная полка, которую Филипп стал постепенно заполнять папирусами с текстами греческих поэтов. Он добывал их у фиванских книготорговцев, в частности, любимых Алкея и Пиндара. Одежда и постельное бельё хранились в стенной нише.

Эпаминонд зря не беспокоил постояльца, ни разговорами ни действиями, через молчаливого слугу приглашал на завтрак, обед или ужин. И если получалось, что Филипп опаздывал к трапезе, непременно ворчал, но по-доброму. Когда при первом знакомстве юнец с вызывающей гордостью сообщил, что он сын царя и что Геракл его предок, Эпаминонд сказал:

– А знаешь ли ты, славный потомок Геракла, что судьба не зря забросила тебя в Фивы?

– Это как понимать?

– Понимай как хочешь, но ты должен знать, что Геракл родился от Зевса и Алкмены. Алкмена, жена тиринфского царя Амфитриона, который волей богов оказался в Фивах. Сам Зевс не устоял перед красотой Алкмены. Воспользовавшись отсутствием Амфитриона, Зевс принял его облик и провёл с ней три дня и три ночи, после чего возлюбленная бога родила сына Геракла. Вот почему я сказал, что не зря судьба тебя забросила в Фивы. У тебя тоже есть возможность стать если не богом, то героем, как твой божественный предок.

Слова бывшего полководца, в шутку или всерьёз сказанные подростку, крепко запали в его впечатлительную душу. С этого дня Филипп поверил в свою судьбу, потомка Геракла, предначертанную богами Олимпа.

* * *

В юности Эпаминонд получил прекрасное домашнее образование, сочинял стихи, музицировал на флейте, обучался танцам. Но жизнь круто изменилась, когда он познакомился с бродячим последователем Пифагора Лисисом из Тарента, угрюмым на вид стариком. Юноша поселил его у себя дома, несмотря на возражения родных, и, наслушавшись страстных высказываний, увлёкся пифагорейскими идеями. Ученик оказался способным: словно морская губка, он впитывал в себя оригинальные философские заповеди о скромности и бессмертии души. Восприняв Лисиса за образец мудрости, почерпнув от него строгую мораль и добродетель, Эпаминонд вознамерился собственным примером воздействовать на прогнившие, как он считал теперь, моральные устои фиванского общества. Высшей целью жизни сделал самопожертвование ради отечества и этой жизненной философии следовал до конца.

Готовя себя к служению отечеству на полях сражений с врагами Фив, Эпаминонд до изнеможения занимался физическими упражнениями в гимнасиях и палестрах; полюбив гимнастику, укрепил здоровье, обрёл силу в мышцах и выносливость в теле, что подготовило его для перенесения тягот суровой воинской службы.

– Готовить себя к служению отечеству надо с молодости, – говорил Эпаминонд Филиппу, – пропустишь молодые годы – не заметишь, как состаришься; и уж тогда точно никому, помимо близких, не понадобится. Надо прожить всю жизнь, прежде чем станет понятно, насколько жизнь коротка.

Со временем Филипп слышал от него много рассказов об устройстве армии, о дальних и ближних походах, победах и неудачах фиванского войска под его командованием. Поэтому юному македонянину, воспитанному в духе всенародного уважения военачальников, показалось странным видеть Эпаминонда в бездеятельном состоянии. Вместо того чтобы управлять войсками или передавать боевой опыт младшим командирам, полководец чувствовал себя ненужным своему народу. Из-за этого с утра неспешно шёл к храму Зевса, затем обратно, сидел на скамье в роще вместе с такими же пожилыми и ничем не занятыми людьми, отдыхал или негромко спорил, стараясь не привлекать к себе внимания.

Однажды вечером, выждав, когда хозяин дома располагал временем и, главное, настроением, Филипп набрался смелости, постучался в дверь рабочего кабинета. Эпаминонд разрешил войти. Он сидел за столом, удобно расположившись в дронесе, и был занят, видимо, чтением папирусов. Хозяин кабинета вопрошающе глянул на Филиппа.

– Какие неотложные дела привели потомка Геракла ко мне?

Филипп смутился поначалу, но быстро справился со своим состоянием.

– Уважаемый Эпаминонд, я слышал от людей, что могущество Фив во многом обязано вам и вашим победам. Но тогда почему вам не дают больше командовать армией?

Вопрос застал врасплох. Эпаминонд недовольно поморщился. Видимо, сомневаясь, нужно ли объяснить наглому юнцу всё как есть, он молчал некоторое время. Потом, отложив папирус в сторону, ответил с горечью в голосе:

– Виной всему, юноша, человеческий эгоизм. Когда моё войско одерживало победу над врагом, все фивяне считали себя причастными к моей славе. Но на войне помимо побед для любого военачальника случаются неизбежные поражения или хотя бы неудачи. В таких случаях все дружно ругали меня одного. И это естественно для человеческой природы. Но я не в обиде ни на Фивы, ни на сограждан, потому что сам фивянин.

– Как долго вы терпели такое от своих граждан?

– После того как я посчитал, что мои Фивы могут обойтись без своего полководца, я удалился от дел.

– Но разве ваше решение не есть повод говорить людям, что Эпаминонд проявил слабость?

– О, нет, это не слабость, а дальновидность. Я отошёл от дел прежде, чем дела удалились от меня. Для чего солнце, полное ослепляющих взоры сил, иногда прячется за облака? Чтобы люди не видели его закат – в таком случае людям остаётся только гадать, зашло ли солнце или нет. Я, думаю, поступил правильно. Сила духа и мужество воина проявляются не только в сражениях: если ты видишь вокруг столько неблагодарных людей, лучше уйди загодя. Я так и сделал, чтобы не страдать от их дерзостей и невежества. Не следует ожидать, пока люди повернутся к тебе спиной или, ещё того хуже, похоронят заживо. Достойный Лисис, мой учитель, преподавал мне замечательный урок, когда говорил: «Научись властвовать над собой, над своими страстями – это не однажды поможет в жизни». Запомни, Филипп,

не научишься обладать собой, не будешь властвовать над другими!

Эпаминонд вдруг встал и заходил по кабинету, размахивая руками.

– Я отказался от неблагодарных сограждан, но не от отечества. Я верю, время придёт, и мой опыт понадобится Фивам. Меня обязательно позовут, а до тех пор я разумно проявляю терпение.

Наконец, решив, что достаточно уделил внимание Филиппу, Эпаминонд отправил его прочь, чтобы опять погрузиться в любимое занятие – чтение древних папирусов.

Отрочество

Пребывание в Фивах юных македонян шло своим чередом. В основном ребята проводили время на улице, встречаясь в условленном месте – в тополиной роще или на пустыре. Состязаясь друг с другом в быстроте, силе, ловкости и хитрости, ребята играли в известные им македонские игры: «жмурки», «волчок», «бабки»; бежали взапуски, гоняли палками обручи. Из развлечений, требующих работы ума, Филипп предпочитал пессы. На доске расчерчивались клетки, в которых расставлялись камешки противников – белые и чёрные. Нужно было определёнными ходами «запереть» камешки противника – борьба. Эта игра возбуждала Филиппа напряжением ума в поисках многоходовых комбинаций, будоражила воображение. Фрасил, с которым сдружился Филипп уже в Фивах, увлёкся запретной для подростков игрой – в азартные «кости» и «камешки». Филипп не отставал от него, ему везло, особенно в «бабки», где требовалось даже не умение, а определённая доля везения и ловкость рук, а иногда мошенничество. Филипп всегда стремился только побеждать.

Подростки любили гонять по сравнительно ровной площадке сферу – кожаный мяч, туго набитый овечьей шерстью. Иногда македонские и фиванские ребята сходились в этой игре. Поощряемые криками случайных взрослых, местные подростки играли в полную силу, не жалея ни своих, ни чужих ног. Македонские ребята настраивались только на победу, а если случалось проиграть – стиснув зубы, не показывали расстройств. В разгаре игры случались сшибки, разборки и даже драки, а порой и травмы, но для обеих сторон подобные схватки являлись серьёзным испытанием национальных характеров.

Взрослея, Филипп расширял круг интересов, тянулся к Эпаминонду, а тот, рассмотрев в нём любознательность и усердие, не отстра-

нялся от общения с ним. Можно сказать, привязался к нему, будто к родному сыну. Теперь они часто проводили вечера вместе – Филипп слушал, Эпаминонд рассказывал.

Филипп с юношеской страстностью впитывал сведения о городе недругов Македонии, где богиня Тихе определила ему судьбу жить. Он каждый день знакомился с Семивратными Фивами, главным городом Беотии, влиятельнейшего государства эллинистического мира. Городом, приютившим три тысячи лет назад до этого переселенцев из Финикии. От фивян Филипп услышал историю Эдипа, сына Лая, который убил его посохом, не ведая, что убивает своего отца. Филиппу показывали источник, в котором Эдип смыл кровь с посоха. Фиванцы бережно сохраняли воспоминания о могущественном прошлом своего города, ревниво поддерживали свою гегемонию, и многие войны, которые им приходилось вести, были направлены против государств, противодействовавших их политике. Фивяне воевали с Афинами, но сто лет назад были разбиты при Платеях. Во время нашествия персов царя Ксеркса Фивы изъявили покорность Персии, оставшись неразоружёнными.

Спартанцы, воспользовавшиеся слабостью фивян, захватили город и поставили военный гарнизон. Лидер демократической партии Исмений был казнён; многие его сторонники убиты, кто остался в живых, бежали в Афины. Тогда и проявился волевой характер Эпаминонда: он сумел пробудить у молодёжи патриотический пыл. Объединёнными усилиями с аристократами-беженцами, руководимыми Пелопидом, фивяне вышвырнули из Кадмеи спартанский гарнизон.

В Фивах находился дом великого Пиндара; его стихи знал и любил Филипп, поскольку поэт некоторое время проживал в Македонии при дворе царя Александра I. Юноша нашёл его домик с небольшим садом. Потомки Пиндара встретили Филиппа по-доброму, расспрашивали, откуда родом, рассказали несколько историй о своём знаменитом предке. На прощание вручили Филиппу гостевой знак, проксений – по обычаю, чтобы помнил и возвратился, когда ещё представится случай...

Любознательность Филиппа поражала Эпаминонда, вопросы возникали сами собой, по любому поводу, обрастая по ходу разъяснения новыми темами. Однажды он спросил:

– А почему в Македонии есть царь, а в Фивах его нет?

Эпаминонд вскинул брови, ответил не сразу:

– Вижу, ты вырослешь, мой мальчик, если задаёшь такие вопро-

сы. У каждого народа есть властитель, только одних называют царями, других – тиранами и деспотами, или это вожди племён и главные жрецы. В Фивах, как и в остальной Греции, когда был царь, его выбирал народ, демос. Цари часто не оправдывали доверия, и тогда демос решил обходиться без них. Боги помогли записать законы, которые не позволили одному гражданину иметь власть над остальными. Так появилась демократия, но и она представляет собой власть большинства над меньшинством. К сожалению, самая разумная демократия не способна обезопасить себя от человека, который вдруг захочет сделать свою власть неограниченной, подчинив свободно-рождённых граждан своей воле, создав для этого новые законы, под себя.

Эпаминонд посмотрел на Филиппа, словно определяя, понимает ли он. Налил вина в чашу, взял в руки, задумчиво созерцая содержимое. Отпил глоток, затем продолжил:

– Мой юный друг! Глубоко заблуждается правитель, если он считает свой народ стадом овец, а себя пастухом. Не овцы живут для пастухов, а пастух для них, чтобы оберегать стадо, сохранять от волков и добиваться приплода. Вот о чём должен помнить царь! Во всех случаях правитель должен приносить в жертву народу собственную жизнь, он обязан жить для своего стада, не извлекая из своего особого положения своекорыстия. А если пастухи бездумно режут овец для собственного потребления, они остаются без стада, каким бы многочисленным оно ни было. Тогда кем будет управлять такой неразумный правитель?

Эпаминонд заметил, что Филипп задумался, услышав его слова.

– Я так понял, уважаемый Эпаминонд, что там, где у власти находятся цари, их правление существует вопреки установлению богов?

– Если цари следуют законам богов, а не придуманным из-за своекорыстия, они угодны богам и народу. Поэтому народы должны сами решать, какая власть им покажется надёжней. Лишь бы народ имел возможность поменять власть, если она покажется неудобной или агрессивной.

Эпаминонд, прищурившись, глянул на собеседника, который понимающе закивал головой. Затем вдруг спросил:

– Филипп, а если македоняне предложат тебе когда-нибудь занять престол, ты не откажешься?

Вопрос застал юношу врасплох, но он быстро нашёлся:

– Мой старший брат был царём, сейчас царь – средний брат; отец

и его отец сидели на престоле, как и предки. Никто из нашего древнего рода не отказывался от царской власти, так как считали это дело священным долгом, угодным богам. Если судьба даст мне возможность стать царём, я не откажусь, так как считаю царскую власть единственной силой, позволяющей объединить мой народ, разрозненный сейчас по княжеским родовым угодьям. Делами, достойными царей, я постараюсь добиться уважения народа македонского. И пусть граждане рассуждают, нужен ли им такой царь! Нет, я не откажусь от престола!

Эпаминонд с видимым удовлетворением хмыкнул.

– Филипп, как думаешь, не достаточно ли нам на сегодня серьёзных разговоров? Иди к себе. Ты основательно нагрузил меня своими непростыми вопросами – я давно так не уставал.

Увидев некоторое замешательство на лице юноши, поспешил с разъяснением:

– Нет-нет, мне нравится, что ты проявляешь интерес ко многим вещам, недоступным твоим сверстникам. И то, что сомневаешься и неохотно соглашаешься со мной, не делаешь поспешных выводов, тоже похвально. Я вижу в тебе стремление познать тайны государственного управления. Значит, ты можешь добиться поставленной цели. Говорю, как если бы ты был моим сыном: сомневайся во всём, а истина всегда где-то посередине.

* * *

С годами Филипп заметно превращался из подростка в мужественного юношу, крепкого телом, с упорным характером. До всего он старался доходить своим умом, а где его не доставало, не гнушался обращаться за советом к Эпаминонду, ставшему не только наставником, но ещё другом. В играх со сверстниками у Филиппа проявились черты лидера, готового дать отпор в спорах и в драке, отчего уверенности и сил у него прибавилось значительно. В то же время Эпаминонд с удовольствием отмечал, что в своих пристрастиях и поведении его подопечный всё больше становился эллином, а не дикарём, македонским варваром.

Филипп же, проявляя природную острую наблюдательность, исподволь постигал военное искусство фивян, их боевые приёмы и хитрости, используя откровения своего наставника. От него узнал он немало полководческих хитростей, например, таких:

...Целью любой войны является мир; поэтому во время мира нужно думать о войне, а во время войны – стремиться к миру.

...Заклучив договор с врагом, нечестно, конечно, нарушать его, но

обмануть врага не только справедливо и достойно, но и вдобавок приятно и выгодно.

...Вступая с неприятелем в битву, мы должны помнить, что сражаемся с людьми, имеющими с нами одинаковую плоть и кровь и ту же общую природу. Значит, нужно побеждать их, а не бояться.

...Не следует строить расчёты на ожидаемых ошибках противника. Зная о силе противника, обращай его слабости в свою пользу. Общий страх объединяет и злейших врагов.

...На войне часто бывает важнее удобный момент, чем сила оружия. Не следует преследовать бегущих врагов – от отчаяния они становятся очень храбрыми. И не убивайте их, чтобы они не считали, что бежать спасительней, чем сражаться с вами.

Пора детских игр и развлечений для Филиппа прошла, и теперь реальной целью для него стало изучение всех сторон военного искусства армии могущественных Фив, боевых традиций фиванцев и полководческих стратегий ведения боя, как и видов оружия. Вскоре Филипп увлёк в свою взрослую игру Фрасила, тот понял его, поддерживал. К ним присоединились ещё Лахар и Конон, но руководство захватил Филипп. Друзья не возражали и следовали его указаниям.

В военном воспитании македонских ребят, как ни странно, помог Эпаминонд. Сograждане неожиданно поручили ему подготовить резервный отряд молодых воинов, на что были свои причины: в отношениях Фив с Афинами чувствовалась напряженность. Узнав о наборе в отряд, Филипп и его товарищи пожелали быть там, за что Эпаминонд воспыал к ним отеческой любовью, а фивяне стали уважать их.

Помимо строевых занятий, проводившихся молодёжным ополчением за городскими стенами, Филипп осваивал нелёгкое искусство владения длинным пехотным копьём и коротким спартанским мечом, пригодным в рукопашном бою. Обучал Ксанф, служивший раньше у Эпаминонда. За один обол в день он усердно занимался с Филиппом, дополняя уроки живописными примерами из собственного боевого прошлого, богатого всякими занимательными историями. Когда он видел, что юноша боязливо уклоняется от ударов его меча, наставлял:

– Если ты будешь бояться ударов противника, ты не сможешь его победить, поскольку прячешь голову и не видишь его лицо.

По окончании дня ветеран получал плату и, довольный собой и учеником, уходил в ближайшую таверну, где вкушал божественную

амбросию, как говорил он Филиппу, имея в виду недорогое сиракузское вино.

Эпаминонд заставлял ополченцев брать на плечи по мешку с землёй или песком и шагать по несколько миль, преодолевая непривычную усталость, желание немедленно упасть на землю и отлежаться. Командир успокаивал:

– То, что сейчас в обучении трудно, покажется лёгким в сражении.

Молодые воины совсем скоро почувствовали в себе прилив новых сил, обрели уверенность во владении оружием. Они не так сильно ощущали усталость и болезненные ушибы, травмы. Часто организовывались скачки на неосёдланных лошадях, бег с препятствиями или в воде различной глубины, прыжки через каменные ограды и рвы, скалолазание. Любимыми занятиями были атлетические упражнения, метание, ловля дротиков на лету и прочие упражнения, которые могли пригодиться на войне.

В перерывах между атлетическими занятиями ополченцы не отдыхали, потому что Эпаминонд считал вредными остановки в тренировках. Он придумывал всё новые и новые нагрузки – например, групповые состязания с мячом. Мужские танцы, оркестрику, командир отряда считал частью физической подготовки молодого воина, её высшей ступенью, ибо оркестрика сформировалась из ритуальных танцев и была тесно связана с древними обрядами боевых посвящений. Особое искусство двигаться под звуки боевых труб приучало молодого человека, как он говорил, к основам военного мастерства. И он был прав, когда по ходу ритмичных движений в танце участник имитировал поединок с противником, метал копье и, ловко манипулируя щитом, подпрыгивал и увёртывался от камней, брошенных тренером или товарищами по занятиям. Только в совокупности со всеми степенями боевого мастерства, утверждал Эпаминонд, можно добиться полного физического развития тела.

Он одобрял рискованные действия состязающихся, хвалил победителей и подбадривал проигравших, высказывая очередную мудрость:

– Вы хотите выжить в схватке с сильным врагом? Вы хотите его победить? Тогда немедленно принимайтесь за дело! Вы должны подчиняться строгому распорядку дня воина, упражняться в установленное время в жару и в холод, не пить холодной воды, не пить вина, одним словом, предоставить себя в распоряжение своего командира, будто врачу!

Иногда он прерывал изнурительные занятия, чтобы рассказать

о тактике и стратегии – ответственных частях тяжелейшего военного искусства. С особой любовью бывший полководец относился к гоплитам, рядовым пехотинцам, которые в сражениях несли основную нагрузку. Именно так и было: греческие гоплиты нанесли в своё время сокрушительные поражения значительным силам персов при Марафоне и Платеях, а в Фермопилах триста спартанцев задержали армию персов, в десять раз их превышающую! Эпаминонд припомнил ещё сражение при Делиуме, когда упорство беотийцев сломило натиск афинской фаланги:

– Щит к щиту, не поддаваясь афинянам, фивяне взяли верх, шаг за шагом оттесняя их назад и продолжая давить, – рассказывал Эпаминонд. Филипп что слышал и видел, всё запоминал...

Первое испытание

Прошёл год с тех пор, как македонские подростки вместо детских игр занялись освоением военных тайн. Эпаминонд не предполагал допускать юных заложников политических игр к настоящему делу, хотя юноши искали повод показать удаль и выучку. Но однажды произошло событие, оставившее глубокий след в памяти Филиппа.

В самый неподходящий момент, когда городское войско ушло к Пелопоннесу, соблюдая союзнические договорённости, выступая против Афин, Эпаминонда вызвали в Булевтерион, городской совет самоуправления. Ему сообщили, что возникла неприятная политическая ситуация в Платеях, провинциальном городке в семидесяти стадиях (прим. 15 км) от Фив. Платейцы, неожиданно проявив симпатию к Афинам, готовы принять афинский гарнизон, а это нарушает баланс сил в регионе. Хорошо ещё, что среди платейцев остались сторонники Фив во главе с военачальником Навклидом. Но их влияния оказалось недостаточно, чтобы переломить ситуацию. Требуется срочная поддержка Фив, появилась возможность испытать молодых воинов в настоящем деле.

Эпаминонд никогда не поддерживал военно-политические авантюры. Он и на этот раз протестовал, убеждал совет отказаться от намерения привлечь неопытных воинов для разрешения столь непростой проблемы. Понимал, что он может недосчитаться своих подопечных после Платей, – а перед родителями отвечать ему лично!

Но отказ от исполнения приказа расценивался как трусость и предательство, что для Эпаминонда было равноценно смертному

приговору. Притом его убеждали, что воевать не придётся вовсе, нужно лишь припугнуть плательцев, да продержаться день-два, пока с Пелопоннеса не вернётся основное войско. Гонцы посланы на Пелопоннес с поручениями. Бывшему полководцу пришлось подчиниться.

Эпаминонд составил отряд из трёхсот воинов – юношей до восемнадцати лет; в руках мечи, копья, дротики. На месте сбора в воздухе слышался смех, оживлённый разговор. У всех приподнятое настроение, какое бывает только у молодых, готовых отличиться немедленно, в первом бою с врагами. Фрасил появился в доме у Филиппа, оттуда вместе заторопились в лагерь. Эпаминонд, услышав просьбу ребят включить их в состав участников похода, нехотя согласился, но предупредил, чтобы держались рядом и были всё время вместе. И не лезли в драку без команды.

Провожających было немного, поскольку Эпаминонд в целях сохранения в секрете цели похода и скрытности манёвра запретил родным молодых воинов появляться в лагере. Филипп занял место в первом ряду, около фивянина высокого роста. Рядом пристроился Фрасил. Лахара и Конона не было: они, как и остальные македонские ребята, не изъявили желания рисковать жизнями ради интересов фивян. Войсковой жрец совершил обряд, воскурил благовония в честь бога войны Ареса. Эпаминонд, повернувшись к новобранцам, произнёс клятву, за ним, слово в слово, повторяли младшие командиры и воины:

– Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, всеми олимпийскими богами и героями, которые владеют землёй, и небом, и городом Фивы, я буду отважен и смел в сражении с врагами моего народа, не предам Фивы. Я сделаю всё для сбережения свободы моего города и граждан; никому не уступлю земли фиванской – ни эллину, ни варвару, буду оберегать её для своего народа. Я не позволю взять верх злоумышляющему против Фив.

Вместе с другими клятву произносили Филипп и Фрасил, искренне и очень ответственно, хотя в то время, когда остальные произносили «Фивы», мысли их были заняты родной Македонией.

– Зевс, и Гея, и Гелиос, и боги олимпийские! Если я буду стоек в своей клятве, да будет мне благо, если же я не стану соблюдать клятвы, да будет мне зло, и пусть ни море, ни земля, ни небо не принесут мне плода. А если я окажусь трусом, пусть меня проклянут мои родные и мой город Фивы!

Походная колонна растянулась почти на сто шагов в длину, шли по три человека в ряду – больше не позволяла дорога; обоза не было, каждый нёс самое необходимое – оружие, палатку, одеяло и еду на три дня. Нескорым шагом проходили мимо низких рыжеватых от камня холмов, заросших колючим кустарником, изредка сбоку проглядывал негустой лес. Несколько раз переходили, кажется, один и тот же говорливый ручей.

За отрядом увязалась большая собака с взлохмаченной рыжей шерстью, судя по выпирающим рёбрам, голодная. Собака боязливо, но с непонятым упорством поначалу трусила позади колонны; затем, в надежде поживиться съестным, перестала осторожничать. Приблизилась к колонне и почему-то выбрала достойным своего внимания Филиппа, идущего с краю. Время от времени она поглядывала на него, словно спрашивая разрешения находиться рядом. Справа от Филиппа, поднимая пыль дорожными сапогами на толстой подошве, крепидами, вышагивал Фрасил. Ребята искося поглядывали на собаку, забавляясь её неожиданным дружелюбием. В ответ она выразительно посматривала большими грустными глазами, озаряемыми преданностью, и раскрывала, будто в широкой улыбке, пасть с вывалившимся красным влажным языком. Дружья не устояли перед её неприкрытым обаянием, кинули по лепёшке, чем ещё больше заслужили преданность незнакомой попутчицы. Другие воины, глядя на них и собаку, непроизвольно улыбались, а командир не препятствовал такому сопровождению, поскольку собака, верный друг человека, для воина в походе – хороший знак.

Ополченцы шагали бодро, перекидываясь шуточками, и, как всякие мальчишки, иногда озорничали. Младшим командирам, эномотархам, приходилось их одергивать, призывать к соблюдению воинского порядка.

Прошли уже немало, но усталости молодёжь не чувствовала – сказался опыт учебных походов. Эпаминонд шёл впереди, иногда сбоку колонны, хотя ему как старшему командиру, полемарху, позволялось ехать на коне. Иногда он останавливался, пропускал мимо колонну, озабоченно заглядывал в лица ребят, а убедившись, что всё в порядке, скорым шагом поспешал занять свою позицию – впереди колонны. Делал он это без видимых усилий, несмотря на возраст!

Когда до Платеи осталась треть пути, от Навклида появился посланец. Принёс нехорошую весть: платейцы после ожесточенных споров на собрании граждан решили отказаться от покровительства Фив. Глупцы! Они не понимали, насколько коварны и опасны афиняне в клятвах союзникам о дружбе! Правда, Навклид сообщал, что часть населения, его сторонники, не хотят видеть у себя афинян. Он предложил Эпаминонду войти в город ночью, неприметно и тихо, чтобы завтра убедить платейцев передумать. Ворота он откроет. Он писал, что в Платеях не было достаточно сил, чтобы долго сопротивляться, так как своё ополчение они отправили недавно на Пелопоннес. Узнав о том, Эпаминонд решил, что это удача, ведь он сможет без пролития крови с обеих сторон разрешить проблему! Он дал знать Навклиду, что готов поддержать его план, после чего приказал отряду стать на отдых до вечера.

Расположились среди акаций. Хотя деревья не давали большой тени, привал оказался кстати: от долгой и скорой ходьбы непривычно гудели ноги. Посреди рощи доброжелательно журчал ручей, у которого началась суета: воины вволю пили живительную влагу, размазывая пыль на лицах.

Филипп поднял с земли плоский коричневый рожок, упавший с акации. Ребёнком он не раз лакомился сладковатой мякотью этих плодов. Сейчас он тоже ощутил вкус детства... Рыжая собака, не отходявшая теперь от него, заглянула в глаза, вильнула кудлатым хвостом и, устало вздохнув, положила голову на его ноги.

С Фрасилом произошла небольшая неприятность: на марше он перепрыгнул через овражек, но приземлился не совсем удачно. Вначале хромал, а сейчас разболелась левая лодыжка. Растяжение. Позвали отрядного лекаря-фармакопея, тот достал из объёмистой сумы длинную шерстяную нить чёрного цвета, навязал по длине девять узелков, затем обмотал нить вокруг растянутой связки и стал приговаривать:

– Жила на жилу, кость на кость – жила, встань как стояла! Гея-мать, благосклонная сердцем, пошли воину облегчение, помощи!

И что же! Прошло совсем немного времени – резкая боль ушла. Фрасил поблагодарил богиню за исцеление словом, лекаря – драхмой. Тот, обычно не терпевший македонян, потеплел душой и предложил купить у него немного лечебного снадобья из мирры – верного средства для обработки и заживления ран на поле сражения.

Ночная схватка

Едва богиня ночи Никта завладела местностью, фиванский отряд тихо и неприметно подошёл к городским стенам Платей. Ворота оказались незапертыми. Когда Филипп с товарищами проходил в город, он слышал биение собственного сердца; на плечо давил тяжёлый щит, будто в судороге, свело пальцы на рукоятке меча. Но страха не было, присутствовал азарт!

Дальше шли за проводником, продвигаясь окольными улочками. Под покровом ночи и густого тумана отряд добрался к центральной площади. Вокруг безмятежно спал город.

Навклид попросил у Эпаминонда полсотни воинов для поиска, поимки и немедленной казни всех, кто сочувствовал Афинам; поимённый список был составлен заранее. Но Эпаминонд отказался принимать участие в этой слишком кровавой затее, надеясь, что днём сумеет склонить граждан к полюбовному соглашению с Фивами.

Когда с рассветом платейцы обнаружили у себя чужеземный отряд, они сначала удивились, затем испугались. Узнав, что здание совета и арсенал в руках знаменитого Эпаминонда, поняли, что проиграла. Но когда услышали, что он предлагает примирение с Фивами и что никто не будет наказан, повеселели и вышли на улицы поглазеть на победителей. Горожан удивил юный возраст воинов Эпаминонда, их количество, что незамедлительно послужило причиной заговора. Активисты ходили по домам и убеждали, что в случае внезапных и решительных действий победа над фивянами им обеспечена.

– В Фивах не осталось настоящих воинов! – говорили они. – К нам пришли безусые и безбородые сосунки. Фивяне слабы! Стыдно нам, взрослым мужам, покоряться детям!

До вечера платейцы втайне формировали вооружённые группы, куда пришли все, кто был способен сражаться: воины-ветераны, старики, женщины и подростки. Боевого оружия было мало, в ход пошло всё, что режет, колет или смертельно калечит: кухонные ножи, дубины, самодельные пики, железные цепи. Призывали даже рабов, обещая им свободу. Но внешних признаков гражданского сопротивления нигде не проявлялось...

Время для нападения на лагерь чужаков платейцы выбрали правильное – ночью, перед рассветом. Днём юноши будут сражаться с отвагой, стараясь друг перед другом, а в темноте, не видя командиров, они способны растеряться. К тому же платейцы будут сражаться в стенах родного города за свою свободу.

Хитрость удалась платейцам во многом. Поначалу они изолировали Навклида с его сторонниками, пригласив в собрание, где нельзя было находиться с оружием. Там всех арестовали и посадили в тюрьму. Поэтому Эпаминонд так и не узнал ничего о предстоящем мятеже, да он не верил, что платейцы могут так поступить после заверений в дружбе с Фивами. Но он, согласно боевому распорядку, приказал выставить по периметру лагеря сторожевые посты, сам обходил их в ночь с проверкой, не давая воинам заснуть. При этом говорил, что долгожданная помощь из Фив уже близка! Надо лишь продержаться одну ночь и ещё день...

* * *

С вечера Филипп находился в наряде вместе с Фрасилом. Когда они сменились и залегли в палатке, дикая усталость мгновенно погрузила их в тревожный сон.

Внезапно он услышал близко от себя короткое горячее дыхание и не терпеливое короткое повизгивание. Непроизвольно подняв руку, ощутил грубую шерсть, мокрую морду... Собака! Его недавний знакомый, рыжий пёс! Филипп очнулся, схватился за меч, лежащий под боком, и выскочил из палатки. Тут же заметил в полумраке, как воин из охранения отбивался мечом и щитом от нескольких человек, вооружённых копьями. Филипп громко закричал и бросился в его сторону. Лагерь проснулся, зажглись сигнальные факелы, послышались резкие голоса командиров:

– Занять круговую оборону!

Стало ясно: платейцы решились на мятеж, их первая ярость обрушилась на караульных. В свете факела Филипп увидел несколько обездвиженных тел. Эпаминонд, осознав неблагоприятную ситуацию для отряда, организовывал оборону. Опытный полководец знал, как побеждать врага в открытом бою, на поле сражения. Сейчас дело выглядело иначе – ночь, неожиданность нападения, и, главное, бой приняли не зрелые мужи, а молодые воины, пусть обученные им. Сколько мятежников – неизвестно, может быть, всё население города! Он заметил, что среди нападавших нет профессиональных воинов – есть граждане, вооружённые чем попало. Неплохой знак!

Платейцы понимали, что только внезапность пойдёт им на пользу; поэтому действовали напористо и сразу со всех сторон. Чтобы лучше видеть врага и убивать, платейцы зажгли факелы вокруг площади: мечущееся на ветру пламя осветило лагерь, Эпаминонд понял, насколько велика опасность – враги были повсюду! Он приказал сгруппироваться, не пасовать перед платейцами, грамотно, как учили, отбивать нападение.

Филипп узнал по одежде рабов и женщин. Женщины с воплями разъярённых мегер бросали камни и обломки черепицы – неумело, но, когда попадали кому в голову или лицо, при виде крови громко визжали от радости. Один камень летел прямоком в голову Филиппа. Он принял его на щит, оголив грудь, и тут к нему бросились с копьями два платейца, пытаясь проткнуть, будто дикого зверя на охоте. Филипп успел мечом отбить копьё одного, с ожесточением ринулся на второго нападавшего. В нём вдруг закипела злость на человека, который только что хотел убить его. «Я убью его, – мелькнуло в голове, – ведь только что он хотел убить меня!»

Совсем близко услышал напряжённое дыхание врага... Ловкий приём Ксанфа с перебросом меча из одной руки в другую – и... враг упал, пронзённый в грудь... Филипп выдернул меч и замахнулся, примериваясь к не покрытой шлемом голове другого платейца. Платеец, увидев убитого товарища, неожиданно испугался, выронил копьё и с диким криком отпрянул назад и исчез из виду.

Филипп остановился, удержав себя от соблазна догнать врага и повергнуть его наземь. Не зря Ксанф надел ему перед походом на шею свой оберег, апотроний – мешочек со шкурой крысы: как юркая крыса уворачивается от опасности, так чудесный амулет помог Филиппу уклониться от копья врага. Появилась мысль: «Я остался жить для того, чтобы стать царём!»... Он взглянул на свой меч, заметил подтёки крови первого убитого врага. Он ощутил гордость за себя, из груди непроизвольно вырвался победный клич македонян:

– Элелеу-у-у!

Ему отозвался такой же крик – «Элелеу-у-у!» – это Фрасил! Филипп обернулся и увидел, как платеец огромного роста давил на Фрасила сверху большим и, видимо, тяжёлым щитом, размахивал дубиной, стремясь дотянуться до головы. Фрасил ловко увертывался, но не мог достать коротким мечом до груди врага. Филипп подскочил к платейцу сзади и со всего маху рубанул остриём меча по оголённой шее – как на учении: враг вскинулся, запоздало пытаясь отразить удар, замер и медленно, будто раздумывая, сгибал колени; рухнул на землю, уронив щит и дубину.

Филипп показал Фрасилу, который пришёл в себя, на Эпаминонда. Полководец, прикрываясь небольшим круглым щитом, отбивался мечом сразу от трёх платейцев с короткими дротами. Сражался командир уверенно, без суеты, но сказывался возраст, а также упорство его более молодых противников: они подступали, тыча смерто-

носным остриём в его сторону. Друзья бросились на выручку: одного нападавшего Филипп свалил на землю броском, будто в борьбе, другого ранил в плечо, а Фрасил замахнулся на третьего, и тот завизжал, как побитый пёс; бросил копьё и уполз, подвывая от страха. Ещё одного платейца, кинувшегося на помощь своим, Эпаминонд тоже обратил в бегство, нанеся удар мечом в руку. После этого он громким голосом призвал командиров отряда сгруппироваться рядом с ним и уже организованно начать теснить платейцев. Теперь уже наступали фивяне: они кололи и рубили, отражали удары и сами нападали, заставляя врагов опомниться, остерегаясь лезть напролом.

Филипп, упоённый схваткой, перестал думать об осторожности. Он уже не верил в собственную смерть здесь, в эту ночь, потому что знал: боги уготовили ему иную судьбу. Запах чужой крови показался ему не столь пугающим, а возможность лишить кого-то жизни его возбуждала. Он уже осознанно совершал свою смертельную работу воина в окружении упоительных звуков сражения: гулкие удары схлестнувшихся мечей, треск щитов, крики и стоны умирающих врагов.

Отступление

Когда белесый предрассветный туман исчез, сражение поутихло, а с ним и ярость платейцев. Обнажились последствия ночной схватки: много трупов со стороны мятежников, у фивян оказалось шестеро убитых. В надежде на передышку платейцы отступили за пределы агоры: ставка была сделана на внезапность, а когда ожидаемого успеха не последовало, они не знали, как действовать дальше.

Эпаминонд воспользовался благоприятной в каком-то смысле ситуацией, приказал покинуть площадь. Отряд начал организованное отступление к городским воротам, через которые проникли ночью. Раненых взяли с собой. Отсюда неуклюжесть отступления. Промедление могло спровоцировать горожан на новые атаки, а численное преимущество было на стороне платейцев. Потери были непредсказуемые!

Фивяне спешно выстроились в колонну по трое-четверо – как позволила ширина улицы – и, ошетилившись оружием, начали организованное отступление. Неожиданный их манёвр воодушевил платейцев на преследование. Подбадривая себя воинственными криками, они издали бросали копья, камни, черепицу, стараясь нанести ощутимые увечья ненавистным врагам. В отступающей колонне появились ещё раненые. Спасая их от неминуемой расправы, фивяне

непроизвольно замедляли движение, что ещё больше вдохновляло нападавших. Положение усугубилось тем, что, подойдя к воротам, воины Эпаминонда обнаружили, что платейцы успели завалить проход грудой больших камней! Собственно, было бы странным, если бы горожане так не сделали. Пришлось одновременно сдерживать натиск горожан и растаскивать камни.

Наконец ворота сумели распахнуть, отряд вырвался за пределы города. Преследовать фивян дальше платейцы не решились, считали свою задачу выполненной, потеряли к ним интерес, но долго ещё с высоких стен выкрикивали проклятия Фивам, Эпаминонду и его воинам.

* * *

Можно было уходить домой, но Эпаминонд решил попытаться выволить тела своих убитых воинов, оставленных в спешном отступлении. На дорогах, ведущих в Платеи, были выставлены посты с приказом задерживать всех, кто направлялся в город. Таковыми оказались торговцы, ремесленники, крестьяне: они покинули город до ночных событий, поэтому ничего не знали. По законам военного времени Эпаминонд мог их убить или сделать рабами. Платейцы согласились на обмен, после чего выдали фивянам тела убитых.

Теперь можно было возвращаться в Фивы. Рыжий пёс, пропавший ночью, обнаружился рядом с Филиппом, без устали вилял хвостом, показывая, как он рад встрече. Он с весёлым лаем сопровождал отряд до самых Фив, а потом вдруг пропал. Филипп так и не понял, откуда он взялся и куда исчез. Потом догадался: в облике удивительной собаки скрывался Элелей, рыжебородый бог войны, охранивший Филиппа в первом боевом испытании!

* * *

По дороге в Фивы отряд Эпаминонда встретил войско, торопившееся с Пелопоннеса в Платеи. Оно задержалось на день из-за ливневых дождей, переполнивших речные переправы. Платеи силой были приведены к дружественным отношениям с Фивами.

Эпаминонд держал ответ перед беотархами за своё командование. Его обвинили в государственной измене и трусости. Нелепое и опасное судебное расследование грозило самому известному в Греции полководцу смертным приговором. На суде Эпаминонд держался достойно, вины своей не умалял, но защищаясь, приводил убедительные доводы. Не судьи, а народ оправдал его, заставил судей принять правильное решение, хотя он, конечно, нажил недоброже-

лателей в семьях, где значились погибшие в Платеях ребята. Да он сам себе этого не простил!

Филиппу в эти дни исполнилось семнадцать лет.

Взросление

После Платей Эпаминонд ещё больше стал проявлять трогательную заботу о своём постояльце, оберегая, будто собственного сына, от житейских неприятностей. Иногда он ссужал его деньгами, если из дому надолго задерживалась передача денег на содержание. Но советы наставника Филипп ценил более его внимания. Эпаминонд ежедневно совершал утренние омовения холодной водой и понуждал к этому Филиппа, не привыкшего к не очень, как ему казалось, приятной процедуре. Настаивал Эпаминонд на соблюдении режима сна и физических нагрузок. А однажды задал неожиданный вопрос:

– Филипп, что ты знаешь о человеческих пороках?

– Я думаю, уважаемый Эпаминонд, это состояние человека, вынуждающее его поступать так, как не должно нравиться другим людям.

– Ты правильно мыслишь, юноша, но пороки – это прежде всего страсти, которые могут погубить молодого человека. Например, лень, она тоже страсть порочная. Лениности есть объяснение: к сожалению, тело наше постоянно стремится к отдыху, душа – к покою. Вот почему лень – будущий злой враг твой, ибо она представляет сладостный мир, который может утешить твою душу во всех болезненных утратах и заменить все обозримые жизненные блага. Нет страсти более жгучей и недоброй, чем лень!

– Я понял, уважаемый Эпаминонд.

– Ещё одна порочная страсть – желание обладать всем и сразу. Если ты устроишь погоню за несбыточными желаниями, это принесёт тебе много огорчений. Поэтому не стремись к обладанию всеми приятными вещами в мире, любая ценная, на твой взгляд, вещь покажется таковой только в первый день обладания, во все же остальные дни ею будут восхищаться другие. Желай для себя того, что следует себе желать, но не больше: присмотришься к беднякам – они счастливые люди!

После таких встреч с Эпаминондом Филипп всё больше задумывался о своей судьбе. Ещё у него появилось огромное стремление скорее вернуться на родину, принять участие в возрождении Македонии. Для этого ему были очень важны уроки мудрости, преподанные ему в доме Эпаминонда в течение долгих шести лет взросления.

Глава десятая

УРОКИ ЭРОТА

Филиппу исполнилось восемнадцать лет – возраст эфеба, когда юношу называют взрослым мужчиной, воином, защитником отечества. Этот день отмечается шумным семейным праздником, имя эфеба записывается в общинную книгу – лексиархикон, а глашатай провозглашает народу на агоре об этом важном для рода и общины событии. Спасибо Эпаминонду, он поручил повару приготовить несколько праздничных блюд и позволил Филиппу пригласить близких друзей: Фрасила, Лахара, Канона и ещё Иллариона; выставил два кувшина со сладким кипрским вином. Вино пили к десерту – фрукты, сладости, печенье. Юноши блаженствовали, прикладывались по-взрослому к чашам, говорили о родных и близких. В Македонии вино на столе – приметный знак того, что эфеб как мужчина теперь принимает ответственные решения, носит оружие, получает право являться в суд, может жениться и получить еще много преимуществ перед подростками. Главное, эфеб отвечает за собственные проступки перед законом!

С этого дня Филипп отращивал волосы как взрослый мужчина. По обычаю последний раз волосы ему остригли два года назад. А вскоре произошло событие, перевернувшее его жизненный уклад...

Праздник Агрионий

Важное событие в жизни Филиппа совпало с древнейшим религиозным праздником Агрионий, посвящённым Дионису; торжества проводились каждый третий год поочерёдно во всех городах Беотии. По легенде, в этот день главный священнослужитель Диониса с культовым бронзовым мечом в руке преследовал на улицах города девушку из самого древнего знатного рода и, если настигал, убивал в

качестве жертвенного дара богу. Затем проходили городские торжества с религиозными шествиями.

В дальнейшем потребность в человеческом жертвоприношении отпала, но преследование служителями культа «ритуальной жертвы», женщины, осталось как обязательный ритуал. Натурально избавляя страх, они с криками убегали, а когда кого-то ловили и подводили к алтарю Диониса в качестве жертвы, то расставались они не с жизнью, а с венком с головы. Затем отпускали. В этот день одни поклонницы культа Диониса устраивали костюмированные шествия, другие принимали участие в ночных оргиях, вакханалиях, когда любая могла поступить так, как желала, и никто из родни не мог осудить её. В сильном опьянении они останавливали одиноких прохожих, требуя от них любовных действий; получив отказ, могли покалечить или даже убить. Поэтому во время Агриония с наступлением темноты мужчины стараются не попадаться на глаза не в меру возбуждённым «невестам Диониса». Но некоторые мужчины, особенно юноши, с бесстрашным интересом используют такие обстоятельства, поскольку среди вакханок встречаются молодые, красивые и любвеобильные.

По этой причине Фрасил предложил Филиппу посетить городские улицы в праздничную ночь. Эпаминонд, узнав, куда они собираются, признался, что в молодости не отказывал себе в таких испытаниях. Одобрил их прогулку. Филипп долго не раздумывал, согласился с другом, так как с некоторых пор женский образ часто являлся в его юношеских снах. К тому же фивянки считались самыми прекрасными созданиями – по росту, изяществу фигуры и грациозности походки. В последнее время он стал замечать за собой невольное желание оборачиваться вслед молодым женщинам, но к сближению ни с одной из них не был готов, хотя некоторые его сверстники уже имели необходимый опыт общения с уличными «жрицами любви». Не так давно Филипп на оживлённой городской улице заметил женщину с удивительно выразительной внешностью. Она показалась ему неземным существом, одета была в свободный пеплос, в котором угадывались дивные контуры обольстительного тела. Она легко ступала ножками в кожаных сандалиях, будто скользила по водной глади или парила в воздухе, мельком поглядывая на товары в лотках бойких уличных торговцев, не обращая внимания на громкие призывы что-либо приобрести. Казалось, не замечала похотливые взгляды мужчин, невольно заглядывавшихся на столь прекрасное создание. Следом за ней поспешала молодая служанка с пустой корзиной – ви-

димо, они направлялись на рынок, многоголосо шумевший впереди. Незнакомка поравнялась с Филиппом, и он уловил дразнящий запах разогретого страстями и благовониями женского тела. Он вздрогнул, словно весенний олень, трубно зазывающий самку, едва удержался, чтобы не проследовать за ней. Но нетерпеливо обернулся, проследив, пока красавица не повернула за угол. А её терпкий аромат ещё долго возбуждал воображение юноши...

* * *

Темнело. Горожане продолжали отдыхать на тёплых мраморных скамьях, установленных в общественных местах – у храмов, в священной роще. Кто отсиживался в тавернах, проводил время за кувшинчиком вина и в беседах с душевным соседом. В зажиточных домах устраивались застолья, где гости и хозяева совместно с домашними рабами, которым в такой день был положен отдых и внимание со стороны господ, предавались безудержному распитию вина. Не раз случалось легкомысленное распутство, правда, не вызывающее потом ни у кого осуждения. Жители Фив, ряженные в шкуры животных, стучались в двери, требовали непременно угощения. Никто им не отказывал – в священный праздник хозяева были рады незваным гостям, которым доставались печёные сладости и фрукты, в объёмистые чаши и кувшины наливалось вино – хотя не самое лучшее, но достаточно хмельное...

Филипп и Фрасил надели хитоны шафранового цвета, будто настоящие представители жреческой касты, приладили парики из конской гривы рыжей масти, лбы украсили белыми льняными повязками, диадемами. Так в праздничную ночь одевались многие фивяне. Прихватив «жертвенные ножи» из дерева, продававшиеся по такому поводу в лавках, друзья вышли на улицу. Яркий диск начавшей увядать луны смутными тенями в ночи придавал домам причудливые очертания. Они направились к центру, к агоре, откуда истекали шумы праздничного действия: там шли представления бродячих мимов, силачей и фокусников. По дороге юноши встречали нетрезвых людей, мужчин и женщин, украшенных венками и гирляндами из цветов. Поклонницы Диониса пожилого возраста устало возвращались с религиозных шествий; молодые вакханки бодро несли в руках фаллосы – выразительные муляжи возбуждённого детородного мужского органа – и были настолько пьяны, что бесстыдно обнажались или, нарядившись в козлиные шкуры, плясали, словно сатиры из буйной свиты своего бога.

В одном из переулков друзья вовремя заметили группу обнажённых женщин, они самозабвенно изображали культовый танец. В тусклом свете чадающего факела их неестественно бледные тела выглядели демоническими призраками. Молодые люди спешно свернули в переулок, не дав себя на поругание нелепого случая, и едва не наступили на пару, с усердием предающуюся служению Дионису. Дальше попадались ещё пары и одиночные обездвиженные тела таких же «служителей культа», которые в таком беспомощном состоянии показались Филиппу трупами воинов, павших после кровопролитного сражения. Вероятно, они не смогли вовремя вернуться домой, и теперь им предстояло ожидать, когда их найдут и подберут более трезвые родственники, уже вышедшие с домашними рабами на их поиски. А пока Гипнос навевал им приятные сновидения. Уличные собаки, которые и в обычные дни пьяных не трогают, незлобиво лаяли и внимательно обнюхивали обездвиженные тела, дружелюбно размахивая хвостами. Умные животные словно понимали, что это состояние человека – временное: проспят и уйдут восвояси. Но были псы, недовольные вторжением людей на их территорию – такие задерживались, чтобы с показным презрением отметить непрошенных гостей...

Юношам оставалось пройти до агоры совсем немного, когда впереди послышались шаги и женские голоса. Скоро в свете факела, который несла, по виду, служанка, появилась женщина, одяние которой и статность выдавали богатую горожанку. Возможно, она засиделась в гостях и теперь лёгкой поступью торопилась домой. Заметив жрецов с ритуальными мечами, служанка взвизгнула и, выронив факел, убежала в темень. Хозяйка не последовала за ней, а с достойным спокойствием стала наблюдать за незнакомцами. А Филипп с Фрасилом неожиданно оробели и теперь не знали, как поступить – пугать ли женщин, как бы это сделали потешные жрецы, или ретироваться, не развивая задуманного плана.

На лице женщины появилось выражение любопытства. Она поняла, что перед ней ряженные, и звонко рассмеялась – Филиппу показалось, словно жемчужины рассыпала вокруг. Чтобы лучше рассмотреть «жреца», незнакомка приблизилась, и вдруг знакомый аромат «той самой женщины» молнией возвратил его память в тот самый день! Ещё он успел рассмотреть дивные черты лица, широко распахнутые лукавые глаза.

Воспользовавшись их растерянностью, женщина властным окри-

ком призвала сбежавшую служанку. Она появилась с виноватым видом и, разобравшись в ситуации, подняла с земли факел, но уже чтобы поколотить «жрецов». Хозяйка успокоила её и, продолжая улыбаться, обратилась к Филиппу:

– Молодые люди, чем пугать бедных женщин, лучше проводите нас!

Её уверенный и в то же время мелодичный голос ввёл юношу в полную растерянность. Он промычал что-то невразумительное, чем ещё больше развеселил незнакомку. Не удержалась от смеха служанка, презрительно фыркнула и поспешила за госпожой. Филипп, словно зачарованный магией, развернулся и тоже отправился вслед, не раздумывая, зачем это делает. Фрасил, удивлённый необычным состоянием друга, которого до сих пор считал храбрецом, всё же решил не отставать.

Прекрасная незнакомка неспешно следовала за служанкой, призывно покачивая бёдрами. Иногда она тихонечко смеялась грудным голосом, видимо вспоминая недавнюю картину. За ней нежным дуновением утреннего ветерка тянулся шлейф запахов дорогого вина, восточных благовоний. Филипп двигался словно в трансе, слыша лишь громкое биение собственного сердца, готового вот-вот испепелиться в вожделенном пламени...

Женщина иногда оглядывалась, словно удостоверялась, не отстают ли попутчики; при этом мило улыбалась, подбадривая.

Наконец остановились у одноэтажного дома, судя по главному входу, портику с дубовой дверью, металлом окантованной, не бедного.

– Молодые люди, – женщина повернулась к Филиппу, – я благодарна за охрану, не лишнюю в такую ночь. Теперь прощайте!

Она ушла. Фрасил потянул друга за плечо, ему не терпелось продолжить затеянный поиск мужской забавы. Но у Филиппа вдруг пропало желание. Он сказал об этом Фрасилу, сильно удивив его, как и Эпаминонда, когда они вернулись домой, так и не изведав сюрпризов легендарной ночи.

Гетера

Проснувшись и наскоро позавтракав, Филипп с нетерпением отправился на поиски дома незнакомки, пока помнил детали ночной встречи. Нашёл без особого труда – его будто вела туда неведомая

сила. Вот дубовая дверь с бронзовыми накладками! Он устроился под чахлой акацией на другой стороне улицы, не зная, как поступить дальше. В этот час прохожих не наблюдалось – наверно, все отсыпались. Оставалось одно – ждать, наблюдая за входной дверью, пока кто-либо не появится...

Время шло. Никому не было дела до молодого человека, который уже начал отчаиваться в благоприятном исходе своей засады. Как вдруг дверь неожиданно приоткрылась и на выходе появилась... служанка хозяйки дома. На смазливом лице её играла улыбка. Она направилась к Филиппу.

– Если молодой человек желает знать имя моей хозяйки, – начала она, приблизившись почти вплотную, – тогда я скажу, что её зовут Ди-миана («Укротительница») и она вдова. Теперь скажи своё имя и чего ты хочешь от неё.

Вопросы служанки застали Филиппа врасплох: он смутился, затем, справившись с волнением, ответил с достоинством:

– Я – Филипп, сын македонского царя Аминты. Живу в доме полководца Эпаминонда. Недавно на улице я увидел женщину, которая спешила на рынок; так вот, она поразила меня красотой, но не осмелился познакомиться с ней. А сегодня ночью я встретил её. Служанка, видимо, удовлетворённая ответом, развернулась и, взметнув краем пеплоса, скрылась в доме.

– Ожидай! – на ходу крикнула она.

Время показалось Филиппу вечностью! Сердце гулко стучало, будто в тамбуринах били. Он увидел служанку.

– Моя хозяйка ждёт тебя, царский сын Филипп, завтра к ужину. Она горит желанием услышать твою историю. Приходи один.

Домой Филипп летел, словно Беллерофонт, оседлавший крылатого Пегаса. В таком состоянии пребывал ночь и весь следующий день. О предстоящем свидании он рассказал Фрасилу, друг одобрил. А когда солнце приготовилось укрыться за вершинами ближайших холмов, Филипп был рядом с заветной дверью.

Постучал массивным кольцом, торчащим в пасти бронзового льва. Выглянул седовласый раб, пригласил кивком головы. Прошли узкий полутёмный коридор с кухонными запахами, после которого Филипп оказался во внутреннем дворе, показавшемся определённо обжитым местом. На небольшом пространстве здесь располагался неглубокий бассейн, выложенный бутовым камнем. К воде подступали высокие клумбы с яркими цветами. Парочка плодовых деревьев

росли поодаль, дополняя живописную картину уютного жилья. В воздухе стоял аромат тщательно ухоженного сада. По всему было видно, хозяйка дорожила этим уголком своего досуга.

Филипп увидел ЕЁ, полулежащей на качелях, закреплённых на двух вкопанных брёвнах. Рядом беседка, увитая густыми прядями вечнозелёного плюща. Хозяйка дома призывно замахала рукой.

Юношу только сейчас осенило: перед ним гетера, женщина для любовных утех и досуга женатых мужчин! Подойдя ближе, он рассмотрел её лицо: она была не так молода, как он себе представлял, но выглядела безукоризненно, словно сама Афродита.

В Греции гетерой называли незамужнюю женщину, безупречно владеющую сложным искусством эротического обольщения мужчин, готовых платить огромные деньги за общение с ними. Жёны эллинов проводили полузакрытую жизнь в стенах собственного дома, в гинеее, в заботах о детях, муже и хозяйстве, когда их мужья традиционно позволяли себе проводить время с красивыми женщинами. Большинство находили радость общения с продажными «жрицами любви», проститутками разного уровня, а некоторые мужчины, из богачей, покупали любовь у высокопрофессиональных гетер, которые нередко становились их подругами и возлюбленными – без ущерба для семейного счастья. Сами гетеры вели свободный и, главное, независимый образ жизни. Кто-то из них умудрялся даже выходить замуж, причём по любви, поскольку такие предложения поступали от постоянных любовников. Но в большинстве своём опытные гетеры предпочитали унылому замужеству реальную возможность владеть сердцами, а главное, кошельками влюблённых в них без памяти мужчин.

Итак, Димиана была гетерой! Это обстоятельство немного успокоило Филиппа, но он всё равно не знал, как вести себя дальше. Платить деньги, какие обычно брали за свои услуги гетеры, он не мог – таковых у него просто не было. Но поскольку вдова сама проявила инициативу, пригласила Филиппа на ужин, ему ничего не оставалось делать, как плыть по течению счастливого обстоятельства. А Димиана, по-женски разобравшись в душевном состоянии молодого человека, отвлекла его пустячными вопросами:

– Ты легко нашёл дорогу к моему дому, царский сын Филипп? Или спрашивал у всех прохожих, где живет Димиана?

Юноша увидел устремлённые на него удивительные глаза – жёлтые с загадочным золотистым оттенком, какие бывают, он слышал, у кошек Изиды. Справившись с собой, ответил с лёгкой улыбкой:

– Уважаемая Димиана, этой ночью я хорошо запомнил дорогу к тебе. Не ошибусь, если надумаешь пригласить в другой раз.

Женщина залилась чистым звонким смехом:

– Ты только пришёл и не знаешь, чем сегодняшняя встреча наша закончится, а уже загадываешь следующий визит. К чему такая спешка? – она ободряюще улыбнулась. – Тебе понравился мой сад?

Гетера обвела рукой пространство перед собой и, не ожидая ответа, произнесла:

– Я склонна следовать словам мудрецов, которые говорят, что сад – это место, где, добиваясь великолепия и порядка, возделывают сознание и находят большое удовольствие в малом. Когда я вижу свои деревья, срываю чудесные плоды, вдыхаю аромат благоухающих цветов, то чувствую себя вполне счастливой. Потому что каждое растение в саду есть повторение божественных звёзд на земле.

Она озорно глянула на Филиппа, видимо, подбадривая его быть смелее – он всё ещё не определился, как вести себя в необычной для него ситуации.

– Выбирать, какой цветок в саду наиболее тобой любим, – всё равно что выбирать милого друга в своём окружении. Висячие сады Семирамиды, где она принимала любовников, – это ли не подтверждение моих слов?

Гетера жеманно потянулась, обозначив сквозь тонкую ткань пеллоса великолепную грудь, словно пару спелых сочных яблок. Неожиданно она предложила тоном, не терпящим возражений:

– Ну-ка, Филипп, расскажи о себе. Потом я. Надо же нам познакомиться!

Филиппу ничего не оставалось, как рассказать о детских годах в Пелле, об отце – царе и полководце, и скромной жизни заложника в Фивах. Разговор был ему не очень приятен, но Димиана восприняла его откровение правильно, без унижительной для него жалости. Затем он услышал историю молодой вдовы: муж погиб в сражении со спартанцами на Пелопоннесе. Его прах развеян вместе с погребальным пеплом других фивян, погибших вдали. С тех пор в дни поминовения мёртвых Димиана приходит в Фивах к каменному кенотафу, пустой гробнице, чтобы навестить супруга.

Муж оставил неплохое состояние: дом, десяток рабов, которые работают в поле. Есть неплохой виноградник и рощица оливковых деревьев. Друзей у неё нет, воздыхателей хватает, это трудно скрыть хорошенькой вдове... От неё Филипп узнал, что мужчин она принимает

не всегда, только когда сама захочет. Времени на развлечения остаётся мало, поскольку приходится следить за хозяйством, слугами и рабами. Живёт в основном с доходов, за счёт которых содержит дом.

Оставив качели, хозяйка предложила следовать за ней в дом. Филипп оглядел помещение, куда они вошли. Судя по наличию вещей и предметов, это был небольшой рабочий кабинет хозяина, приспособленный под женский вкус – в нём незримо присутствовало изящество. Низкая кушетка на ножках в виде звериных лап, цветной головной валик; вместо покрывала небрежно брошена белая шкурка молодой козы. Невысокий узкий туалетный столик из бронзы. На нём выстроились флакончики, кувшинчики, крохотные сосуды и сосудики с различными косметическими средствами, средствами личной гигиены и составами, мазями и ароматными притираниями для тела и лица. На столе находился изящный ящик кипарисового дерева, судя по оформлению, предназначенный для драгоценных украшений. Здесь же лежал папирусный лист со столбцами стихов. У стола – высокий стул с круглой кожаной подушечкой для сидения.

При появлении Филиппа нервно заверещала пичужка в клетке; она разнервничалась, спархивала с ветки на ветку, размётывая по сторонам пух и остатки корма. В стенной нише на полках лежали ещё свитки папирусов – как выяснилось позже, Димиана интересовалась греческой философией и была в переписке с некоторыми афинскими мудрецами. Оснащение помещения завершал музыкальный инструмент с гнутым грифом – кифара, одиноко висевшая на стенном крючке.

В кабинете Димиана продолжала осторожно расспрашивать Филиппа о деталях его биографии. Удивительно, но он разговорился, допуская некоторую откровенность в ответах, доверяясь её чуть ли не материнскому участию в разговоре. Так они провели время до ужина.

Слуги внесли десертный столик, изящно декорированный перламутровыми вкладками. На нём – кувшин с вином, чаши и широкое блюдо с фруктами и бисквитами. Из закуски – хлебные лепёшки, холодное мясо, сыр, трава. Милое застолье проходило без здравиц, богам достались несколько жертвенных капель вина.

– Филипп, как тебе показалось вино? Оно с моего виноградника, – похвасталась Димиана. – О, как я люблю праздник сбора созревшего винограда! А когда в винарне зреет молодое вино, я захожу туда, чтобы вдохнуть его неповторимый аромат.

Филипп покорно внимал хозяйке дома, удивляясь своей готовности слушать её, следовать за ней не сопротивляясь, в то же время не ведая, что будет с ним дальше. Она полулежала на кушетке, поглядывая на него немного сверху, как позволяла высокая спинка. Филипп пил сладкое вино, постепенно погружаясь в блаженное состояние влюблённости. В какой-то миг он увидел совсем близко её кошачьи глаза и потом так и не мог вспомнить, когда и каким образом он оказался рядом с гетерой...

Посвящение в эрос

Филипп, когда наутро вернулся домой, не всё рассказал Эпаминонду, а тот, встревоженный долгим отсутствием постояльца, не стал настаивать на выяснении истинных причин. Он и так догадался – мальчик вырос, стал мужчиной. И с Фрасилом Филипп не открывничал, чем вызвал немалое разочарование друга, если не сказать обиду. Но юноша захотел сам разобраться в чувствах к женщине, чужой до этой встречи, оказавшейся вдруг столь близкой, что душа его неожиданно пережила взрыв страстей, эмоций, до этого никогда им не испытанных.

С того памятного дня в дом Эпаминонда зачастила служанка с записками для юного постояльца. Это если они заранее не договаривались о встрече. Обычно гетера встречала Филиппа в беседке или у водоёма, откуда присматривала за работой садовника. Она с увлечением рассказывала любовнику о нарциссах и лилиях, ирисах и маргаритках, полагая, что её познания могут оказаться полезными ему. Особой любовью Димианы пользовались красные розы, чудесное творение египтян; преобладание роз у неё в саду было очевидным. С розовым бутонем в водопаде золотистых волос она любила показаться на улице. Димиана украшала голову Филиппа венком из розмарина, объясняя, что когда боги Олимпа собираются на свой совет, они плетут венки из голубых розмаринов. И Филиппу такой венок уместен, так как он – её бог. Она говорила, что розмарин прибавляет мужчинам эротической мощи.

– Но тебе, Филипп, любовное снадобье не требуется – ты сильный, как бог! – шептала она на ухо, ласкаясь.

Тёплые мягкие губы едва касалась его лица, шеи, мускулистого тела. Её ласково жалащие поцелуи казались Филиппу верхом блаженства: они пронизывали всё его естество, в ответ он горячо отзы-

вался долгими поцелуями. Её трепетное тело сладострастно уступало под натиском молодого неистовства, и тогда падал в бездонную пропасть, наполненную неземными ощущениями счастья ...

* * *

Каждая их встреча не была похожа на предыдущую. В доме гетеры Филипп оказался в мире, отличном от реального, в котором их поступкам объяснения не предполагались. Они жили безудержными чувствами, обострёнными эротическими переживаниями, переполнявшими плоть их обоих. В мире, где всецело властвовала взаимная любовь, Димиана становилась для Филиппа близким человеком, другом, но на общем корабле обоюдной любви в бушующем море неукротимых страстей она оказалась в роли опытного кубернея – рулевого, кормчего. Истосковавшись по сильному мужчине, Димиана не предполагала обнаружить эти качества в неопытном юнце. Переполненный страстью и одновременно нежностью, он не подходил к ряду прежних поклонников, отчего с каждым днём она всё больше и больше ощущала потребность чувствовать его рядом с собой, не расставаясь на день или ночь. Иногда Димиана относилась к Филиппу как к взрослому сыну, наставляя его в философии жизни, а когда обучала его сложному искусству поклонения Эроту, показывала себя опытной гетерой. При этом ревниво осознавала, что он когда-то оставит её и будет принадлежать другим женщинам, обладать ими.

Проходили лунные декады и месяцы, а Димиана и Филипп не устали друг от друга – эрос и Сапфо, поэзию которой любила гетера, оказались великой опорой в поддержке чувственных отношений. Филиппу не забыть мгновений, когда Димиана, обезумевшая от его ласк, шептала: «Ещё... Ещё...», и он теснее сливался с её обжигающим телом, жадно ловил пересохшими губами дыхание любимой, желая обладать ею безраздельно и бесконечно... До той поры, пока в неуловимый счастливый миг на них не обрушивалось огромное и высокое небо...

* * *

Филипп оказался любознательным и старательным учеником гетеры. Он с озорным юношеским упорством преодолевал крутые ступени сложной науки Любви, а Димиана урок за уроком погружала его в глубинные ощущения наслаждений, обогащая их всё новыми взаимными чувствами. Но вот случилось то, чего боялась и ждала Димиана: она почувствовала некоторое отчуждение со стороны Филиппа, недосказанность в его отношениях с ней. Это означало одно – терялась тонкая связь, удерживающая их вместе...

Гетера осознала, что Филипп вот-вот вырвётся от неё на свободу, почувствовав себя зрелым мужчиной, не терпящим женского диктата. Иначе не могло быть в эллинском обществе! Новизна чувственных ощущений, которую прежде остро испытывал молодой человек с гетерой, неумолимо стиралась, а с этим, взрослея и грубея, менялся Филипп. И хотя он продолжал посещать её дом, с таким же удовольствием погружался в любовные игры, но делал он это теперь чаще тогда, когда хотелось ему, а не с её разрешения. Его варварская натура требовала неоспоримого лидерства во всём, и в любви в том числе, и в этом он видел достойные проявления своего мужского характера!

Искусная в подобных делах гетера пыталась сопротивляться, огорчаться, даже ссорилась с ним. Обещала сама себе не звать его, а Филипп, лукаво оскаливая в улыбке белозубый рот, похоже, дразнил её неповиновением. Приходил тогда, когда она его меньше всего ждала. И чем больше отчуждался он от Димианы, тем дороже и ближе становился ей! А однажды Филипп не явился к Димиане, хотя давал обещание, и она прождала его несколько дней подряд. Правда, виноваты были друзья: они затащили его на неожиданную пирушку, потом ещё куда-то. Филипп понимал, что его поступок сильно огорчит возлюбленную, но таким образом он лишний раз попытался укрепить мужской стержень, не более!

Принимая изменения в отношениях между ними, Димиана однажды сказала ему с долей грусти:

– Мой дорогой, есть правда жизни, согласно которой мы расстанемся, и ты будешь говорить слова, какие говорил мне, многим женщинам. Постой! Не возражай! – она сделала нетерпеливый жест, приложив к губам Филиппа мягкую ладонь. – Вечная любовь случается лишь у богов. Люди оказались недостойными этого великого чувства, и мы с тобой – не исключение. Ты скоро отправишься в родную твою сердцу Македонию, а я останусь здесь, без тебя, милый незабвенный друг.

– Но почему ты мне об этом говоришь сейчас? Возможно, наше расставание случится не скоро. – Филипп всерьёз беспокоился её состоянием.

Димиана огорчённо вздохнула:

– В этом суть любовных отношений, затеянных Эросом. Влюблённые в конце концов расходятся, после чего каждый идёт своей дорогой, и тогда любовь между ними остаётся у них в памяти. Ты будешь

любить других женщин, шагая по их судьбам, словно по ступенькам, поднимаясь от одной к другой ради себя самого. Но я горжусь, что моя любовь стала первой ступенькой. Поэтому уверена, что исключить мою любовь из своей жизни ты не сможешь, как и вернуть обратно.

Прощание с Фивами

После этого разговора прошло несколько дней. Филипп вернулся от Димианы домой раньше, чем обычно. Ему встретился слуга Эпаминонда, который сообщил, что хозяин давно ожидает Филиппа в кабинете. Старый военачальник за столом читал очередной папирус. Увидев юношу, воскликнул радостно:

– Филипп, я должен сообщить тебе важную новость. – Сердце у Филиппа дрогнуло. – Должен сообщить тебе очень важное, – Эпаминонд повторил это со значением. – Я был на агоре, услышал немало вестей, касающихся тебя. В Македонии большие перемены. Шесть лет назад ты появился в Фивах в постыдном для потомков царей качестве – заложником. Твой старший брат Пердикка убил вашего опекуна Птолемея, нового мужа твоей матери Эвридики. Теперь Пердикка – царь всей Македонии, он обратился к Фивам, чтобы всех заложников вернули домой. Вот такая новость! Скоро ты увидишь свою Пеллу.

У Филиппа перехватило дыхание. Он бросился к Эпаминонду, невнятно бормоча слова благодарности. Из глаз невольно брызнули слёзы. Старик обнял за плечи, приник к плечу Филиппа и тоже не сдержался в чувствах...

С этой новостью Филипп появился у Димианы. Задержался до утра. Ему приснился бык среди коров, которые паслись на лугу. Гетера разъяснила сон:

– Видеть во сне быка в стаде коров для мужчины всегда хорошо. Во-первых, тебя будут любить женщины. Во-вторых, если бык упитанный, сильный – ты займёшь высокое положение среди македонян. Станешь вожаком, поведёшь свой народ, как бык стадо, куда решишь сам.

– Спасибо, моя Пифия! – Филипп имел в виду жрицу, пророчествующую в Дельфах. – А я думал, что видеть быка во сне значит, что кто-то заставит меня ходить в ярме, как рабочая скотина.

– Ты прав, милый Филипп, на всякого быка можно надеть своё

ярмо. А если говорить о тебе, ты сам добровольно его наденешь – чтобы пахать на полях сражений. Я таким вижу твоё будущее, мой упрямый любимый бык!

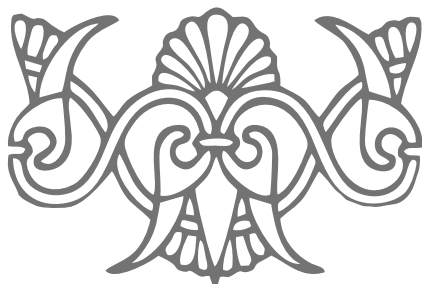
* * *

Вскоре Филипп объявился на родине, где немедленно окунулся в придворную круговерть. Полный сил и планов, он занялся настоящим мужским делом – борьбой за престольную власть. Первое время его очень сильно тянуло в Фивы. В мечтах и во снах он раскрывал объятия любимой по имени Димиана, зарывался лицом в её волосы и без устали слушал журчание ласковых слов.

Постепенно Фивы и всё, что было связано с городом юности и взросления, отходили в прошлое. Образы и впечатления первой любви тускнели, сменяясь новыми, насыщенными яркими жизнеутверждающими македонскими красками.

Через год Филипп узнал о смерти Эпаминонда. Перед реальной угрозой объединённых сил Спарты и Афин граждане Фив вспомнили о своём полководце, никогда не знавшем поражений; только его генерал смог обеспечить победу над столь сильным врагом. Забыв о прошлых обидах на земляков, Эпаминонд согласился возглавить войско и, несмотря на численное преимущество противника, разгромил его у Мантинеи, в Восточной Аркадии. Он был смертельно ранен, когда, узнав о победе фивян, прошептал:

– Теперь мне можно умирать.

Глава одиннадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕЛЛУ

Явление змеи

После отдыха в имении Фрасила дорога в Пеллу македонянам показалась не столь трудной. По соседству на каменных перекатах беззловбно шумела речушка, приходилось громко разговаривать, чтобы быть услышанным. Горный поток иногда прятался за холмами и неожиданно возвращался, пока наконец не исчез вовсе.

Неожиданно проезжая дорога превратилась в тропу, которая вскоре упёрлась в высокую скалу. Но в ней оказался узкий проход – в одноконь, куда устремился отряд. Тропа взяла вверх, на хребтину перевала, после чего резво пошла под уклон. Люди осторожничали, озирались и поглядывали на близкие скалы, ожидая осыпей. Когда неприятности горного перехода закончились, пошла равнинная местность, добротнo усыпанная огромными валунами, словно с ними когда-то играли мифические гиганты, будто в мяч, сферу. Поиграли, бросили как есть и ушли... Повсюду произрастали чахлые кустарники и низкорослая трава.

Филипп, казалось, не замечал путевых неудобств. Его не раздражала ужасная щёбёнка под ногами и пыль. Фракия с её проблемами отдалилась, отступила за гребни приземистых гор. Он понял, что рад даже такой дороге, ведь она вела к дому, в Пеллу.

В середине пути до Пеллы царь приказал устроить короткий привал. Всем – отдохнуть, подкрепиться из запасов, что передал Фрасил на дорогу. Лошадям дать отдых. Лагерь устроили на возвышенности, в жидкой тени двух акаций, сиротливо устроившихся на самой вершине. Отсюда вид был отличный, просматривалась вся долина. По-

ели, выпили хорошего вина и уже собрались свернуть лагерь. Слуги укладывали провизию и утварь в дорожные корзины. Отдохнувшие кони приветствовали друг друга благодущным ржаньем, мотали гривами и копытили землю... Пора!

Филипп, безучастно вглядываясь в яркую синеву утреннего неба, сидел на ковре в ожидании полного сбора. Никто не заметил, как за его спиной показалась большая серая змея. Она бесшумно извивалась, неспешно направлялась к царю и была уже на расстоянии вытянутой руки. Угрожающе выстреливая ярко-красным язычком, змея стремительно продвигалась к цели...

Леоннат, присев на корточки рядом с Филиппом, услышал за его спиной слабый шорох. Не успев осознать, что это, он схватил лежавший рядом меч Филиппа и в тот же момент увидел... змею. Она уже бросила своё упругое тело в атаку! Он навскидку дотянулся мечом до неё и обрушил на землю. Филипп не успел отреагировать – ни на бросок змеи, ни на резкое движение Леонната. Царский телохранитель, стоявший спиной к ним, обернулся и в тот момент, наверно, заподозрил нечто злостное – покушение на царя. Сделал решительный шаг в его сторону, но вовремя понял, что случилось на самом деле, успел опустить свой меч.

Змея, судорожно обхватывая лезвие меча тугими кольцами, яростно кусала бездушный металл. Царь в оцепенении так и не сдвинулся с места, даже когда Леоннат разрубил змею на две части, каждая из которых продолжала жить самостоятельно...

Сбежались гетайры, слуги. Все заворожённо смотрели на змею, вернее на то, что от неё осталось: хвостовая часть бешено извивалась на месте, скручивая кольца и раскручивая, судя по всему, не желая расставаться с жизнью; другая часть, головная, продолжала доказывать живучесть, широко зевая окровавленной пастью. Никто не обратил внимания, что эта часть незаметно продвигалась вперед, словно заговорённая, к царю. Когда Филипп, наблюдавший за всем этим с нескрываемым любопытством, протянул руку, голова с частью туловища, будто живая, в немыслимом судорожном прыжке подпрыгнула и... вцепилась в палец! От неожиданности Филипп затряс рукой, сбросил змеиную голову – и все увидели проступившую капельку крови. Леоннат, самый ближний к царю, бросился к нему и припал ртом к месту укуса, пробуя достать яд. Кто-то крикнул лекаря, и, пока тот бежал, Леоннат высасывал яд, сплёвывая обильную слюну.

Испуганный лекарь, узнав, зачем его призвали, растерянно за-

охла, но потом сообразил: достал из своей коробочки зловонную мазь, приложил к пальцу.

Прошло ещё некоторое время, было очевидно, что царю нехорошо: язык вспух, в теле появился жар, затем озноб и слабость в членах. Его уложили на плащ. Лекарю стали угрожать расправой, если он не излечит царя, а он успокаивал:

– За ухудшением обычно наступает улучшение. Едва ли змеиная голова оставила достаточно яду, – пояснял он не верящим в выздоровление Филиппа. – Она его израсходовала раньше, когда кусала лезвие меча.

И действительно, когда солнце поднялось к зениту, Филипп почувствовал себя немного лучше, после чего, несмотря на запрет лекаря двигаться и нездоровую сухость во рту, приказал выступать на Пеллу. Отряд быстро собрался и тронулся в путь. Царь – опять верхом, хотя усидеть на коне было нелегко. Чтобы отвлечься от дурных мыслей, он подозревал Леонната.

– Леоннат, ты можешь объяснить этот странный случай? Разве такое могло свершиться без умысла богов?

Друг не замедлил с ответом, но начал издалека:

– Я предполагаю, это знак богов. Однажды бог-врачеватель Асклепий шёл, опираясь на посох, и вдруг посох обвила змея. Испугавшись, Асклепий убил змею, но появилась другая змея с целебной травой во рту и воскресила убитую. Тогда Асклепий воспользовался такой травой для воскрешения умершего Главка. С тех пор этого бога изображают с посохом, увитым змеями.

– Ты это к чему говоришь, Леоннат?

– Укус змей смертелен, если весь яд достаётся человеку. Лекари говорят, что в малых количествах яд полезен для здоровья. Филипп, заметь, что змея оставила для тебя немного смертельного яду – значит, тебе придёт могучее здоровье. Хотя ты, слава богам, и так не болен.

Царь возмутился:

– Леоннат, меня кусает какая-то полуживая тварь, а ты пытаешься убедить, что это на пользу? Нет, Асклепий даёт понять, что человек со знаком змеи может укубить, когда я не буду ожидать.

– Пусть будет верным и это предположение. Всегда следует бояться человека, таящего яд для тебя. Бойся его коварства.

– Вот теперь я принимаю твоё объяснение, верный друг! Но если бы ты ещё указал на того человека – цены не было бы твоему совету.

– А ты подумай хорошо, царь, кто из твоего окружения любит возиться со змеями. От того человека тебе и следует ожидать если не смертельного, то болезненного укуса.

Леоннат, сказав это, стал серьёзным. В голове Филиппа сверкнула молния – Миртала! Когда Леоннат вернулся из Эпира, он сообщил, будто царская дочь соблюдает культы Диониса, в которых есть атрибуты не только винограда и плюща, но и... змеи. В тот раз сообщение друга лишь позабавило Филиппа – ему ли опасаться эпирской девчонки! Теперь же, после встречи с бешеной змеей, царь задумался, но, не желая больше дурных предположений, перевёл разговор на другую тему:

– Леоннат, я не буду обижаться на эту змею. Мне думается, это я её обидел – возможно, у неё здесь неподалеку логово с детками. Незваные гости помешали, вот она и отважилась защищать свою территорию, своё гнездо. Она поступила так, как должен поступать македонянин, кто считает себя ответственным за семью и отечество. Если Дионис уживается со своими змеями, а их у него тысячи, стоит ли мне делать из змеи личного врага? Выходит, зря ты её убил.

Леоннат согласно кивнул:

– Наверно, ты прав, Филипп. Но возможно и другое: боги поручили змеям охранять сокрытые в недрах ценные металлы; эта змея дала знак тебе, что золото и серебро фракийских рудников скоро станут твоими.

– Вот сейчас ты говоришь о вещах, приятных моему сердцу, друг Леоннат! Конечно, это боги дали мне знак, что пора македонским воинам идти к рудоносным горам Пангеи. Ну, а если мы убили змею, значит, Македония восторжествует над врагами. Как видишь, не зря я прошёл сегодняшнее испытание!

С этими словами Филипп оторвался на коне от Леонната и от всей походной колонны, давая понять гетайрам, что желает побыть один. Внутри себя он долго ещё не мог отделаться от тревоги при виде корчащейся в смертельных конвульсиях змеи. Нет, неспроста приползла она к нему... Миртала?... Миртала и змея... Миртала – змея? От неожиданного сравнения Филипп невольно вздрогнул. Прочь дурные мысли! Он резко поддал коню по бокам и пустил его вскачь... «Элелеу-у-у!» – закричал он озорным голосом. Гетайры тоже ускорили бег своих коней, подхватили клич: «Элелеу! Элелеу» – разнеслось по долине.

К вечеру показалась царская резиденция.

Пелла

Царя встречала команда дворцовой стражи, извещённая дозорным, далеко на подходе к городу. С ними были двенадцать юных пажей, которых не так давно Филипп собрал у себя во дворце для воспитания и овладения науками. Подобного в истории македонского престола ещё не было: подростки отбирались из самых знатных семей, больше из тех, кто тайно или явно выказывал неуважение к централизованной царской власти. По сути в Пелле дети оказались заложниками царя Филиппа. Зато сейчас родители мальчишек, восторженно кричавших: «Хайре, царь!», – стали невольными его единомышленниками...

Подростки в коротких белых хитонах выглядели празднично: за поясом укороченные спартанские мечи, в руках небольшие посеребрённые щиты – настоящие агрираспиды («носящие серебряные щиты»). Такие воины составляли гвардейскую элиту в армии персидских владык, и это грело душу Филиппу. Целых два месяца пажи безумно скучали в пустующем дворце и теперь откровенно радовались возможности показать личную преданность царю. Филипп успел это отметить. Шесть пажей прошли впереди царя, остальные позади, так сопровождали до городских ворот и дальше к дворцу. Первого советника Антипатра среди встречающих не было – он находился в загородном поместье рядом с невестой царя Мирталой.

Филипп с любопытством разглядывал Пеллу, пытаясь обнаружить изменения с тех пор, как он отбыл во Фракию. Обновляемая усилиями Филиппа македонская столица выглядела великолепной. Всего пятьдесят лет назад резиденция македонских царей ещё находилась в Эги, высоко в горах. Там остались их древние усыпальницы. Царю Архелаю принадлежит идея переноса столицы на новое место. Смену столиц можно было расценивать как решительный поворот от древних местнических традиций и интересов к новому миру, который назывался Элладой. Архелай сделал решительный шаг в сторону культурного сближения Македонии с Грецией, для чего задумал выстроить Пеллу по аналог греческих городов – красивой и доступной для межэллинского общения.

В стратегическом плане Пелла выгодно отличалась от прежней столицы. Удобно расположившись в живописной зелёной долине – с одной стороны озеро, с другой – непроходимые болота, – новый город выглядел неприступной крепостью. Имелось ещё одно преимущество: рядом озеро, необыкновенно красивое и глубокое, которое

наполнялось полноводным рукавом от Аксия, одной из главных македонских рек. Из озера истекла река Людий, по которой проходила судоходная связь с морем. Новый город органически вписался в покой естественного природного окружения, но главным было то обстоятельство, что через дружественную область Пиерию Македония могла общаться с эллинским миром.

Царь Архелай стремился к Элладе каждым новым деянием, осознавая, что без влияния греческой культуры в Македонии не свершатся великие перемены. Поэтому пожелал выстроить Пеллу значительным красивым городом, по типу Афин. Здесь, по его замыслу, должна преобладать греческая культура, отсюда она сможет воздействовать на остальные города и области Македонии. Для свершения грандиозных замыслов в Пеллу из Греции царь приглашал талантливых зодчих, ваятелей, художников. Один из них, художник Зевксис, украсил царский дворец изумительными фресками. Сочинитель сколий и дифирамбов Тимофей из Милета, посещавший праздники в Пелле, своим искусством прославлял окружающее великолепие. Сократ, который так и не появился в Македонии, но стремился туда попасть, интересовался страной и народом, всегда внимательно выслушивал очевидцев, восхищаясь рассказами о красавице Пелле.

– Люди приходят туда издалека, стремясь увидеть чудесный дворец с росписями Зевксиса, – сказал он однажды, – Архелай истратил на художника четыреста мин серебра (*1 мина = 440 г*), а на себя же самого – ни обола! Это ли не пример для подражания прочим властителям!

При этом Пелла внешним видом осталась самобытной, македонской, она не превратилась в некое подобие обычного греческого города. В дальнейшем стремлении превзойти греков царь заложил у горы Олимп город Дион, где устроил однажды «Всемакедонские игры» – по образцу и подобию Олимпийских, с музыкальными и поэтическими состязаниями, драматическими представлениями и силовыми агонами – схватками атлетов. Последующим царям Пелла тоже нравилась, они обживали её, как позволяли средства.

Филипп родился в Пелле, он был влюблён в родной город и не представлял свою жизнь без Пеллы; это было видно по его лицу, когда он появился здесь после двухмесячного отсутствия.

* * *

Несколько праздных горожан, заметив царя и его спутников, застыли с любопытством. Одни кричали с восторгом и приветственно размахивали руками, другие – настороженно молчали, не проявляя

эмоций. Но больше было тех, кто радовался встрече, желая здоровья и благополучного царствования. В ответ Филипп приветливо кивал головой и открыто всем улыбался...

Во дворце прибытия Филиппа ожидали со дня на день, но его появление всё равно застало врасплох немногочисленную челядь и царских служащих. Пока царь стремительным шагом шёл по дворцу, никто не осмеливался попадаться ему на глаза по собственному желанию. Подмечая на ходу недочёты в хозяйстве, он добрался до своего рабочего кабинета, в котором обычно пребывал для занятий государственными делами. С облегчением присел, скорее прилёг, на жёсткое ложе, похожее на широкую скамью.

Тенью проскользнул слуга. Поклонился царю и начал снимать пропылённые сапоги-котурны. Понадобилась сноровка, чтобы, не беспокоя царя, освободить ноги от высоких походных сапог, терпеливо распутывая свалявшиеся узелки многочисленных кожаных ремешков. Слуга вышел, прижимая котурны к груди, словно охотничья собака желанную добычу. Следом появились двое слуг – один нёс широкий бронзовый таз и кувшин с холодной водой для умывания; у другого в руках – кувшин с горячей водой, которую в ожидании царя с утра грели на кухне. Филипп осторожно опустил в горячую воду гудящие натруженные ноги; через пару мгновений почувствовал облегчение.

После омовения лица и тела холодной водой к нему вернулось бодрое состояние, хотя до этого его тянуло прилечь, перевести дух и заснуть. Снял со стены изогнутый металлический прут, обол, и слегка ударил по бронзовому кругу, висевшему на крюке рядом. Раздался протяжный мелодичный звук. Из-за плотной тростниковой ширмы появился человек с короткой чёрной бородкой и приметными залысинами на крутом черепе – Элний, энергичный секретарь царя. Его место находилось в соседнем помещении для слуг, где он спал и ожидал вызова в любое время дня и ночи. В ответ на своё приветствие Элний услышал:

– Хочу есть! Зови повара и домоправителя – эконома.

Элний кивнул и так же тихо удалился.

Через короткое время в кабинет зашёл человек, который видом и особенно замасленной и пропахшей дымом одеждой привнёс сюда неистребимые кухонные запахи, признаки своей профессии. Это был главный царский повар Афиноген («Рождённый Афиной»), которого Антипатр незадолго до свадьбы переманил из Сиракуз достойным

жалованьем. Отец Афиногена отдал его ещё ребёнком в ученики к самому знаменитому в Греции повару Дрогону из Сибариса, постигать вершины кулинарного искусства. Несколько лет Афиноген носил фартук ученика, после чего сдавал экзамен строгой комиссии из семи знаменитейших кулинарных мастеров. Но прославился Афиноген после того, как изобрёл для сиракузского тирана Дионисия особое блюдо из морских ежей.

Из-за широкой спины повара робко выглядывал юный розовощёкий помощник, почти мальчишка. Заметив близко царя, видимо, впервые, он чуть не выронил из рук круглое блюдо, прикрытое белой тканью. Повар, наёмный человек, житель Пеллы, зная пристрастие царя к рыбе, заранее заказал заезжим торговцам угрей. Предупредил, чтобы угри обязательно были из Копайдского озера, в Беотии – там они, говорят, особенные! Торговцы постарались, привезли корзину переложенных жгучей крапивой угрей, живых, похожих на змей. Повар заплатил звонкой монетой – по три аттические драхмы за штуку, хотя обычных морских угрей можно было купить вдвое дешевле. Угрей он только что лично поджарил, остальных закоптил для царя впрок...

Все эти сведения Афиноген выложил Филиппу, пока ставил блюдо на десертный столик. Потом повар рассказывал, по какой причине копайдские угри по вкусу превосходят своих собратьев, выловленных в других местах. Из-за солёной воды! Озеро питается пресными ручьями с окрестных гор, а вода в нём всё равно солёная. Странно? Да, но люди говорят, что озеро соединяется подземным каналом с морем. А мудрецы утверждают, что никакого канала там нет, а причиной солёности озерной воды являются иные обстоятельства. Просто на дне находятся неисчислимые залежи соли – родники соль эту и вымывают! А откуда в озере появляются морские угри? Это местные рыбаки вылавливают мальков угря в море, выпускают их доразвивать в озере для более удобной ловли в непогоду и выгодной продажи...

Филипп, чтобы не слушать больше поварской болтовни, выпроводил его вместе с пугливым помощником. Оставшись один, с наслаждением откусывал и жадно глотал, почти не пережёвывая, нежные кусочки, выложенные в жареном луке. Терпкое вино нежно-розового цвета отзывалось вкусом свежавыжатого виноградного сока и каких-то трав.

Трапезу прервал высокий худощавый человек с огненно-рыжими волосами; смуглое лицо источало радость, тёмные глаза блестели.

– Хейрисофос? Ты? – удивился Филипп. – Я ожидал увидеть эконома!

– А я и есть он, – Хейрисофос со смущённой улыбкой развёл руками. Поняв по лицу царя, что требуются пояснения, продолжил: – Царь, я последовал твоему совету, появился в Пелле и пришёл к Антипатру, чтобы передать твои слова обо мне. В это время прежний эконома был смещён за какую-то провинность – кажется, за нерадивость и корыстолюбие, как сказал мне советник Антипатр. Он переговорил со мной и назначил на эту должность, сказал, до твоего, царь, приезда.

Хейрисофос сдержанно склонил рыжую голову. Филипп не поленился встать с ложа – так он обрадовался появлению Хейрисофоса.

– Я рад тебе, друг мой, поверь! Надеюсь, ты не ошибся в выборе нового для тебя занятия? Тебе понравилась Пелла? – Филипп спрашивал, не ожидая ответа. – Тебя не сильно обижает Антипатр своими придирками? Я его хорошо знаю!

Хейрисофос, смущённый приёмом царя, отвечал сдержанно. А Филипп не унимался: ему было приятно сознание того, что судьба этого человека, элина по крови, оказалась в его руках и могла бы завершиться печально под стенами Амфиополя. Последовали ещё вопросы:

– Сколько жалованья определил тебе Антипатр?

Хейрисофос попытался отшутиться:

– На жизнь хватает, мой царь, на остальное – нет! – но, заметив поднятые брови Филиппа, поспешил добавить: – Положил два обола на день. Достаточно, чтобы посмотреть представление актеров в театре.

– Ты увлекаешься театром – похвально. Но два обола – немало, если учесть, что я выплачиваю своему пешему воину-гоплиту ровно столько. А он рискует собственной жизнью. А ты чем рискуешь, домоправитель?

– Я тоже рискую собственной жизнью, царь: ведь ты убьёшь меня, если тебе не понравится моя работа или ты засомневаешься в моей преданности. Не так ли?

Филиппу понравился ответ коринфянина.

– Ты смел и честен, сказать больше, в меру дерзок, – царь примирительно улыбнулся. – Но мне нравятся такие люди.

Филипп добродушно посмотрел на Хейрисофоса. Вдруг вспомнил:

– Послушай, ты говорил, что любишь лошадей. Как будешь теперь без них?

– О, я продолжаю любить этих чудесных животных, восхищаться ими! Без коней я не представляю себе ни одного дня жизни. Царь, прости меня, но когда мне трудно, я захожу в дворцовую конюшню. Среди знакомых запахов я обретаю новые силы, и это помогает решить любые проблемы.

– Ты видел моих коней? – встрепнулся Филипп; ему было приятно внимание знатока коней.

– О, все кони великолепные! Они – чудо природы! Не зря у эллинов есть много поверий, связанных с ними: если конь фыркает в дороге – к радостной встрече. Конь всегда выведет заблудившегося всадника на верную дорогу. Это я знаю по себе – не раз мой конь выручал меня.

– Ты прав, Хейрисофос, коней невозможно не любить! Не забывай, что они посвящены Приапу, богу плодородия полей и стад, а Приап – сын Диониса и Афродиты.

– Но есть предание, – не сдавался Хейрисофос, – будто коней впервые дал эллинам Посейдон. Поэтому свои корабли эллины называют морскими конями. Коням, если они трижды одерживали победы в Олимпии, ставят в священном городе почётные статуи. А ты знаешь, царь, какие имена носили кони героев древности, к примеру, у Ахилла?

– Скажи, друг мой, я всех могу не упомянуть, – нашёлся Филипп, скрывая незнание.

Коринфянин стал загибать пальцы:

– Гомер воспел коней Ахилла – их звали Ксант и Балий. У микенского царя Агамемнона коня звали Эг. У царя Спарты Менелая был Подарг. Пиндар воспел победоносного Ференика, победившего в Олимпии – это конь Гиерона, властителя Сиракуз; с тех пор греки прозвали Гиерона тоже Фереником – большая честь для тирана.

Филипп с восхищением слушал Хейрисофоса. Вдруг лицо его серьёзно.

– Слушай меня, Хейрисофос. Македонию ожидают большие перемены. Твоим талантам я найду лучшее применение. Ожидай! А пока добавлю к твоему жалованью от себя ещё обол, чтобы хватило не только на театр – на вино и приличную одежду, как подобает преданному царскому слуге. Не возражаешь?

Филипп подтолкнул Хейрисофоса к выходу.

– Веди по дворцу, показывай, что успел сделать к свадьбе.

Обращение к детству

Филипп любил свой дворец как родной дом и в то же время скучал, если задерживался в нём больше чем на месяц. Вольная душа требовала земных просторов, не ограниченных не то что стенами дворца или Пеллы – Македонией!

Когда Филиппу исполнилось семь лет, отец забрал его из женской половины дворца, гинекея – пора сыну становиться мужчиной! До этого возраста его воспитанием занималась мать Эвридика. Из Греции вызвали известных учителей, наставников юношества. Помимо греческого языка и письма он познавал основы арифметики, через Гомера знакомился с греческой поэзией. Изучал историю Македонии и жизнеописание её царей. Для него наняли педотриба, чтобы под его строгим наблюдением Филипп занимался гимнастикой и силовыми упражнениями.

Мать настояла, чтобы Филипп учился ещё игре на кифаре, так как считала, что музыка вместе с атлетикой являет собой обязательную часть аристократического воспитания настоящего эллина. Филипп послушно исполнял уроки, ему нравилось общение с учителями, но когда он узнал, что из Афин к нему пригласили ещё и учителя ораторского искусства, риторика, расстроился. Прибежал к отцу, чуть не плача.

– Отец, я хочу стать воином! Зачем мне нужно риторство, эта греческая болтовня?

Аминта тоном, не терпящим возражений, ответил:

– Филипп, ты сын царя, а царям не чужда ни одна из наук. Владение искусством риторики в твоей жизни так же важно, как и знание других наук. Риторика – часть политики, которая у греков называется дипломатией. С помощью успешной дипломатии царь может одолеть сильного противника не в сражении, а в переговорах. Не зря греки говорят: «Если позорно не уметь владеть своим телом, то не менее позорно не уметь владеть словом». А как добиться царю, чтобы народ подчинился его воле, чтобы доверял ему? Не мечом же! Вот и выходит, что царское слово и разум – более достойные средства действия, нежели только сила и отвага.

И действительно, когда Филипп стал царём, прежде чем идти на врага, не угрозами, а сладостными речами, уговорами и клятвенными заверениями в мире и дружбе побуждал принимать свои условия. Поэтому с благодарностью вспоминал назидания учителя риторики:

– Слово – величайший владыка, оно видом малое и незаметное, а

дела творит чудесные – может страх прекратить и печаль отворить, вызвать радость и усилить жалость к поверженному врагу.

Во дворце

Царский дворец представлял собой обычный дом богатого македонянина в один или два этажа, но с многими пристройками и надстройками, возведёнными македонскими царями в разное время. Из-за этого в дворцовом комплексе архитектурного единства не наблюдалось. Часть зданий оставались деревянными, другие красовались новой каменной кладкой. Филипп до сих пор не узнал точно, сколько во дворце помещений разного назначения – шестьдесят, восемьдесят или больше. Некогда было!

Семейные покои, где проживали цари, не имели излишней роскоши. Филипп не стал ничего менять, поскольку помнил совет Эпаминонда:

– Как заимеешь дом свой, не украшай его картинами или дорогой посудой и мебелью – пусть украшением служит царящая в нём умеренность. Роскошь чужда человеческой душе, она лишь на время ласкает взоры, тогда как умеренность уживается с душой, поэтому умеренность нетленна, она вечное украшение любому дому!

Следуя совету своего фиванского наставника, Филипп придерживался мнения, что если цари пекутся о роскоши и чрезмерной изысканности дворцов, нисколько не заботясь о благе общественном, это предрекает верную гибель государству. Но зал для приёмов чужеземных посольств и несколько пиршественных помещений отличались от остальных во дворце. Он распорядился всё здесь выполнить по лучшим образцам эллинской культуры, пригласив именитых греческих зодчих, ваятелей и художников. Остальные помещения дворца были лишь добротными, но скромными на вид, как в обычных македонских домах: деревянные стены обкладывались каменными плитами; если стены возводились из камня, они обшивались досками из тополя, дуба, ореха или грушевого дерева. Повсюду вместительные кладовые, сложенные из кедровых брёвен, способствующих долговременному хранению съестных припасов. Имелись также надёжные хранилища для сбережения ценного оружия, дорогой посуды и парадных одежд для членов царской семьи. В задней части дворцового комплекса находились тесные жилые помещения, где под присмотром помощников управляющего домом содержались домашние рабы и наёмная прислуга.

Полы, стены и потолки в личных покоях Филиппа обшиты дубовыми досками. Дуб – любимое дерево Зевса. Двери, плинтус на полу и наличники в окнах – всё из стволов оливковых деревьев. Полировка и лак придали деревянным поверхностям дорогой вид, хотя места, где дерево потускнело от времени и копоти. Даже на ценном оружии, развешанном по стенам, присутствовала копоть, отчего блеск золота, бронзы и серебра потускнел, а инкрустация из слоновой кости на мебели обрела сероватый налёт.

В малом обеденном зале дворца после ремонтных работ появился особый пол, которым Филипп невероятно гордился – он назывался асарот («неподметённый»), потому что изображал... неубранный мусор, какой обычно скапливается на полу после пира – объедки, кости, пролитое вино. Работу исполнил художник Сосос из Пергама, его Филипп переманил за большие деньги. Царь попросил Сососа сделать свою работу так изящно, чтобы македонскому царю завидовали все греческие правители.

Филипп в сопровождении Хейрисофоса направился в самое оживлённое место дворца – на кухню. Размещённая в центре, где ей и полагалось быть, кухня являлась живым организмом дворца. Здесь в углах, на полу и на полках, в стенных нишах грудились многодневные запасы продуктов. На полу и на столах возвышались плетёные короба, корзины, мешки и сосуды разных размеров и назначений. Сразу несколько очагов дышали нестерпимым жаром, суматошилась кухонная прислуга, поварская челядь.

Филиппа поразил резкий дух пряностей, копчёностей, жареного мяса, травяных приправ и запаха горелого жира, с шипением капающего на раскалённые угли и полыхающие поленья. Судя по суете и гомону на кухне, здесь уже готовились к свадебному пиру. Среди оживлённого многоголосья раздавались распоряжения поваров. «Ну чем не сражение на поле битвы! – отметил про себя Филипп. – А вон и полководец!» – он заметил среди пара и чада знакомую фигуру болтливого повара. При появлении царя на кухне установилось молчание, затем послышались вразнобой возгласы:

– Хайре, Филипп! Хайре, царь!

Он ответил на приветствия взмахом правой руки, поглядел по сторонам и прошёл дальше, в помещение, где густо стоял дразнящий запах хлеба и печенья. Сюда он частенько забегал, угощался горячей булочкой, начинённой сушёными виноградинками. Булочки выпекались в форме птички, жаворонка, а булочку вручал ему пекарь,

старик с добрейшей улыбкой. Эвридика, мать Филиппа, потом ругала сына, запрещая впредь общаться с прислугой, но он не мог отказаться от такого удовольствия.

Сейчас Филипп застал момент приготовления хлеба. В пекарне было нестерпимо жарко от печи. Пять полуголых человек за длинным столом занимались вымешиванием теста. Занятие было не из лёгких, потому что приходилось сминать, переворачивать и раскатывать руками большие пласты клейкой мучной массы, добиваясь определённой одинаковой толщины. Чтобы они это делали в лад, мальчик-подмастерье извлекал из дудочки незатейливую мелодию. Рядом у металлического чана стоял человек с рукавицами, который замешивал очередную партию муки, добавляя по команде главного пекаря воду, соль и опару. Пекарь объяснил царю, что опара у него заготовлена впрок: из пшённой каши, но иной раз из пшеничных отрубей, подкислена виноградным суслом и высушена на солнце. Так её можно использовать в течение года, не испортится.

На других разделочных столах помощники укладывали готовое тесто в специальные формы, которые помещали в лотки. Ненасытная печь, дышавшая изнуряющим жаром, прокалённая древесными углями и затем от них избавленная, изголодавшись в простое, в нетерпении ожидала очередную партию изделий. На печной дверце висело изображение Горгоны Медузы: она угрожающе предупреждала посторонних, непричастных к такому важному событию, чтобы они не любопытствовали и ненароком не открыли печь. Иначе опара спадёт!

На уровне пола имелся ещё открытый очаг, на стенках которого выпекался лепешечный хлеб. Его очень любил Филипп. Лепёшки быстро твердели до каменной прочности, но если их смачивали водой, они становились как свежие и долго не теряли вкуса.

Для свадебного торжества помимо хлеба готовились фигурные выпечки: в этом случае в готовое тесто добавлялись фрукты, свежие или высушенные, или мёд, обязательно пряности. Выпекались всевозможные булочки, крендели в виде раскрытой ладони, пироги с начинками, лепёшки с добавлением тёртого сыра и ещё много-много разных печёных поделок. К десерту македоняне с детства имели особое тяготение! Филипп прихватил со стола аппетитно прожаренную булочку и с удовольствием съел.

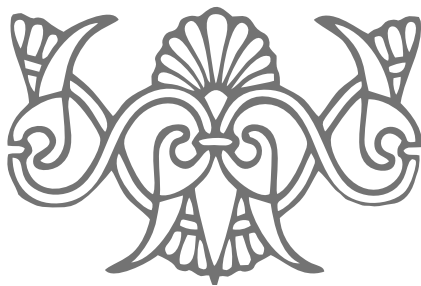
На хозяйственный двор царь с Хейрисофосом попали, когда уже темнело. И здесь рабочий день для рабов и прислуги продолжался в

свете факелов. Усердно готовились к свадебному пиру: повсюду обезглавленные куры и гуси, в ужасе блеяли овцы и козы, давились в крике упитанные бычки. Всё подчинялось воле царского заготовителя, он определял, кому из животных и птиц пришла пора расстаться с жизнью, а кому – позднее.

Внутренности забитых животных сваливались в большие ивовые корзины, которые тесно устраивали у забора штабелями. Из окровавленных рогожных мешков выглядывали отрезанные головы быков и прочей живности с белыми шарами выпученных глаз, торчали отрубленные ноги. На изгороди висели свежие шкуры. Объевшиеся кровавой требухи дворцовые собаки слонялись по двору или мертвецки спали где попало. Хейрисофос непроизвольно вжал голову в плечи, ожидая взбучки, но царь не заметил nepядок.

– Я вижу, мои гости на свадьбе голодными не останутся. – Он хотнул, посмотрел на домоправителя. – Успеешь? Свадьба через день!

Не ожидая ответа, Филипп оставил Хейрисофоса, а сам вернулся в кабинет. Элний немедленно доложил, что Антипатр вот-вот должен объявиться с докладом.

Глава двенадцатая

ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ

Знак Зевса

Миртала проснулась с рассветом, задержалась в постели, припоминая явления только что виденного сна. Картины были настолько необычными, странными, что девушка решила позвать Нектаба. Пусть объяснит...

Вошёл Нектаб, приветствовал, склонив низко голову:

– Госпожа, я с покорностью внимаю твоим словам.

Миртала помедлила, еще сомневаясь, можно ли довериться чужому человеку. Всё-таки, отбросив колебания, решительно произнесла:

– Разгадай сон мой, халдей. Показался странным он мне. Во сне была ночь, чёрное небо, откуда на землю проливался ужасный ливень. Гремел гром и сверкали молнии. Одна молния неожиданно ударила в моё... моё...

Миртала вдруг смолкла, устыдившись собственной откровенности.

– Слушаю со вниманием твою историю, госпожа. – Нектаб был настойчив. – Я должен всё знать, иначе буду неточен в толковании твоего сна.

Девушка, пересилив неловкость, продолжила:

– Вдруг с неба сорвалась молния и неожиданно ударила в моё ... чрево. Сразу нестерпимый жар охватил низ живота... От этого подобия огня я проснулась. Поначалу не могла двигать ни рукой, ни ногой. Что означает этот знак, если он послание богов?

Нектаб задумался. По желвакам, заигравшим на посеревшем от внутреннего напряжения скуластом лице, была заметна большая

работа ума. Миртале показалось, что молчание затянулось. Наконец он достал из-за пазухи мешочек, откуда появилась дощечка эбенового дерева с изображениями небесных светил: дневного – Солнца и ночного – Селены. Оттуда же извлёк крохотные деревянные фигурки зверей. Двенадцать штук. Ещё достал семь камешков, по виду драгоценных. Выложил всё это на доску и стал вглядываться, не проронив ни слова. Лицо халдея опять изменилось, черты резко обострились, глаза исчезли под нависшими бровями. Миртала услышала хриплый голос, вещание которого, похоже, выходило из утробы Нектаба:

– О, могучее Солнце и все боги, вдохнувшие жизнь в человека! Ты, внутренний огонь тел, огонь природы! О, Творец Жизни, тепла и возгорания, причина всего рождённого! Ты – необъятное, неделимое вечное и вездесущее! Ты – потребность в свете, потому что ничего нет более страшного, чем твоё отсутствие! Ты само бессмертие, потому что восстаёшь с каждым восходом, умирая каждую ночь! Ты проходишь через двенадцать небесных домов, оставаясь в каждом тридцать дней – открой тайну сна Мирталы.

Миртала сжалась на постели в комок. Ей становилось жутко, но желание узнать, что хотят от неё боги, пересилило страх.

Нектаб вскоре просветлел лицом, глубокие морщины на лбу разгладились, будто он только что вернулся из дальнего путешествия. Она услышала:

– О, госпожа, прежде скажи мне год, день и час, когда ты родилась.

Услышав ответ, Нектаб принялся вычислять, шевеля бледными сухими губами. Переставив яркие камешки внутри кругов на эбеновой доске, произнёс:

– Боги поведали мне, что через сон твой они сообщают тебе. Если позволишь, госпожа.

Миртала нетерпеливо перебила:

– Говори, халдей. Я хочу знать!

– Повинуюсь, госпожа. Сон, который привиделся тебе под утро – а в такое время все сны несут знамения, – вещает, что Аммон-Ра, мой бог, по-вашему Зевс, выбрал тебя своей возлюбленной. Он выбрал тебя, чтобы ты родила сына, которого он одарит великими способностями.

Миртале показалось, будто земля качнулась под ней. Халдей продолжал:

– Сын Зевса, твой сын, станет непобедимым воином. Многие народы признают в нём царя. Он создаст огромное царство, в котором

его будут почитать как бога. О нём будут слагать легенды, потому что подобного бесстрашного героя никогда не родит ни одна земная женщина в мире. Такова воля Зевса.

– Халдей, ты говоришь слова, которым трудно поверить! – чуть ли не вскричала девушка. – Свадебную ночь я проведу с супругом моим, царём Филиппом!

– О, моя госпожа, я не стану опровергать твои сомнения, но скажу, что боги являются людям только во сне и делают они с ними все, что пожелают. Боги не могут являться наяву – это опасно для жизни смертных. Вспомни фиванскую царицу Семелу, мать Диониса от Зевса. Зевс исполнил её пожелание, явился к ней в своём божественном обличье, тем самым испепелив Семелу огнём своим.

– Но если сын мой будет зачат не от семени Филиппа, супруг не признает его своим сыном. Ведь сын к тому же родится непохожим на него. Филипп разгневется, узнав правду.

– О, госпожа! Когда богам что-либо угодно, никто и ничто не помешает их желаниям! Я приготовлю особый отвар из редких трав, что собрал я весенней ночью в египетской пустыне. Ты дашь его испить Филиппу, когда он возляжет к тебе на брачное ложе, и к нему немедленно придёт сладкий сон. А ты примешь бога, как супруга своего, а когда сын твой родится, Филипп признает его своим наследником.

– Ох, халдей, большие сомнения терзают моё сердце. Мне трудно поверить твоим словам.

– Моя госпожа, прогони свои сомнения. Всё будет так, как задумал бог Аммон-Ра-Зевс. Но я прошу тебя, ни в коем случае, не делись ни с кем тем, что слышала здесь, даже с дорогой тебе Артемисией и, тем более, с супругом своим Филиппом. И я сохраню твою тайну до тех пор, пока бог не велит мне поступить иначе. Я всё сказал, что велел мне бог.

Нектаб с почтением поклонился девушке и вышел. В комнату вошла встревоженная Артемисия, обеспокоенно заглянула в глаза Мирталы, которая лежала на постели, оставаясь в смятении. На вопросы няни девушка не отвечала.

Перед свадьбой

Антипатр появился в кабинете царя, как обычно, шумно и без стука. По его лицу и возбуждённому состоянию было понятно, насколько рад он появлению Филиппа в Пелле. Пока царь находился во

Фракии, политическую жизнь в Македонии и за её пределами было не остановить. Первому советнику приходилось исполнять многие обязанности – важнейшие дипломатические, административные, хозяйственные, но благодаря жизненному опыту, влиянию среди македонской знати и безмерному доверию царя Антипатр справлялся с этим неплохо. Царь знал это из регулярных донесений, был доволен таким помощником, судя по его лицу. Они крепко обнялись, похлопывая друг друга по спине.

– Царь, слава богам, дождались мы тебя! Теперь, не отвертись, – хохотнул басом Антипатр, – женить тебя буду!

Филипп подыграл ему:

– Антипатр, дорогой мой друг, свадьба для меня – дело привычное, ты знаешь. Я сделаю ещё попытку. И если Миртала не родит наследника, пойду на очередное испытание браком, пока не добьюсь цели.

Антипатр согласно закивал головой.

– Ты ведёшь род свой от Геракла, а он, говорят, трижды был женат: на дочери фиванского царя Мегаре, в стране скифов он вступил в брак с царицей, а когда вернулся в Грецию, взял в жёны Иолу, дочь мессенского царя. В итоге Геракл женился на Деянире, дочери царя Каледонии. Так что, Филипп, есть на кого равняться! Всё за нас решают боги – не зря у греков семейный брак называется «телос» («божественное установление»).

Царь добродушно рассмеялся:

– Ты хочешь меня утешить, что я повторяю подвиги своего предка Геракла? – Белозубая улыбка украсила лицо Филиппа. – Лучше скажи, где ты прячешь мою невесту. Не сбежала она в Эпир, пока я отсутствовал?

Антипатр развёл руками, улыбнулся, поддерживая шутку царя:

– Куда царская невеста денется? Я держу её за высокими стенами, под надёжной охраной, за городом, приставил надёжную охрану. Даже если бы она передумала, ничего у неё не вышло бы!

Они так говорили ещё немного, перекидываясь шуточками. Филипп вдруг спросил:

– Через день моя свадьба. Кто гости?

Царя особенно интересовал этот вопрос.

– На свадьбе будут представители городов Фессалии и несколько иллирийских и фракийских князей, кого ты успел образумить. Города Беотии и Пелопоннеса передают поздравления и богатые дары. Это

говорит о том, что настроения у греков меняются и кое-кто поглядывает на Македонию как на будущего союзника.

Антипатр перечислял имена гостей из греческих городов, кого приглашали задолго в Пеллу.

– Многие прибыли. Послы желают встретиться с тобой после свадьбы. Возможно, чтобы провести союзнические переговоры.

Антипатр видел, что Филипп огорчился.

– Немного желающих поздравить меня.

– Мой царь, не стоит принимать близко к сердцу такое отношение греков к свадьбе македонского царя. Они боятся Афин и Спарты, поэтому выжидают, какой будет твой следующий шаг. Все желают знать, как далеко зайдёт Македония в намерениях противостоять Афинам.

– Что ж, пусть греки выжидают, пока Македония будет действовать! – горячась, сказал Филипп. – Потом я буду выбирать себе друзей и союзников. – Пытаясь скрыть досаду, Филипп улыбнулся. – Ладно, это тоже неплохо, когда на свадьбе от гостей не тесно – простору больше! А я свободу люблю.

– Одна ещё вещь, царь. Не ведаю, будет ли тебе приятно услышать. – Филипп вскинул брови. – Несколько важных персов прибыли в Пеллу. Главный у них Мардохай, советник царя по греческим вопросам.

– А персы зачем пожаловали?

– Я уже выведал у Мардохая, что их царь надеется на возрождение старого договора между Персией и Македонией, что был заключён сто лет назад. Сулят много денег и военную помощь. Персы надеются на твоё согласие, Филипп, они надеются, что тогда им легче будет совладать с Грецией. Но в таком случае Македония станет сатрапией Великой Персии.

– А вот это уже неплохая новость! Пока мы будем вести переговоры с Персией, Афины не посмеют ссориться с нами. Персы прибыли в Пеллу как нельзя более кстати!

Помолчали.

– Афиняне решили не поздравлять меня, если никого не прислали? – прервал молчание Филипп.

– Возможно, афиняне обиделись на тебя за Амфиполь, что ты не вернул его им, как они ожидали. Да ещё ты грозишься забрать Пангейские рудники. Как можно петь дифирамбы тебе в такой ситуации?

Филипп продолжал досадовать:

– Могли бы сделать вид, что им приятно общение со мной. А так раздуют тлеющие угольки вражды между Македонией и Афинами в большой костёр. Разве не достаточно посылаю я в Афины тайных гонцов с золотом? Среди аристократов есть немало недовольных демократами.

– Филипп, всё, что ты делаешь, достойно мудрого правителя, – успокаивал Антипатр. – Многие афиняне, негласно или явно, поддерживают тебя, ожидая твоих мирных устремлений к Греции, Афинам. Им нужен надёжный союзник в скорой войне с Персией, что неотвратимо назревает. Но этой группы политиков пока недостаточно, есть твои ярые противники, например молодой Демосфен, искусный оратор. Он настраивает афинян и греков против Македонии, и прежде всего против тебя, Филипп. Он мутит наметившийся родник дружбы македонян с афинянами, но народ слушает его со вниманием.

– Демосфен? Нет, не слышал о нем... Разве нельзя с ним договориться, купить, наконец, его голос в нашу пользу? Или найти в Афинах другого человека, способного внушить гражданам, что Демосфен ошибается. Как, например, красноречивый Исократ. Он увидел во мне архистратига, полководца, которому греки могут доверить союзную армию в войне с персами.

Антипатр живо отреагировал на замечание царя:

– Исократ так и говорит, что только война с Персией способна объединить эллинов, в противовес бесконечной вражде между греческими городами.

– Да, Исократ – наш сторонник. Я слышал, что он беден, – нужно ему помочь, и тогда поставьте Исократа в противовес Демосфену. Пусть он убеждает сограждан и Грецию, что Македонии нужно только уважение с их стороны.

Последние слова царя зазвучали жёстко:

– Не меч македонский, а золото пробьёт брешь в крепких стенах, за которыми прячутся заносчивые афиняне. Когда я добуду золото Пангей, заткну рты всем недругам Македонии. Я разберусь и с Демосфеном, и со всеми, кто плохо говорит сейчас обо мне.

Я научу Грецию уважать Македонию, а эти заносчивые гордецы, афиняне, еще поклонятся Пелле! – Филипп внезапно поменял настроение, улыбнулся, лукаво щуря глаза. – Друг мой Антипатр, чего это мы с тобой не о том говорим! Через день у твоего царя свадьба – разве ты забыл?

Очищение

В поместье Антипатра, на время ставшем «отеческим» домом для Мирталы, и царском дворце предстояло провести прогамии – торжественные обряды с жертвоприношениями богам: Зевсу и Гере, как охранителям семьи и брака, родовспомогательнице Артемиде, также Эроту – богу любви и безотлучному спутнику и помощнику Афродиты. Как же без Эрота! Он олицетворение любовного влечения, обеспечивающего продолжение жизни на Земле!

По обычаю невесте предстояло купание, для которого она сама должна была принести воду из источника, что был в саду. Перепоручить эту нелёгкую работу нельзя было под страхом нарушения священного обряда. Как задумали предки эллинов, это чтобы невесте не показалось сладким её замужество.

Служанка принесла высокий глиняный кувшин с двумя ручками, лутрофор. С непривычки первый кувшин показался Миртале слишком тяжёлым, а для купания надо было наполнить четыре лутрофора. Исполнив обряд, невеста с облегчением освободилась от одежды; помогали две служанки, одна из которых мягкими мазками стала втирать в кожу жирную глину. Потом набрала в ладони соду и растирала, убирая лишнее нежной губкой. Закончив, обе служанки стали смывать всё теплой водой. Следом обтирали невесту мягкими тканями, умащивали душистым нардовым маслом и благовониями, после чего она ощутила себя невесомой, обновлённой, была готова лететь на крыльях в predetermined богинями судьбы мойрами будущее ...

На Мирталу, благоухающую нежными ароматами, надели короткую тунику тончайшего льна, поверх – белый хитон, ниспадающий краями до пола. Немного выше узкой талии повязали узкую золотую ленту, выразительно выделив невысокую юную грудь. Тонкие белые руки украсились браслетами, длинные тонкие пальцы – серебряными кольцами с драгоценными камнями. На голове высокая золотая диадема в виде цветочного венка, под цвет длинных пшеничных волос, собранных в пучок. Сверху хитона надели праздничную накидку с розовой каймой в нижней её части, калиптру. Миртала не была малорослой, но по македонской моде ей пришлось надеть кожаные ботинки с высокими каблуками. Служанки вышли, оставив её в тревожном ожидании, когда за ней придут.

Она всматривалась в небольшое ручное зеркало из полированной бронзы, когда вошла Артемисия.

– О, не смотришь в зеркало! – няня всплеснула руками. – Неудача ожидает невесту, если увидит она себя в зеркале в свадебном наряде. Злые духи могут навредить!

Девушка искренне изумилась:

– Как можно обойтись без зеркала перед свадьбой? Будущая царица македонская всегда должна выглядеть безупречно, тем более в день собственной свадьбы.

– Нет-нет! Это не моя прихоть, а наставления древних. Всегда бойся, моя девочка, своих отражений в зеркале и без надобности не вглядывайся, – продолжала причитать няня. – Держи зеркало всегда перевёрнутым, чтобы оно не смотрело на людей. Потому что оттуда могут явиться всякие неприятности для тебя. И ребёнка своего, когда родишь, не подноси к зеркалу – испугается и не будет спать.

По греческому обычаю бракосочетание для невесты начиналось у домашнего очага. Для Мирталы таким местом оказался загородный дом Антипатра. Зашёл Гермоген, её дядя. Вместе с Артемисией они сопровождали девушку в мегарон, где находился жертвенный очаг, – самое просторное помещение в имении. Невесту ожидали трое храмовых служителей: жрец с красной шерстяной повязкой на лбу и двое помощников, иеродулов. Прозвучал гимн в честь Зевса, затем в честь остальных богов – покровителей семьи. На очаге разожгли поленья священного белого тополя, дерева Геракла; Миртала и остальные присутствующие в мегароне молча наблюдали, как огонь неторопливо пожирал жертвенную пищу. Жрец подбрасывал в очаг другие дары, представляющие труды человеческие: медовые лепёшки, печенье, фрукты. Когда Мирталу подвели ближе к очагу, огонь вдруг разгорелся, послышался треск пылающих угольков. Жрец радостно провозгласил:

– Боги приняли дары! Боги услышали наши молитвы! Боги настроены благоприятно!

В воздухе запахло ароматами бальзамового дерева, кусочки которого жрец время от времени подкладывал в огонь. В разгоревшееся пламя добавили ветки лавра, дерева Аполлона, символизирующего крепкие узы в браке и отвращение злых чар от супружеского дома. За лавром жрец бросал в огонь поочерёдно изделия из теста, изображающие домашних животных: быка, свиньи и овцы. Затем совершил жертвенные возлияния вином, молоком и оливковым маслом, после чего стал внимательно следить за дымом от очага, который устремился в отверстие на потолке, специально оставленное при строительстве дома для общения Огня с Небом.

От дурманящих запахов благовоний и тлевших веток лавра у Мирталы закружилась голова. Чтобы не упасть, она ухватилась за Артемисию. К счастью, обряд уже завершился, а служанки отвели её отдохнуть, набраться сил перед основным торжеством – бракосочетанием с царственным женихом.

Артемисия тоже успела привести себя в надлежащий случаю порядок. Потратила немало времени за косметическим столиком, на котором имелось всё, чтобы сделать из пожилой женщины красавицу средних лет: пчелиный воск, накладные волосы чёрного цвета и медные щипцы для завивки, головные повязки и сетки, шлифованный кусок пемзы, карандаши для дорисовки глаз. Чтобы усилить белизну кожи, служанка покрыла её лицо белилами и румянами, что придавало одрябшей коже молодящий розоватый цвет. Эффект омоложения добавил аромат шафранового порошка, щедро посыпанного на волосы, и благовонной мази, втёртой в шею и руки. Полная фигура Артемисии украсилась большим куском ткани жёлтого цвета, а волосы – яркими цветами. Придирчиво покопавшись в ящичке с драгоценностями, она выбрала кольцо с сердоликом редкого оранжевого цвета и серьги в виде изящных подвесок с такими же камешками. Служанка тут же заявила, что никто из молодых женщин по красоте не сравнится с ней. Она будто сбросила половину своих лет...

* * *

Слуга умащивал тело Филиппа душистыми маслами и цветочными эссенциями. Друг Леоннат находился рядом, он развлекал царя в этот непростой для него день, с восхищением поглядывая на его обнажённое тело. Филиппа можно было считать красивым мужчиной: широкие плечи, прямой стан, мускулистые руки, толстые в икрах ноги. Крупная голова прочно сидела на крепкой шее. Густые, слегка волнистые волосы цвета тёмного каштана. От ушей кудрявилась ухоженная борода. Неширокий лоб, крупноватый прямой нос и полноватые губы не портили образ мужественного воина.

Закончив умывание, Филипп велел одевать его к торжеству. Слуга накинул на него тёмно-красную ткань, оставив проём для правой руки. С другой стороны закрепил ткань на плече золотой пряжкой, а край, что свисал почти до земли, слегка подобрал. В завершение парадного хитона Филипп надел узорчатый пояс из переплетённых золотых лент. Сверху хитона слуга набросил просторный гиматий пурпурного цвета, закрепив спереди пониже левого плеча большой золотой брошкой с зелёным камнем.

Пришла пора посылать дружку за невестой...

Гамос

Наступил обряд воссоединения жениха с невестой – гамос – свадебная церемония и праздничный пир. К полудню Леоннат на царской колеснице, убранной коврами и цветами, прибыл в поместье Антипатра. Гермоген, сияющий торжественной улыбкой, в синем хитоне тончайшего полотна, на пороге встретил посланца жениха, сопровождал в мегарон. Сопровождающие проследовали в дом – все мужчины, близкие жениха и невесты. Повсюду на полу разбросаны лепестки цветов, в воздухе витали ароматы благовоний. Леоннат остановился у алтаря и в наступившей тишине, глядя на Гермогена, представлявшего «отца» невесты, громким голосом произнёс:

– По велению и желанию царя македонского Филиппа я, Леоннат, сын Фаракида, заявляю тебе, Гермоген, что мы готовы забрать твою племянницу Мирталу к её жениху, Филиппу, чтобы ввести супругой в его дом!

Присутствующие радостно оживились. Настала очередь отвечать Гермогену:

– По велению царя эпирского Аррибы, дяди и опекуна племянницы нашей Мирталы, и во исполнение брачного договора я отдаю тебе, Леоннат, сын Фаракида, Мирталу. Передай её Филиппу уже супругой его по законам предков. Сейчас я освобождаю Мирталу от обязательств перед родными своими ради перехода ее под опеку супруга своего и его семьи.

Тишина в зале прерывалась потрескиваниями горящих поленьев – это боги подавали знак, что они рядом и свидетельствуют при свершении обряда. Дочь своего отца теперь может отправляться в дом будущего супруга, где её ожидал новый семейный очаг, огню которого она станет поклоняться. Если бы Гермоген не произнёс этих слов, начать новую жизнь невесте было бы невозможно. Таков эггезис – обряд исхода невесты из отчего дома.

Мужчины направились в трапезную, где ожидал обед: по македонскому обычаю, участники торжественного застолья становились свидетелями священного брака. Главная виновница, невеста, отсутствовала; она сидела за столом в гинекее вместе с Артемисией и другими женщинами. Это был последний её обед в кругу родни и близких...

Торжественный приём представителя жениха в доме невесты завершился к вечеру. За этим предстояла помпэ – торжественное прохождение невесты к дому жениха в сопровождении его друзей.

Мирталу заторопили, женщины засустились и запричитали, будто прощались с ней навек. Накинули длинное покрывало из полупрозрачной ткани: свадебный наряд требовал, чтобы невеста находилась под защитой, препятствующей проникновению злых сил. Покрывало невесты символизировало добровольное отдаление невесты от суетного мира в угоду скромности и покорности будущему мужу.

Гермоген вывел племянницу за порог, к царской колеснице. В упряжке четыре гнедых коня нетерпеливо грызли удила. Нервно перебирая стройными ногами, они роняли пену с розовых губ, готовые сорваться с места по команде возничего... Леоннат, приветливо улыбаясь Миртале, словно давней знакомой, принял её у колесницы, помог взойти, усадил на ковры, выставившие верх сидения. Ткань пурпурного цвета укрывала отдельное место для невесты. Леоннат разместился справа, как полагается дружке царя – пароха («сидящий рядом»). С другой стороны сел Гермоген, как ближайший родственник невесты – он считался паранимфом («сопровождающий»).

Колесницей управлял возничий, куберней, молодой человек в доспехах гиппарха – царского гвардейца. Под охраной конников свадебная процессия неспешно отправилась в Пеллу, где располагался дворец, где гости с нетерпением ожидали прибытия невесты царя. Всадники украсили себя и коней цветочными гирляндами; кони, возбужденные непривычной обстановкой, словно понимая, кого и зачем везут, волновались и пританцовывали, грациозно перебирая тонкими ногами. Некоторые кони призывно ржали, приглашая остальных разделить с ними радость праздника. Сопровождали колесницу невесты два десятка колесниц в цветочном убранстве.

На Пеллу опустился вечер. Участники процессии зажгли факелы, освещая дорогу и улыбающиеся лица сопровождения. За колесницей Мирталы несли «факел невесты», священное пламя которого получило жизнь от «вечного» огня из эпирского храма девственницы Артемиды, как символ родного домашнего очага. Его с большой осторожностью везли в Пеллу вместе с приданным Мирталы, сохраняя в переносной жаровне. Согласно древнейшей традиции эллинов, «огонь невесты» должен поселиться в очаге в доме молодых супругов как символ преемственности женщины-хозяйки.

На улицах им пришлось чуть ли не протискиваться через толпы жителей, желающих увидеть процессию. Актёры, нанятые Антипатром, веселили народ непристойными свадебными шутками. Миртала заметила молодых женщин, которые несли в руках большие деревянные

куклы, изображавшие сатиров, спутников Диониса. Под шуточные куплеты женщины приводили в действие несложное механическое устройство, и между ног сатиров появлялся возбуждённый фаллос. Публика хохотала. Флейтисты из актёрской среды на ходу извлекали пронзительные звуки, призывая народ присоединиться к шествию.

За невестой следовала другая колесница, в которой находился светловолосый мальчик, олицетворяющий благочадие. Он держал в руке оливковую ветвь – знак мира и покоя, в другой – яблоко, любимый плод Афродиты, покровительницы любовных пар. На эту почётнейшую роль претендовали мальчики, у которых оба родителя были живы – полная семья, их называли ещё «обоюдоцветущие». Рядом в праздничных одеждах вышагивали юноши в возрасте эфэбов с решительными лицами, выражавшими одно – в случае нападения на невесту героически защищать её ценою собственных жизней... На головах у эфэбов лавровые венки, в поднятых руках они держали горящие факелы и славил Гименя, бога супружеских уз. Следом шествовали жрецы с корзинками в руках, где хранились культовые предметы для жертвоприношений. Впереди гнали несколько молодых бычков – на закание богам.

Из боковой улицы неожиданно выскочили обнажённые молодые люди, по виду – атлеты, в руках они держали жарко пылающие факелы. Но никто не испугался, наоборот, поднялся шум – их ожидали. Они возглавили свадебное шествие и по команде своего распорядителя побежали наперегонки. Их задача состояла в том, чтобы как можно быстрее пробежать центральную, самую длинную улицу в Пелле, до алтаря Эрота, передавая факелы из рук в руки. При этом не погасить пламя. Хотя их особенные «беговые» факелы были заранее заправлены воском, неугасимым даже при сильных порывах ветра. Подобные факельные забеги в Греции назывались лампадодромиа.

Как только свадебное шествие показалось в видимости дворца, на встречу выскочили всадники. Почётная встреча невесты со стороны жениха. Они присоединились к сопровождению. Послышалось пение священного гимна под звуки флейты, кифары и тамбурина – гименя:

– О, Гимен! О, Гимен!

Жених в пурпурном одеянии в сопровождении пажей и друзей ожидал у парадных дверей дворца. Рядом жрец с инфулой на лбу – белой шерстяной повязкой с красными лентами; в его обязанности входило принять невесту от дружки и сообщить всем присутствующим, что она предназначена в жёны Филиппу. Поэтому жрец называется

«вестник». Начинался заключительный этап церемонии – телос, когда жених вводил невесту в дом своего отца, свой родной дом, который теперь станет их общим домом. Перед семейным очагом, которому покровительствовала Гестия, дочь Кронаса и Реи, вершился священный брак, где молодые супруги, чтобы заручиться покровительством семейных богов, приносили совместное жертвоприношение.

Сквозь полупрозрачную ткань свадебного покрывала Миртала увидела Филиппа: широкий в плечах, лицо строгое, глаза тёмные, внимательные, которые, ей показалось, прожгли насквозь. Неожиданно Миртала почувствовала слабость во всём теле, сердечко затрепетало, будто бабочка в тенетах паука...

Леоннат помог Миртале спуститься из колесницы, передал жрецу. Хор грянул гимenea; на невесту со всех сторон посыпались зёрна пшеницы, медные монетки и трагемата – сладости и печенье. Несколько шагов до жениха дались ей нелегко. Она не осознавала, о чём говорит жрец – кружилась голова. Сильные руки Филиппа вдруг подняли Мирталу, и так он занёс её в дом...

Обряд перенесения женихом невесты в дом занимал особое, если не основное место во всём брачном ритуале – невеста не имела права самостоятельно переступить порог дома будущего мужа. Это было похоже на древний обряд кражи невесты, что считалось большой доблестью. Затем девушку следовало внести в дом, как ценную добычу. Невеста делала вид, что не желает подчиниться мужчине, защищалась от грубого насилия, сопротивлялась и кричала. Артемисия заранее подготовила Мирталу, она тоже кричала и колотила Филиппа по спине кулачками, давая свидетелям возможность убедиться, что она вступает в незнакомый ей дом не по собственной воле, «сгорая от бесчестья». Сопровождавшие невесту женщины пытались защитить её, громко кричали:

– Украли невесту! Украли!

Филипп, не обращая на всю эту суету внимания, осторожно пронёс невесту в дом, стараясь, чтобы её ноги не коснулись порога или косяка двери – иначе, по поверью, брак может не сложиться. Внутри дома возобновился обряд катахисма: вместе с пожеланиями материального достатка и счастья в семейной жизни на жениха и невесту посыпались финики, орехи, сухие фиги и монеты. Катахисма служила своего рода приношением даров всем богам, кто будет покровительствовать молодым. А без подношений невозможно заручиться их благосклонностью и поддержкой.

В мегароне Филипп опустил Мирталу на ноги. Жрец подвёл её к

безжизненному очагу с заготовленными поленьями белого тополя. Миртале, как новой хозяйке дома, супруге, полагалось зажечь очаг от «огня невесты». Артемисия подала факел. У девушки пропал страх, ушла стеснённость. Она поняла, что холодный очаг сейчас займётся пламенем от очага в родном эпирском доме. Поленья быстро воспламенились, послышался приятный шорох горящего дерева, запахло благовониями, обильно пролитыми на очаг – в воздухе разнёсся приторный запах мирры. Жрец тихим голосом подсказал невесте, чтобы она прикоснулась рукой к пламени очага – уже как хозяйка дома. Только ей позволялось общаться со священным огнём семейного алтаря. Миртала поднесла ладонь к пламени, пока не почувствовала жар. Жрецы громко запели гимны, в которых прославлялись боги, покровительствовавшие молодым супругам – в честь Зевса, Посейдона, Гефеста, Аполлона, Гермеса и Ареса; затем последовали гимны Афродите, Гестии, Деметре, Артемиде, Гере и Афине. Славилы богов все участники свадебной церемонии во дворце и за его пределами, где в радостном волнении и ожидании торжества топтался народ.

Молодожёны стояли рядом с ожившим семейным очагом. Им подали блюдо с хлебным караваем и плодами фигового дерева. Юный паж, восторженно смотревший на царя, передал ему меч, которым жених ловко отрезал от каравая два кусочка – один съел сам, другой вложил в рот Миртале; она безропотно проглотила, потом каждый съел по сладкой сочной фиге. Жених пролил на пламя очага из чаши с вином несколько капель, что означало: мужчина, глава семьи, тоже приобщился к священному очагу-алтарю – культовому месту новой семьи. Священный обряд бракосочетания заканчивался.

Молодые супруги прошли в огромный трапезный зал, предназначенный в царском дворце для торжественных случаев, где они с гостями принимали участие в свадебном пире. С сегодняшнего дня у Филиппа и Мирталы начался отсчёт совместной жизни. Будут ли они счастливы в браке – решат боги на Олимпе!

На дворе хозяйничала ночь, покрывшая непроглядным мраком царство Македонское, за исключением царского дворца, где совершалось брачное таинство... Для жителей Пеллы, которые пришли порадоваться за царя, Филипп распорядился устроить на площади высокие столы. Лавок не было. Прислуга, следившая за царским угощением, немедленно пополняла урон блюдам очередными закусками, непрестанно подносились кувшины с вином. Каждый угощался без ограничений. Народу нравилось...

Глава тринадцатая

ЦАРСКАЯ СВАДЬБА

Гости

Перед входом в пиршественный зал выстроилась почётная стража из царских гвардейцев, в руках небольшие серебряные щиты. Это аргираспиды («сереброщитные») – новое элитное подразделение в составе войска. Они стояли вдоль стен, выражая своим видом любовь и преданность царю. Почти всё пространство зала занимали столы, заставленные блюдами с едой, двухместные лежа предназначались мужчинам. Некоторое количество жён высокопоставленных советников царя и военачальников красовались в праздничных нарядах из египетского шёлка и восточных тканей, из биссосо, тончайшего хлопка белых и жёлтых цветов. Располневшие фигуры некоторых женщин выглядели выразительно в шерстяных хитонах македонского покроя и в аморгине – ткани из особого льна, растущего только на Аморгосе, небольшом острове в Эгейском море. С роскошными тканями соперничали полупрозрачные одеяния, выделанные на острове Кос, а супруга одного македонского князя поражала заvistниц хитоном из тончайшей кожи с меховой отделкой на плече.

Распорядитель указал женщинам их место – на длинных деревянных скамьях в дальнем углу огромного зала; отдельно от мужей и вообще мужчин, предоставив им прекрасную возможность наблюдать свадьбу со стороны, беспрепятственно обсуждая всё и вся, что может им не понравиться. В Греции жёнам вообще запрещалось находиться в застолье вместе с мужьями, а в Македонии обычаи были мягче. Правда, пребывание женщин на пиру ограничивалось официальной частью, когда шли поздравления молодых. Затем они исчезали из об-

щего зала, чтобы не видеть, как их мужья напиваются и заигрывают с продажными флейтистками. В ожидании мужей женщины проводят время в болтовне, сплетничая в гинекее, с хорошей закуской, сладким вином и лакомствами.

Гостей набралось до двухсот человек. Не всем приглашённым удалось попасть на свадьбу вовремя – слишком поздно прибыли посланцы Филиппа в их города, а дорога неблизкая. Но собрался цвет эллинской нации: близкие друзья царя и приближённая свита, князья из Верхней и Нижней Македонии, ещё несколько наместников царя Филиппа в приобретённых городах во Фракии. Присутствовали также делегации от греческих городов, заинтересованных в сближении с Македонией, и было посольство персидского царя во главе с сатрапом Мардохаем. Несмотря на суету в начале пира, никто не был унижен невниманием или ошибкой распорядителя пира: каждому гостю досталось почётное место согласно придворному статусу, знатности персоны, военным или политическим заслугам перед Македонией и царём.

Свадебный пир обслуживали десятки поваров и кондитеров, которых помимо своей кухонной прислуги нанимали на городском рынке. Ещё было много проворных виночерпиев, архитриклинов, следивших за готовностью и способностями участников поглощать изысканную еду, вина и десерты. «Надсмотрщик за вином», энопт, вёл особое наблюдение, чтобы вино подавалось в настольных кувшинах, канфах, хорошего качества, прохладное и в достатке. Когда опускалось очередное блюдо, распорядитель подавал знак слугам-уборщикам, чтобы они немедленно убрали пустое и заменяли другим столом, полным новых блюд. В зале находился «начальник над запечатанными кувшинами», в обязанности которого входила выдача из кладовых кувшинов с вином: под его присмотром они бережно раскрывались, вино разливалось по чашам. При гостях постоянно находились рабы, усердно отгоняющие назойливых мух от блюд и людей. Несколько групп музыкантов, певцов и актёров, всего около сотни человек, без усталости развлекали участников пира.

Гости поднялись с мест, когда в окружении царских пажей появились молодые супруги. Послышались приветственные возгласы, здравницы, рукоплескания. Молодые прошли к возвышению, на котором находился царский трон с высокой резной спинкой и подлокотниками и ещё один стул, поменьше, для Мирталы. Царь помог ей устроиться, сам занял трон. За их спинами расположилась четвёр-

ка пажей с престольными жезлами в руках и мечами в ножнах. Начиналось главное событие сегодняшнего торжества – пир, в котором всегда есть место поздравлениям, подаркам, чревоугодию и праздным занятиям, то есть веселью...

* * *

Филипп внимательно оглядел зал. Большинство, понятно, македоняне. Сердце царя переполняла гордость: эти люди, чем бы они ни занимались, отложив свои дела, выказывают ему преданность. Всего несколько лет назад некоторые из них ненавидели его или не желали видеть своим правителем. Они – представители древнейших родов, едва ли не каждый мог занять царский трон. Вон сидит, улыбается ему потомок тимфайских царей Полисперхонт, обстоятельный полководец, или задиристый Пердикка из Орестиды – ближайшая родня из царской фамилии, или мудрый Кен из Элимиотиды и гордые братья из Линкестиды – Аррабей, Геромон и Александр. Поодаль сидят другие заносчивые князья. Но теперь усилиями Филиппа, сына царя Аминты, покончено с разобщённостью Македонии навсегда...

Помимо Антипатра пришли все военачальники: неустрашимый Андромен из Тимфайи, придворный советник и хваткий горец Алкимах и храбрый, мудрый не по годам молодой Аттал. Справа Филипп видел близких друзей из Орестиды – добродушного Иллариона, забияку Лахара и весельчака Канона. За их столами сидел дядя Онисим, подписавший в Эпире за жениха брачный контракт. Рядом с ним отважный телохранитель царя Аристогитон, начальник дворцовой охраны. Но он ещё и при исполнении – наблюдает. В рядах застолья расположились ближние и дальние родственники царя.

Члены делегаций из греческих городов размещались обособленно. Не так давно они не могли себе представить, что настанет день, когда им придётся ехать в Пеллу к царю Филиппу с поздравлениями и дарами. Считай, на поклон! Но Филипп с огорчением отметил, что не все греки, кого желал он видеть у себя, почтили его уважением. Никого из Спарты, Афин и Фив! Хотя зачем печалиться? Можно ли желать лучшего всего за два года пребывания Филиппа на македонском престоле? Всё впереди!

Филипп улыбался каждому, с кем встречался взглядом, изредка посматривал на полупрозрачную ткань, за которой скрывала лицо Миртала. Сегодня она не снимет при всех покрывала невесты, откроется только ему после свадьбы. По обычаю анакалиптерий, снятие покрывала, предполагается на третий день, когда она, молодая жена,

получит от него ферна – дорогой подарок. Ближайшие родственники тоже будут обязаны преподнести дары.

В начале пира Филипп подарил Миртале жемчужное ожерелье с подвесками, после чего обратился к присутствующим:

– Друзья мои, гости дорогие! Перед каждым из вас стоит серебряная чаша, для того чтобы пить вино за наше семейное счастье. Я желаю всем радости и веселья, и пусть сегодня чаши не пустуют. А когда пир закончится, вы заберёте с собой свои чаши как мой дар вам, на память о свадьбе македонского царя Филиппа и его супруги Мирталы.

Послышались восторженные голоса, оживление в зале. Никто не ожидал подобной щедрости, тем более в начале пира. Таков был Филипп – непредсказуем в словах и поступках! В ответ запели медные трубы, букцины, призывая налить вино в чаши. Засуетились слуги, виночерпии. Царь обратился к Антипатру:

– Передай мою волю ветеранам, кто воевал вместе с моим отцом. Передай, царь их любит и помнит их, отважных в бою, кто рисковал жизнью своей и здоровьем за честь и славу Македонии. Выдашь каждому по тридцать драхм из моих денег. Раздай по тридцать драхм сиротам, оставшимся без отца, погибшего за Македонию.

Филипп обожал делать сюрпризы, понимая, что они гарантируют его успех в важных делах. Как позже выяснилось, огромная сумма заметно истощала личное состояние Филиппа. Ну и что? Деньги? Деньги как ушли, так и придут, и в гораздо большем исчислении! Царь был уверен, что произнесённые вовремя слова дают верный шанс обрести ещё большее признание и любовь простых македонян, основное ремесло которых заключалось не столько в пахоте и сеянии, сколько в том, чтобы крепко держать меч в руках.

Симпосиарх

В Македонии, как и во всей Греции, не начинали никакого пира, даже дружеской пирушки, без надёжного распорядителя застолья – симпосиарха, способного повести пир, словно умелый кормчий корабля, куберней, во время шторма на море. Ведь известно, чтобы корабль благополучно дошёл до намеченной гавани, команда и пассажиры беспрекословно слушаются кормчего! На царской свадьбе тем более невозможно было обойтись без симпосиарха. По единодушному мнению, им стал Сфенипп, старейшина рода линкестов,

человек уважаемый среди всех македонских родов. Смелый военачальник, осторожный стратег, за пиршественным столом Сфенипп вёл себя точно так же: его невозможно было заставить поддаться всеобщему разгульному опьянению, и к тому же он был невероятно строг в соблюдении древних традиций и культовых обрядов. С первых команд участники свадебного пира почувствовали его жёсткое управление.

Сфенипп знал много о застольных традициях эллинов и теперь не столько распоряжался сменами блюд и вина, сколько оберегал здоровье участников пира, понимая, что люди по-разному воспринимают обилие еды и питья. Не забывал поднимать общее настроение, задавать тон застолью. На это годились его непреклонная воля и богатый опыт бывалого участника дружеских застолий. Он учитывал обстоятельства, поощряя тех, кто мог и хотел много выпить, и сдерживал других, у кого это плохо получалось. Его беспристрастие к отдельным личностям – хоть к знатым людям, хоть к незнатым – было всем известно, никто не обижался. А острые шутки, на которые он был великий мастер, воспринимались без обиды, что выказывало наличие у симпосиарха здорового благонравия, дружелюбия и философской мудрости. Случилось лишь лёгкое замешательство, какое бывает в начале любого пиршества, пока каждый не привык к общению с соседом по ложе. Находчивый симпосиарх быстро налаживал непринуждённый порядок, с его помощью гости окунулись в атмосферу свободы общения между собой. Симпосиарх Сфенипп не терпел возражений от участников пира, которые по каким-либо причинам могли, но не желали сказать или принять тост, опустошить до дна свою чашу. Их он наказывал строго, распоряжаясь выдать провинившемуся большую «чашу наказания»... Но только подобный, на вид жёсткий, установленный симпосиархом порядок давал возможность протекать пиршеству в нужном русле. Это понимали сотрапезники царя, подчиняясь строгой воле главного распорядителя свадебного торжества.

По команде Сфениппа гости возложили головные венки из цветов – сосед соседу, знак, разрешающий приступить к употреблению вина. Затем он произнёс голосом, достаточно зычным, чтобы его слышали в дальних углах зала:

– Великий Пифагор сказал неразумным жителям Кротона: «Никогда не будет порядка ни в доме, ни в государстве, если у вас не будет человека, властвующего над вами по доброй воле обеих сторон,

одинаково как для правителя, так и всех граждан»... Слава богам, у македонского народа есть такой правитель – это царь наш Филипп! Призываю всех гостей пира поднять чаши с божественным напитком, который мы называем «дар Диониса», и выпить за царя Филиппа! Наш царь молод, но он мудр и справедлив, он сын своего народа, заботится о нём и учится у него. И народ учится у своего царя умению повиноваться законам предков и побеждать своих врагов.

Филипп повернулся в сторону князей из горных областей – тех, кто дольше всех упорствовал против объединения Македонии вокруг Пеллы. С удовлетворением отметил, что симпозиарха слушали со вниманием и даже некоторой покорностью. Выпили все до дна за его, царево, здоровье...

За тостом последовало угощение. Гости, проголодавшиеся в ожидании, буквально набросились на блюда, успешно разоряя их первоначальный образцовый порядок. В зале стало шумно. Сфенипп опять призвал выслушать его:

– При царе Филиппе Македония заставляет врагов отдавать отнятые прежде земли. Мы начали строить собственный флот, а это значит, что Македония выходит к морям, давая возможность нашим торговцам самостоятельно общаться с внешним миром. Правда, не всем это нравится! Но что поделать, Македония больше не хочет быть слабой! Это ли не показатель зрелости нашего царя! Дайте, боги, ему здоровья и много лет на царском престоле!

Филиппу были приятны слова старого военачальника, он поглядывал на гостей из прибрежных греческих городов, стараясь угадать, что лежало у них на сердце. Видел, как греки слушали симпозиарха – с беспристрастным вниманием, не проявляя своих истинных мыслей. Сфенипп рассыпал любезные слова молодым супругам:

– Мы поздравляем нашего царя Филиппа и его жену, красавицу Мирталу, с бракосочетанием. Теперь уже с нетерпением будем ожидать наследника македонского престола, достойного продолжателя дела отца, царя и полководца. Будь здоров, Филипп! Здоровья тебе, Миртала! И пусть каждый в поддержку моих пожеланий опустошит свою чашу до дна. Вина у нашего царя много, вино отличное – сам проверял! – закончил под общий смех симпозиарх. Раздались приветственные возгласы:

- Здоровья тебе, Филипп! Здоровья тебе, Миртала!
- Мира и счастья супругам!
- Боги Олимпа в помощь царю Филиппу!

Гости шумно поднялись с мест. Миртала сделала глоток из своей чаши. Поначалу ей было неловко сидеть под пристальными взглядами незнакомых людей. Потом освоилась и уже сама со скрытым любопытством посматривала по сторонам, используя удобные предлоги. Ей показалось интересным наблюдать за происходящим, слушать, о чём говорят. Особенно что ответил Филипп на пожелание Сфениппа:

– Зевс и все боги Олимпа свидетели, насколько счастлив я видеть вас на своей свадьбе. Важное не только для меня событие позволило собрать за одним столом цвет македонской нации, представителей славных греческих городов, уважаемых гостей из Персии. Македоняне избрали меня своим царём, и я им останусь, пока за мной будет следовать мой народ, пока мне будут покровительствовать всемогущие и всемилостивейшие боги. Я поступаю так, как велит мой разум и воля македонского народа, а мой разум следует мудрости: «Кто, будучи больным, не считает себя больным, тот уже здоров!»... Наши враги и друзья знают, что Македония до недавнего времени находилась в болезненном состоянии, в немощи. Она и сейчас ещё до конца не оправилась от последствий застарелой болезни – разобщённости. Но Македония на пути к выздоровлению! Это я вам говорю, Филипп, царь македонский!

Голос его зазвенел. Это была первая речь в присутствии очень важных представителей Эллады. Шанс показать себя, свою силу, волю. Его слова предназначались тем, кто угрожал ему и Македонии:

– Мой народ говорит мне: «Филипп, делай так, чтобы Македонию уважали соседи, чтобы мир и счастье пришли в каждую македонскую семью!». И я так делаю!

Гости, некоторые с удивлением и настороженностью, слушали Филиппа. Никто не видел его таким возбуждённым и даже агрессивным. Сжатый кулак, играющие на скулах желваки и резкий, но твёрдый голос говорили о его решительности, силе и враждебности, когда он упоминал врагов. Филипп помнил слова Клеандрида из Аргоса, своего учителя философии, что истинное красноречие – это умение сказать всё, что нужно, но не больше. Поэтому старался высказаться сообразно торжественности момента и выгодным для него обстоятельствам, не задев национальной чести и достоинства каждого из присутствующих, не обидев ничем и не заронив излишних подозрений. К удивлению многих, Филипп заговорил о единении македонян с греками:

– Македония долгое время была больна, но время – отличный лекарь, который даёт ценный совет, что сила и ум моего народа в эл-

линских корнях, а не в варварстве! Умный человек всегда извлекает какую-нибудь пользу из любого обстоятельства, так и македоняне должны получать свою выгоду от пребывания в единой эллинской семье, в Греции. Только безрассудный человек может обратить эти обстоятельства против себя!

Филипп видел, с каким напряжением слушал его Мардохай, посланник персидского царя. Тот отлично изъяснялся по-гречески и сейчас старался осознать каждое слово македонского царя, пытаясь уловить скрытый смысл, таящий угрозу Персидской державе. Филипп продолжал, не теряя взятого накала в речи:

– Македония обязательно станет сильным государством, с которым придётся считаться всем, кто ущемляет интересы македонян. Но одному царю не справиться с такой задачей, понадобятся храбрые военачальники и мудрые советники. Я бы сказал, что в Македонии наступает время, как на кухне, где повар собирается приготовить вкусное блюдо из мелких рыб – каждую нужно почистить и должным образом приготовить.

Царь обвёл внимательным взглядом зал, будто уже сейчас выискивал соратников и врагов.

– Я призываю македонян, и не только, и тех, кто ещё сомневается во мне по каким-либо личным причинам или иным обстоятельствам, выбрать со мной единый путь, стать надёжным моим помощником, верным другом. Я призываю к исполнению священного долга перед отечеством, Македонией, всех, кто желает ей славы и величия!

Крики восторженного одобрения македонян, всех присутствующих почти заглушили последние слова царя. Долго слышались возгласы:

– Мы с тобой, Филипп!

Антипатр на правах близкого друга царя получил разрешение Сфениппа на ответную речь:

– Филипп, царь наш, почему ты сомневаешься в нашей тебе преданности? Поступай так, чтобы тебя хвалили друзья, а враги ругали.

– Антипатр, – царь неожиданно перебил советника, – похвала друзей никому из нас не мешает. Но пусть друзья ругают, больно бьют справедливыми упрёками, если я ошибусь, лишь бы враги не хвалили!

Филипп опустошил чашу одним духом – апневисти, его примеру последовали остальные участники пира. Затрубили медные букцины и керасы, послышались здравицы в честь царя. На середину зала вышел

музыкант с флейтой и певец, молодой грек из Аркадии. Прозвучали мелодичные звуки. Грек чистым звонким голосом воспел гимн Аполлону Фебу («Пречистому»), богу блага и порядка, охранителю закона, всего доброго и прекрасного в природе и в человеческой жизни. Певец славил Аполлона, призывая помогать супружеской паре, Филиппу и Миртале. Страстное исполнение молодыми людьми гимна под звуки божественной флейты захватило присутствующих. Даже шумные персы за своими столами притихли, покорённые чувственной прелестью причудливой мелодии. Гимн начинался радостным и решительным темпом, как и подобает победной песне, затем мелодия замедлилась и почти замерла до слабого шёпота. Вдруг она возникла снова, стала быстро развиваться; разворачивалась легко и просторно, без чёткого разделения на отдельные куплеты. Мотив изредка повторялся, расчленяя гимн на отдельные периоды, чтобы закончиться в спокойствии, ясности и тайной грусти победы. В этом гибком и разнообразном музыкальном напеве, сопровождавшем слова гимна, подобно изящной одежде, скрывающей все недостатки и подчёркивающей красивые места, угадывалась Эллада, ее истина, умеренность и блеск...

Симпосиарх позволил ещё нескольким гостям произнести тосты в честь Филиппа и его молодой жены, затем объявил, что настала пора поднесения свадебных даров. Миртала к тому времени неожиданно устала, сказала Филиппу, что хочет покинуть пир.

– Рано ещё, – тихо возразил он, – гости могут обидеться. Терпи.

Отыскал глазами Артемисию, кивнул ей, приглашая подойти поближе, предложил находиться рядом с Мирталой.

Подарков за свадебный вечер преподносилось много, все с пожеланиями удачи. Филипп получал ценное оружие и парадные одежды, драгоценности, Миртала – дорогие ткани, благовония и ювелирные украшения. С посланцами из греческого города Милет в Азии прибыл знаменитый умелец Мирмекид. Он смастерил для македонского царя... игрушку: корабль из куска меди, но размером меньше мухи! Увидеть подарок обычным глазом не было никакой возможности, поэтому к дару прилагался кусочек прозрачного камня, вправленного в серебряную оправу. И только тогда царь обнаружил корабль с навешенными снастями и даже людьми на палубе! Всё было как на настоящем корабле, и имя на борту, выложенное золотом, было заметно – «Филипп»! Мирмекид объяснил царю, что в корабле видит Македонию, и если пристально всмотреться, за рулевым веслом стоял кормчий – сам Филипп! Он сказал вполголоса царю, чтобы не

услышал Мардохай, что жители Милета желают покровительства македонского царя против персов. Филипп был в восторге от поделки и от предложения милетян, приказал одарить мастера золотом. А гости обсуждали, глядя на странный дар:

– Что это? Дело, недостойное серьёзного человека, или чудо, сотворённое человеком, руку которого вели боги?

В череде именитых дарителей оказался Теон, известный художник с Самоса. Полгода назад Антипатр пригласил его в Пеллу для росписи зала торжественных приёмов. Художник явился на пир к царю в сопровождении двух помощников, которые с трудом несли огромную картину, завешенную плотной тканью. Царь пожелал увидеть подарок, и тогда Теон попросил позвать военного трубача. Он явился. Художник попросил его играть призыв к сражению. С первыми тревожными звуками Теон стал снимать накидку...

До этого момента присутствующие, и царь в том числе, представляли себе, что увидят жестокую битву... На картине был изображён всего один воин, но он был как живой! Молодой пехотинец, совсем юноша, сжимавший в руке меч, спешил, судя по замыслу художника, на выручку своим товарищам воинам. Это было видно по изгибам его тела. Глаза горели неустрашимостью; казалось, он вот-вот сразит врага, которого художник вообще не изобразил. Но облик воина дышал предстоящим убийством врага, которого он сейчас настигнет...

Картина выглядела настолько зрелищной, что участники пира, греки и македоняне, сначала замерли при звуках трубы, а потом взорвались восторженными криками. В их сердца вселилась отвага, и, пока трубач играл, хотелось встать и уйти на поле сражения, в помощь храброму юноше, воину... Филипп тоже не остался равнодушным. Он вдруг вспомнил поэта Алкея: резко поднялся с трона и начал громко читать его стихи, размахивая рукой, словно рубил мечом:

...Медью воинской весь блещит, весь оружием убран дом – Аресу в честь.

Тут шелома как жар горят, и колышутся белые

На них хвосты. Там медяные поножи на гвоздях поразвешены;

Кольчуги там. Вот холстинные панцири; вот и полые, круглые

Лежат щиты. Есть булаты халкидские, есть и пояс, и перевязь –

Готово всё. Ничего не забыто здесь –

Не забудем и мы, друзья, за что взялись! *(перевод М.Л. Гаспарова)*

Мирталу поразило состояние Филиппа, его неожиданная реакция на обычную, казалось, картину художника: лицо отрешённое, будто он есть тот самый воин. Филипп действительно на миг почувствовал себя

Аресом, яростным богом войны, для которого нет ничего приятнее кровавого сражения, губительной бойни и смертоубийства. Миртале стало не по себе, она сделала усилие, оставаясь спокойной к происходящему. Полупрозрачное покрывало невесты способствовало сокрытию её действительных чувств.

Каждое дарственное подношение и речь поздравителя заканчивались пением труб и рукоплесканиями присутствующих. Симпосиарх Сфенипп предлагал тост, после которого все дружно пили вино. Наконец к трону вышел посол персидского царя Мардохай. Греки не зря прозвали его Толстый, но даже такой клички было недостаточно, чтобы правильно обозначить его телесное состояние. На оплывшем лице просматривались щёлки глаз и маленькие ноздри. Подбородок, складками закрывавший толстую шею, переходил в рыхлую грудь, откуда сразу начинался живот, огромный, как бурдюк с вином. Когда перс передвигался, тело его колыхалось, словно морские волны в непогоду, доставляя ему массу житейских неудобств. И никакие ухищрения в одеянии, расшитом золотыми нитями, не скрывали чудовищную полноту Мардохая.

Речь персидского посланника оказалась сложной из-за восточной витиеватости слога, полной иносказаний и сравнений. Она сразу не воспринималась на слух и на веру – надо было додумывать, соображать, что имел в виду Мардохай, когда произносил те или иные слова. Поэтому рядом с царём оказался советник Хабрий, чтобы давать пояснения. Пока Мардохай, потев и сопя от усердия, выдавливал осторожные слова – он говорил по-гречески, – Хабрий успевал прошептать на ухо Филиппу немало полезных сведений. Царь слушал со вниманием и того и другого, изображая на лице добрую улыбку человека, невероятно заинтересованного в дружбе с Персией. Это подкупило Мардохая, поскольку он первым делом заверил македонского царя в любви царя Артаксеркса, передав Филиппу пожелания тысячи лет жизни. Сказал, что персидский царь, зная пристрастие Филиппа к коням, дарит бесценную беговую колесницу и четырёх коней, молодых и резвых, каких только можно было найти на просторах огромной Персидской державы. Ценный подарок не мог оставить Филиппа равнодушным: он улыбнулся, давая понять Мардохая, что готов слушать его бесконечно...

Мардохай знал, что каждый грек помнил об унижении Греции, как о собственном позоре, когда армия Ксеркса захватила Афины и были порушены греческие святыни. Но потом были Марафон и Са-

ламин, Платеи и Микале – великие сражения, позорные для персов. Сейчас, говоря о дружбе Персии с Македонией, Мардохай не мог в открытую говорить, что помыслы его царя были направлены на покорение Греции, но руками Спарты, Фив или Македонии. Для этого у Артаксеркса были припасены значительные запасы золота, лести, интриг. А это такая мощь, которая, по мнению царя персов, обязательно сломит единение греков!

Мардохай говорил заготовленную речь, пытаясь не отступить от неё и не навредить себе и Персии:

– Мой царь Артаксеркс, да будет блестящим его царствование на тысячу лет, преисполненный правдивости и святости во всех своих поступках, желает мира твоему дому и счастья твоей семье! Пусть в царствование твоё не умирают в Македонии люди и животные, не увядают растения, в воде и плодах не будет недостатка, пусть на полях зреют богатые урожаи, на равнинах пасутся тучные стада и повсеместно господствует мир и покой. Пусть будет так всегда в Македонии, и пусть будет так во всё время царствования моего царя Артаксеркса в Персии!

Мардохай говорил ещё долго, а когда закончил, довольный собой, вернулся на своё место, отдуваясь и тяжело дыша.

Пиршество

Царский пир продолжился по плану Антипатра. Ради торжества, достойного царя, он постарался на славу: лучшее, что можно было купить в Македонии и Греции, – всё находилось на столах. Он поручил закупить и привезти дорогую бронзовую посуду из Аргоса, великолепные ковры из Коринфа, душистые корни и травы для приправ из Кирены. Свежую рыбу доставили из Сикиона, а солёную – с Понта Эвксинского (Чёрное море), упитанных угрей – из Беотии. Любимый Филиппом острый сыр покупали на Сицилии, лучшее оливковое масло – в Афинах. Для женщин предназначались краснобокие яблоки с Эвбеи, сладкий изюм с Родоса, медовые финики из Финикии. А «на десерт» мужчинам в Пеллу прибыли знаменитые флейтистки из Эги, о соблазнительном искусстве которых ходили легенды. Но об этом пока никто из гостей не знал, и царь тоже!

А какие вина выставлялись к мясным и рыбным блюдам и птице! Не говоря уже о чудесных дарах виноградников Флиунта на Пелопоннесе, подавались бесценные греческие вина из Прамны,

Смирны и Книда, с Малой Азии. Щедро разливалось маронийское, редкое по вкусовым качествам вино из Фракии, и с тонким ароматом ариузское – с Хиоса, особенно ценимое лекарями за целебные качества. Манили дары фессалийских виноградников – светлое метрополиское и тёмное мессенское с медовым привкусом, точно хмельные. Для народа, пировавшего за пределами дворца, выносили кувшины с вином тоже не последнего сорта – с Хиоса, Коса и Кипра.

На царском столе была выставлена изящная посуда из керамики, бронзы и драгоценных металлов в форме стилизованных животных – работа знаменитого Терикла, коринфского ваятеля. Не менее ценная посуда находилась и на столах гостей. Вино на столы подавалось охлаждённым в специальных холодильных сосудах, псиктерах – с двойными стенками, наполненных льдом из зимнего хранилища. После того как участник застолья опустошал личный кувшин-килик, он снимал со своей головы венки и надевал его на горлышко килика. Это служило сигналом для прислуги: «Пора сменить!» Приносили другой килик с вином, после чего венок вновь водружался на голову участника пира как знак соблюдения обряда винопития, «одобренного богом Дионисом».

Подшло время десерта, о чём сообщил Сфенипп. На смену обеденным столам вынесли небольшие столы, декорированные перламутром, ценными породами дерева и слоновой костью. Это был сигнал, что такая часть пира, как насыщение, прошла и на очереди приятное времяпрепровождение в беседах и застольных играх, чтобы дать отдых утомлённым желудкам. На столики выставлялись кувшины со сладким вином – прамнейски, хиосским, фасосским и лесбосским, тарелки с сыром и зеленью, жареными дроздами, перепелами и куропатками, сладким и солёным печёным тестом и слоёными пирожками, фигами и миндалём, свежими и засахаренными фруктами. А слуги подносили и подносили всяческие разносолы, блюда и десерты...

* * *

Царский секретарь, пожилой летописец Кресфонт, специально приставленный к пиршеству, чтобы запечатлеть на папирусе свадебное событие, сидел в сторонке от гостей. Для него устроили невысокую кафедру, снабдили большим блюдом с едой и кувшином с вином. Летописец поглядывал по сторонам, прислушивался, о чём говорят царь и его гости, записывал значимое, особо выделяя тосты и речи.

Отмечал он и блюда на пиру, да так подробно и со вкусом, будто исполнял пожелание царя – похвастаться перед потомками:

... А из мясных блюд ели молодого бычка. Мясо варили с кореньями в собственном соку. Потом его жарили на огне, натолкав свиным салом. Подавали с овощами.

... Ещё ели ветчину и мясо птицы, дикой и домашней, дикая утка и жирный гусь. Были гусиная печёнка и потроха, жареные цыплята и голуби.

... Живых перепёлок и куропаток, перед тем как жарить, не резали, а душили, чтобы оставшаяся кровь придавала мясу птицы во время приготовления приятный вкус...

В середине пира, когда, казалось, гости насладились дивными вкусовыми ощущениями и устали жевать, послышались нежные звуки флейты. Гости подумали, что обозначился долгожданный перерыв в застольных посиделках. Но нет! Оказывается, музыка предваряла очередное появление процессии из поваров и слуг. Впереди шёл главный царский повар Афиноген, за ним следовала кухонная свита из помощников и поварят. На длинных позолоченных шестах несли огромный бронзовый поднос, а на подносе возвышалась жареная туша свиньи – любимая еда грека! Поднос поставили на свободный стол. Под аккомпанемент трепетных звуков флейты Афиноген взрезал тушу. Свинья оказалась начинённой маринованными гусями, которые, в свою очередь, нашпиговали яблоками и жареными перепелами, а последние – ещё и черносливом! По краям блюда были уложены сладкие фиги и финики, фрукты и пряные травы. Первый кусок горячей туши повар передал Филиппу, второй – Миртале, потом стал нарезать остальным гостям, но первым – из окружения царя. Два помощника повара ножами ловко расправлялись с блюдом, раздавая мясо участникам пира. А летописец Кресфонт еле успевал записывать блюда, подаваемые после «троянской» свиньи:

... Царь и его жена ели жареного журавля, обложенного острой репой и сельдереем. Журавля подавали с печенью белого гуся, откормленного за месяц белыми фигами.

... Гостям подавали колбаски на вертеле и рябчиков под острым соусом из мёда, мака и пряностей.

... Ели паштеты, приготовленные искусно из печени и почек молодого быка, свиньи и птицы. Ели мозги из головы, и костный мозг быка, и заливное из смеси свинины, ветчины и дичи, и ещё маринованные языки и начинённые головы свиньи. Ещё была кровавая колбаса из свиного сала, крови, бобов и пряностей...

Затем следовала поздняя приписка летописца:

...Жена царя вкусила передние лопатки зайчихи, способной родить многочисленное потомство...

Были рыбные блюда, о чём Кресфонт не забыл упомянуть: жареные окунь, щука, карп, пескарь, речной угорь, лосось и форель – обитатели водных пространств, выловленные к торжеству местными рыбаками в огромных количествах. Рыбу подавали прежде мясных блюд, чтобы от неё легче было перейти к более тяжёлой пище. На столе были и деликатесы, что успели завезти с морей: креветки, раки, омары, устрицы и ракушки – их подавали для возбуждения аппетита участников пира.

В начале свадебного пира симпосиарх сообщил гостям, что по македонской традиции в хлебе и кондитерских изделиях есть «хлеб судьбы» – мелкие монетки: кому достанутся – выпадет большое счастье и прибудет достаток в доме. Так и было: во время застолья слышались возгласы – счастливы находили монетки. Теперь следовало лишь посадить дома находку в цветочный горшок и терпеливо ожидать прибавления денег.

Симпосиарх объявил перерыв, во время которого царь совершил жертвоприношение домашним богам, покровителям семейного очага: на очаг положил пироги из поджаренной муки с солью и чашу вина. После жертвоприношений празднество продолжилось. Следуя эллинским застольным традициям, гости ели много, благо еда была вкусная и в основном мясная. О македонянах можно говорить, что они любят поесть и выпить, но и это – ничего не сказать! Праздник желудка обязательно дополнялся приятной беседой с соседом. А чтобы речь журчала, словно живительный родник, её запивали хорошим вином, но если греческие гости разбавляли его водой, то македоняне и персы пили в «чистом» виде. Вот за эти крепкие желудки и привычку греки и называют македонян варварами. Свадебный пир в Пелле – лишний раз тому подтверждение!

* * *

Между поздравлениями и тостами, за очередностью которых строго следил Сфенипп, сотрапезники перешли к дифирамбам и гимнам. После того как песни исполнялись хором и поочерёдно по кругу, опытный симпосиарх предложил привычное для эллинов развлечение – импровизацию, несложную по содержанию песню, в которой последние строки передавались через стол друг другу вместе с лирой и веточкой лавра. Лира и песнь переходили по кривой, что

соответствовало названию – сколии – «изогнутая» песнь. По этой причине допускались вольности в мелодии и словах, содержащих смешные поучения молодожёнам. Как результат, остроумные изречения, заложенные в сколиях, расшевелили гостей, разнообразили пиршество.

Антипатр загодя пригласил в Пеллу странствующих певцов, рапсодов, бродивших на просторах Греции поодиночке или группами, развлекаая горожан на площадях и пирах. Обычно они исполняли речитативом свои и чужие эпические стихотворения без музыкального сопровождения, в основном ямбы Архелоха и Симонида, бесмертные песни Гомера. Рапсоды пришли на пир к царю в новых одеждах, подаренных Антипатром, во время исполнения песни каждый держал в руке жезл, называемый рабсоз – отсюда их прозвание «рапсод», а песни – рапсодии. Рапсоды заметно украсили своим присутствием свадебное торжество македонского царя, поскольку не на каждый пир они давали согласие заглянуть. Выслушав рапсодов со вниманием, гости, греки и македоняне, по команде симпозиарха дружно запели генкомион – хвалебную песнь в честь Филиппа, отмечая его мужские достоинства и воинскую храбрость. Хор молодых девушек, скромно теснившихся у дальней стены зала, звонкоголосо ответил парфениями – девичьими песнями в честь красавицы жены царя, Мирталы.

На свадьбе произошёл случай, необычайно развлёкший гостей. Не веселился только врач Менекрыт из Сиракуз, честолюбивый и тщеславный человек, известный своими чудачествами и, возможно, манией величия. Многие в Греции знали, что Менекрыт, сам по себе хороший лекарь, вдруг возомнил себя богом и по этой причине исполнился великой гордыни. Он требовал от больных, которых лечил, и от всех людей, с кем ему приходилось встречаться, называть его не иначе как Зевсом Целителем, и чтобы они поклонялись ему. Потом стал одеваться соответствующим образом, в пурпурные ткани, представляя, что именно в такой одежде ходят по земле олимпийские боги. Менекрыт возлагал себе на голову золотую корону, в руке носил скипетр; не хватало ему только громов и молний, как у Зевса! На пальце врач носил кольцо с огромным изумрудом, считая его отражением долгой жизни, молодости и чистоты; причём своему изумруду Менекрыт приписывал таинственную силу исцеления недугов и дарования счастья. Несмотря на злые насмешки над ним, врач продолжал мнить себя Зевсом...

Два года назад Филипп стал царём. Менекрат написал ему письмо со словами: «Менекрат-Зевс желает Филиппу здравствовать!» Филипп не поленился ответить: «Филипп желает Менекрату воспользоваться поездкой в Антикиру, чтобы быть здоровым!». Молодой царь шутил – пожелал врачу отправиться в Антикиру, известную местность в Фокиде, где произрастала трава, излечивающая от душевных болезней. Понял намёк Менекрат или нет, но молчал он долго. И вдруг Антипатр недавно узнал, что врач просится ко двору Филиппа на должность главного царского лекаря. Не дождавшись приглашения, Менекрат прибыл в Пеллу, как оказалось, за несколько дней до свадьбы. Антипатру ничего не оставалось, как пригласить известного врача на царский пир.

Менекрата разместили за отдельным столом, в стороне от важных гостей, выделив отдельное ложе. Таким вниманием к своей особе он был доволен. Но перед ним не поставили ни блюда с едой, ни кувшин с вином. Ему подали чашу... для воскурений благовоний, словно богу в храме или «богочеловеку», а на блюдах были лишь восточные благовония и пряности. Когда остальные гости ели мясо и рыбу, запивая вином, слуги подносили Менекрату новые порции благовоний, нагоняя на него опaxалами приторно дурмящие ароматы. В его чашу наливали какие-то цветочные эссенции, заверяя Менекрата, что этот напиток – любимая богами на Олимпе амбросия. Менекрат, поначалу радовавшийся особому обращению с ним, заподозрил неладное: оглядывался на столы прочих гостей, по дразнящим запахам определяя их содержание. Когда сильно проголодался, занервничал, требуя от слуг, чтобы ему принесли настоящую еду и напитки. Услышав скандал, гости перемигивались и вскоре в открытую издевались над ним, отпуская колкости и шуточки. А Менекрат, осознав наконец, что его выставили посмешищем, вскочил, выкрикивая:

– Я тоже человек! Я тоже хочу кушать!

– А я думал, что ты – Зевс! – отозвался царь под дружный хохот участников пира.

Менекрату показалось, что обрушивается потолок трапезного зала. Разобиженный, он выскочил прочь из зала.

Час досуга

Наступило время долгожданного отдыха – акроама, когда перенасыщенные желудки уже не воспринимают чудовищную нагрузку. За дело взялись актёры и музыканты. Чтецы-агносты услаждали слух

стихами, развлекали театрализованными декламациями, пением, музыканты – музицированием, а фокусники, скоморохи и шуты ставили живые картинки из греческих трагедий. Нетрезвые актёры создавали невообразимый шум: во время их танцевальных движений гремели кроталоны – привязанные к ногам погремушки; на руках позванивали металлические бубенчики. Их выступления вызывали добродушный смех. Миртала смеялась, когда актёры смешно падали и кривлялись. Филипп сдерживался, зря не смеялся, но хлопал в ладоши, выкрикивая слова одобрения.

Особое настроение вызвали танцы. В Элладе на пирах танцы всегда уместны, хотя увлечение ими считалось признаком нескромности, а совместные танцы обоих полов не были приняты. На весёлых пирушках – пожалуйста, смотрите и веселитесь сколько угодно! В зал пригласили молодую танцовщицу, хрупкую, словно веточка ивы. Прозвучала мелодия в исполнении флейты, и женщина начала танец в медленном ритме. Её движения убыстрялись, стали энергичными, резкими. Ей подали сразу двенадцать обручей, с которыми она продолжала танцевать: держала в руках, подбрасывала по одному и несколько за раз, ловила в такт музыке. Принесли большой обруч, утыканный мечами остриями вовнутрь. Держали два человека. Танцовщица с разбегу прыгнула через обруч, вернулась и вновь выполнила опасный прыжок, вызвав у гостей бурный восторг. Она продолжала прыгать без страха и малейшего вреда для себя. Женщина выгибалась назад, изображая колесо, будто собиралась покатиться, и произвела такое движение – взад-вперед. За удивительное выступление по обычаю мужчины бросили к её ногам несколько колец и серебряный браслет.

Вслед за женщиной танцевал юноша, красивый малый. Его движения вовсе не походили на женские: во время танца ни одна часть его тела не оставалась в покое; шея, колени, руки – всё одновременно пульсировало и содрогалось, показывая отличную подготовку хорошо тренированного упорной гимнастикой тела. Следом, к огромному удовольствию участников пира, состоялись групповые танцы, отдельно юношей и девушек. В них присутствовали прямые и волнистые линии построения танцоров, параллельные и встречные движения, симметричные и иных ладов, вызвавшие повышение настроения всех, кто наблюдал это красочное зрелище.

Филиппу нравились зрелищные танцы ещё с Фив, он смотрел их в массовых праздничных шествиях. В отличие от македонских

воинственных танцев, способных запугать врагов или настроить охотников, отправляющихся за добычей, греческие танцы поражали ритмичностью и стройностью музыкального сопровождения, а выразительные движения танцоров не могли не привести в восхищение. И хотя в греческих танцах преобладало больше элементов гимнастики, но гимнастики ритмичной и музыкальной, исполнители всегда показывали грацию и силу Гермеса, Геракла, Поллукса, вступающего в кулачный бой. Движения их завораживали красотой и правильностью рисунка, а пластическая красота исполнения танцев способна была без слов выразить определённые чувства и мысли исполнителей.

Танцоров сменили жонглёры, затем – цирковые кудесники со своими нехитрыми фокусами. Неискушённые зрители были рады развлечениям. Они смеялись, одобрительно кричали и хлопали в ладоши. Заметив у Филиппа интерес к забаве, Миртала велела позвать Нектанаба – она заранее договорилась с ним, что он покажет своё чародейное искусство. Появился Нектанаб, в чёрном одеянии, смуглотелый, таинственный. Вынесли стол. Чародей вытащил из-за пазухи три круглые белые мисочки, три чёрных шарика – псефои – и спрятал под каждую мисочку по камешку. Все, кто был близко от него, это хорошо видели. Филипп подался вперёд с треносы, стараясь ничего не упустить. Халдей поднял одну мисочку – камешка не было; он оказался под другой мисочкой рядом с другим камешком. Нектанаб опустил и вновь приподнял вторую мисочку – теперь под ней оказались все три камешка, а под остальными – пусто! Потом показал подряд все мисочки, и на этот раз оказалось, что нигде нет камешков. Но вытащил он их уже из своего рта, положил в кулак – и следом камешки пропали и оттуда...

Нектанаб подошёл к ближайшему от него гостю и вынул один камешек у него из уха, другой – из головы соседа, у третьего – из плеча. Зрители радостно загалдели, восторгаясь невиданным искусством, одновременно недоумевая.

Филипп похвалил:

– Ты отличный псефопайктер, иллюзионист. Что ещё умеешь – покажи!

Нектанаб оголил свою руку, вытащил из кармана охотничий нож и... воткнул его чуть ли не на четверть себе в руку: кровь брызнула живой струёй. Было видно, как она текла по коже, капала на каменные плиты пола. Послышались крики ужаса, особенно со стороны, где сидели женщины. Нектанаб вытащил нож – лезвие его было окровавлено, а

свежая рана зияла. Помазал каким-то составом из своей бутылочки, и – о, чудо! – кровь мгновенно остановилась. Потом накрыл рану ладонью и снова убрал – на том месте не было видно даже шрама! Такого зрелища не видел до сих пор никто!

Нектанаб спокойно произнёс:

– Но это не всё, царь! Я покажу мёртвого гуся, который оживёт.

Пока Филипп соображал, что означали его слова, халдей кивнул слуге, с которым пришёл в зал. Слуга ушёл и вернулся с живым упитанным гусем. Нектанаб взял птицу в руки и единым движением ножа ... отрезал голову; бросил её, окровавленную, в угол, а самого гуся, обезглавленного и истекающего кровью, оставил лежать у стены. Зрители замерли, недоумевая, что же может дальше произойти... А халдей стал смотреть в упор на мёртвого гуся, бормоча какое-то заклинание, щёлкал пальцами... Вдруг гусь, без головы, поднялся и, неуклюже переваливаясь с лапы на лапу, зашагал к Нектанаву. Отрезанная голова его, брошенная на пол и до этого не подававшая признаков жизни, тоже поднялась и... отправилась гусю навстречу! Зрители замерли от удивления. Наступила тишина. Когда гусь и голова наконец сошлись и голова вновь приросла к своему месту, гусь радостно встрепенулся, загоготал что есть силы и, распахнув огромные крылья, полетел, увёртываясь от гоготающих не хуже гуся людей! Многие радовались, что с гусем обошлись хорошо, что он жив и здоров.

Филиппу понравилось выступление Нектанаба. Он громко объявил:

– Живи, халдей, у меня во дворце. Назначаю тебе плату, еду и одежду – будешь веселить меня и жену мою.

Нектанаб сдержанно кивнул, пробормотал слова благодарности:

– Спасибо, царь, я буду стараться быть полезным тебе и супруге твоей, – и ушёл, загадочный и мрачный, как и появился.

Гименей

Пелла погрузилась в глубокую ночь, лишь в окружении царского дворца неестественно царил день от зажжённых факелов. Македоняне, отмечавшие перед дворцом свадьбу своего царя, уже предельно пьяные и сытые, всё-таки не расходились – на столах оставалась ещё еда, а в объёмистых кувшинах булькало хмельное вино. В пиршественном зале участников заметно поубавилось – разъехались по

домам жёны гостей и те из мужчин, кто не рассчитал своих возможностей в употреблении крепких вин. Некоторым гостям приготовили спальные места в дворцовых помещениях. В первую очередь раскладывались депутации из греческих городов и персы с Мардохаем во главе.

Наиболее стойкие участники пира после небольшого перерыва продолжили застолье, постепенно превращавшееся в весёлую пирушку друзей. В разных концах зала раздавались паройны – застольные песни. Веселились, никто не скучал, и собирались так делать бесконечно долгое время. Филипп выпил немало, отвечая чашей на каждый тост или здравицу, не заботясь о своём состоянии, несмотря на предупреждение врача Критобула. Он знал свой организм, устойчивый к пирушкам, поэтому не обратил внимания на намёк верного Хабрия, что царю в эту ночь предстояло общение с супругой. А ведь опьянение чрезвычайно вредно для здоровья будущего ребёнка! Временами царь поворачивался к Миртале, спрашивая о настроении, вглядываясь сквозь накидку. Она давно устала и притихла, односложно отвечала и делала вид, что ей всё нравится. Терпеливо дожидалась момента, когда ей будет позволено уйти в супружескую спальню, где случится событие, на которое намекала Артемисия – воссоединение супругов...

Наконец Филипп подозревал Артемисию. Пора! Жрец подсказал царю, что он должен сопровождать молодую жену, а гости пусть продолжают пировать. Филипп встал, да вспомнил, что Антипатр обещал ему какой-то необыкновенный «десерт». Он шепнул Миртале:

– Ты жди в спальне. Я приду позже. – И остался...

* * *

Миртала почувствовала даже облегчение: она побудет одна, успокоится, подготовится к встрече с мужем. Вместе с ней свадьбу покинули остальные женщины, кто ещё оставался. Они окружили девушку, суматошно толкались и мешали друг другу, стараясь по пути дать свой «самый особый» совет по женской части. Шутили настолько откровенно, что лицо у Мирталы запылало жаром. Хор девушек, терпеливо ожидавший своего часа, запел нежными голосками свадебные поздравления – эпिताмы. У дверей супружеской спальни девушки в лёгких полупрозрачных хитонах подхватили гимн Гименею. Затем с чувством исполненного долга сопровождающие Мирталу разошлись.

Невеста осталась в спальне с Артемисией и служанкой, которая освободила её от всей одежды. От страшной усталости ей хотелось

кинуться на постель, забыться... Она оглядела помещение. Супружеская спальня представляла собой просторное помещение, где главное место принадлежало огромной кровати – клина, на низких столбиках из тёмного дерева, с глубокой рельефной резьбой. Древним видом она напомнила пребывание на ней предыдущих царских супружеских пар. Филипп пожелал сохранить её как символ преемственности, приказал лишь обновить фасад декором из пластин черепахового панциря и серебряных медальонов с изображениями из греческих мифов. В изголовье-эпиклитроне лежали две подушки, валиками. Тонкие льняные покрывала, украшенные коричневой каймой – меандром.

На низком столике для десерта приготовлено блюдо с трагематой – сладостями. Девушка обнаружила любимые миндальные орехи. Она почувствовала себя гораздо лучше, когда служанка раздела её. В углу виднелся небольшой плескательный бассейн, но Миртала взошла босыми ногами в широкий таз, подставляя тело под струи воды, благоухающие цветочными эссенциями. С каждой каплей, что проливались на неё из лутрофоров, обретала новое душевное состояние... Служанка, перед тем как уйти, умастила новобрачную ароматной мазью и надела на неё хитон, настолько лёгкий, что едва был осязаем.

Артемисия осталась с воспитанницей, желая укрепить её дух. Уложив девушку в постель, она ласково поглаживала её длинные шелковистые волосы, вспоминая, не забыла ли она сообщить девушке что-либо важное, что может пригодиться в первом свидании с супругом. Да вроде всё сказано...

Миртала думала о Филиппе, представляя в мыслях его появление рядом с собой. Тревожилась, сердце билось, словно пташка в клетке... Нельзя сказать, что девушка не была готова к преодолению таинственного рубежа. Недавно по приглашению Артемисии в имении Антипатра появилась финикийка Зарра, долго служившая жрицей в храме богини Астарты. Астарта у сирийцев и финикийцев – богиня любви и плодородия, сравнимая с греческой Афродитой, ей поклонялись многие греки по всему Средиземноморью. Зарра, пожилая женщина с пронзительными чёрными глазами на смуглом лице, начала с жертвоприношения кусочками благовоний, которые бросала в огонь. Тяжёлые ароматы окутали небольшую комнату, где происходила встреча, вместе с её словами они проникали в душу девушки, заставляя расслабиться и ни о чём плохом не думать...

Зарра говорила чудные слова, будто слияние тел мужчины и жен-

щины подобно соединению Неба и Земли: оно вызывает необыкновенное наслаждение, даёт облегчение телам.

– Прими мужа, как благодатный дождь принимает иссохшая от жары земля. Муж твой – царь, в руках его грозный скипетр, которого боятся все; его фаллос служит ему любовным скипетром, но страх не для тебя! Вообрази себя благоухающим цветком, а мужа – шмелем, большим и жужжащим: он потрудится над цветком, прежде чем сможет испить нектар. Если супруги устремятся к правильному соединению, их блаженство будет длиться вечно, подобно правильному соединению Неба и Земли.

Финикиянка говорила, а притихшая Миртала внимала её словам:

– Небо и Земля – разного рода силы, но сила Неба заключена в фаллосе мужчины, когда сила Земли заключена в женщине. Сила Неба спускается на Землю сверху, когда сила Земли поднимается снизу, и жизнетворное мужское семя попадает в женское лоно как в благодатную почву, землю, где затем вырастает растение, дерево, плод... Лono женщины уготовано богами для выращивания особого плода – дитяти, совместного ребёнка мужчины и женщины. Таков путь фаллоса к лону – он столь же естественный, как ручей, несущий свои воды вниз, чтобы попасть в лоно реки. Ты же не удивляешься, дитя моё, тому, как впадают ручьи в реки, а реки в моря?

Миртала растерянno кивнула головой. Жрица продолжала:

– Ты станешь женщиной в первую встречу с супругом. Думай о приятном, что ты в саду с цветущими деревьями, представляй их ароматы. Запомни себя и свои ощущения – для того, чтобы в последующие супружеские слияния ты могла каждый раз возрождаться в своих ощущениях. Не бойся проявления его страсти, но помни, что женщина в супружеской постели играет в любовном соединении главную роль. Представь кифару с семью струнами, – продолжала наставлять жрица. – Кифара – это женщина со своими чувствами! Прекрасная форма кифары есть тело молодой женщины – твоё тело. В руках опытного музыканта, каким является твой муж, ты издаёшь приятные звуки, доставляющие удовольствие ему. Поверь, чувствовать себя в крепких объятиях умелого в любовных играх мужа – мечта каждой женщины!

Миртала едва дышала, прислушиваясь к странным словам жрицы:

– Ты позволишь супругу обнимать твои обнажённые бедра, и он будет говорить о любви к тебе. Слова любви всегда приятны для ушей женщины. Муж твой будет осыпать твоё тело поцелуями – не бойся поцелуев, не сторонись ласк, потому что мужской поцелуй –

одна из самых важных частей соития. Когда мужчина целует женщину, а женщина ему отвечает, по воле Эроса наступает гармония духа. Ты вдруг почувствуешь, как фаллос готов проникнуть в лоно твоё, и ты примешь его с радостью, устранив свои страхи, раскроешься ему навстречу. Ты вскоре почувствуешь приближение восторга, затем следует оглушающий сознание всплеск чувств – отдайся их проявлению сполна... Это состояние – одно из особых божественных таинств, имеющих великую животворную ценность для женщины.

Вспоминая сейчас слова финикийской жрицы, Миртала представляла себе Филиппа, как он зайдёт к ней в спальню и... Но на дальнейшее мыслей не хватало. Она оглядела себя, на месте ли талисманы: жрица советовала надеть их в брачную ночь: ожерелье из серебряных бусинок, серьги с лёгкими обручами-подвесками, ручные и ножные браслеты из кручёной серебряной проволоки и пояс из тонких серебряных колечек. Они должны помочь ей справиться с любыми проблемами этой ночи...

Артемисия поняла, что ей пора уходить. Ушла, поцеловав воспитанницу в лоб. Оставшись одна, Миртала напряжённо вслушивалась в звуки, доносящиеся за стенами спальни. Филипп не шёл. Тревожное беспокойство каплями начало заполнять душу девушки, вытесняя праздник, который она ощущала с момента, когда переступила порог царского дворца в Пелле.

* * *

В ответе горящего фитиля лампадария внезапно показалась неясная тень – не со стороны двери, как могло быть, а совершенно ниоткуда...

– Кто здесь? – вскрикнула от страха Миртала, хотя понимала, что здесь никого не должно быть, она находится в безопасности.

– Это я, Нектанаб, госпожа, – девушка узнала хрипловатый голос халдея. Он появился перед ней, словно призрак. – Я принёс отвар из редких трав, собранных мной в оазисе египетской пустыни, как обещал накануне. Ты дашь его Филиппу, прежде чем он возляжет с тобой.

Халдей держал в руках небольшой сосуд. Миртала вдруг вспомнила сон и предсказание Нектанаба. Она удивилась собственному спокойствию, слушая халдея:

– Госпожа, я тебе говорил, что богу угодно посетить тебя этой ночью, и никто и ничто не помешает исполнению его воли. – Халдей говорил уверенно, будто действительно это были не его слова. – Зевс избрал тебя, и ты понесёшь в своей утробе сына от него. Не страшись

судьбы и не беспокойся. Ты дашь Филиппу мой отвар, и он быстро уснёт.

Халдей замолчал, поставил сосуд на стол рядом с десертом и исчез. Словно растворился в полусумраке спальни, оставив Мирталу в смятенном ожидании...

Дафния

Филипп, понимая, что свадебный ритуал очень важен и что его ожидает Миртала, на самом деле не предполагал надолго задерживаться в обществе друзей. Ему захотелось лишь глянуть на хорошеньких флейтисток, авлетрид, которых Антипатр припас напоследок. И всё! Тем более, в пиршественном зале остались только близкие друзья, самые выносливые его гости. Хотя вино поглощалось кувшинами, хмель никого не брал, все желали развлечений.

Появились авлетриды – шесть премилых юных созданий. Флейтистки в Греции были больше куртизанками, нежели музыкальными искусницами. Среди продажных женщин они числились элитой, поскольку не отдавались первому встречному за деньги, как обычные куртизанки. Несмотря на то что проституция считалась во все времена самым прибыльным ремеслом, авлетриды не торопились заводить любовников, рассчитывали на взаимную любовь. Они, как истинные жрицы любви и одновременно люди искусства, могли себе позволить создать свой собственный свободный и независимый от мужчин мир, куда не пускали никого из посторонних. Но в эротическом искусстве они преуспевали необыкновенно!

Сладострастными звуками плагиавлосов и авлосов (подобие свирели) и соблазнительными эротическими танцами авлетриды вызывали непреодолимую похоть у любого мужчины, который их видел и слышал, выпуская на волю самые низменные страсти. Но бывало и так, что на мужских пирушках авлетриды не были расположены к разврату, и тогда они действовали сообща с обычными куртизанками: авлетриды возбуждали мужчин своей игрой, а удовлетворять мужские страсти выпадало уже похотливым проституткам, жаждущим заработать.

Авлетриды начали игру на флейтах, мелодичными звуками тревожа мужские сердца. Музыка постепенно забирала воображение хмельных мужчин, настолько, что они прекратили трапезничать, охваченные экстазом завораживающих ритмов, и начали петь и танце-

вать, забыв о благопристойности в присутствии царя. Но самое интересное только начиналось, и упустить его Филипп не пожелал...

Антипатр вдруг поднялся и провозгласил, указав на молоденькую музыкантшу, гибкую, как виноградная лоза, с чёрными озорными глазами и острыми девичьими грудями:

– Вот Дафния. Она фракиянка, одарит своими прелестями того, кто не пожалеет заплатить за неё больше всех! Я объявляю торги!

Услышав призыв к торгу, а македоняне народ азартный, мужчины немедленно оставили свои ложа и, алчно пожирая глазами Дафнию, сгрудились вокруг, наперебой выкрикивая цену. Начали с десяти оболлов – стоимости упитанного барана. Вскоре желания охватили каждого участника настолько, что торги продолжились и цену вознесли в десять раз больше первоначальной – такую давали за коня! Её дал молодой военачальник Аттал, он прорвался сквозь заграждения конкурентов по торгу и отважился перебить последнюю назначенную сумму тимфайца Андромена, к неудовольствию последнего. Больше, чем Аттал, дать никто не рискнул, после чего Антипатр под смех и дружелюбное улюлюканье присутствующих взял авлетриду за руку и подтолкнул её к торжествующему Атталу.

Молоденькая флейтистка неожиданно выскользнула из его объятий и подскочила... к Кресфону, пожилому летописцу, продолжавшему неприметно сидеть за своим столиком, запечатлевая для истории уходящую царскую ночь. В торге он, понятно, не участвовал – не было средств, да и возраст не позволял, но временами он громко возмущался, искренне негодуя, что мужчине за любовь приходится платить. Дафния под общий смех, ласкаясь и прижимаясь к нему, приставала к Кресфону, обещая неземные ласки в обмен на его выкуп. Летописец, достаточно пьяный от усердия в сражении с полным кувшином вина, продолжал упорствовать, с серьёзным видом отвергая её просьбы купить её любовь.

Неожиданно девушка опустилась перед ним на колени, умоляя любить её бесплатно, обнимала ноги и делала вид, что рыдает от обиды, отвергаемая. Неожиданное развлечение привлекло внимание остальных гостей, все здорово развеселились и затребовали, чтобы Антипатр продолжил торг за прекрасную Дафнию, но уже с участием Кресфонта. Авлетрида, оставаясь рядом с летописцем, запела под аккомпанемент подруг, ласкалась к нему и танцевала, своим видом призывая к эротическим играм.

Смех вокруг разгорался, а усилия авлетриды не остались безре-

зультатными: Кресфонт возбудился, и не на шутку. Он бросился к Антипатру с требованием продолжения торга, так как он хочет купить любовь флейтистки, вкусьть счастья. Но Антипатр оставил победу за Атталом, несмотря на то что Кресфонт потом громко возмущался под смех присутствующих.

Филиппа эта картина развеселила. Он забыл обо всём, никуда не торопился. К тому же авлетриды заиграли мелодию, и Дафния примкнула к своим подругам. Гибкие тела в прозрачных накидках соблазнительно раскачивались в такт, зажигая и без того разгорячённых мужчин. Одурманивающий аромат благовоний, какими тела авлетрид были умащены, вместе с чадящими запахами горящих факелов и, конечно же, количеством выпитого вина затмевали разум. Издаваемые в танце сладострастные звуки, призывные движения флейтисток неизменно вызывали у мужчин эротическое настроение. Ловко балансируя руками, девушки вставали на кончики пальцев ног, слегка приседали, словно птицы в любовных играх, обнажали грудь, призывно поглядывая на почти обезумевших гостей. Музыка становилась громче и резче, движения девушек убыстрялись, и вдруг авлетриды неувлимыми движениями сбросили одежды полностью...

Надо ли говорить, сколько восторга вызвало это невинное танцевальное представление! Вместе с гостями радовался зрелищу и царь. По его лицу было видно, что Дафния ему нравилась, она выделялась из всех подруг изяществом движений и свежестью необыкновенно гибкого тела, природой уготованного для порочной любви. Наблюдавший за царем Аттал запросил у симпозиарха слова:

– Я осмелюсь предложить нашему царю и другу Филиппу ещё один подарок от меня.

Филипп улыбнулся, не понимая, к чему клонит Аттал. А тот продолжал:

– Филипп, прими от меня в дар красавицу Дафнию! Пусть она подарит тебе свою необыкновенную любовь!

Его слова прозвучали для Филиппа неожиданно, да и для его друзей тоже. Аттал всегда отличался неординарными поступками, за что ему везло в бою. И сейчас – такое! Но по лицу Филиппа было видно, что неожиданным подарком он доволен. Собирался ли воспользоваться – другое дело! Улыбка не сходила с его лица, он понимал, что слова Аттала можно обратить в шутку – ведь в спальне его ожидает молодая супруга. Но Филипп принял условия дружеской игры, поблагодарил Аттала. Под аплодисменты и весёлые выкрики гостей Дафния упорхнула из круга

подруг, подскочила к царю, прильнула трепещущим телом. Кровь у Филиппа взбунтовалась, хмель ударил в голову. Он обнял авлетриду и жадно впился губами в её пухлые розовые губы. Раздался одобрителный гул голосов, смех и аплодисменты. Филипп, не устояв перед соблазном продолжить весёлую игру, в обнимку с Дафнией покинул зал.

Гости сделали вид, что не заметили исчезновения царя, и, чтобы занять их внимание, Сфенипп объявил начало каллипиги – другого интересного занятия для мужчин. Это был выбор первой красавицы среди авлетрид. Такие состязания в красоте проводились в Греции довольно часто, когда на мужских пирушках присутствовали авлетриды или гетеры, непременные участницы дружеских застолий. Название конкурс получил от имени Каллипига, или «Прекраснозадая» – одно из многочисленных имён богини Афродиты, покровительницы продажных женщин свободной любви. Конкурс обычно проводился в конце пира, когда приглашённые женщины уже выполнили свою артистическую часть программы, а мужчины достаточно погрузились в хмель. Именно тогда наступала ответственная пора выбора самой красивой женщины, которой вручались подарки от восхищённых зрителей, ценителей женской красоты.

Судьями назначались несколько человек из участников пира, перед которыми женщины, полуобнажённые или вовсе без одеяний, демонстрировали свои тела, не забывая перебрасываться со зрителями весёлыми остротами. Победительница получала имя Перибасия («Раздвигающая ноги») – так называли Афродиту. Это имя куртизанка имела право носить целый год вместе с собственным именем.

Сегодня на царском пиру, по единогласному мнению, победительницей стала юная авлетрида из Арголиды, привлекательная эллинской красотой и грацией. На её голову водрузили серебряную диадему, вручив небольшую корзинку с монетами, кольцами и браслетами, что ведущий собрал «по кругу». Победительница имела право выбрать на ночь мужчину из присутствующих, чем не преминула воспользоваться. Девушка подошла к Антипатру и возлегла рядом на его ложе. Филипп застал этот момент, когда вернулся с Дафнией, и порадовался за друга. Счастливая общением с царём, Дафния присоединилась к подружкам, с ними она продолжила игру на флейте и свои разгульные танцы. Вскоре мужчины переключили внимание на другое развлечение – застольные игры и петушиные сражения, без которых не проходила ни одна пирушка. Мужчинам стало не до весёлых женщин!

Свадебная ночь

Миртала томилась в ожидании Филиппа. Хотела позвать Артемисию, которая, конечно, была где-то рядом, не спала. Задержала взгляд на таинственном сосуде, оставленном Нектанабом на столике. На бронзовых боках поблёскивали искорки от пламени масляной лампы, словно светлячки в летней ночи. Сосуд притягивал девушку непредсказуемостью содержимого. Миртала поддалась искушению испробовать на вкус... Сделает один небольшой глоточек. Взяла сосуд – внутри колыхнулась тяжёлая жидкость. Кровь стучала в висках, хаос мыслей захлестнул девушку: «Неужели Зевс явится ко мне сегодня? Как это случится?»

Девушка вынула пробку, глухой звук ударил по нервам. Отлила жидкость в чашу. Поднесла к губам – запах приятный, незнакомый, неведомый... Задержала дыхание и... сделала глоток.

Напиток, напоминающий вино с благовониями, растёкся по языку, приятно обжёг горло... Необычный вкус неожиданно вызвал восторг. Голова закружилась, перед глазами заматались огненные круги, которые превращались в причудливые спирали... Мирталу резко потянуло в сон, она не стала сопротивляться явившемуся забвению, с лёгким стоном опустилась на постель...

* * *

До дверей спальни Филиппа провожали Антипатр и Сфенипп. Царя встретили девушки, уставшие от бессонной ночи и ожидания завершения обряда. Чистыми голосами они спели хвалу Гименею. Филипп бросил в их сторону горсть монет, которые ему вовремя сунул Антипатр. Махнул рукой, отпуская их, скрылся в дверном проеме. В отдыхе нуждались все – гости, паж и девушки из хора, и сам Филипп, до предела перегруженный впечатлениями собственной свадебной ночи...

В слабом свете притухших ночников Филипп обнаружил молодую жену спящей. Она лежала на спине, разметавшись на постели. Чувствуя вину, не стал будить, решив воспользоваться возможностью рассмотреть девушку, с которой свела его богиня судьбы Ананке. Цепким мужским глазом определил: она красива эллинской красотой – тело стройное, грудь – словно два плода граната с цветками. «Как у Дафнии!» – нехотая вспомнилась ему сладострастная авлерида. Лицо Мирталы почти угадывалось в полусвете спальни, и он нашёл его приятным...

Филипп сел на край постели. Только сейчас он почувствовал, что ноги его не держат и что он крепко пьян. Он удивился своему открытию, поскольку ему казалось, что он не так уж много выпил. Правда, вино замечательное – как откажешься от чаши-другой. Да и Сфенипп, строгий симпосиарх, никому не давал спуска, даже царю. Филипп улыбнулся и собрался прилечь, но обратил внимание на сосуд странной формы, какой он ещё не видел. Он стоял на десертном столике открытым – пробка лежала рядом. Наверно, какой-нибудь эликсир, очередной сюрприз Антипатра. Царь понюхал сосуд – пахнет изысканно; приложил к губам и сделал глоток...

На вкус – изумительно, но не вино и не настойка. Приятное тепло стало утяжелять тело, голову... Филипп успел разоблачиться и, теряя контроль над собой, свалился на постель рядом с Мирталой. Она заворочалась, вздохнула и, не просыпаясь, повернулась спиной к Филиппу. Рука Филиппа привычно скользнула по её груди, животу, бёдрам... Дальше был крепкий сон...

* * *

Миртала спала... и не спала. Осязала, слышала, видела: Он приблизился к ней и возлёт рядом. Не юноша и не старец... Во сне или наяву почувствовала, как его рука прикоснулась к девичьему лону... Услышала:

– Я желаю, чтобы ты зачала в утробе своей сына моего. Верь мне!

Неведомый ранее трепет, но не страх, потряс её тело. В тот же миг будто молния сверкнула, и низ живота загорелся жаром...

Миртала очнулась от сна; она продолжала чувствовать неприятные ощущения, но постепенно боль стала утихать и скоро совсем пропала. Она лежала, бездвигаясь, ещё некоторое время, думала – сон это был или явь. Увидела рядом Филиппа. Он держал руку на её бедре, крепко спал и храпел...

Глава четырнадцатая

МОЛОДОЖЁНЫ

Пробуждение

Наступило утро следующего дня, затем полдень. Во дворце началось движение, засуетились слуги, едва оправившиеся после свадебного пира. Гости царя – греки и македоняне – давно разошлись по своим домам, но были такие, кто с ночи остался во дворце. В правилах македонских царей предоставлять ночлег и приют, стол и кров близким товарищам, гетайрам как знак проявления искренней дружбы. Только Аристокитон, начальник охраны, да Антипатр с домоправителем Хейрисофосом не спали вообще, в беспокойстве и хлопотах провели несколько предутренних часов.

Из супружеской опочивальни не доносилось ни звука – новобрачные спали, и никто не осмеливался тревожить их.

Филипп открыл глаза, и первое, что увидел он напротив, – глаза цвета изумрудного камня. Миртала наблюдала за мужем, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь из прошедшей ночи. Она чувствовала, что с ней что-то произошло, это было внутри неё, но что именно – пока не осознавала, не могла понять. И главное, переступили ли они через ту самую грань, благодаря чему их можно теперь считать супругами?

Обнаружив, что Филипп проснулся, Миртала не отвела взгляда, продолжала рассматривать глубокую морщинку на переносице. Теперь она не сомневается, что он молод и красив, а морщинка лишь подчёркивает его мужественный облик. Если бы Мирталу сейчас спросили, как должен выглядеть бог, она бы показала на Филиппа.

А Филипп смотрел на Мирталу, ещё не осознавая, где он и с кем,

так трудно он возвращался из беспокойного сна в явь. Болела голова, все члены тела были тяжёлыми. Он постарался прогнать неприятные ощущения, и это удалось ему. Молодость брала своё, и постепенно тело наливалось силой, мысли обретали нужное направление. Филипп смотрел на супругу, посланную ему богами, которая должна родить ему наследника. Смотрел и наслаждался необыкновенной свежестью её солнечных волос, глубиной удивительных глаз. Он осознал, что это прекрасное тело принадлежит ему. Всецело... Сегодня она совсем не похожа на ту невесту, напряжённую и недоступную, с которой сидел он на своей свадьбе. Да она хороша собой!

Филипп коснулся ладонью лица девушки, нежно погладил. Рука прошла по гибкой шее, коснулась груди, податливого живота с вершинкой, где разместился обаятельный пупок. Под ним луг с шёлковой травкой, на котором ещё не пасся ни один бычок... Он забрал руку Мирталы в свою – пальцы показались ему ласковыми веточками ивы... Их губы соприкоснулись... Обнял её всю, прижался напряжённым, как боевой лук, телом... Она затрепетала, словно бабочка в тенетах паука...

Филипп зарывался лицом в копну обжигающих волос, целовал мягкие податливые губы, шею и маленькие уши и говорил, говорил, говорил какие-то слова, доступные мужчинам в подобные мгновения...

Как обезумевший от весеннего гона олень, настигший возлюбленную, Филипп с безудержной страстью обрушился на простёртое перед ним безвольное тело...

Миртала не понимала, что происходит с ней. Не было ничего похожего на мысли – только первородное чувство. Поцелуи Филиппа пронизывали тело насквозь, точно укусы растревоженного шмеля, зарождавая необычные ощущения, похожие на приятную боль... В нежной неистовости Филипп срывал губами бутоны набухших девичьих сосков, ловил прерывающееся дыхание, а она с каждым его движением таяла, словно сугроб от неожиданного дуновения тёплого ветерка, проваливаясь в Неизведанное... Губы к губам, тело к телу, страсть к страсти...

Мужчина и женщина слились в порыве как две реки, соединившие свои неистовые течения в совместном русле и с того мгновения выбравшие одно и то же направление. Сердца их бились испуганно, словно порывались покинуть свои возбуждённые страстью тела... И вдруг на исстрадавшуюся от жажды землю пролился благодатный дождь, щедрыми каплями оросивший девственное лоно...

* * *

День подходил к концу, а молодожёны не призывали слуг одеваться или подавать еду. Антипатр, Артемисия и все, кто имел отношение к царской чете, восприняли это хорошим знаком – значит, Филипп и Миртала во власти Эрота и Афродиты!

Но к вечеру царское окружение начало проявлять беспокойство, к тому же, изрядно проголодавшиеся вчерашние гости появились во дворце с желанием продолжить славное пиршество, поглядывая на заставленные яствами столы. Все обсуждали неожиданное явление в это время года – глубокой ночью, казалось, прямо над дворцовой крышей ярко всполохнула молния, следом прогремели громовые раскаты. Чудо, да и только!

Послали Артемисию, чтобы, ненароком хотя бы, провести молодых, узнать настроение супругов. Няня подошла к двери спальни, прислушалась, но ничего определённого не выяснила. Так ни с чем и отошла к гостям, объявить, как есть на самом деле.

Через время её вновь подослали к спальне, но результат был тот же. Тогда гости решили сесть за столы без виновников торжества, но с надеждой, что они присоединятся позже.

Ужин в мегароне затянулся до глубокой ночи, а Филипп и Миртала так и не появились. Антипатр, в заботах, что увлечение Эросом может подорвать силы молодожёнов, послал-таки к спальне царского повара с едой и напитками. Сам пошёл впереди; легонько постучал, прислушиваясь. Услышал:

– Кто?

Антипатр узнал недовольный голос царя:

– Поставьте блюдо на пороге и уходите.

Сообщение Антипатра гостям, что с молодожёнами всё в порядке, они продолжают наслаждаться друг другом, настроило гостей и придворных на хорошее настроение. Пир продолжился до следующего утра.

* * *

Молодые плескались в большой ванне, вода которой была сплошь покрыта лепестками роз. Почувствовав голод, они набросились на еду: варённую в пряных травах свинину, жареных куропаток, сыр и маслины. Филипп подливал Миртале ароматное сладкое вино, сам пил хиосское, крепкое. Потом угощали друг друга фруктами и сладостями. Вновь и вновь прикасались телами, ласкались, и с упоением любили, и были в восторге от новых ощущений узнавания. Говорили всякую

чушь, шептали и кричали слова, дозволенные молодому мужчине и молодой женщине в минуты неконтролируемого счастья... В эти мгновения им казалось, что так будет всегда, вечно, и они верили в это...

Когда плоть насытилась и успокоилась, Филипп вспомнил, что должен познакомить супругу с правилами поведения в новом для неё доме. Так требовал обычай:

– Каждая жена имеет обязанности перед своим мужем. Предки наши установили, что первым признаком счастливого брака является подчинение жены власти мужа. Между нами будет именно так. Без согласия моего ты не можешь распоряжаться имуществом в доме и даже своим приданым. Я буду давать тебе денег на расходы по дому и на тебя лично, но ты не посмеешь делать долгов, даже если б в этом имелась сильная надобность.

Миртала слушала Филиппа и удивлялась тому, что ей приятно соглашаться на свою покорность мужу. А Филипп продолжал наставлять:

– Ты обязана слушаться моих указаний, с радостью выполнять мои просьбы и поручения, доверяя мне. Ты теперь хозяйка в нашем общем доме, госпожа для слуг и рабов, и теперь твоя забота – разумно управлять тем, что тебе доверено. Поэтому не стремись без дела покидать дом, оставлять без присмотра слуг, давай им всем задания вовремя и спрашивай исполнение. Только так, добросовестно исполняя свои обязанности жены и хозяйки, будешь любима мною!

Говоря это, Филипп постарался придать голосу твёрдость и суровость, как должен был разговаривать муж с женой после свадьбы. Он сообщил Миртале об устройстве дворца и назначении помещений в нём, но предупредил, что владения женщины заканчиваются там, где начинается территория её мужа. Никто не должен видеть жену там, где не хочет этого муж, даже если она жена царя.

Олимпиада

Пока муж говорил, Миртала не произнесла ни слова: Артемисия предупреждала о подобном разговоре. Она отвечала, что будет послушной женой. Время придёт – освоится, познакомится с обстоятельствами и сумеет разобраться во всём. В тягость такому чудесному мужу она не покажется...

– Расскажи мне, что означает имя твоё – Миртала? – неожиданно спросил Филипп.

Миртала вспомнила, что говорила ей мать:

– Имя моё – от дерева мирты, красота которого и лечебные свойства сосредоточены в благоухающих листьях. Миртовые деревья вначале росли на Олимпе, а оттуда попали к людям по желанию Афродиты. С тех пор из миртовых ветвей греки плетут венки, которыми украшают головы атлетов и сотрапезников на пирах.

– А я слышал, что из листьев мирта лекари готовят чудодейственные мази, из ягод выжимают масло и делают вино. Но египетские женщины в торжественных шествиях плачут, неся в руках миртовые ветки. Выходит, мирта приносит печаль?

– Нет-нет, царь, мирта в Греции означает утешение в печали всем страждущим, охраняет мир и покой на земле. В миртовых ветвях заключена очистительная сила, значимая в свадебных торжествах как символ нерушимого брака, надежды на лучшее. Мирт, растущий в доме, приносит счастье. Моё имя ко многому меня обязывает!

Филипп пожал плечами.

– Я не против твоего имени: его выбрали твои родители по воле богов. Македоняне относятся к именам с особенной ответственностью. Я спросил тебя об этом, чтобы не случилось беды с нашим сыном, когда он родится. Меня тревожат твои слова, что миртовое дерево способствует печали...

Миртала улыбнулась, глянув на озабоченное лицо Филиппа.

– Тебе не нравится моё имя? Я поменяю его! Жена обязана повиноваться мужу, не так ли? – Миртала вдруг захлопала в ладоши. – О, я знаю, какое имя возьму – оно будет достойно жены македонского царя!

Филипп удивлённо поднял брови. Миртала привстала на постели и уверенно произнесла:

– Филипп, муж мой и царь! Мне говорили, что твои кони будут состязаться в Олимпии на Играх. В знак твоей будущей победы я оставляю в своём прошлом прежнее имя своё и принимаю новое имя – Олимпиада. Таков мой подарок тебе! Ты согласен, дорогой муж мой?

Она заглянула в глаза Филиппа и поняла, что уже в самом начале их супружеской жизни приняла первое правильное решение. В этот день, и ещё ночь, потом ещё полдня гости, друзья и слуги так и не увидели молодую царскую чету. Персидскому посольству пришлось довольствоваться общением с Антипатром и уехать восвояси...

Глава пятнадцатая

ЦАРСКИЕ БУДНИ

Через три дня после свадьбы молодой супруг совершил гамелию – брачное жертвоприношение домашним божкам-покровителям, кумирам, какое обычно устраивает глава семьи. Устроил званый ужин для родового сообщества – фратрии. Филипп объявил членам семьи, что фратрия пополнилась его супругой с именем Олимпиада. Во время ужина произошло снятие покрывала невесты – анакалиптерия, после чего она считалась замужней женщиной. Жрец исполнил обряд у очага, а Филипп подарил супруге кипарисовый ларец с золотыми монетами и ювелирными камнями. Блеск драгоценностей ослепил молодую супругу царя, она сияла от счастья – таких сокровищ она в руках ещё не держала. В придачу к ларцу супруг подарил смуглокожую рабыню по имени Клио, знающую секреты женской косметики.

А на улицах Пеллы появились глашатаи, громогласно сообщавшие народу, что в Македонии появилась царица Олимпиада.

Военный совет

С утра Филипп намеревался посетить родовые владения вблизи Пеллы, Олимпиаде обещал, что возьмёт с собой. Он хотел давно посетить места, связанные с детством, и вот выпал случай показать молодой жене родительское имение с садом, ухоженными полями и виноградником. Побродить среди древних оливковых деревьев, поздороваться с кипарисами и священными тополями. Филипп вдруг захотел провести время с молодой женой в блаженном покое, принадлежать ей, обладать ею, ощутить неведомое раньше чувство покоя и уединения. Предупредил Антипатра и Хейрисофоса, чтобы не беспокоили по пустякам.

Филипп уже собирался в дорогу, как его оповестили, что от Пармениона примчался гонец. Ознакомившись с депешей, Филипп вошёл в покои супруги.

– Дорогая, вынужден огорчить тебя, но я отменяю наше с тобой маленькое путешествие. Срочные дела. Приходится вернуться к войску, оставить Пеллу, а надолго ли – покажут обстоятельства.

Поцеловал погрузневшую супругу и решительно направился к выходу.

* * *

Антипатр с полководцами и военными советниками ожидали царя в мегароне. Разместившись на дубовых скамьях, негромко переговаривались. Увидев Филиппа, встали, приветствуя:

– Хайре, царь!

Филипп занял место на троне и начал с того, что зачитал сообщение Пармениона, краткое и обстоятельное, как обычно:

«Парменион приветствует царя Филиппа! Дарданы, пеоны, япиги, либурны и далматы и прочие племена мной замиренны, они больше не станут тревожить Македонию. Филипп, зайди с войском с востока, и мы покончим разом с мятежными иллирийцами и фракийцами. Сейчас самый удобный момент – Афинам сейчас не до Фракии, они воюют на Пелопоннесе, а Фракия без Афин не устоит перед Македонией. Не промедли, не упusti время! Будь здоров!».

Царь внимательно посмотрел на военачальников. Что скажет Пердикка, неудержимый в бою командир? А неразговорчивый командир Мелеагр, у которого бывает немало неожиданных предложений? Черноглазый Аттал, лихой военачальник и неудержимый в застолье, возможно, промолчит, чтобы не попасть впросак. Мудрый Кен и хитроватый Алкимах обязательно скажут что думают. Птолемей, сын Лага, властный, но думающий командир с сильной волей, обязательно придумает какую-нибудь военную хитрость, стратегему...

Никто не спешил с высказываниями, но Филипп быстро прервал молчание:

– Что решим, друзья? Полисперхонт, ты у нас самый мудрый – с тебя и начнём!

Не глядя на царя, поскольку знал, что будет говорить не совсем то, что от него ожидают, убелённый сединами командир конницы произнёс:

– Царь, наша армия не настолько сильна, чтобы начинать большую войну с Фракией. До этого мы сражались на фракийской земле

с греками, побеждали их, но потому, что имели дело с ополчениями их городов. У нас нет пока армии, способной успешно воевать, как это делает войско под командованием Пармениона, обновлённое и подготовленное. Мы продолжаем набирать свою армию из крестьян; они храбры, нет слов, но нужно время, чтобы обучить их сражаться. Нет, царь, ощутимых побед над фракийцами мы сейчас не добъёмся, но афинян раздражим, что очень опасно для Македонии!

Филипп ни одним мускулом на лице не выдал отношения к словам Полисперхонта. Он перевёл взгляд на Антипатра – что он скажет. Тот начал говорить чуть ли не с гневом:

– Что я слышу, Полисперхонт! Ты сомневаешься в храбрости наших воинов? Амфиполь мы взяли? Взяли! Где были Афины? Молчали и до сих пор не лезут к нам с вопросами, почему мы там оказались. Это говорит о том, что афиняне если не слабы, то не уверены сейчас в своих силах. В этом залог нашей победы во Фракии, Филипп.

Аттал и Пердикка дружно поддержали Антипатра, а Кен, Алкимах и другие командиры – Полисперхонта. От взаимных упрёков в кабинете становилось шумно. Почувствовав, что совет военачальников грозит превратиться в ссору, Филипп поднялся с места. Шум утих.

– Я уважаю Полисперхонта, принимаю его сомнения. Согласен с Антипатром и другими командирами, которые уверены, что Македонии пора уже не опасаться врагов. Действительно, наши воины достаточно храбры, у них мудрые военачальники, чтобы доказывать врагам свое превосходство, и мы это делаем пока на своём поле влияния – на севере Греции. После Амфиполя нам открылись торговые морские пути, но преградою продолжают быть Потидея, Анфемунт и Метона – города греков, зависимые от Афин.

Филипп сделал паузу и выжидательно посмотрел на собравшихся членов Совета. Ему было важно знать их отношение к нему как к стратегу. Было видно, что он подбирал нужные в этой ситуации, убедительные слова:

– Да, мы не будем начинать войну ни с Фракией, ни с Афинами, не будем рисковать жизнями соотечественников. Но мы их всё равно одолеем, иным способом....

Военачальники, удивлённые неожиданным оборотом, замерли.

– Мы их одолеем, – повторился Филипп, – но не македонскими мечами, а... золотом! Да, золотом! Где мышь не проскочит, там пройдёт осёл с мешками золота!

Послышались удивлённые голоса:

– Царь, у тебя есть столько золота? Его нет, чтобы собственную армию оснастить всем необходимым. Где взять его?

– Вы спрашиваете, где взять золото? – воодушевился Филипп. – Совсем недалеко от Македонии, на Пангее, есть рудники, где добывается золото. Его там много, запасы большие. Рудники нужно захватить, но быстро, чтобы Афины не узнали об этом раньше времени. Тогда афиняне не успеют помочь своим союзникам во Фракии. Вот решение проблемы. У кого из вас есть другие соображения?

Судя по лицам военачальников, никто возражать не собирался. Это порадовало Филиппа. Один только тимфайец Андромен высказался нерешительно:

– Но, Филипп, к Пангею идти сквозь земли сапейские, а сапеи – самое воинственное из фракийских племён. За ними медийцы. Для македонян поход за пангейским золотом не покажется прогулкой.

– А кто говорит, что война – прогулка или развлечение! – завёлся Филипп, гневно сближая брови к переносице. – Победы достаются ценою жизней и крови храбрецов, рядовых воинов и командиров. Но чтобы женщины проливали меньше слёз из-за гибели мужей и сыновей своих, – Филипп опять оглядел военачальников, – у меня есть к вам предложение.

Лица военачальников опять вытянулись, но они уже были готовы к любому решению своего неумного царя.

– Можно добиться меньших потерь наших воинов в боевых сражениях, если научить их военному искусству в тренировках и учебных походах, – веско проговорил Филипп. – Чем больше пота в учении, тем меньше потерь в бою. Вот почему, мои командиры, я объявляю с завтрашнего дня сбор для всех родов войск. Посмотрим, на что способен македонский воин. Только когда убедимся, что он может преодолевать трудности, гораздо большие, чем в предстоящих сражениях, и каждый из вас будет уверен в своих воинах, мы выступим к Пангею. Это я вам говорю, ваш царь. А сейчас я никого не задерживаю.

Никто не рискнул обсуждать решение царя, тем более возражать. По-дружески прощались и тихо вышли прочь.

* * *

Царь остался один, чтобы обдумать, что отвечать Пармениону. Он прав: во Фракии создалась удобная для Македонии ситуация – многовластие и борьба за престол. Фракийские князья поделили стра-

ну между собой, начались междоусобицы. Но это вовсе не означает, что нужно воевать с Фракией. Выгоднее предложить некоторым из князей свою дружбу, проще купить их поштучно. Главное – оставить Афины без поддержки фракийцев, а Фракию, соответственно, без помощи афинян.

Позвал секретаря Элния. Продиктовал несколько посланий влиятельным фракийским князьям, каждому – с обещаниями поддержки в борьбе за царский престол. Осталось написать письмо Пармениону. Элний быстро записывал:

«Филипп – Пармениону. Хайре! Вся Македония радуется твоим победам. Овладей Иллирией, а я поддержу тебя во Фракии. Будь здоров!»

Когда секретарь ушёл, Филипп вспомнил, что не видел молодую жену с самого утра. Он нашёл её в мегароне, где она играла с братом Александром. Филипп стал наблюдать за игрой, рассматривая мальчика. Ему исполнилось семь лет, но выглядел он младше, глаза большие, печальные. Филипп нашёл его личико приятным, даже красивым. Погладив мальчика по голове, сказал об этом Олимпиаде. Ей было приятно слышать, но игры не прервала. Каждый по очереди бросал свой орех по наклонной доске, стремясь попасть в кучку таких же орехов внизу – кто больше выбьет их оттуда, тот победил. Мальчик беззаботно смеялся: рядом лежала горка выигранных у сестры орехов. Олимпиада, будто оправдываясь, сказала:

– Раньше брату нравилось скакать на палочке как на лошадке, теперь подавай ему азартные игры. Мужчина растёт!

Она открыто улыбнулась Филиппу. Потянулась к нему всем телом, ожидая ласки. Отправив мальчика в свою комнату, супруги укрылись в спальне, отрешившись от всех реальностей мира...

* * *

Филипп привыкал к новому имени жены, всё чаще называл не Миртала, а «моя Олимпия». Ей нравился его низкий уверенный голос. В ответ она счастливо улыбалась, мило обнажая белые зубки. Он тоже не скрывал нежные чувства к ней. Однажды Филипп показал супруге потайное место в стене, где хранилась фискелла – коробка с важными документами семьи и некоторым количеством золотых и серебряных денег. Он разрешал, если случится нужда, пользоваться ими. В тот день она окончательно поверила, что будет счастлива в браке с Филиппом.

Золотая идея

Филипп не открыл военачальникам, кому принадлежала «пангейская идея». Незадолго до свадьбы это предложил Хабрий, неугомонный на выдумки, мудрый старый советник. В тот вечер царь призвал его, чтобы отвлечься полезными для ума историями, на которые был богат советник. На этот раз Хабрий неожиданно завёл разговор о другом:

– Царь, ты словно крестьянин, – начал он чуть ли не от дверей, – который каждый день убирает и выносит камни со своего поля, готовя его к пахоте и понимая, что тяжкие труды его обернутся хорошими урожаями. Из тех камней он может сложить гору. Судя по твоим делам, твоя гора должна быть очень высокой.

– Ты прав, Хабрий, я мечтаю о том времени, когда Македонии будут уважать во всей Элладе. Об этом мои заботы.

– Я восхищён твоим усердием, царь, и призываю Зевса тебе в помощь, чтобы у тебя всё получилось, что задумал.

Филиппу нравилось, когда Хабрий «забывал», что он не македонянин, и говорил о Македонии как о своём отечестве. Вот и сегодня слова советника лишний раз подтверждали безграничное доверие к нему царя. По лицу Филиппа Хабрий заметил, что тот пребывает в хорошем состоянии, с ним можно даже спорить. И он не ошибся.

– Ты прав, Хабрий, я мечтаю сделать Македонию сильным государством, но при условии, если народ поддержит мои намерения.

– Если правитель задумал вершить великие дела, главное для него – доверие собственного народа, – вставил советник. – А тот правитель заслуживает доверия народа, кто не обещает много, но делает много.

– Мой народ будет доволен своим царём, который готов на великие дела. Для этого мне нужны деньги, много денег. Если мы упустим своё время, время сработает против нас, против Македонии.

Хабрий будто ожидал такого разговора с царём:

– Если позволишь, я скажу, где взять достаточно денег. Золота и серебра.

Филипп не удивился. Хабрий иногда давал советы, казавшиеся неосуществимыми, слушать их было интересно и полезно. На этот раз царь решил отшутиться:

– Друг мой Хабрий! У персов есть замечательный обычай: когда придворный подаёт царю советы, он становится на золотую дощечку. Если совет одобряется, советчик получает её в награду. А если

совет не подходит царю, его бьют плетью по пяткам. – Филипп рассмеялся. – Ты волен говорить всё, что считаешь нужным. Но если ты спрашиваешь дозволения рассказать секрет, как разбогатеть, я внимательно слушаю тебя, и даже плети не обещаю.

– Послушай, царь, Афины сокрушили персов при Марафоне, Спарта вынуждена считаться с афинянами, и многие города Греции становятся союзниками афинян не по своей воле. А секрет в том, что у афинян всегда были и есть деньги, неиссякаемый источник которых истекает из Лаврионских серебряных рудников. Эсхил говорил, что Лаврион напоминает фонтан, изливающийся на каждого афинянина серебром, и это правда – доходы с рудника достигли такой величины, что на каждого афинянина приходится по двенадцать драхм в день, а на всех – сто талантов в год!

– Зачем ты отнимаешь у меня время, рассказывая о могуществе Афин? Или ты предлагаешь мне начать войну с Афинами за Лаврион? Отобрать рудники и самому заняться добычей? Разве не ясно, что Афины будут защищать свой «серебряный фонтан» до последнего воина, да и руды там осталось не так много!

– Нет надобности идти на Лаврион, мой царь. Рядом с Македонией есть Пангей, богатый серебром и золотом.

– Но ведь многие рудники принадлежат афинским колонистам, другие – фракийским князьям. Без большой драки никто не расстанется со своим добром.

– Афинам сейчас не до Пангея, а тебе это по силам!

Хабрий видел, как царь, слушая его, склонил голову набок, стал задумчиво поглаживать бороду.

Встреча с Пифием

После совета военачальников Филиппу неожиданно пришлось отвлечься от дел. Элний доложил, что некий житель Пеллы по имени Пифий, ветеран из воинов, недоволен царём. Об этом уже говорили на агоре. Будто от царя не получает никакой помощи и по этой причине ему трудно содержать троих дочерей. Так Пифий и говорит: «А зачем нам такой царь нужен!» Филипп, услышав доклад секретаря, вначале возмущился, потому что не знал никакого Пифия и тот к нему не обращался. Потом успокоился и велел устроить ему встречу с этим человеком, но не во дворце, а у него дома. Аристогитон из дворцовой охраны недоумевал:

– Царь, зачем тебе нужно идти к Пифию? Лучше я приведу его во дворец, пусть здесь говорит что хочет. Люди говорят, что он бывает не в себе, часто сердится не по делу и может совершить дурное дело или высказать неприятное для твоего слуха.

– Царю бояться своих македонян? – возмутился царь. – Пифий – часть моего народа. Если бы у меня болела часть тела, разве я бы не стал лечить ее, а велел отрезать? Нет, я хочу его увидеть, поговорить с ним. Сам пойду к нему в гости!

Сказал и велел только Аристогитону сопровождать к Пифию, дом которого легко указали горожане, он оказался почти на краю города. Царь, пока шёл быстрым шагом, успел устать. Пифий будто ожидал царя – не удивился его появлению, препроводил в комнату, усадил на почётное место, напротив двери. Предложил выпить своего вина, от чего Филипп не отказался. Выпили, помолчали. Царь первый приступил к разговору:

– Я слышал, Пифий, что ты недоволен своим царём. Но я не знаю, в чём моя вина перед тобой. Ведь мы даже не знакомы!

– Царь обязан знать о своём народе всю правду, независимо, знаком он с каждым человеком или нет. Тогда я скажу, что ты несправедлив по отношению к народу, поскольку не помогаешь бедным, которые умирают от голода в то время, когда ты устраиваешь себе богатую свадьбу.

В груди Филиппа вспыхнул гнев, но он сдержался, осознавая, что в доме бедняка слова царя окажутся невоспринятыми. Наконец он нашёлся:

– Дорогой Пифий, царь печётся о бедных и малоимущих, выделяя средства из казны. Но ты прав, не всех царь знает, даже тех, кому он больше всего нужен. Я вижу, ты нуждаешься, обещаю – помогу. Боевой ветеран заслуживает спокойную старость, а что касается дочерей твоих, то ищи женихов. Выдавай замуж. За мной – приданое каждой, слово царя!

Радости Пифия не было предела. Хозяин предложил гостю ещё выпить вина, а когда они расставались, обнимались крепко, как настоящие друзья. На обратном пути Филипп, возвращаясь памятью к разговору с Пифием, оценил для себя встречу полезной. Он понял истину, на которой недавно настаивал Хабрий: чтобы стать хорошим царём, нужно не только быть удачливым полководцем, но ещё угождать народу. А иначе зачем такой царь, как говорит Пифий! Ведь одним доходчивым словом перед народом царь может достичь успехов больших, нежели законами или указами.

Учения

В полдень, наскоро попрощавшись с Олимпиадой, царь в сопровождении гиппархов, конного подразделения, направился за город, где на равнине собралось войско, готовое для проведения назначенных учений. Это место угадывалось издалека по клубам пыли – там двигались пехота, конница, обозы. Одни командиры отрабатывали с подразделениями строевые прохождения в колоннах, другие устремляли отряды на воображаемого противника. Слышались команды, ржанье возбуждённых коней, громкий стук мечей о щиты указывал на то, что здесь отрабатывались приёмы рукопашного боя. Конники устремились к ближайшим холмам, где их ожидала засада из лучников-акроболитов.

К царю приблизились на конях Лахар, Канон и Алкимах, приветствовали возгласами:

– Хайре, Филипп!

Выслушали его замечания и вновь вернулись к отрядам. Молодые военачальники, возбуждённые необычной обстановкой, находились в прекрасном расположении духа, настроением показывая готовность к схватке с любым врагом. Пусть только царь укажет на врага! Пожилые командиры держались более сдержанно.

Задачу войску на сегодня царь поставил не из лёгких. Пехотинцам-гоплитам предстояло пройти сто тридцать стадий в полном вооружении, и сверх того провиант и походная утварь. На себе нужно было унести палатки, котлы для варки и каменные жернова – для помола зерна, также осадные канаты и лестницы. Назавтра и в остальные дни учений намечено проходить не менее двухсот стадий за день! Желая проверить воинов на выносливость, царь приказал оставить обоз – это средоточие тягловых волов, ослов и мулов, нагруженных армейским скарбом и оружием.

В конце дня царь не отпустил воинов по домам, приказал ночевать лагерем. Сам же собрал командиров в большой походной палатке. Было тесновато, но это никого не смущало. В воздухе витало неуловимое настроение здорового соперничества, какое бывает только между близкими друзьями или людьми, одержимыми одной сумасшедшей идеей. Военачальники оживлённо переговаривались, делясь впечатлениями уходящего дня, подшучивали и задавались друг перед другом – у кого лучшие воины.

Царь был в центре внимания военачальников, он чувствовал их

настроение, и это придавало ему уверенности для дальнейших решительных шагов. Предполагали, что Филипп подведёт итог за сегодня, отметит недостатки одних, похвалит других. Но он начал неожиданно:

– Я отстраняю от командования Докима!

Среди военачальников послышался удивлённый ропот. Все смотрели в сторону тучного человека с тёмным от загара лицом. Всклокоченные волосы, казалось, поднялись у него на голове, да так и замерли. Доким из италийского Тороса служил у Филиппа по найму командиром конницы, агемы. Судя по удивлённому лицу, он не понимал, что происходит. Филипп спокойно пояснил:

– Я посетил армейский обоз, где увидел мраморную ванну, погруженную в колесницу. Спросил слугу, чья она, зачем в обозе. Услышал: Доким пользуется ванной во время походов. Ему греют воду, и он моется.

Филипп, грозно сдвинув брови, едва не задохнулся в яростном крике:

– Доким, твоё стремление к чистоте тела – похвально! Но ты, как мне кажется, совсем не знаешь обычаев македонян, у которых и роженица не омывается тёплой водой! Ты портишь моих солдат, Доким! Уйди прочь с глаз моих!

Наступила пронзительная тишина. Опустив голову, Доким вышел. Но военачальников ожидал ещё один приказ царя:

– Разве это войско, где каждый пехотинец или конник тащит за собой армию рабов и прислуги? У македонян не будет больше обоза!

– Но, царь, как на войне обойтись без обоза? – не удержался Антипатр, он даже заволновался от неожиданного заявления царя. – Не понесёт же на себе воин походные припасы и оружие!

– В таком виде, какой он сейчас есть, обоза больше не будет! – решительно заявил Филипп. – Имея обоз за спиной, воин в сражении больше печётся о сохранности в нём своего добра, нежели о собственной храбрости. А если вдруг враг захватывает обоз – в войске сразу возникает паника – конец сражению!

В голосе Филиппа зазвучали жёсткие интонации, которых боялись командиры:

– Я приказываю сообщить по отрядам, чтобы каждый солдат впредь имел только одного носильщика – для переноски осадных верёвок и ручных зерновых мельниц. Остальное снаряжение пехотинец пусть носит на себе: свои доспехи, оружие и съестные припа-

сы из расчёта на тридцать дней. Всаднику разрешается иметь одного конюха.

Антипатр и другие командиры слушали Филиппа с мрачным видом, но они сразу поняли, что переубеждать его опасно.

– Я запрещаю пехотинцам использовать колесницы и разного рода приспособления для перевозки личного груза. Сколько он сам сможет нести – всё его!

– Царь, а почему воин должен нести припасы на тридцать дней? – спросил всё-таки Антипатр, озадаченный такими скорыми реформами.

– А ты, Антипатр, опытный командир, разве не догадываешься? Да потому что за этот срок наша армия обнаружит врага на его территории, разобьёт и воспользуется плодами своей достойной победы за счёт чужого обоза! В случае неудачи быстро вернётся домой, где голодными своих не оставят. Пусть наш воин несёт с собой больше оружия и отваги, нежели пшеницы и сыра!

Слова царя теперь показались настолько убедительными, что все согласились. А Филипп продолжал говорить о реформировании армии:

– Теперь я о другом, не менее важном для войны деле – заботе о раненых, неизбежной потере в сражениях. Мы совсем не умеем спасать их во время боя, оставляем умирать в мучениях и без надежды на жизнь; раны их воспаляются до смертельного конца, а увечья усугубляются при отсутствии своевременной помощи. Мы ожидаем окончания сражения, чтобы собрать тела убитых и вынести раненых воинов.

Прервав его, высказался горячий Птолемей:

– Так было всегда, Филипп! Порядок завели наши предки: противники договариваются о перемирии, чтобы вынести раненых и захоронить убитых.

– Ты прав, друг Птолемей, так было, но больше не будет. Впредь я приказываю, чтобы в каждом воинском отряде была составлена группа оказания помощи раненым воинам. Для этой цели отберите наиболее неустрашимых, сильных, ловких и проворных воинов, отличившихся в битвах. Пусть они следуют за своим отрядом во время сражения позади в ста шагах. Их обязанность – подбирать тяжелораненых и всадников, лишившихся коней и неспособных сражаться, заботиться о них, чтобы их не раздавили свои же или вражеские линии, чтобы не умерли от ран из-за отсутствия врачебной помощи. У каждого такого человека

должен быть в запасе быстрый конь, чтобы забирать с собой раненых. У них должна быть в запасе вода для подкрепления сил раненых и всякие фармаконы, чтобы наскоро лечить, пока ими не займутся войсковые врачи.

Командиры согласились с предложением царя, добавив, что эти люди должны получать награду за каждого, кому окажут помощь и передадут войсковым врачам. Во-первых, они будут рисковать своей жизнью и, во-вторых, за то, что спасают воина для своей армии. Филипп не возражал, но предупредил:

– Если враги побегут от наших воинов, люди этой команды не должны сами увлечься погоней. Их долг – помогать раненым и быстро подбирать брошенное оружие, отдавая своим командирам. За это они также пусть получают награду, в размерах соизмеримую с ценностью собранной военной добычи.

Филипп в этот день преподавал старшим товарищам, опытным военачальникам, не один урок, нисколько не смущаясь их боевым опытом. Он говорил о том, что познал, будучи заложником в Фивах, что перенял из историй, рассказанных ему знаменитым полководцем Эпаминондом. Он годами вынашивал всё в дерзновенных помыслах, мечтая о времени, когда сможет реализовать свои задумки. Разговаривая с гетайрами, Филипп пересказал советы своего наставника:

– Не считайте сильного противника сильным. У любой силы есть столько слабых сторон, и самая слабая из них – его сила. Это потому что он, уверенный в собственной несокрушимой силе, обычно недооценивает слабого, с его точки зрения, противника. И вот тогда можно выиграть сражение, если нанести ему удар не в слабое место, а с самой сильной стороны, где он вовсе не ожидает.

Бунт

Полевые учения нового ополчения из местных крестьян и охотников шли уже четыре дня, а на пятый Пелла узнала, что Филиппа с войском нет – ушли в сторону Стримона. А накануне с царём случилось неприятное событие...

Перед выступлением в поход Филипп в сопровождении шестёрки гвардейцев отправился к дому своего тренера Менегета, прославленного панкратиаста, борца, который проводил с ним атлетические занятия, когда царь был свободен. У дома Менегета имелась палестра, представлявшая собой прямоугольную площадку с песчаным покры-

тием. Рядом – водоём для омовения после усиленных упражнений.

К удивлению Филиппа, у палестры оказалось около полусотни вооружённых людей, судя по их виду, настроенных враждебно. Он узнал греческих воинов, которых не так давно нанимал в македонское войско. Македонские цари помимо набора в армию своих граждан всегда приглашали профессионалов из греческих городов. В основном наемников брали с Пелопоннеса: элидцев, аркадян и мессенцев. Прежде проблем с ними не возникало, а совсем недавно среди греческих воинов было замечено недовольство – то ли размером денежного содержания, то ли отношением к ним местных жителей: в Македонии греков недолюбливали. Царь знал об этом, но считал, что время и обстоятельства скоро всё вылечат...

Не обращая внимания на уговоры Менегета, вместо приветствий воины выкрикивали угрозы. Единственное, что понял царь, это что он задолжал им жалование. Шум увеличился, слышались угрозы. Гвардейцы взялись за мечи, но Филипп, понимая, что силы неравные, запретил применять оружие. Велел ничего не предпринимать. Он крикнул наёмникам:

– Если у воинов царя Македонии есть проблемы, приходите к нему во дворец, и царь обсудит их вместе с вами.

Говоря это, Филипп делал вид, будто не замечает агрессии; прошёл сквозь толпу в палестру, где, как ни в чем не бывало, начал делать гимнастические упражнения. Разогревшись, велел Менегету заняться с ним борьбой. Возмутители спокойствия были обескуражены его поведением, хотя продолжали кричать и тесниться у палестры. Но по их лицам Филипп понял, что они растеряны и не знают, как поступать дальше. А царь, обнажённый и потный, продолжал заниматься, понимая, что если сейчас он ничего не предпримет, может случиться плохое.

Разгорячённый борьбой, он неожиданно оставил тренера и подошёл совсем близко к наёмникам. Показал на себя:

– Воины мои, неужели я похож на человека, у которого много денег и он не желает с ними расстаться? Неужели вы верите, что я отказываюсь выплачивать положенное вам жалование? Но я действительно не могу полностью исполнить свой долг перед вами, потому что царская сокровищница сейчас скудна.

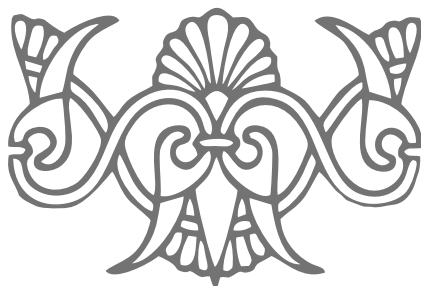
В толпе вновь слышались раздражённые голоса, но царь перекричал всех:

– Друзья мои, позвольте мне сегодня закончить свою тренировку,

повалить на землю вот этого гиганта, – он показал на Менегета. – А завтра мы с вами уходим туда, где есть много золота. Его хватит на всех! Неужели вы хотите помешать мне исполнить своё обещание, данное вам?

Наёмники умолкли, некоторые засмеялись, кто-то захлопал в ладоши. Воспользовавшись замешательством, Филипп прекратил занятия и, как был обнажённый, снова прошёл сквозь толпу к водоёму, куда бросился с головой. Плавал долго, шумно расплёскивая вокруг брызги. Нырять, пребывая в глубине значительное время, потом появлялся на поверхности, вскрикивая от восторга, вызывая одобрение воинов. Они снова любили македонского царя. Заметив, что большинство наёмников успокоились и по одному стали расходиться, царь вышел из воды. Никто не догадывался, насколько утращён был Филипп в тот момент.

Вернувшись во дворец, царь со смехом рассказывал Антипатру, как ловко он провёл бунтовщиков. Но велел выявить зачинщиков и всех убить – тайно...

Глава шестнадцатая

ЗОЛОТО

Дорога на Пангей

Македонское войско во главе с Филиппом пересекло горный кряж, откуда начиналась покрытая непроходимыми лесами область Орбелия – гиблое место, изрезанное глубокими ущельями и каменными россыпями на крутых склонах. По пути попадались небольшие поселения, судя по ещё тёплым очагам и остаткам свежей еды, только что оставленные жителями. Так было, пока царь не приказал собрать в большом количестве собак, обученных охоте в горах, и выпустить на поиски местных жителей. Воинам объявили, что начинается настоящая охота на орбелийцев, поскольку они – варвары, годные лишь для обращения в рабов. Наученные искать дикого зверя, собаки легко отыскивали людей – совсем не воинов, а обычных пастухов и охотников. Их находили в потайных пещерах и лесных дебрях, связывали попарно и отправляли в Македонию для использования в рудоносных копах.

Пока шли по враждебной территории, царь приказал не разорять поселения и не отбирать лишнего продовольствия, а, наоборот, принимать меры от разграбления, оставляя свою охрану, наказывать мародёров. Не стоит уничтожать того, чем можем сами воспользоваться при возвращении в Македонию, говорил Филипп. Не разрешал он сразу употреблять обнаруженное в хранилищах вино и еду; предлагал давать его вначале пленным, чтобы убедиться, что не отравлено. Так поступали и с водой из колодцев. Филипп не рисковал воинами, запрещая передвижение по чужой территории ночью, за исключением случаев нападения на неприятеля врасплох. Когда македоняне проходили незнакомыми дорогами, царь предлагал командирам на-

ходить пастухов, узнавая от них верный путь войску. Причём узнавать сразу от нескольких пленных, чтобы перепроверить сказанное ими. Нередко Филипп лично расспрашивал пленного, когда нужно – через переводчика, не доверяя никому. Иногда применял допрос с пристрастием, хотя и в таком случае не предполагал верить пленным, заодно перебежчикам, считая всех изменниками своего отечества. Но он доверился пастуху, человеку огромного роста, с колтуном на голове от ветра, пота и грязи, одетому в козью шкуру. Пастух согласился указать короткий путь к Пангею за две золотые монеты.

Шли за ним следом нехожеными тропами, рядом с опасностями – по неосторожности можно было упасть в пропасть или оказаться погребёнными каменной осыпью. Когда встречались фракийские поселения, жители которого оказывали сопротивление, Филипп не упускал случая оттачивать боевое мастерство воинов, разрешал применять насилие. Лагерь для отдыха разрешал устраивать на возвышенной и недоступной для врага местности, организовав со всех сторон бдительную охрану. Своих воинов предупреждал, чтобы они не разбегались, если будет объявлена тревога, а, наоборот, устремлялись в сторону шума, крепко держа оружие в руках. Так царь в этом неожиданном походе реализовывал науку воевать с врагом, побеждая.

Ежедневно Филипп отправлял в Пеллу гонца с письмом к жене, кратко рассказывая о своих успехах, но обязательно спрашивал о здоровье, сообщал, что скучает и любит свою Олимпию.

Как и предполагал Филипп, появление македонян в пангейской местности оказалось совершенной неожиданностью не только для аборигенов, но и для Афин, Спарты и Фракии. К тому же войско Филиппа не встретило значимого сопротивления, поскольку греческие поселенцы увидели в Македонии защитника их интересов в противостоянии с фракийцами. Из Кренида, колонии фасосских греков, прислали делегатов с просьбой избавить от одрисского царя Керсоблепта, который обложил непосильной данью золотом. Взамен обещали признать Македонию союзником Кренида. Такой удобный повод Филипп упустить не мог: он немедленно выступил против отряда Керсоблепта. Нападение оказалось для фракийцев столь неожиданным, что они бежали за реку Нест, предоставив Македонии впредь распоряжаться плодородной долиной до Неста вместе с Кренидом.

Место, где расположился Кренид, настолько оказалось удобным и обустроенным, что Филипп поставил в городе военный гарнизон, якобы, для сбережения от фракийцев, а затем не пожелал отсюда

уходить. В короткое время коренные жители были изгнаны из города, их жилища и угодья стали занимать переселенцы из неблагоприятных областей Македонии. Филипп позволил новым хозяевам Кренида обрабатывать отобранные у греков земли и добывать золото в соседних горах, отчисляя «царскую долю» в казну. А поскольку город имел стратегический выход к морскому заливу, царь приказал возвести здесь мощную крепость, назвав Филипполем.

Македонское войско спешно продвигалось к Пангее. На пути оказался город Скаптесула, крупный центр золотодобычи. Здешние рудники приносили городу по восемьдесят талантов ежегодного дохода. Расставаться с таким богатством добровольно никто не желал, поэтому Скаптесула не собиралась покориться царю Филиппу. Он сделал вид, что отказался от намерений взять город силой, отвёл войско за пределы видимости с городских стен. Затем отправил к жителям депутацию с дарами и пожеланиями мирного сотрудничества. Скаптесульцы – народ мирный, доверчивый – пришли на собрание без оружия, как велели законы предков, слушали послание македонского царя со вниманием. Потом шумно спорили между собой, пытаясь определиться, насколько можно верить Филиппу и выгодное ли дело он предлагает. Пока они спорили, македонское войско вернулось и без особого труда овладело стенами, на которых не было ни одного защитника. На следующий день всех физически крепких жителей превратили в рабов. Остальных убили.

Филипп рассчитывал, что после Кренида и Скаптесулы запуганные жители остальных греческих поселений легко отдадутся под его власть. Но он ошибся. Греки, не доверяя теперь его обещаниям и клятвам, храбро дрались с македонянами, понимая, что отстаивают свою свободу. Но Филипп придумывал новые и новые уловки. Однажды во время упорного сражения с греческим ополчением небольшого города он понял, что победы ему не добиться. Тогда он предложил грекам перемирие – пора, мол, убрать тела убитых, чтобы воздать им соответствующие почести, и помочь раненым. Его слова соответствовали законам предков эллинов. Но не зря греки считали Филиппа царём полуварваров: когда греки, оставив оружие, занялись поиском своих убитых и раненых, македоняне занялись тем же – для виду. Но, убедившись, что войско противника потеряло бдительность, Филипп подал сигнал к бою, застав греков врасплох. Победа досталась македонянам, но ценой клятвопреступления их царя перед Зевсом. Зато путь к Пангею был открыт!

Хозяин золотой горы

В сопровождении Хабрия и Леонната царь верхом осматривал обрётённые рудники, счастливый подарок судьбы. На обширном пространстве – горы, равнины и низкие облысевшие холмы – зоркий глаз выхватывал странные чёрные точки, выглядевшие дырами на проеденной голодными мышами лепёшке. Сотни дыр, куда ни кинь взоры! При ближайшем рассмотрении они оказались норами в земле, представлявшими лазы для рудокопов: внутрь такой «норушки» мог пролезть разве что мальчик или очень худой человек! В глубину «норы» уходили до двух плектров (1 пл. = 30 м), и у каждой имелись свои страшные истории...

Смотритель Пангейских рудников Миронид, из местных греков, низкорослый толстячок с оттопыренными ушами, старательно излагал царю-победителю: норы – это большей частью штольни, выкопанные в этих местах сто или даже двести лет назад – кто их знает!

– Отсюда, наверно, можно к Аиду в гости попасть? – мрачно пошутил Филипп. Миронид растерянно пожал плечами, не зная, насколько серьёзен его вопрос. Но он был окончательно потрясён, когда царь пожелал лично ознакомиться с процессом добычи и переработки ценной руды. Для начала – о, ужас – он захотел проникнуть в штольню, рядом с которой они остановились.

В этот момент Филипп увидел, как из штольни выходили, будто тени из Аида, рудокопы. Это были рабы, они несли на измождённых спинах рогожные мешки с породой. Они мало походили на живых людей, по всему телу кровавые подтеки и ссадины. Рабы трудно дышали, нутужно кашляли и сплёвывали чёрные комья, стараясь не уронить тяжёлую поклажу. Поодаль от входа они ссыпали свою тяжкую ношу в кучу, а оттуда другие рабы грузили породу в плетёные корзины, закреплённые на безучастных мулах. Отсюда начинался следующий этап в горнорудном процессе: подвоз руды на сортировку. А рудокопы, будто обречённые на гибель рыбы, глотнув свежего воздуха, опять сгнули в темноте горного лаза...

Филипп неожиданно заявил, что намерен направиться вслед за рудокопами, чтобы посмотреть, как добывается золото. Леоннат, не задумываясь, сказал, что не оставит его, последует за ним, но царь отшутился:

– Одному в такой щели будет проще выкрутиться, – сказал и решительно полез в штольню. Смотритель из-за несоразмерности соб-

ственного тела с отверстием лаза даже не пытался предложить своё сопровождение. Крайне испуганный, он остался наверху в ожидании результатов царской инспекции.

Размер прохода составлял немного больше половины роста Филиппа. По этой причине ему пришлось продвигаться с великой осторожностью. Неловко сгибаясь, он то и дело цеплялся широкими плечами за рваные выступы скалы или болезненно задевал головой каменный свод. Царь медленно продвигался, ориентируясь по робко мерцающему впереди огоньку светильника. Филипп прошёл по штольне всего лишь пару десятков шагов, как у него начало перехватывать дыхание: спёртый воздух показался ему непотребным...

В сторону пошло ответвление, в глубине которого царь заметил человека, слабо освещённого мигающим огоньком. Человек лежал на боку и долбил стену киркой; рядом лежали зубило и молоток. Дальше лезть Филиппу расхотелось. Глухие удары неприятно отзывались в голове. Ему почудилось, что он действительно заглянул в мрачный Аид...

С трудом развернувшись в штольне, царь теперь пробирался к дневному свету. Оказавшись снаружи и отдышавшись, он некоторое время молчал, лишь сопел. Затем с угрожающим видом спросил у Миронида:

– Чем ты их кормишь?

– Как обычно кормят рабов, царь, – утром хлеб, варево из репы и пшена, горсть маслин. Вечером маслины, хлеб, каша из чечевицы, кувшин вина на десятерых. Мясо даём один раз в десять дней.

– И ты хочешь, чтобы рабы хорошо работали? – царь с угрозой посмотрел на испуганного грека. – Запомни, грек, Македонии нужно золото, много золота! Добывать его должны сильные, здоровые рудокопы, а не ходячие мертвецы. – Филипп ткнул Миронида пальцем в грудь. – Распорядись, чтобы с этого дня моих рабов кормили сытно и вкусно. Сам буду проверять! Запомнил? Если не исполнишь, отправлю в компанию с рабами!

Царь вскочил на коня, которого направил в направлении громоздких конструкций, замеченных на фоне сумрачного неба. Сооружение оказалось особой мельницей, способной перемалывать крепкие камни, словно пшеничные зёрна. Со всего Пангея с полными корзинами сюда тянулись вереницы мулов; порода сваливалась в большую кучу, откуда рабы, которых было здесь не меньше сотни, засыпали её в огромную воронку. Внизу с неприятным скрежетом – так, что сотряса-

лась земля – медленно прокручивались жернова, приводимые в движение тягловыми волами. Царь понаблюдал, как из нижнего отверстия высыпалась серая струйка – помол, который скоро окажется золотом в его казне. После сортировки размельчённая масса просеивалась через крупные сита, следом сквозь меньшие ячейки и затем промывалась проточной водой, которая подавалась по керамическим трубам из ручья. Таким образом руда превращалась в обогащённые остатки, которых с нетерпением ожидало жаркое жерло плавильной печи.

Печь находилась поодаль от мельницы. С виду это был холм, выложенный камнем и присыпанный землёй – от пожара. Внизу – золотоплавильное помещение. Когда царь зашёл туда, чувствовался невыносимый жар – подходило время разлива драгоценного металла. Рабам приходилось, соблюдая процесс расплава, часто подкладывать дрова. За каменной стеной находилась камера, откуда огромными мехами в печь подавался свежий воздух, усиливающий огонь. Полуголые рабы походили на тени, худые и немощные. Филипп, несмотря на жару, не мог оторваться от завораживающего зрелища, когда из отверстия пошла струя солнечной яркости. Сначала медленно, как бы нехотя, она показалась в лотке, потом, подгоняемая остальной массой, устремилась в подставленную форму. «Золото! Золото! Золото! – запело в голове Филиппа. – Золото Македонии! Моё золото!» Он оставался до тех пор, пока не забрал тяжёлый слиток, ещё горячий. С ним вышел наружу, на свежий воздух...

По дороге назад Филипп поделился мыслями с Леоннатом. Печь недостаточно вместительная. Нужно поставить другую, больших размеров. Размельчённую породу от мельницы грузят на выючных животных и везут к печи – потеря сил и времени! Нужно сблизить мельницу с печью...

Наутро царь без промедления принялся за дело, которым почти всю ночь была занята его голова. Поручил Мирониду доложить через месяц о том, что нужно сделать для увеличения добычи золота. Призвал Хабрия, у которого поинтересовался, чем следует заняться, чтобы на Пангеях развивалась золотодобыча.

– Мой царь, у афинян в Лаврионе в лучшие годы трудились до двадцати тысяч рабов. Работали в три смены, без перерывов, добывая руду днём и ночью. В Пангее, несмотря на богатые запасы ценной руды, рабов вдвое меньше – откуда взяться большому золоту?

Филипп живо обернулся к Леоннату, который появился позже Хабрия:

– Слышишь? Хабрий правильно подметил: рабов недостаточно! Приказываю впредь пленных не убивать и не ожидать выкупа, а направлять сюда, на работы, – царь глянул на зрителя, стоявшего с испуганным видом в ожидании худшего. – А тебе мой приказ – следить, чтобы работали, а не умирали! Золота у меня должно быть больше, чем у персидского царя! Иначе я не царь!

Опять обратился к Мирониду:

– Ответь мне, грек, если раб не может или не хочет работать, как его наказывают?

– О, царь, – с готовностью встрепенулся Миронид, – в каждой группе рудокопов имеется надсмотрщик из рабов. Он очень строг к другим рабам, иначе его заменят: нерадивых подгоняет бичом, за что получает лучшую еду и послабления. А если поднадзорные недодают руду, тогда наказывают бичом надсмотрщика или на несколько дней лишают его еды. Затем наказывают остальных рабов, на кого он укажет. Если кто пытается убежать и вовремя это пресекается, ему надевают кандалы на ноги. Если поймали беглого, лоб клеймят, как бычка.

– Это правильно, – согласился царь. – Но зря рабов лишают еды. Как может раб хорошо работать после наказания? Отменить!

Хабрий одобрительно кивнул головой, но при этом не преминул заметить:

– Содержание одного раба в рудничных работах обходится в два обола на день. А если ещё рабов покупать на рынке – прибавь ещё до трёх мин за каждого. Вот и выходит, царь, что содержание двадцати, а то и тридцати тысяч рудокопов обойдётся македонской казне в большую сумму. Они должны трудиться, а не умирать, как ты правильно заметил, царь!

– Вот-вот, – Филипп опять обратил грозный взор на зрителя. – За каждого мёртвого или беглого будешь отвечать лично передо мной!

У Миронида лицо стало меловым. Но царь, не обращая больше внимания на него, обратился к Хабрию:

– Кроме золота много ли серебра есть в горах Пангея?

– Да, царь, очень много, но в какой породе, какая часть – не ведаю. Надо выяснить. Но знаю, что афиняне с Лавриона получают чистое серебро, уже готовое для чеканки монет.

– Что означают твои слова – «чистое серебро»?

– Всё просто, царь. В руде, содержащей серебро, обязательно присутствует свинец, от которого надо избавиться. Он лишний. По

этой причине свинец отделяется нагреванием в пористых чашах из обожжённой глины. В них свинец превращается в глет, похожий на грязь, а серебро высвобождается и уже считается чистым или почти чистым, готовым к чеканке.

В этот и последующие дни царь Филипп представил себя главнокомандующим, но не армии с боевыми товарищами, командирами и рядовыми воинами, а горнорудного производства, огромного и сложного хозяйства. Он узнал, что в Пангее живут и трудятся тысячи рабов, есть наёмные рабочие и свободные мастеровые, и обо всех у него должна быть забота. Иначе нельзя себе представить Пангей, ведь его горы теперь – царское имущество. Филипп принял решение о реорганизации всей схемы добычи драгоценных металлов на Пангее. Помимо действующих старых копей, которые распорядился расширять и переустраивать, он организовывал новые, обещавшие увеличить выход золота и серебра в несколько раз. Немедленно поднялся спрос на специалистов рудного дела – рабов и наёмных ремесленников. Филипп нашёл выход: разрешил македонским воинам охоту... на фракийцев, иллирийцев и прочих варваров, чтобы затем покупать у них пленников. В армии поднялся боевой дух, у солдат появилось настроение совершенствовать военную выучку, азарт, чтобы получать хорошие деньги...

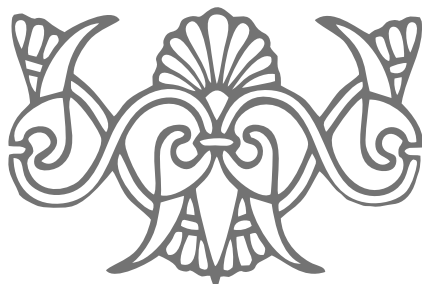
Ещё царь распорядился сдавать в аренду малопродуктивные небольшие и заброшенные копи всем желающим, но прежде всего македонянам. Неожиданно арендаторов набралось много: у македонян вдруг пробудилась жажда к обогащению, наживе и роскоши. Для казны царские новинки оказались невероятно выгодным предприятием: за год у Филиппа прибавилось золота на тысячу талантов (*напомним, 1 тал. = 26,2 кг*), благодаря чему упрочилось положение Македонии в греческом мире, многие с уважением заговорили о молодом царе македонян.

* * *

С Афинами Филипп продолжал заигрывать, но больше – хитрить, обещая мир в подвластных афинянам городах во Фракии. При этом успевал покупать себе приверженцев – пригодилось пангейское золото! Афиняне старались понять смысл его туманной политики, иногда предугадывали последствия коварных намерений, но от решительных действий против него пока воздерживались, так как сами прочно увязли в проблемах с союзническими городами в гегемонистской борьбе против Спарты на Пелопоннесе. Тем временем в

Афинах появлялись новые друзья Македонии, сторонники царя Филиппа – не безвозмездно.

В этой благоприятной для Македонии ситуации Филипп выступил против афинских владений на Халкидике. Он легко прибрал к рукам город Пидну, оказавшийся без поддержки Афин. Начал переговоры с Олинфом, главным союзником афинян во Фракии, пообещав олинфянам передать Анфемунт, а следом и Потидею, хотя их следовало ещё ему завоевать. Зная, что Афины ничем не могли ответить Филиппу, Олинф вступил в альянс с Македонией, пообещав не претендовать на Потидею. Вот когда Филиппу открылся доступ на фракийское побережье – от Пидны до Геллеспонта!

Глава семнадцатая

БЕРЕМЕННОСТЬ ЦАРИЦЫ

Вестник Зевса

Молодая царица отлично выспалась, поскольку тревожные сны её не посещали. Вокруг тишина, такая бывает зимой, когда внезапно стихает непогода: вчера разгулялся ветер с неприятным холодным дождём, и вдруг природа расщедрилась на солнышко.

Слегка заныло внизу живота – в последнее время у Олимпиады случалось подобное. Надо проследить на кухне, что для неё готовят... Она лежала, всецело отдаваясь покою...

Но долго нежиться в постели не удалось. В спальню решительно вторглась Артемисия. Торопливо семеня толстыми ногами, няня приблизилась к кровати, начала причитать, смешно всплёскивая руками:

– Домоправитель, повар, ключница и вся прислуга ждут от госпожи распоряжений на день, а она вылеживается, царица моя ненаглядная!

Олимпиада с помощью служанок привела себя в надлежащий вид – чтобы самой себе нравиться и окружающие не остались равнодушными. Принесли еду. У царицы за последнее время проявился неплохой аппетит – кушает с охотой! На этот раз повар постарался угодить мясом молочного телёнка, отваренного со специями. На десерт – жареный цыплёнок с гранатовой подливой, овечий сыр и, для аппетита, маринованные жирные маслины. Полакомилась любимым печеньем и сладким настоем из сушёных яблок и груш. Почувствовав приятное насыщение, заспешила в сад, куда попала через узкую дубовую дверь рядом со своей спальней.

В саду было безлюдно и тихо, в это время уже не было уборщиков и садовника, которые обычно здесь возятся с самого утра. Олимпи-

ада запретила служанкам себя сопровождать, сказала, что хочет побыть в уединении. Артемисия даже порадовалась редкой возможности самой побыть у зеркала.

Среди спящих деревьев было достаточно свежо, но не холодно. Шерстяная накидка согревала плечи и спину. Царица направилась к полюбившейся беседке по дорожке, выложенной замшелыми камнями. Каждый шаг отзывался лёгким шорохом мелкого щебня и песка... Вот старая груша, священное дерево Геры, в окружении коварного терновника. За беседкой – ива, грустно опустившая оголённые ветви. Олимпиада помнила, что бесплодные гречанки стелили супружеские ложа из ивовых ветвей, пытаясь привлечь добрых духов; зывали к богам с просьбами – и беременели.

Царица услышала за спиной тихие шаги, затем – вкрадчивый голос, который невозможно было не узнать:

– Госпожа, не бойся, я – Нектанаб.

Откуда халдей узнал, что царица в саду? Словно читая её мысли, он произнёс:

– Я могу оказаться везде, если знаю, что могу понадобиться своей госпоже.

– А я не звала тебя, Нектанаб, – отозвалась царица. – Сейчас я хочу побыть одна, оставь меня.

Сверху послышался шум крыльев. Ослепительно белый голубь резко спустился с высоты и неожиданно уместился на её плече, словно давно знал её как свою хозяйку. Птица принялась спокойно чистить пёрышки, вертела головкой, заглядывала в глаза и нежно ворковала, словно хотела сообщить Олимпиаде нечто важное. Она удивилась и испугалась, не знала, что предпринять – прогнать взявшуюся невесть откуда птицу или приласкать. А Нектанаб, увидев голубя, воздел руки к небу и радостно воскликнул:

– О, госпожа! Зевс подаёт тебе знак!

– Какой знак, халдей? О чём ты говоришь?

– Это вещий голубь, посланник Зевса, прилетел от Додонского оракула, что в Эпире.

– Тогда скажи, в чём его весть, халдей? – не замедлила спросить царица.

Нектанаб вдруг внимательно окинул взглядом фигуру Олимпиады, затем спросил почти шёпотом:

– Моя госпожа что-либо замечает такого за собой, что изменилось за последний месяц?

Царица вспыхнула лицом, готовая разгневаться. Но халдей настоял на своём вопросе:

– Мне понятно твоё смущение как женщины, но сейчас спрашивает не мужчина, а охранитель твой, слуга Зевса. Мне можно говорить всё, поэтому не пытайся скрыть истину.

Потупив глаза, она едва выдавила из себя:

– Кажется, последний раз я не замечала у себя месячных. Но зачем ты задал мне свой вопрос?

– Я хочу быть уверенным в том, что сейчас сообщил этот голубь. Теперь я уверен – в утробе своей ты понесла сына от бога. Радуйся, царица, избранница Зевса!

Олимпиаде показалось, будто земля уходит из-под ног. Справившись с волнением, она спросила:

– Но Филипп муж мой! Он был со мной в ночь после свадьбы! Он был мой, а я – его... – на глазах у неё появились слёзы. – Что скажешь, халдей? – чуть ли не крикнула она, закрыв лицо руками. – Нет, не верю тебе! Филипп – отец моего ребёнка!

– Моя госпожа, ты права лишь в том, что в лоне твоём смешалось семя мужа с семенем божьим. Но сына понесла ты от бога, потому что он не отказывается от своих намерений. Прошу тебя, не укоряй себя, не вини – такова воля Зевса.

– Если случилось так, как ты говоришь, халдей, на кого мой сын будет похож?

– Ни лица, ни волос, ни цвета глаз от Филиппа он не возьмёт, и характером будет отличен от него, в движениях стремителен, как разгорячённый схваткой лев. Но, к радости твоей и спокойствию, только ты и будешь видеть эти различия, потому что ты – родная мать. Филипп и никто другой никогда не обратит на это внимания, а если появятся сомнения, ни один человек не станет говорить об этом вслух.

Царица надолго задумалась. Нектанаб не проронил ни слова, пока она, видимо, успокоившись, не произнесла умиротворённо:

– У меня будет сын от Зевса.

– Да, моя госпожа, так и есть. Но тебе нужно быть осторожной в твоём положении, так как беременные женщины находятся в опасной близости от границы между миром земным и миром подземным. Ты можешь быть подвержена порче и сглазу тёмных сил, демонов, врагов, которых немало у Зевса. Я уберегу тебя от них.

– Тогда я буду послушна твоим советам, мой верный охранитель Нектанаб.

Царица впервые назвала халдея по имени, показывая готовность следовать за ним в такой необычной ситуации. Он понял её настроение и с благодарностью склонил голову.

– Моя госпожа, выслушай меня и постарайся следовать моим советам. Будь теперь осторожной в словах и действиях, пище, напитках и особенно в привычках... Отстраняй от себя неприятности и предметы безобразного вида – уродцев и отвратительных тварей, иначе их обличье может отразиться на внешности твоего ребёнка. По той же причине не смотри на покойников и не давай рисовать с себя портрет, иначе ребёнок умрёт в первый месяц после рождения... Не стриги волосы в последние месяцы беременности. Не вздумай что-либо зашивать или срезать, связывать или гнуть – иначе завяжется, зашьётся путь младенца в утробе твоей. Запрети также это самое дело в твоём присутствии слугам или родственникам... Не ругай прислугу и рабов, не кричи и не обижай животных. Но прежде, чтобы беременность твоя и роды прошли тебе и ребёнку не в тягость, призови богиню Астарту, по-вашему Афродиту, попроси покровительства твоей беременности.

– Это обязательно надо сделать, Нектанаб?

– Да, госпожа! Верь мне!

Халдей отступил за куст можжевельника и скрылся из виду. Царица заторопилась во дворец, где, сославшись на головную боль, до вечера оставалась одна в спальне. Позже допустила к себе только рабыню Клио.

* * *

Свою тайну, беременность, Олимпиада сохраняла недолго. Артемисия определила её состояние по дурному настроению, которое периодически накатывало на воспитанницу. И также по изменчивому аппетиту, который то пропадал вовсе, то проявлялся у неё в чрезмерном виде. Няня решительно пригласила старого врача Никомаха, оставленного Филиппом специально для наблюдения за женой. Он предложил царице выпить перед сном на голодный желудок меликрат – мёд, смешанный с молоком и вином.

– Если появятся колики в животе – ты беременна. Более верного способа я не знаю, – сказал Никомах и ушёл, важный от участия в таком ответственном деле.

Артемисия, как он наказывал, составила напиток, дала Олимпиаде. Всю ночь царица ощущала колики в животе, о чём сообщила няне. Теперь царице можно было поделиться радостью с мужем:

«Олимпиада – Филиппу: Хайре! Муж мой любимый, рада сообщить, что я беременна. Никомах подтвердил. Приезжай скорее – порадуемся вместе. Люблю тебя! Буду считать дни до твоего приезда. Будь здоров, муж мой, береги себя».

Отослали царского гонца. Артемисия потом ворчала по этому поводу:

– Не следует писать мужу о том, что ты его сильно любишь. Любящая женщина достойна лишь жалости мужчины; он быстро привыкает к её любви и тогда становится чужим для жены. Запомни, по мере того как растёт любовь жены к мужу, уменьшается её благоразумие.

– Но я действительно люблю Филиппа, к чему скрывать свои чувства? Пусть он знает об этом, я не скрываю. В ответ будет любить меня так же сильно. Нет, я всегда буду писать ему такие письма.

– Делай как считаешь нужным, дорогая, но помни мои слова!

Радость на двоих

От Пармениона, продолжавшего боевые действия в Иллирии, к царю, который находился на земле фракийских племён с другим войском, поступали обнадеживающие сведения. Старый полководец воёвал против племени бессов – воинов храбрых, не знавших до сих пор поражений ни от одного врага. Узнав, что бессы собрали значительные силы, намного превышающие македонские, Парменион применил стратегию: приказал освободить от вьюков ослов и мулов, без дела стоявших в обозе, и посадил на них всю обозную прислугу – возничих, погонщиков и носильщиков; дал им копыя в руки. Построил по отрядным илам. Для убедительности выставил в передние шеренги настоящих всадников из элиты – получилось подобие настоящей кавалерии! Увидев перед собой неожиданно огромное войско, враг дрогнул и, не вступая в сражение, обратился в бегство. Следуя за ними, Парменион без видимых усилий занял всю Иллирию.

Филиппу тоже сопутствовал успех, но бывали и обидные неудачи. Так случилось под Гераклеей, колонией греков на берегу Пропонтиды, имевшей стратегическое значение для тех, кто хотел хозяйствовать на этой земле. Здесь войско македонское встретилось с ожесточённым сопротивлением жителей Гераклеи, и Филипп, как ни бился над проблемой, не мог изменить нежелательный для себя ход событий. Осознав реальную ситуацию, он решил отступить от своего намерения, но сделать это достойно, не уронив чести македонян.

Пригодился совет Эпаминонда, который в подобных случаях предлагал действовать не напролом, а здравым смыслом. Главная трудность состояла в том, что при спешном отступлении пришлось бы бросать дорогостоящие осадные машины. А как разобрать и отвести их от стен осаждённого города, сделав это скрытно? Царь приказал разбирать громоздкую осадную технику тёмной ночью, при этом мастера специально громко шумели, кричали и стучали, будто возводили новые машины. По крайней мере, так показалось гераклеяцам. Всю ночь они с опаской прислушивались со своих стен, угадывая, какие сюрпризы на этот раз строит им Филипп. Приготовились к худшему. А наутро горожане сильно удивились, не увидев перед собой ненавистного врага!

Отдаляясь от Гераклеи в нерадостном настроении, Филипп принял гонца из Пеллы. Бегло прочитав письмо от жены, он закричал, переполошив охрану:

– У меня будет сын! У меня будет наследник!

Сбежались гетайры и командиры, воздух огласился радостными возгласами. Царя обнимали и целовали.

– Есть повод выпить! – распорядился он, забыв сразу все неудачи. Никто не возражал. Войско остановилось на марше. Пехотинцы и конники обрадовались неожиданной возможности перевести дух и выпить вина – подарок от счастливого царя. Царь приказал разбить просторную палатку. Пирושка продолжалась до утра, после чего, не отдыхая, Филипп оставил войско, чтобы с небольшой свитой отправиться в Пеллу, проведать царицу.

* * *

Он нашел супругу пополневшей, что придавало её фигуре подростка больше женственной красоты. Беременность развивалась своим чередом, к тому же она неплохо её переносила. Поэтому в постели изливала на мужа страсть, которую он не ожидал в её новом состоянии. Счастливая улыбка не сходила с лица Олимпиады, восторги преобладали в её сердце. Когда по ночам Филипп всецело принадлежал ей, она самозабвенно шептала:

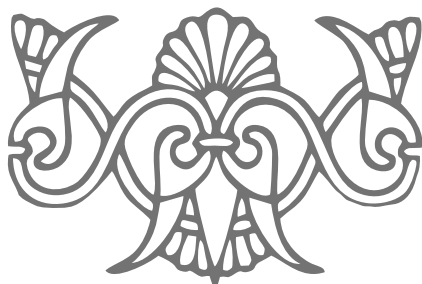
– Я люблю моего бога, моего Зевса! Люблю, люблю, люблю...

* * *

В Пелле Филипп пробыл недолго. Во-первых, мыслями и заботами он всё ещё оставался во Фракии. Во-вторых, отметив у себя естественное влечение к супруге, он неожиданно ощутил непонятное раздражение. Ему показалось, что когда он находился рядом с

Олимпиадой, её чары завораживали его, и тогда он принадлежал ей полностью, терял волю. А нужно ли это ему, царю и полководцу? Опасаясь запутаться в любовных сетях, Филипп интуитивно сопротивлялся необычному для него состоянию. Поэтому заторопился назад, на Пангей. Прощаясь, Олимпиада сразу почувствовала холодок, засквозивший в их отношениях, пожаловалась Артемисии. А няня заступилась за Филиппа:

– Моя дорогая, не следует женщине в твоём положении помогать-ся большой любви мужа! Сейчас главное для тебя – вынашивание здорового ребёнка. Родишь мужу сына – обретёшь сильную его любовь.

Глава восемнадцатая

ОЖИДАНИЕ

Плод

Филипп отсутствовал в Пелле почти полгода, пока македонскими мечами и пангейским золотом успешно реализовывал свои дерзкие территориальные планы. Он успел лишить Фракию государственной самостоятельности, расширив границы Македонии за счёт её плодородных земель, прирезанных к захваченным греческим городам-колониям. Богатые недра фракийских гор Филипп превратил в доходное царское предприятие. Жителям независимых городов с преимущественным греческим населением, расположенных на пути македонской экспансии, царь решительно предлагал присоединяться к союзу с Македонией на добровольной основе. В итоге для македонских кораблей открылись морские просторы, особенно после покорения Пидны и Пиэрии, имевших удобные природные гавани. Следующей жертвой в скрытой игре против господства Афин в Северной Греции оставалась крепость Потидея, отстроенная на узком перешейке полуострова Паллена греками-колонистами из Коринфа. Во время пелопоннесских войн она досталась афинянам.

* * *

Воспользовавшись затишьем в военных событиях, Филипп в месяце дистрос (февраль – март по македонскому календарю) снова появился в Пелле. Он с лёгким сердцем оставил армию на Пармениона, чтобы в столице с головой окунуться в задуманную им денежную реформу. Он ежедневно посещал супругу в её спальне, говорил ласковые слова, нежно обнимал и целовал, но подолгу не задерживался. Быстро исчезал, ссылаясь на срочные дела. До интимных отношений

у супругов не доходило, поскольку Филипп считался с присутствием третьего существа в их брачном союзе – ребёнка, которого вынашивала жена.

Царица заметно поправилась, округлилась лицом и формами, походка стала ещё женственней. На прежнюю девочку-подростка, которая, казалось, недавно появилась во дворце, она не походила. Чувствовала себя неплохо, тем более что за ней бдительно присматривали сразу два царских врача – Критобул и Никомах, постоянно ссорившихся из-за профессиональных выводов и рекомендаций супруге царя. Олимпиаде пришлось по вкусу совет Критобула перед сном играть на флейте, плагиавлосе, поскольку, как он говорил, в утробе матери дитя слышит приятное звучание. Олимпиада перед сном проводила время с флейтой, иногда забывая навестить своих любимцев – питонов. Её интересовало всё, что связано с сыном, которому предстояло скоро родиться – что родится сын, она знала лучше других. Он жил внутри неё, она ощущала странное и необычайное чувство обладания живым родным существом...

Артемисия постоянно находилась рядом, успокаивала, если воспитанницу что-либо тревожило, рассказывала разные случаи с беременными женщинами, которые заканчивалось замечательно. Олимпиада не волновалась о предстоящих родах, вела себя удивительно спокойно. По причине того, что царица знала о будущем сыне больше, чем кто-либо, на её лице часто блуждала загадочная улыбка...

Перед отъездом в армию царь, чтобы быть абсолютно уверенным – а сомнения его не оставляли, – поручил Никомаху выяснить, кого родит Олимпиада. Это было очень важно для него! С таким поручением старик явился к царице, побряхтел, переминаясь с ноги на ногу, не зная, с чего начать. Ему помогла повитуха Береника, которая появилась здесь немного ранее с тем же вопросом. Без обиняков сообщила о желании царя.

– Обычно, когда ожидают девочку, на лице женщины проявляются характерные пятна, – с важностью сказал Никомах. – У тебя их не замечаю. Хороший цвет лица – первый признак, что будет здоровый мальчик. Теперь посмотри на свои груди – они подняты вверх: это тоже говорит, что ты беременна мальчиком. При обвислых грудях рождается девочка. – Он обратился к Беренике. – Ты слегка пощупай живот у царицы: если чувствуешь плод справа – это показывает на мальчика, слева – на девочку. Вот по скольким признакам можно узнать, кто родится.

Береника, молчавшая до сих пор, не выдержала:

– Никомах, я знаю способ надёжнее, чем твой. Отвари баранью лопатку, сними всё мясо и поддержи лопатку над огнём, пока остатки мяса не обгорят. Затем нужно проткнуть прогоревшее тонкое место большим пальцем, сквозь дырку продеть верёвку, связать узлом и повесить кость над входом в дом. Если первым придёт посторонний мужчина – родится мальчик, если женщина – девочка.

Царский лекарь не реагировал на высказывание повитухи, давая понять, что он сказал всё, что нужно было. Не стал задерживаться среди женщин, поспешил выйти на мужскую половину дворца – здесь дышалось вольготнее. Никомах по причине трудного характера и со здоровыми людьми держался на расстоянии, а с женщинами, к тому же беременными, добровольно общаться не желал.

Никомах доложил царю результаты своего обследования молодой царицы. Обнадёжил, что родится сын. Оставив Филиппа пребывать в отличном настроении, врач ушёл, зажав в руке щедрый подарок – целую мину серебром.

Филипп не стал созывать друзей, чтобы устроить «мужские посиделки», как сделал бы в другой раз. Некогда! Он был невероятно занят своим новым делом – денежной реформой, намереваясь чеканить собственные монеты из чистого золота. До него ни один правитель в греческом мире не осмеливался на такой дерзкий шаг. И вот пришло его время. Месяц назад он обязал Хабрия подготовить соответствующие предложения, и сейчас советник должен явиться с докладом.

Профиль на аверсе

Хабрий пришёл не один, а с незнакомым царю человеком. Феофилакт из Сицилии служил ювелиром у тирана Сиракуз. По словам Хабрия, сицилиец считался большим мастером в изготовлении монетных чеканов. Филипп внимательно разглядывал мастерового: возраста немало, и, по изможденному лицу было заметно, не очень крепкого здоровья.

– Ты ювелир? Знаешь чеканное искусство? – царь позволил сесть обоим. – Твоё имя Феофилакт («Богом Хранимый»), а какой бог охраняет тебя и твоё ремесло?

– Гефест, царь, бог кузнецов и ювелиров. – Феофилакт отвечал без робости, не отводя глаз от Филиппа. – Родом я из Милета, где отец

был самым известным ювелиром, а мастерства своего он набирался от своего деда. На Сицилии я оказался, когда искал заработки.

– Это хорошо, Феофилакт, мне нужен такой ювелир. Хабрий тебе сообщил, что я желаю освоить производство золотых монет? Ты возьмёшься за это дело?

– Золото – мой любимый материал, работаю с ним много лет. Золото – это вечность, бессмертный металл. Ему можно доверять, хотя на первый взгляд оно холодное и безжизненное. Жаль, что ради него люди совершают убийства и предают своих близких.

– Вот видишь, ювелир, мы с тобой единомышленники – я тоже люблю этот металл, но за то, что из него можно изготовить ключик, которым открываются не только сердца людей, но и крепостные ворота городов моих врагов. Для меня золото – символ достижения невозможного. Ты помнишь легенду о золотом руне? Ясон снял его с древа жизни. Вот и мои золотые монеты вдохнут в Македонию новую жизнь. Без звона македонских мечей, без насилия, одним только ласкающим слух звоном мои золотые монеты тихо, неприметно завоюют доверие моих недругов. Я прав, Феофилакт?

– Царь, мне ли, простому человеку, возражать тебе!

– Вот и замечательно! Приступим к делу: у меня есть золото, у тебя, говорят, – золотые руки. Сделай мне этими руками золотую монету, достойную великого царя!

Говоря это, Филипп преобразился: казалось, он стал выше, больше, величественнее...

Феофилакт выложил на стол кожаный мешочек, откуда начал бережно выкладывать металлические предметы, приговаривая:

– Вот мои надёжные и послушные помощники: молоток и клещи, а вот верхний и нижний пуансоны, иначе штемпеля. Они нужны для оттиска изображения на лицевой стороне монеты – аверсе. На оборотной стороне, реверсе, обычно делают надписи. Ещё есть разнообразные резцы и небольшая наковальня: без неё – никуда. Все инструменты специальные и проверенные, из коринфской бронзы особого сплава.

Филипп с интересом разглядывал инструменты, затем прервал ювелира:

– Феофилакт, сможешь ты сделать монету из золота, которая будет приниматься во всей Греции наравне с афинскими и персидскими монетами? От этого ведь зависит и моё вознаграждение за труд твой.

– Твои золотые монеты, царь, могут остаться у тебя в хранилищах невостребованными только в случае, если греки не узнают на себе силу твою, авторитет твой. Слышал я, что в Греции тебя побаиваются. Выходит, твои победы открывают путь Македонии к новым рынкам, следовательно, твоё золото будет востребовано, оно добудет лично тебе славу и могущество Македонии.

Филипп остался доволен ответом. Ему захотелось ещё кое-что узнать:

– Расскажи мне, в каком виде ты собираешься делать мою монету?

– Спасибо, царь, за разрешение говорить то, в чём считаю себя знатоком. Очень важно, чтобы в монете, особенно такой ценной – золотой, имелось значительное художественное достоинство. Чем могущественнее царь, тем достойнее должна выглядеть его монета. Эскиз монеты, её изображение для штампов цари доверяют рисовать выдающимся художникам, а потом уже ювелиры принимаются за работу, чтобы они отразили в металле обратное изображение. В качестве поощрения цари разрешают ставить имена мастеров на штемпелях. Если позволишь, я тоже хотел бы оставить имя на своём штемпеле.

– Я не стану нарушать общепринятых традиций, Феофилакт. Будь по-твоему!

– Благодарю, мой царь.

Ювелир поклонился, считая свою миссию завершённой. Филипп повернулся к Хабрию.

– А ты что скажешь, мудрейший советник, стоит ли нам суетиться с золотыми монетами? Не нарушим ли рыночные отношения в греческой торговле?

– Я думал об этом, царь, прежде чем явиться к тебе с Феофилактом. Я смотрел на небо, увидел, что звёзды благоволят твоему предприятию. Но ты должен быть готовым к тому, что выпуск золотых монет перевернёт устоявшиеся отношения, торговые и политические, между Македонией и Афинами, Персией и Фивами и ещё многими греческими городами, которые до настоящего времени сильны собственными монетами, пусть не золотыми. Но если ты решился на свою монету, пусть будет по-твоему. Я нашёл ей подходящее имя – «филиппик». Уверен, она всколыхнёт греческий мир. Ведь ты добиваешься именно этого, не так ли?

Филипп вскинул брови: ему пришлось по душе слова советника. Хабрий развивал свои соображения дальше:

– Сейчас на рынках греческих городов находится огромное количество денег разных видов и весового значения. Жители одного города не доверяют деньгам других городов. С ними трудно обращаться, они требуют постоянной оценки денежными менялами – трапезитами. Но если появятся филиппики, им станут доверять по причине золотого содержания. Тогда ты по-настоящему покоришь Грецию, мой царь. А чтобы греки узнали тебя, на монете появится твой лик.

Филипп заёрзал на дроносе.

– Но греки чеканят свои монеты с изображениями или олимпийских богов, или насекомых и животных. Никто ещё не осмеливался на такой дерзкий шаг, как ты предлагаешь, Хабрий.

– Пусть так, мой царь! Феофилакт изобразит твой царственный лик на монете, и тогда греки будут считаться с тобой как потомком божественного предка Геракла.

– Хорошо, пусть будет так.

Филипп поручил Феофилакту готовить штампы и чеканы для золотых монет со своим изображением. Заодно согласился выпускать монеты из электрона – смеси золота с серебром, но уже с изображением Зевса и Геракла, своего легендарного предка.

Халкидика

Новые деньги, золотые «филиппики», выпуск которых начался незамедлительно, получали известность своей надёжностью и полноценностью золотого содержания. Царь лично следил за чистотой выпуска монет, при этом запретил выпуск других монет князьями в отдельных областях Македонского царства, как было дозволено прежними царями. Рыночные трапезиты охотно и без подозрений принимали «филиппики», которые начали своё наступление на афинские серебряные драхмы и персидские золотые «дарики», успешно вытесняя их из торгового оборота. Случилось непредвиденное: введение в обращение большой массы македонского золота немедленно вызвало изменение соотношения между золотом и серебром: вместо 1:12 установилось 1:10. Македония буквально взорвала прежний устойчивый греческий рынок в свою пользу!

* * *

Доходы Филиппа от богатых фракийских рудников позволяли ему вершить в Греции «большую политику», не считаясь с расходами. Ему удавалось сразу многое, но самое главное – он смог создать и содер-

жать профессиональную армию, сильную настолько, что в Греции начали её страшиться. Из новых территорий, куда ступила нога воина Филиппа, в Македонию сплошным потоком направлялись рабы; появилась дополнительная рабочая сила, можно сказать, бесплатная. Большие деньги позволяли Филиппу строить в Македонии и на захваченных у соседей землях новые города, многие из которых он называл своим именем – Филипполь. На стратегически важных направлениях обустроивал крепости, прокладывал новые дороги и осушал болота для культурного землепользования.

Жители Македонии, прежде не знавшие ничего, кроме скудного существования в неуютных горах, устремились к заманчивому побережью, где с удовольствием поселялись в брошенных домах прежних владельцев – в большинстве своём греков, отстраивая новые поселения и постепенно приобщаясь к эллинской культуре. Для Македонии настало время иметь собственный военный флот, который мог бы на равных тягаться с Афинами, великой морской державой. Корабли строились срочно, но надёжно и помногу, ибо неожиданное появление македонян на побережье затребовало защиты их морских интересов. Ведь на морях продолжали властвовать Афины и Персия!

Был уже артемисий (апрель – май по македонскому календарю), когда политические обстоятельства снова затребовали присутствия царя во Фракии. После ряда государственных мероприятий, проводимых вне армии, Филипп быстро восстановил форму главного военачальника, вновь завёл походный распорядок. Его уже не интересовала Фракия – она почти лежала у его ног, а вот Халкидика, большой полуостров между Фермейским и Стримонским заливами, с недавних пор сильно заинтересовала его внимание. Выдающийся в море «трезубец» – Паллена, Сифония и Акта – давно освоили греки, выстроив прибрежные города Олинф, Потидея, Менды, Аканф и Стагир. Вот где следовало немедленно укрепиться Македонии! И, похоже, Филипп знал, на что может скоро замахнуться. Золото Пангея многое ему позволило...

Освоение Халкидики Филипп начал переговорами с влиятельным на побережье городом Олинфом, замыслив рассорить его жителей с Афинами. Пообещал отдать им Потидею, которую когда-то отобрали у Олинфа афиняне: тогда многие потидейцы переселились в Олинф, глубоко затаив обиду на Афины. Договорившись с олинфянами, Филипп заторопился завоёвывать Потидею, потерявшую союзников. Он спешил, потому что в Олимпии скоро должны начинаться очередные

Панэллинские игры (106-е; 365 г. до н. э.), во время которых законы эллинов запрещали любые военные действия на территории Греции. Наступала пора священного перемирия – Экехейрии, нарушать которое потомок Геракла не хотел. К тому же в состязаниях колесниц будет участвовать четвёрка его быстроногих коней – тех, что приобрёл и стал тренировать верный Хейрисофос.

Магия

Царского советника Хабрия на этот раз Филипп не забрал в очередной поход. Оставил в Пелле присматривать за беременной царицей и заодно составить гороскоп ребёнка – было интересно распознать судьбу наследника в пространственной модели божественных планет. Антипатра же, обладающего боевым опытом, царь взял с собой, понимая, что на Халкидике противостояние греков и македонян предстояло быть серьёзным.

К супруге царя были приставлены врач Клеобул (Никомах отбыл с царём), повитуха Береника и Гелланика («Лунолика»), молодая женщина из знатного македонского рода. Она сама готовилась стать матерью и по этой причине была назначена кормилицей будущего царского наследника. Летописец Кресфонт, в обязанности которого входило наблюдение за дворцовой жизнью, записывал на вощённые дощечки значимые события, происходящие во время беременности царицы. По возвращении Филипп обязательно потребует летописца с отчётом, чтобы решить – что переписать на папирус, а что выбросить и забыть.

Пользуясь всеобщей озабоченностью состоянием царицы, Нектаб уговорил её пройти магический обряд очищения. Олимпиада согласилась, поверив, что она избежит возможных осложнений при родах, убережёт сына от происков Зла. Халдей назначил встречу на послеобеденное время, когда надзор за царицей ослабевал по причине сна её близкого окружения.

Нектаб встретил царицу в дальней стороне сада, где подготовил жертвенное место. Олимпиада сразу не узнала его: в чёрном одеянии, таинственно мрачный, на лице семь тёмных магических полос. На вросших в землю каменных плитах стояли по кругу семь бронзовых жертвенников, возвышавшихся на высоких ножках. В центре брошена бычья шкура. Халдей посадил Олимпиаду на шкуру, посыпал на голову пшеничных зёрен и на всех жертвенниках возжёт

огонь. Пересилив вдруг навалившийся страх, Олимпиада пыталась осознать таинство ритуала, вникая в смысл слов, которые слышала:

– ...бог сверкающий, который заставляет сиять, который очищает...

...чей аромат расстилается над полями...

...чистая вода Эа, святая вода Ниндара, пастыря стада...

...подобно Небу, пусть светел он будет. Подобно Земле, пусть чист он будет. Подобно Середине Неба, пусть он сияет...

Нектанаб возложил в чаши жертвенников по ячменной лепёшке, горсти фиников и крупчатки, пролил по капле мёда и оливкового масла. Поставил семь курильниц с благовониями, наполнил вином семь глиняных чаш и поставил на жертвенник; насыпал в жертвенный огонь кипарисовых палочек и травы куркур, полил кунжут вином и бросил в огонь семь горстей муки.

Справившись с волнением, Олимпиада наблюдала за магическими действиями. Она легко поддавалась обаянию мистерии неведомой ей религии, так как была знакома с подобными обрядами по культу Диониса. Халдей поворачивался лицом к каждому жертвеннику, произнося не то молитву, не то заклинание:

– ...На небесах боги препятствуют Злу, а на Земле оно не знает преград – оно проходит сквозь них, как поток; оно бросается из дома в дом; двери не останавливают его; засов не заставляет его повернуть назад. Как змея, оно проскальзывает сквозь дверь, как ветер, оно врывается в дом. Зло могущественно – и нет надежды ни смягчить, ни убедить, ни отвлечь Зло от себя, если не знать на него управу; Зло не знает ни милосердия, ни разума, ни преданности и не внемлет ни молитвам, ни просьбам...

Халдей перевёл дух, окропил мёдом и маслом четыре стороны света и продолжил:

– ...да будет моя магия губительна для Зла, могущего навредить царице и её ребёнку, моя магия, противная и разрушающая враждебные чары, чуждое зловерное искусство и ненависть, и проклятья, и несчастья, и хулу! Пусть Зло и всё, что сопровождает его, снимутся тут же, как смывается вода с рук царицы, которая очистит её руки и тело...

Шея у Нектанаба вытянулась от напряжения, глаза закатились так, что были видны одни белки. Олимпиада не шевельнулась, застыла в ожидании. Со словами: «Могучая буря, Зло, идущее через равнину, остановись там!» – Нектанаб пролил воду из чаши на Олимпиаду, после чего она вздрогнула и глубоко вздохнула. Сознание её прояснилось, она увидела озабоченное лицо Нектанаба:

– Вот и всё, моя госпожа. Завтра ты родишь сына, здорового и красивого. Зевс будет рядом, он поможет.

* * *

Во дворце обнаружили исчезновение царицы. Засуетились слуги, Артемисия и Береника обходили все комнаты дворца, где могла быть их подопечная. А она объяснила своё отсутствие желанием прогуляться в саду.

– Пора тебе, дорогая, готовиться, а не гулять, – загадочно улыбаясь, произнесла Береника. – Сынок твой скоро попросится, тоже захочет погулять.

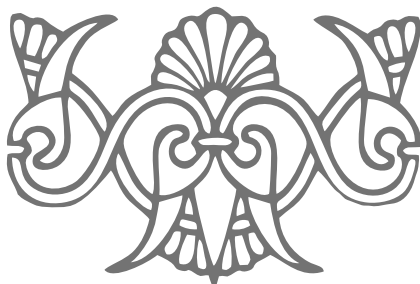
По зову явился Критобул, справился о самочувствии царицы, а потом, как обычно, стал занимать её «родовыми» историями:

... Оказывается, если ребёнок рождается с амнионом на голове, в «чепчике», у него складывается счастливая жизнь; он приобретает дар предвидения, избежит многих опасностей. Говорят, что если поле пшеницы вянет, стебли чернеют, стоит владельцу амниона принести его в специальной коробочке к полю и обежать с ним вокруг, как поле оживает. Но только если амнион светлый или рыжевато-цвета, а не чёрного, – это приносит беду.

Артемисия слышала, что говорил Критобул, не мешала, но когда заметила, что не всё в разговоре нравится Олимпиаде, отчитала врача:

– Хватит пугать мою девочку! Не видишь, как она изменилась в лице? Уходи и жди, когда призовут!

Критобула выпроводили из спальни, не обращая внимания на его возмущение. Женщины остались одни – в ожидании естественного чуда...

Глава девятнадцатая

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ЭФЕСЕ

Герострат

356 год до н. э. Эфес – прибрежный город ионийских греков, один из главных торговых центров в Карии (М. Азия). В Эфесе находится один из самых красивых храмов, посвящённых богине Артемиде, «вечно девственной и юной», дающей счастье в браке и помощь при родах. В Эфесе живёт Герострат...

* * *

Герострат, ещё не старый мужчина со смуглым, немного скуластым лицом, выдававшим, возможно, предков из варваров, проснулся в дурном настроении. Он только что оторвался от странного сновидения – будто лежал он на земле, а вместо волос на голове проросли ивовые ветки... Ива быстро растёт из земли, из праха... Ничего хорошего ожидать не приходится... Судя по светлеющей полосе в щели под расхлябанной дверью, день едва пробуждался. Ещё поваляться бы на тощем тюфяке с прелой морской травой, но сон растревожил. Артемида посылает знак? Чем прогневил её? Герострат нащупал на груди апотропей – талисман, отгоняющий злые силы. Чтобы заполучить его, он отдал жрецу отменного петуха с роскошным хвостом. Ох, давно это было! Когда он ещё был в состоянии воздавать такие приношения. Помнится, жрец, гнусаво выводил, обстригивая жертвенным ножом кусок дерева:

– Боги мои, высокие судьи, смотрители вселенной и небес, повелители мёртвых и живых, я срубил священный тамариск, чтобы сделать из него апотропей. Он одолеет всех злых духов.

Потом шептал заклинания и, прикладывая дерево к уху, прислу-

шивался, словно ожидал ответных знаков богов. Наконец, видимо посчитав, что апотропией готов, привязал к нему кожаный ремешок и так отдал Герострату.

– Если захочешь, чтобы в дом твой прибыло много денег, приведи белого быка, молодого и здорового. Я сделаю из тамариска семь изображений семи богов с головами, покрытыми подобающими уборами, одетых в подобающие одеяния; ты намажешь их освящённым жиром – так покроешь одеянием их. Принесёшь домой, поставишь на алтарь.

В те годы Герострат держал на агоре, городской площади, овощную лавчонку, но покупку жертвенного быка осилить всё равно бы не смог. Как оказалось, зря не послушал жреца. У него была семья – жена, маленькие сын и дочь. В доме и в лавке трудились трое рабов, которых добыл молодым ещё на войне. Но чем-то не угодил он мойрам, богиням судьбы, и пошла чёрная полоса. Появились долги, и даже небольшой достаток пропал. Неизвестная болезнь свела в могилу жену и детей, а его не тронула. Вероятно, для того, чтобы дать ему возможность прочувствовать все возможные лишения! Из дома постепенно исчезло мало-мальски пригодное имущество и ценности, из рабов осталась старая рабыня, которая не ушла от него до сих пор из-за дряхлости тела и возраста. Ему бы наняться гребцом на торговый корабль или стать колонистом, благо тогда шла оживлённая вербовка на устраиваемые поселения при Понте Эвксинском («Море Гостеприимное», или Чёрное море). Он остался в Эфесе, надеясь на милость богов, но неудачи скоро не покинули его. Наоборот, они притянули ещё безысходность, заполнив опустошённую душу завистью к согражданам и озлобленностью. Он начал страдать мучительными головными болями и бредовыми снами, мир вокруг стал ему враждебным...

Кто в Эфесе знает Герострата? О друзьях, которые когда-то крутились рядом, он уже не вспоминал – от них и раньше было больше убытков, нежели пользы. Ближайшие соседи по месту жительства делают вид, что не узнают его, когда случается встретиться. Поэтому Герострат не ходит на агору, когда глашатай созывает эфесцев, и на слушания громких дел в суде его не тянет. Не принимает участия в общественных торжествах и праздничных шествиях. Не посещает театра, когда весь город с утра устремляется смотреть очередную трагедию с известными актёрами. Давно уже никто не видит Герострата в гимнасии, где остальные граждане с непонятным ему упорством тренируют тела непосильными упражнениями и состязаются между собой в играх. К чему теперь всё это!

Отмахиваясь от голодных назойливых мух, Герострат бесцельно разглядывал провисший деревянный потолок со следами побелки. В центре очаг – каменная чаша с углублением, чёрная от долгого служения. Там с вечера должны были ещё теплиться угольки. Беда, если огонь умрёт и богиня домашнего очага Гестия покинет его! Рабыня, видимо, ещё засветло ушла в поисках сухих веток.

В щемящей пустоте желудка призывно заурчало, словно военный трубач подул в буцину. Герострат нехотя встал, подошёл к стенной нише, где обычно хранились остатки ужина. Вчера эта старуха опять приготовила варево из корней асфодели – ему и себе. О, боги, вы когда-нибудь ели асфодель? Не зря в царстве Аида асфоделью питаются лишь души умерших людей.

Пересилив отвращение, проглотил холодного месива, запил тепловатой водой из глиняного кувшина. Глоток бы вина сейчас, хотя бы самого дешёвого – прамнейского, которое с утра продают в ближайшей таверне-фермополии по три обола за ведро! Герострат вспомнил, как три дня назад ему удалось неплохо отобедать у старшины кожевников. Толкаясь между паломниками у храма Артемиды, он услышал, что старшина отмечает запись имени своего сына в общинную книгу – Лексиархикон, связанную с достижением возраста эфеба – восемнадцати лет. Ожидалось семейное застолье. Как водится, пришли не только родственники. Пользуясь древними законами гостеприимства, Герострат пришёл незваным, как и ещё несколько бедняков. Параситос, нахлебник, – обычное явление для Греции! Прогнать чужака, отказать в месте за трапезой среди родни и друзей хозяина дома никто не осмеливался. Иначе можно прогневить Зевса Ксеноса («Гостеприимного»)!

В тот день им выделили отдельный стол, потчевали. Правда, пришлось отрабатывать угощение, развлекая участников пирушки остротами и смешными историями, сплетнями, кривлянием и пением. Гостям было весело, а им – сытно. На прощание кожевник вручил каждому гостю по узелку с остатками еды – по обычаю предков. Достался «гостинец» и Герострату.

Но так бывало не всегда. Иногда хозяин дома, обнаружив на пороге параситос, определял им места где-нибудь в темном углу, за крайним столом, а то и по соседству с домашними собаками, которых гости кормили отбросами застолья. Еда доставалась невероятно скудная, нередко прокисшая и малопривлекательная. Тогда даже апомагдалия, хлебные мякиши, которыми гости хозяина вытирали

жирные от мяса пальцы, казалась пищей богов. После использования мякиша по назначению застольники обычно бросали его голодным собакам, и тогда уже Герострат состязался в быстроте и ловкости с другими параситос и собаками. Гости, глядя на шумную свалку, смеялись до животных колик.

Герострат со скучающим видом глянул на знакомую дыру в потолке, куда обычно выходил дым от очага. Сейчас ему показалось, что туда исчезают не только остатки домашнего тепла, но и его жизненные силы. Зябко ёжась, он задумчиво почесал впалый живот, провёл рукой по давно не ухоженной жидкой бородке. Вспомнил вдруг, что сегодня в храме состоится жертвоприношение. Вот где он добудет кусок мяса! Торопливо накинув на голое тело мятую хламиду с грязными потёками, свой всепогодный плащ, торопливо вышел. Снаружи подпёр палкой покосившуюся дощатую дверь – чтобы не отвалилась сама, а не от воров. Ни один вор не польстится на его «добро»!

На дом не оглядывался: оглянуться назад или вернуться – верный способ накликать неудачу. А сегодня нужна только удача! Рядом росло высокое дерево с высохшими старыми ветвями. Увидел, что верхушку дерева оседлала крупная черная птица. Ворон. Летает высоко, слышит, что говорят меж собой боги. Герострат никогда не кинет палку или камень в сторону вещей птицы.

Дерево и ворон остались позади, и Герострат, ощущая босыми ногами раннюю прохладу уличных камней, устремился к храму своей любимой богини Артемиды...

Храм Артемиды

Храм отстоял от городских стен на тридцать пять стадий (1 стадий – ок. 200 м). Довольно прямая улица, мощённая штучной брусчаткой, сменилась проезжей дорогой, выложенной широкими каменными плитами. Чахлая трава, заполонившая щели между плитами, робко вычерчивала строгие квадраты. Дорога крутилась меж холмов, направляясь в сторону долины реки Каистры, куда и направлялся Герострат.

Артемида была особо почитаемой богиней в Эфесе, среди женских божеств имела то же значение, что её брат-близнец Аполлон среди мужских. Подобно Аполлону, она поражала внезапной смертью животных и людей, особенно женщин, если те не выказывали почтения ей. В то же время она была их защитницей, спасительницей.

Появление храма в Эфесе было связано с покорением малоазийских греческих городов могущественным лидийским царём Крезом. Это случилось более чем за сто лет до описываемых событий. На этот раз Крез, самый богатый правитель своего времени, пожелал обессмертить своё имя не разорением города, а строительством храма в честь Артемиды. Этот шаг одобрил дельфийский оракул, поскольку на свою затею золота и прочих ценностей царь обещал не жалеть.

Но эфесцы, народ рассудительный, отказались принять щедрое предложение, надумали строить храм своими средствами, коими местные банкиры – трапезиты (денежные менялы) – обладали в достатке. Помимо жилища для богини старейшины додумались устроить в храмовом подземелье надёжные сокровищницы – тамии – для хранения заёмных денег и ценностей эфесцев и граждан других государств. Это больше укрепит доверие к трапезитам Эфеса, привлечёт много средств богатых заёмщиков. А если враги-завистники из прочих городов надумают воевать с Эфесом, пусть знают, что им придется иметь дело ещё и с городами-полисами, что хранят свои денежные запасы в храме Артемиды!

Удивительно, но Крез не обиделся на эфесцев, хотя не отступил от замысла получить покровительство самой Артемиды. Он долго соблазнял граждан золотом, и эфесцы, уступили. Договорились поделить с царём затраты пополам.

* * *

Строить храм наметили на месте развалин древнего святилища, в прежних размерах и на готовых фундаментах. Когда приступили к работам, в земле вокруг обнаружилось немалое число изображений богини Артемиды из дерева, бронзы, а то и более ценных, из слоновой кости и серебра. Пришлось отступить от предварительного решения, нужно было искать иное место для нового храма. Среди эфесцев нашёлся зодчий – Харсифрон, известный возведением подобных храмов на Крите. Так как он имел преклонный возраст, рядом с ним был сын Метаген, тоже зодчий.

Когда Харсифрон показал согражданам чертежи храма, каким он его видел, все восхитились удивительной красотой, строгими формами и оформлением. И тут оказалось, что местный мрамор имел невыразительный серый цвет, к тому же он был хрупкий – выходило много брака. Пришлось его отвергнуть, а другого камня в округе не имелось. Но случилось чудо!

Пастух Пиксодор в какой-то день, как обычно, выгнав общинных

овец за стены города, с интересом наблюдал, как два барана выясняли отношения. Бились крепкими лбами, треск стоял в воздухе, и один баран, промахнувшись, с силой ударил рогами о скалу. Посыпались каменные осколки... Пиксодор, заинтересовавшись, поднял кусок и удивился его белизне. Будто заснеженная вершина божественного Олимпа! Будто неведомая сила заставила пастуха забыть о стаде и, держа в руке камень, побежать в город. При этом он истошно кричал: «Я нашёл! Я нашёл!»... Люди, которые его видели, привлечённые необычным его видом, поворачивали за ним вслед, бежали и тоже кричали: «Он нашёл! Он нашёл!» – хотя толком никто не мог понять, о чём идёт речь...

Когда пастух в окружении галдящей толпы добрался до городской площади, агоры, он, продолжая держать над головой белый камень, рассказал, как было дело. Горожане отослали несколько человек удостовериться, так ли это, и когда всё подтвердилось, с ликованием восприняли хорошую весть: они говорили, что это сама Артемида подала им знак. Пиксодора подняли на руки и так понесли по городу, будто героя-атлета, олимпийника. С тех пор к Пиксодору добавилось новое имя – Евангел, что означало «Человек, который принёс благую весть». Двух баранов, «героев» дня, «отблагодарили» – принесли в жертву Артемиде: богине достались лакомые кусочки жира и клочок шкуры, а жрецы и прочий люд с аппетитом ели жертвенное мясо на священной трапезе.

Зодчий Харсифрон обследовал неожиданно открывшиеся залежи мрамора и сказал, что камня достаточно и он действительно отличного качества. Место под храм Харсифрон выбирал внимательно, поэтому непозволительно долго. В самом городе решили не строить – теснота. Рядом с городом выгодных площадок не оказалось. Зодчий указал на долину у реки, куда горожане выгоняли на выпас домашнюю скотину. Заросший зелёным кустарником цветущий берег Каистры, над которым летали огромные птицы с длинными шеями, сверкая на солнце белым оперением, – лебеди. Но когда начали отрывать котлован, неожиданно проступила подземная вода – губительное проявление древнего болота. Эфесцы приуныли, требовали от Харсифрона перемены площадки, а он не собирался отступать. Сказал, что это даже неплохо, поскольку из заросшего болота можно будет сделать надёжную «подушку» от землетрясений – довольно частого явления в здешних местах. Для начала придумал выполнить дренаж из крупных камней, чтобы решительно понизить уровень подземных

вод. Затем котлован засыпали слоями – древесный уголь вперемешку с овечьей шерстью. Каждый слой уплотняли каменными катками, а поверх послойно засыпали землю. Чтобы надземные конструкции храма оградить от грунтовой сырости, стилобат – платформу храма, приподняли на два метра над поверхностью земли.

Неожиданно возникло другое препятствие. От мраморного карьера, где высекали из скалы несущие конструкции, проложили дорогу длиной в шестьдесят стадий. Но готовые фундаментные блоки, детали колонн, балки и прочие части не было возможности вывезти. Они просто тонули на дороге от собственной тяжести! Вязли повозки, волы калечились, люди роптали... Харсифрон ходил несколько дней мрачный, пока не распорядился, чтобы колонны, состоящие из отдельных «барабанов» до двух метров в диаметре, не перевозили на повозках, а... катили. Для этого по центрам «барабанов» сверлили отверстия, куда вбивали толстые железные прутья – получалась прочная «колёсная ось». Её закрепляли расплавленным оловом, цепляли длинные жерди – каток готов!

По чертежам Харсифрона цоколь храма возводился из плит песчаника в виде укрупнённых ступеней, нечётным количеством. Так было нужно, чтобы паломники, поднимающиеся наверх, правой ногой касались первой и последней ступенек, как требовал древний обряд. Каменная платформа основания храма имела по ширине восемьдесят метров, по длине – сто тридцать. Сам храм имел размеры шестьдесят на сто три метра. Стены возводились из паросского камня, облицовывались мраморными плитами. Двадцать шесть колонн имели базы, украшенные почти двухметровыми барельефами. Огромные мраморные «барабаны» колонн ставили друг на друга с помощью прочных канатов и хитроумной системы блоков, облегчающей и увеличивающей грузоподъёмность; «барабаны» скреплялись между собой по центрам металлическими штырями.

Треугольный фронтон храма – трихорий – скульпторы украсили роскошной композицией. Его вершина отстояла от земли на двадцать пять метров, а над ней возвышалась величественная скульптурная группа из мрамора, изображавшая Артемиду, вооружённую луком, рядом – нимфы и лань. По углам фронтона – четыре изваяния быков гигантских размеров. Кровлю покрыли не обычной обожжённой черепицей по деревянным стропилам, а мраморными плитками, по примеру храма Зевса в Олимпии. Мраморный резной бордюр украшал кровлю по всей длине.

Храм строился почти сто двадцать лет с перерывами, поэтому Харсифрон не удостоился чести сдать свой объект при жизни. Он успел построить основание храма, часть колоннады и стены. Проект продолжил Метаген, но и он не успел завершить дело отца. Ему пришлось решить сложнейшую инженерную задачу по устройству архитрава – связующей конструкции по верху колонн, когда на высоте почти двадцати метров надо было ставить огромные каменные балки на колонны! По периметру храма, периптеру, находилось сто двадцать колонн в два ряда, и на каждую по наклонной плоскости следовало втащить вручную и аккуратно опустить многотонную балку, не повредив сложную капитель, верх колонны. Метаген вспомнил рассказы отца о строительном искусстве древних египтян: на вершину колонны балки клали на мешки с песком, которые потом прокалывали, и песок струйкой вытекал, словно вода из кувшина, позволяя балке плавно опускаться на место.

Метаген умер, после чего эфесцы долго не могли сговориться с пришлыми зодчими о завершении детища Харсифрона. Началась война с персами, которые постепенно покоряли в Малой Азии один греческий город за другим. Время не совсем удобное для забот о строительстве храма! И только в 452 году до н. э. Артемиды наконец обрела в Эфесе своё жилище, а верующие храм. Слава создателей вершины зодческого мастерства и ваятельного искусства, «чуда света», досталась Деметрию и Пеонию. Для украшения храма они приглашали Фидия, прославившего себя Парфеноном и Олимпией, и Кресилая – автора скульптурного портрета Перикла, ещё Фридмона из Афин и Поликлета из Аргоса. Они сотворили бронзовые статуи, декорировали золотом и серебром внутренние интерьеры, вызывая у паломников восторги своей изящной работой.

Для устройства пятнадцатиметровой статуи Артемиды Фидий изготовил деревянный каркас, который облицовал листовым золотом – «по фигуре», «надел» длинную тунику, столу, украсил золотыми и серебряными поделками и драгоценностями. Голова богини была покрыта накидкой, рука её держала горящий факел. Артемиды Эфесская имела много женских грудей, изображающих плодородное изобилие. Статую поместили в центральную часть храма, целлу, где жрецы провели много дней и ночей в молениях, сотворяя священные обряды, «пока богиня не согласилась заполнить своим естеством золотую оболочку прекрасной статуи». Дальнейшая забота о богине была передана служителям, иеродулам, которые в дальнейшем «следили за её настроением, желаниями и аппетитом»...

Огромный тканый полог укрывал Артемиду от суетных взоров; перед пологом устроили круглый алтарь из белого мрамора, где совершались бескровные жертвы. За статуей имелась стена с резной дверью из ливанского кедра, скрывавшая адитон – особое священное отделение, куда посторонним заходить было строго запрещено: отсюда вещал оракул Артемиды. Порядки в храме сразу завелись очень строгие. Герострат знает историю, когда мальчик, ещё ребёнок, подобрал рядом со статуей золотой листок, отвалившийся от головного венка богини. Подобрал как игрушку, не зная её священной ценности, и с ней ушёл. Когда сообщили главному иеродулу, он велел привести мальчика. Положил перед ним три вещи: детскую игрушку, игральные «бабки» и золотой листок. Сказал, чтобы он взял то, что ему больше нравится. Мальчик, привлечённый красотой изделия, опять взял золото. И тогда иеродул передал волю богини: сбросить мальчика со скалы как обычного храмового вора. Эфесцам, в том числе родителям мальчика, приговор не показался слишком суровым...

Поворот судьбы

Герострат спешил к храму, боясь опоздать к началу обряда. Впереди показались знакомые очертания храма, величественная двойная колоннада, пронизанная лучами проснувшегося солнца. Вокруг умиротворяющая тишина, какая возможна в природе поутру, пока большинство паломников ещё не явились. Зелёная долина, напоенная травяными настоями, журчание водяных струй в реке, божественные запахи – всё наполняло пространственный объем храма непостижимой Вечностью... К полудню сюда потянутся жители Эфеса – искать поддержки у богини, просить совета и покровительства. Местные адинаты, слабые и увечные граждане, тоже будут здесь. Они получают от городской казны на прокорм по два обола в день и всё равно приходят к храму. Но не просить, нет! Не принято свободнорождённому эллину просить подаяние, хотя не возбраняется получать от щедрот прихожан лишнюю монету или еду с вином. Каждый имущий просто обязан делиться, чем богат, с бедными гражданами. Тем более не дать что-либо обездоленным, увечным – значит обидеть человека, которому покровительствуют боги! Поэтому Герострату приходится проводить почти все дни у храма, и к такому образу жизни он уже привык.

Рядом с храмом, когда он заполнялся верующими, можно было

услышать новости о том, что творилось в Эфесе и за его пределами. Кто женится, у кого кто родился или кто ушёл навсегда в царство мёртвых. Что замышляют варвары, персы, против эллинов и какие козни устроил македонский царь Филипп афинянам. Герострата здесь более интересовали слухи о пирах в домах эфесцев или городских торжествах, когда устраивались угощения народа. Ещё он не брезговал сикофанством, иначе доношением, поскольку дело это считал доходным – указать на человека, нечаянно или умышленно преступившего закон. Политические группировки Эфеса использовали таких, как Герострат, в борьбе за власть, когда надо было устранить влиятельные в народе личности. Нужно было всего лишь оболгать, не боясь клятвопреступления перед богами! И хотя в Эфесе не так давно приняли закон о крупных штрафах и даже смертной казни за лжесвидетельство, сикофанство не искоренилось. Авантюрный азарт, замешанный на подлости и возможности неплохо заработать, толкал низменные душонки на подобные действия...

Герострат заметил знакомого иеродула, который готовил алтарь к обряду. Прямоугольную каменную глыбу с выемкой посредине и желобком для стока крови жертвенного животного. Герострат подошёл близко, чтобы его заметили. Жрец приветливо улыбнулся, укладывая бронзовый нож в корзину для священной утвари. В утренней тишине зазвучал его спокойный голос:

– Сегодня, чуть солнце проглянуло, здесь был один человек не из нашего города, торговец зерном. Он сказал иеродулам, что в прошлое лето заболел странным недугом, от которого не нашлось лечебного средства. Аид уже призывал его в своё царство, когда ему приснилась Артемида. Она указала ему траву: «Сам собери её ночью в своём саду при полной луне, сделай настой и пей, пока не восстановишь силы. Но как вылечишься, продай всё, что имеешь, и половину отдашь первому человеку, которого встретишь рано утром на первой ступени моего храма в Эфесе. Иначе болезнь вернётся к тебе». Проснулся торговец и сделал так, как велела мудрая богиня. И с тех пор болезнь оставила его. Чтобы не гневить Артемиду, торговец распродал имущество и товары, разделил вырученные деньги поровну и пришёл сегодня рано утром к храму. А на первой ступени, привычном для Герострата месте, сидел Феоктист, старый и совсем опустившийся попрошайка...

Герострат представил изумление на лице Феоктиста при виде кожаного мешка с серебром.

– О, Артемиде! На этом месте должен быть я! – не сдержавшись, громко вскричал он, испугав жреца. – Ты не должна была так поступать со мной!

Лицо его перекосилось, побелело, глаза налились кровью. Он завопил сильнее, терзая на голове жидкие волосы:

– О, богиня! Я воздавал тебе молитвы, не жалел благодарственных слов и посильных даров! Я взывал к тебе о помощи, а ты забыла меня, отвела по своей воле моё счастье! Я любил тебя, я верил тебе, а ты меня отвергла!

Жрец всплеснул руками.

– Мой друг, ты зря так говоришь! Богиня могла не услышать твоих призывов. Подумай! Возможно, ты молился не с таким усердием или не с чистыми помыслами, чтобы наша богиня обратила на тебя внимание? Только истинная вера приносит счастье тому, у кого божество всегда в мыслях! Недостойному она отказывает.

– Это я не достоин внимания Артемиды? – изумился Герострат. – Нет, это она недостойна моего почтения!

Служитель, прикрывая в ужасе свои уши, завопил:

– Уймись, осквернитель слуха! Не испытывай долготерпеливую богиню! Она судит людей по делам, выбирает лучших. Значит, она не увидела в тебе верного почитателя божественного культа. Терпение – наша одежда, которой нет износу! Оденься в терпение! Продолжай любить богиню, её внимание требует терпения. Делами своими прославь имя богини и своё имя. У тебя есть глаза, а ты божественный свет не видишь! Прозрей, пока не поздно!

Герострат, опустив в печали всклокоченную голову, не стал слушать дальнейшие причитания. Повернулся прочь, оставив испуганного жреца в великом огорчении.

Ночь зла

После короткого вечера ночь почти мгновенно сошла на Эфес. Совсем недавно на небесных пастбищах паслись отары вечерних облачков, как вдруг укрылись они по своим загонам, уступив место печальному сумраку. Хозяйка Чёрного Света, богиня Геката, завладела небом, морем, землёй, поселениями людей...

Город затих в ожидании сна. Сгустившийся мрак заставил жителей Эфеса отложить на завтра неоконченные дела и после недолгого скучного вечера в кругу семьи крепко заснуть. В ночную стражу всту-

пили солдаты: они стерегли город, отгоняя Гекату мятущимся пламенем смоляных факелов. Быстро устанавливалась глухая тишина, прерываемая громкоголосыми трещотками невидимых цикад. Если б не эти говорливые создания, скрывающиеся в гуще кипарисов, чёрный город представлялся бы мёртвым...

Человек крался по спящим улицам, как вор, в руках факел, остро пахнувший кедровой смолой; такие прихватывают с собой запоздалые прохожие. Но факел не горел – человек, наверно, не хотел привлечь внимание стражников. Если по пути кто из случайных прохожих приближался к нему, человек ловко уклонялся, прятался в стенных нишах и портиках, чтобы поторопиться дальше, подгоняемый ожесточением в сердце.

В кромешной тьме безлунной ночи проявилась матово белеющая колоннада храма. Человек знал здесь каждую ступень, выбоины и трещинки в них. Лишь бы никто не встретился! Да и кому здесь в эту пору быть, кроме беспечных храмовых караульных! Приставленные стеречь храмовые ценности, они коротали беззаботную службу в укромном затишке.

Человек бесшумно проскользнул вовнутрь храма, добрался до помещения, где находилась статуя богини. Её священное жилище...

В большой напольной чаше осторожно метался неугасимый пламень. Человек поднёс принесённый факел и стал заворожённо наблюдать, как разгорался огонь. Вначале появились дымные язычки, потом уже, неспешно, язычки пламени. Разгоревшись, факел пускал на пол горящие нити. Достигая каменных плит пола, они с глухим шлепком угасали, деловито разбрызгивая по сторонам живородящие искорки.

Человек с пылающим факелом приблизился к статуе, вглядываясь вверх. Он пытался угадать настроение богини. Но Артемида горделиво возвышалась над смертным богохульником, оставаясь невозмутимой, недостижимой. В гулкой тишине прозвучал дрожащий голос ночного гостя:

– Артемида, я спрашиваю тебя, почему ты не подарила мне счастье? Я так верил тебе!

Ответа не было...

Глава двадцатая

НАСЛЕДНИК МАКЕДОНСКОГО ПРЕСТОЛА

Ночь после прогулки в саду и обряда магического очищения для Олимпиады прошла спокойно, а с утра началось... Появились новые ощущения: внизу живота нарастали тянущие боли, в ногах возникла скованность, в голове – смятение от суматошных мыслей: «Как ЭТО случится? Вот-вот со мной что-то произойдёт! Я не умру?»... Тугим обручем сковало поясницу, дыхание затруднилось, воздуха не хватало ... Олимпиада крикнула служанке:

– Зови Беренику!

Повитуха только-только прилегла в своей комнатухе, устав от бдения. Появилась, испуганная. Олимпиада встретила упреками:

– Где ты ходишь? У меня началось!

– Э, моя дорогая, так не бывает! – хихикнула повитуха, вскидывая руки. – Рано ещё.

Обняла, гладила плечи, живот. Успокоила. Олимпиада прислушалась – действительно отпустило...

Скоро подоспело время испытаний и боли. Отпустило. Опять боль! Невыносимая! Несносная! Невозможная! Бо-о-о-ль!

– Потерпи, милая, потерпи, сколько сможешь терпи. Скоро, скоро всё образуется, – уговаривала Береника. – Родишь – и всё разом пройдёт.

Заставила встать и ходить. Олимпиада тяжело ходила по кругу, время от времени подвывая, держась за спину...

– Когда-нибудь это закончится? – жаловалась. – Нет! Я не справлюсь, я лопну, так сильно меня давит!

Мучения продолжались ещё некоторое время, а когда боль отступала, Олимпиада в изнеможении проваливалась в забытье...

Пожар

Человек с пылающим факелом приблизился к статуе, вглядываясь вверх. Он пытался угадать настроение богини. Но Артемида горделиво возвышалась над смертным богохульником, оставаясь невозмутимой, недостижимой. В гулкой тишине прозвучал дрожащий голос ночного гостя:

– Артемида, я спрашиваю тебя, почему ты не подарила мне счастье? Я так верил тебе!

Ответа не было... Но человеку показалось, что на лице богини отразилось подобие улыбки – уголками губ... Он поднял факел повыше. Артемида молчала, сохраняя величие, как и подобает богине. Человек подумал: возможно, её просто нет сейчас в храме? Она ушла по своим делам, оставив здесь своё обличие? Чтобы убедиться, человек залез на постамент. Огненные блики замечались, высвечивая лицо статуи, грудь и короткую одежду, лук с колчаном стрел. «Артемида, ты заволновалась!» – удивлённо вскричал человек и, чтобы лучше рассмотреть, поднёс факел ещё ближе к статуе. Неожиданно загорелась какая-то вещица, возможно, дарственная ткань на теле статуи. Огонь жадно зацепился за жертву – стало светлее. В мятущихся бликах света Артемида явно ухмылялась в лицо ночному гостю, это он заметил.

– Нет для меня Артемиды! – вскричал человек. – Нет для меня богов, потому что я сам бог!

Он уже ни в чём не сомневался. Решительным жестом сунул факел под шерстяной полог, висевший рядом со статуей. Огонь резво начал пожирать его.

– Ага! Вот теперь я хорошо вижу тебя, Артемида! Слышишь, я не хочу больше знать тебя!

Не таясь, человек громко рассмеялся, бросил горящий факел на пол у ног статуи и заспешил прочь.

За спиной послышался лёгкий хлопок. Человек обернулся и увидел, что огонь с полога перекинулся дальше, поглощая жадными пламенными скачками доступное пространство. Человеку показалось, что лицо Артемиды скривилось от ужаса... В голове у него мелькнуло: «О, что я наделал!». Он кинулся к горящему пологу, дёрнул, пытаясь помешать огню, но тут послышались тревожные крики. Он кинулся бежать.

На виду обезумевших от страха стражников пламя, будто резвясь, устремилось вверх, жадно лизнуло лицо статуи богини. Затем пламя перекинулось на массивные деревянные двери, скрывающие сокро-

вищницу. Чадно вспыхнули лужи жертвенного масла, годами впитывавшегося в каменные плиты пола. В воздухе жарко задышали и заматались чёрные дымные демоны. Люди едва спаслись, выбежав наружу.

Огромные жаркие языки наперегонки лизали деревянные перегородки и стены, облицованные мраморными плитами. Камень со звонким треском лопался, куски падали на пол, обнажая дерево, которое, в свою очередь, вновь подкармливало проголодавшееся от долгого бездействия пламя. Оно жестоко пожирало всё, что попадалось на пути: конструкции стен и перекрытия, запасы зерна, хранимые в бездонных подвалах, сокровища, деньги и ценные дары – приношения паломников, занавеси, живописные картины на стенах и праздничную одежду иеродулов.

Следом занялась крыша, подпёртая сухими деревянными стропилами. Треснули балки перекрытий, рухнули со страшным грохотом, словно камнепад в беспокойных горах. Оставшись без балок, наклоняясь от адского жара, падали изумительной красоты колонны, будто на бегу стреноженные кони. Казалось, прошли всего мгновения, а прекрасный храм Артемиды превратился вдруг в огромный костёр.

Роды

Проспала царица до вечера, а проснулась, почувствовав под собой влагу...

Вокруг засуетились. Хейрисофос распорядился, по древнему обычаю, открыть двери всех дворцовых помещений настежь; отперли замки на сундуках и в кладовых: чтобы роды прошли без помех! Запретил кому-либо говорить о наступлении родов, чтобы не сглазить роженицу и ребёнка: чем меньше будут знать об этом злые силы, тем легче будет рожать! Прибежал запыхавшийся врач Критобул – откуда взялась прыть! Береника, опытная в общении с акестрис – знатными роженицами, была наготове: ласково поглаживая Олимпиаде большой живот, нараспев произносила заклинания.

Роженице расплели волосы, сняли пояс и все украшения, кроме оберега; она осталась в одной рубахе. Прислушиваясь к каждому движению плода, готового вот-вот появиться на свет, молодая женщина с надеждой ожидала конца страданиям. Она была готова вынести и не такое, лишь бы закончилось всё благополучно, чтобы её сын обрёл жизнь, свою божественную судьбу...

Критобул сидел у двери за занавеской, по зову готовый помогать

Беренике, если сама не справится. Повитуха распустила свои волосы и развязала все узлы и застёжки у себя на одежде; заставила остальных женщин сделать то же самое. Брызнула на роженицу освящённой огнём водой. Зачитала заговор, призывая добрые силы помочь Олимпиаде родить по благу, по-хорошему, не забывая массировать ей живот и поясницу, слегка нажимая, зная, куда вести плод...

* * *

Роды произошли глубокой ночью. Всё счастливо завершилось: здоровый ребёнок, сын; на голове светло-рыжий «чепчик». Первый крик сына показался матери сильным и очень приятным... Береника положила младенца на спинку, стянула вперёд и накрест пальчики ножек к локтям. Повернула на живот и также стянула накрест пальчики ручек к ногам. Положила на свои широкие ладони серединой тела так, чтобы головка и ножки висели, и встряхнула несколько раз, приговаривая:

– Расправлен, теперь уж уродцем не будешь!

Перевязав пуповину, схватила двумя пальцами носик ребёнка и потянула несколько раз, приговаривая:

– Не будь курнос и спи крепче!

Всё проделала ловко, безо всякого напряжения и опаски для жизни дитяти. Отрезала бронзовым ножичком пуповину, перетянула. Сказывался опыт повитухи.

Тотчас ребёнка поднесли к матери. Сын показался необыкновенно красивым: светлокочий, лицо чистое. Береника, Артемисия, Гелланика в один голос заверили, что это так и есть. По обряду рот ребёнка коснулся пяты матери, при этом её, ещё очень слабую, заставили сказать слова:

– Сама носила, сама приносила, сама починивала.

В таком случае ребёнок не будет крикливым. Повитуха провела по новорождённому кроличьей лапкой – отвести любую беду, спросила:

– Как мама назвала сына?

Александр

Македонский обычай разрешал женщинам выбирать имя своему ребёнку. Олимпиада задолго до родов размышляла, как назвать первенца. В голову приходили разные имена: Теодор («Данный богом»), Зенодот («Дар Зевса»), Аполлоний («Аполлон покровительствует») и

другие, но ни одно не подходило её представлению о будущем своего необыкновенного сыночка. Царица посылала гонцов в Эпир, к Додонскому оракулу Зевса, обращалась в Дельфы за оракулом Аполлона, но и с их подсказками не соглашалась. Когда она почти отчаялась, помогла Зарра, знакомая жрица Астарты. Финикиянка посоветовала назвать младенца не иначе как Алксндрс, что для финикийцев означает «Властитель Мира». Это имя Олимпиаде показалось благозвучным...

– Как мама назвала сына?

– Александр.

– Замечательное имя: у греков оно означает «Защитник мужей».

У нашего царя Филиппа теперь есть сын-наследник и защитник Македонии – Александр!

Младенца обмыли водой. Чистая вода – радостная перспектива для благосостояния, знак благополучного завершения самых смелых надежд. Ребёнок, которого купают в дождевой воде, заговорит раньше. Александра обмыли чистой водой, собранной после недавнего дождя: непременно в первый раз с локтя...

Но кое-что скрыла повитуха от роженицы, не осмелилась сказать: малыш родился, когда старой луны уже нет, а новая ещё не появилась. Значит, боги ему отпустили на жизнь не очень много лет... Царский астролог, советник Хабрий, разложив гороскоп новорождённого, увидел то же самое, но и он не говорил ничего Олимпиаде. А царю при первой встрече показал: чтобы знал и готовился к худшему...

Для роженицы загодя готовили две сорочки – для девочки и для мальчика, но поскольку родился мальчик, его положили на сорочку, приготовленную для девочки – в этом случае ему суждено очаровывать всех женщин. Артемисия распорядилась отнести младенца на самую высокую точку дома по лестнице, а потом уже спускаться – чтобы ребёнку сопутствовала удача в жизни. Затем взяла на руки и быстро прошла с ним вокруг очага, приобщая, таким образом, нового члена семьи к домашнему культу. На головку ребёнка рассыпали зёрна пшеницы, ячмень, горох и соль – всё это должно помочь новорождённому заручиться поддержкой духов-покровителей и оградить от злых сил. После обряда «обнесения вокруг очага» ребёнок передавался под покровительство домашних богов.

Сразу отправили гонца в Халкидику, к царю, с доброй вестью. Во дворце тем временем устроили обильное угощение с изрядной выпивкой, выставлялись блюда с песочным печеньем и булками. Ели и

пили придворные, слуги и рабы – без исключения, отказаться никто не посмел: дурной знак! Но каждый, кто угощался, оставлял на столе монетку – на покрытие расходов по празднованию рождения царского сына. Так принято у эллинов.

Артемисия, Береника и Гелланика, помогавшие роженице, теперь «очищались от крови»: тщательно мыли себе руки водой, освящённой огнём семейного очага. Прихватив с собой хлеб и сыр, женщины вышли на улицу пред дворцом, где вручили их первой встречной женщине, поскольку родился мальчик. А если бы родилась девочка, тогда – мужчине! От подношения нельзя отказываться.

По обычаю в продолжение шести недель после родов следовал очистительный обряд младенца и роженицы, так как они пришли из иного мира, «нечистые». Постель, в которой царица рожала, Береника запретила перестилать, пока ребёнку не исполнится месяц. И ребёнку до года не будут стричь ногти и волосы – чтобы жизнь не укоротить. По древнему обычаю царицу три первых дня водили в баню, растирали живот и укладывали младенца между её ног. Когда она шла в баню, никто не имел права попадаться на глаза – во избежание сглаза. До рождения ребёнка повитуху Беренику тоже приводили во дворец задворками, чтобы роды удались...

Эфес

Безжалостный огонь ещё долго питался остатками того, что раньше называлось храмом Артемиды...

Наутро эфесцы, переполошенные известием, что они лишились своего прекрасного храма, прибежав на место, действительно увидели унылое зрелище. Жилище богини перестало существовать. Лишь беззащитные останки закопчённых колонн в немом укорё взывали к небу...

Потидея

Царь Филипп, не остывший от боя у стен Потидеи, стремительно вошёл под свод походного шатра. За ним дружно ввалились военачальники и гетайры, возбуждённые. Без приглашения они кидались на ложа, кто какое захватил, и тут же с аппетитом начинали поедать всё, что было приготовлено на столах – слуги их ожидали. Сразу стало шумно и весело от незатейливых шуточек и задиристых дружеских подковырок мужчин, недавно оторванных от любимого занятия – войны – в

пользу не менее увлекательного мероприятия – дружеской попойки. Птолемей, Антипатр, Пердикка, Аттал, Леоннат и прочие – все рядом со своим другом, царём.

Филипп жадно выпил чашу-другую вина, закусил куском холодного мяса. Его примеру последовали другие, без тостов, наскоро – много событий произошло за день! Царь молчал, его беспокоило, почему так долго ничего нет от Пармениона из Иллирии... Подумал:

– Как состязалась моя колесница в Олимпии? Пора уже знать!

Филипп вспомнил о жене:

– Родила? Срок вроде подошёл. Сын, только сын мне нужен! – Оракулы предрекали ему сына, наследника престола.

Мысли вернулись к сегодняшнему сражению:

– На что надеются потидейцы? Город обложен со всех сторон, день и ночь таран бьёт пролом... Скоро, ох, скоро жители этого скверного города поплатятся за своё упорство! Никому пощады не будет!

Закипала злость на Афины. Македонии очень нужна Потидея! Перешеек в этом месте шириной всего в 5 стадий (1 км), и если прорыть судоходный канал, не нужно будет кораблям проделывать путь вокруг полуострова, в сто раз более дальний. По легенде, в здешних местах Геракл воевал с титанами и выгнал их. Сохранились следы тех битв – спёкшиеся глыбы, пахнущие гниющими телами – серой, как раны павших титанов. Филипп повторит подвиг легендарного предка: он выдворит афинян из Потидеи!

Филипп не снимал доспехов после возвращения из-под стен Потидеи. Устал. Он пил веселящий напиток Диониса, искрящийся в пламени свечей. Продолжал молчать, не мешая сотрапезникам обмениваться впечатлениями уходящего дня.

В шатёр, прервав пиршественный гомон, вошёл воин. Гонец! Вид усталый, доспехи в дорожной пыли. Ещё не отдышавшись, он протянул царю тубу с донесением; не смог скрыть белозубую улыбку. Все смотрели на гонца.

– Твоя победа, царь! Победа! – крикнул он в наступившей тишине.

– Какая победа? Над кем победа? Откуда ты? – вскричал Филипп, с нетерпением отставляя чашу. Схватил тубу, обрывая печати, вытащил свиток.

– Я из Олимпии, царь! Твои кони победили! Ты триумфатор, ты олимпиец!

Шквал эмоций, радостные возгласы. Казалось, обрушился шатёр. Филипп вскочил на ноги, кинулся к гонцу, стал целовать потное лицо.

Едва не задушил от счастья. Когда отпустил, приказал коротко:

– Рассказывай, что видел, что слышал!

– В Олимпии твои кони, царь, оказались лучшими. Пришли первыми в последнем агоне. Греки повержены в уныние от твоей победы, царь! – радостно сообщил гонец.

– О, Зевс и все боги Олимпа! Наконец вы дали возможность показать грекам македонскую силу! Мои кони сделали меня олимпийником!

Филипп, не сдерживая чувств, что-то кричал в возбуждении, обнимал тех, кто был рядом, смеялся. Пытался танцевать боевой танец македонян. Успокоившись, царь налил в свою чашу вина, подал гонцу.

– Пей! За мой успех и победу царя варваров-македонян над греками – в Олимпии и везде, куда ступит нога македонского воина! Пей! Чашу дарю за хорошую весть!

Сотрапезники дружно поддерживали царя, испив до дна свои чаши. Гонца отпустили только тогда, когда он много раз и во всех подробностях рассказал, как кони Филиппа в Олимпии пришли первыми в завершающем забеге...

Пир продолжился, стремительно набирая темп, поскольку настроение у гостей царя заметно поднялось. Антипатр обратил внимание, что Филипп чем-то озабочен, не поддерживая веселье за столом.

– Наш царь, почему не весел? Есть ли основания грустить, когда твоя колесница смяла греков? Представь теперь, как здесь, в Потидее, мы сомнём Афины. Не так ли, друзья? – он обратился к военачальникам. Все дружно выдохнули:

– Да!

Филипп поднялся с места.

– Да, мои кони победили в Олимпии, как это сделал прадед мой, царь Александр. Я, как и он, доказал грекам, что македоняне не варвары. Нам осталось у Потидеи убедить Афины, что с Македонией пора считаться.

Последние слова царя утонули в рукоплесканиях и восторженных криках сотрапезников. В разгар веселья полог шатра приподнялся и перед царем появился другой гонец.

– Победа, царь! Твоя победа!

– Откуда ты? – спросил Филипп, вскидываясь с ложа. – О какой победе ты говоришь?

Гонец перевёл дух, повторил:

– Меня прислал Парменион: по всей Иллирии наша победа! Филипп широко раскрыл объятия, крепко поцеловал воина. Приказал:

– Вина доброму вестнику, в моей чаше из серебра! Пей, воин, и чаша твоя – дар мой!

Потом обратился к друзьям:

– Я давно ждал счастливого сообщения от Пармениона! Для Македонии нет больше Иллирии. Есть теперь одна Македония! Друзья, выпьем за здоровье нашего отечества!

Пир разгорелся с новой силой. От большого количества выпитого и съеденного, накалившихся мужских страстей в царском шатре стало невыносимо душно. Подняли полог, чтобы внутрь зашел свежий воздух. А снаружи ночь брала свою власть.

Царь сидел напротив входа. Он первый увидел приближающегося всадника. Ещё гонец? На этот раз это был вестник из Пеллы.

– У меня родился сын! – воскликнул царь, прочитав донесение. Он уже был изрядно пьян, о чём говорили выступившие на лице ярко-красные пятна. – Все слышали? У вашего царя родился наследник! У него замечательное имя – Александр, как у предка моего Филэллина, кто впервые связал Македонию союзом с Грецией! В нашем роду пусть он будет третьим Александром!

Филипп засыпал вестника вопросами:

– Как здоровье сына? Всё ли в порядке с ним? Какой он с виду? Мальчик красивый? – о самочувствии жены забыл спросить.

Гонец из Пеллы бодро докладывал:

– Врач велел передать тебе, царь, что мальчик совершенно здоров, нет повода беспокоиться. Ещё сказал, что царица чувствует себя тоже хорошо, хотя и заставила поволноваться.

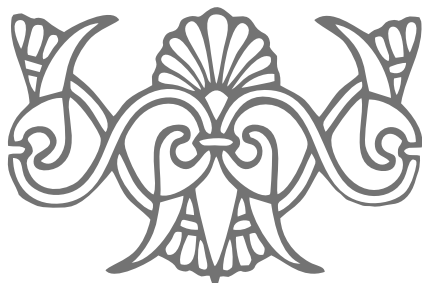
– Слава Зевсу! Он желал, чтобы у меня появился сын, – и вот он есть! Чашу вестнику, ту, что из золота! Пей, воин, за сына моего Александра, а чашу возьми себе в дар от меня! Друзья мои, – царь обратился к сотрапезникам, – у каждого из вас есть повод показать любовь к своему царю, поэтому веселитесь, но так, чтобы и в Афинах услышали! Я отбываю в Пеллу. За меня остаётся Антипатр, а Леонната и Пердикку я забираю.

Отозвал Антипатра в сторону.

– Потидея вот-вот запросит мира, я уверен, – царь улыбнулся. – Соглашайся. Назначь сбор жителей на площади, проси открыть ворота для переговорщиков. Сам скрытно подтяни пехоту и конницу. Ворота

откроют – захвати город. Никакой пощады никому! Оставишь в живых только здоровых и сильных – рабы нам нужны. Город сжечь, стены развалить до земли. Я желаю через Потидею устроить Афины и остальную Грецию! Потидея за тобой, мой милый Антипатр!

Оставив военачальников пировать, царь вскочил на коня, который в нетерпении уже перебирал красивыми тонкими ногами. В сопровождении факельщиков – освещать дорогу, – Филипп в нетерпении направился в Пеллу...

Глава двадцати первая

ОРЁЛ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Отец и сын

Хабрий был первым, кто встретил Филиппа у настежь распахнутых ворот дворца. Царь спешил увидеть наследника, поэтому советнику пришлось устремиться вдогонку. Филипп слышал его слова:

– Рождение твоего сына совпало с твоими двумя победами – в Иллирии и Олимпии. Звёзды подсказывают, что Александр будет славным полководцем, как его отец.

– Ты не ошибся, Хабрий? – не останавливаясь, усмехнулся царь. – Пока я ехал сюда, случилась ещё одна моя победа. Мне сообщили, что Потидея покорилась!

Филипп рассмеялся, как счастливый человек, знающий себе цену и цель, которую когда-то поставил и теперь успешно её добился...

Царь успел вовремя – шёл седьмой день Амфидромия, семейного праздника, который отмечается после рождения ребенка. Главный вход украсили венками из оливковых ветвей, указывающих на то, что в доме родился мальчик; если девочка, гирлянды делались бы из шерсти. По традиции сегодня отец объявит имя своего сына – домочадцам, друзьям и гостям, чтобы они впредь знали, кто вошёл в семейный круг. Родственники и друзья на торжестве по этому случаю дарят ребёнку подарки: игрушки или маленькие украшения, монеты и прочие ценности. В такой день младенца поздравляют и подносят подарки даже рабы.

Исполнение амфидромия, древней обрядовой церемонии, служило доказательством, что отец признаёт ребёнка своим, показав при всех родительскую любовь. В день наречения младенца именем совершались жертвоприношения богам, покровителям детей и юношей,

среди которых Аполлон и Артемида, нимфы и речные божества...

Царице сообщили, что Филипп во дворце. После родов она ещё чувствовала недомогание, поэтому лежала на постели. Ожидая супруга со дня на день, Олимпиада румянила бледные щёки, чернила сажей брови, давала служанке указание завить свои огненно-рыжие волосы крупными локонами.

Филипп не умывался с дороги – как есть, в потной одежде и доспехах, пропахший войной, ворвался в спальню Олимпиады. При виде мужа лицо её вспыхнуло радостью, в широко раскрытых глазах загорелись зелёные искорки, будто изумруды в короне. Филипп ещё с порога увидел ребёнка, маленький живой комочек на руках кормилицы Гелланики. Больше никого он не видел! Быстро подошёл, внимательно всмотрелся в лицо.

Ребёнок спокойно спал, укрытый розовой накидкой, крепенький, ручки и ножки пухленькие; во сне причмокивал губками. Филипп заметил в крошечном личике нечто неуловимое – своё, родное, кровное. Словно лёд растаял на сердце... Мой сын, мой наследник – потомок Геракла. Эллин!

Царь произнёс:

– Мой сын!

– Конечно, твой сын, Филипп, твой! – царица залилась слезами. – Чей же ещё?

Она потянулась к мужу руками, лицом, губами. Филипп отвлёкся от сына, вспомнил, что не поцеловал супругу. Обнял, прижался губами к прохладному лбу, хотя Олимпиада ожидала другого поцелуя...

Филипп протянул руки к Гелланике и решительно забрал младенца. Прижимая к груди, понёс к выходу. Кормилица заторопилась следом, подгоняемая тревожными возгласами царицы...

Ребёнок проснулся, недовольно закричал, обеспокоенный непривычным отношением к себе. Открыл глаза – они у него были светлые, один глаз показался царю иного оттенка. Филипп торопливо шагнул по дворцовым помещениям и широко улыбался всем, и все ему улыбались. Царь нёс на руках наследника македонского престола!

Потрясение в Эфесе

По всей Греции шептались, узнав о пожаре в Эфесе: сгорел знаменитый храм Артемиды.

– Богиня отлучилась в ту ночь в Пеллу, чтобы присутствовать при

рождении сына царя Филиппа Александра. Храм сгорел – что-то скоро случится в мире.

Иеродулы, храмовые служители, мрачно переговаривались на пепелище:

– Артемиде покинула Эфес – дурной знак для Азии. Из Пеллы придёт беда, Персию ожидают великие потрясения.

Маги, поклонявшиеся в Эфесе персидскому богу Ахурамазде, бегали по городу, били себя плётками по голым спинам до крови и кричали:

– На западе Ночь породила великое горе и бедствие, которое вскоре уничтожит Азию и переделает весь мир!

Орёл над Пеллой

Филипп с младенцем на руках вышел на середину перистилия. Посмотрел вверх и увидел низкое небо в серых облаках, предвещающих дождь, без привычного тепла и солнца. Неожиданно рядом возник Нектанаб. Филипп почему-то не удивился его появлению, как и тому, что услышал:

– Что ты видишь в небе, царь?

– Я ничего не вижу, халдей.

– Смотри лучше. Там кружит орёл.

Филипп всмотрелся:

– Да, я вижу большую птицу.

– Это орёл – любимец Зевса.

– Я вижу орла.

– Орёл в небе – царь, как лев на земле. Он в стае не летает, – голос халдея звучал загадочно. – Орёл – карающая молния и гром Зевса

– Халдей, что делает орёл над моим дворцом?

– Посланник подаёт знак, что Зевс рад видеть ребёнка у тебя на руках.

– Почему ты так говоришь?

– Верь мне, царь. Зевс даёт знать тебе, что не оставит его без своего покровительства. Он любит Александра, который, как орёл, будет способен высоко подниматься, чтобы внезапно обрушиться на врага, побеждая. Любой смертный ослепнет, если попытается глянуть на солнце, но орлу это не грозит. Он может, и с ним ничего не случится.

Филипп задумался, потом глянул в небо, поднял над головой ребёнка на вытянутых руках и крикнул:

– Я хочу поверить словам халдея! Зевс, если ты так решил, дай ещё знак!

Присутствующие в перистиле замерли. Казалось, прошла вечность, но вдруг люди заметили, как над Пеллой медленно стали раскрываться облака, а в разрывах появляется бездонное синее небо. И оттуда золотым дождём на землю пролились ослепительно яркие солнечные лучи.

Люди невольно зажмурились. Когда Филипп повернулся к малышу, он увидел его глаза, смотревшие на солнце. Они не мигали...

Конец первой книги

Послесловие

В смерти отказать

Храм Артемиды Эфесской сгорел, согласно легендам, в ночь второй половины македонского месяца Лоя, что соответствует 21 июля 356 г. до н. э.

* * *

В Эфесе недолго искали виновника пожара. Жрец сообщил дознавателям, кто ругал богиню и грозился карами. Да и сам виновник на другой день ходил по агоре и, как безумец, выкрикивал:

– Я сжёг храм – Герострат, сын Пелия.

Эфесцы поначалу хотели растерзать его без суда, но вмешались наблюдатели за порядком, отбили у толпы. Его решили судить, вот только кару, соответствующую его злодеянию, не могли придумать. На суде приготовились пытать, чтобы дознаться, зачем он совершил поджог. Спросили:

– Ты признаёшь, что совершил невиданное кощунство?

– Я признаюсь только в том, что отверг богиню в своём сердце.

– Но пожар случился по твоей вине?

– Виновата сама богиня.

Судьи пригрозились истязать его тело страшными пытками, хотя понимали, что по закону пытать можно было только раба, а не свободного эллина. А он говорил им:

– Я жил среди вас, но вы не видели меня равным себе. Я захотел стать бессмертным, как боги или герои.

Ему сказали:

– Человек прославляет имя своё добрыми делами и подвигами героя, а ты опорочил имя преступным кощунством.

Он упрямствовал в своей защите:

– В юности учителя говорили мне о любви к отечеству, и я любил своё отечество, в битвах защищая его. Сражался, как остальные эфесцы, с врагами, был ранен, но после победы, к которой и я был причастен, вы славили только полководцев. Обо мне никто не вспоминал. Мои раны никого не тревожили, кроме меня. Когда у меня умирали дети от голода и

болезней, отечество не протянуло мне руку помощи. Отечество не любило меня, и тогда мне пришлось забыть о любви к отечеству. Мне оставалось только молиться Артемиде в ожидании счастливого случая. А когда случай представился, она забыла меня. И тогда я совершил то, что совершил, что заставляет вас теперь запомнить моё имя: Герострат.

Судьи с терпением слушали человека, заполнившего душу свою обидами даже на богов. И какие бы мысли ни посетили головы судей, когда он говорил в своё оправдание, его участь была решена. Но, соблюдая закон, они продолжили допрос:

– Зачем ты прибегнул к огню?

– Храм Артемиды сгорел для того, чтобы богатые и знатные пробудились от сытости и благополучия, за которыми они не замечают голодных и бедных.

– Но ты посмел уничтожить одно из красивейших творений человечества! Ты поступил как варвар, враг Эллады!

– Я уже говорил вам – вы сами виновны в этом.

Ему кричали в лицо:

– Тебя все забудут сразу после твоей смерти, которую ты заслужил!

Он отвечал с безумной улыбкой:

– Вы не помните имена людей, которые построили этот прекрасный храм, но имя человека, уничтожившего его, будете помнить всегда. Вы и ваши дети. А потомки ваши скажут: «Они жили в то время, когда Герострат сжёг храм в Эфесе».

Судьи ужаснулись тому, что слышали, и вынесли Герострату небывалый приговор:

«Преступнику, который по злomu умыслу разрушил прекрасный храм Артемиды, созданный по её воле усердием людей, – в смерти отказать. Пусть живёт изгоем среди людей как напоминание о преступлении, сколько ему будет дозволено богами. Пусть ни один эллин не подаст ему ни воды, ни хлеба, ни пищи, ни вина, ни плодов, не предоставит ни крова, ни стола, ни ночлега, ни всего прочего. Пусть никто никогда и ни при каких обстоятельствах больше не произнесёт имя его, и тогда оно не приобретёт постыдную известность, канет во мрак времени. Так решил народ Эфеса».

Пока зачитывали приговор, лицо Герострата не покидала странная улыбка. Спокойно выслушав до конца, сказал:

– Люди, вы долго будете помнить имя Герострата, потому что это я сжёг ваш храм!

Когда его отпускали из зала суда, люди отвернулись от него. С этого дня он не знал, радоваться ему или огорчаться. Жители Эфеса разошлись по домам, чтобы в своих семьях рассказать о том, что видели и слышали:

– Герострат – безумец, который сжёг наш прекрасный храм Артемиды. Всем запрещено произносить его имя. Так и передайте другим, и детям своим, и внукам – пусть позором покроется имя Герострата. Пусть никто никогда не назовёт так своих детей. Помните всегда о том, что имя Герострата не следует произносить вслух.

Герострат видел теперь только спины граждан, не слышал ни одного слова, обращенного к нему; он жил среди людей, словно погребённый заживо. Потом исчез, и никто не знал, куда он делся; если умер, – всё равно никто не знал, где его могила...

Но о сгоревшем дотла храме Артемиды в Эфесе и о человеке, совершившем это преступление, заговорили во всей Малой Азии, и, странное дело, повсюду просили друг друга не упоминать имя Герострата. Через много земель и морей эта новость попала в Грецию и дальше – в Египет, в Персию и на берега Понта Эвксинского, и всюду люди рассказывали о человеке, который сжег храм Артемиды. Иногда люди спрашивали друг у друга:

– Скажи, как зовут того плохого человека?

– Герострат.

– А что он сделал ужасного, что мы должны забыть о нём навсегда?

– О! Он сжёг чудесный храм Артемиды в Эфесе! За это преступление мы с тобой должны забыть его имя!

* * *

Современное человечество никогда и не знало бы Герострата, если бы не древнегреческий историк и писатель Феопомп (IV в. до н. э.). Именно он записал эту легендарную историю. Через четыреста лет после пожара в Эфесе историк Страбон напишет о «некоем Герострате, сжегшем храм», за ним его упоминают в своих книгах римляне Авл Гелий, Валерий Максим. Следом другие историки и писатели растревали память людей своими рассказами о нём. С тех пор люди не забывают человека, обменявшего имя свободного эллина на бессмертную, пусть и позорную «Геростратову славу».

Дальнейшая судьба храма Артемиды сложилась следующим образом. Губительный пожар нанёс удар не только по религиозным чувствам эфесцев, но и по их торговым интересам. Отсутствие па-

ломников вскоре отразилось на доходах городской казны, промедление в восстановлении храма грозило разорением большей части населения Эфеса. Народное собрание постановило построить новый храм. Вот что написал по этому поводу Страбон:

«После того как некий Герострат сжег храм, граждане воздвигли другой, более красивый, собрав для этого женские украшения, пожертвовав собственное имущество и продав колонны прежнего храма».

Известно, что македонский царь и полководец Александр Великий, услышав легенду об Артемиде, присутствующей при его рождении, счёл нужным восстановить храм. Пожертвовал необходимые средства. Повелел исполнить своему придворному архитектору Дейнократу. Зодчий повторил прекрасный проект Харсифрона, считая, что в нём ему нечего улучшать. Единственным новшеством послужил цоколь храмового сооружения в виде мраморной террасы с десятью ступенями. Так возродился храм Артемиды в Эфесе.

Согласно другой легенде, жители Эфеса отказались принять дар Александра, восстановив храм за свой счёт. Не побоялись, как когда-то возразили царю Крезу, сказали молодому царю:

– Ты сын бога, потому не следует одному богу ставить храм другому.

Новый храм выстоял несколько сильных землетрясений, но был разрушен и разграблен германскими племенами готов, вторгнувшись на территорию Эфеса, уже Римской империи, в 263 г. н. э. Эфесцы восстановили храм вновь, но к тому времени появились новые святыни – христианские, куда теперь устремлялись паломники, новые верующие. Языческий храм оскудел подаяниями, и тогда Артемиды, не терпя унижений, покинула привычное жилище, а осиротевшие вдруг иеродулы разбрелись по свету.

Эфесскую бухту, куда прежде заходили торговые корабли, постепенно заполнил речной ил, и Эфес перестал существовать как крупный портовый центр в Малой Азии. Постепенно он превратился в скромный заурядный населенный пункт, в котором жители быстро забыли о своём знаменитом храме Артемиды и, тем более, о каком-то Герострате, ничтожестве. Сегодня развалины храма почти полностью сокрыты болотом, лишь одна печальная колонна одиноко возвышается над всем этим захолустьем. Забвение пришло в эти печально памятные места, но «загадка Герострата» все равно осталась...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
<i>Глава первая. Гонец из Македонии .....</i>	<i>4</i>
<i>Глава вторая. Миртала .....</i>	<i>20</i>
<i>Глава третья. Потомок Геракла.....</i>	<i>44</i>
<i>Глава четвёртая. От Македона до Филиппа.....</i>	<i>68</i>
<i>Глава пятая. Вкус власти.....</i>	<i>81</i>
<i>Глава шестая. Тем временем в Египте .....</i>	<i>97</i>
<i>Глава седьмая. Невеста из Эпира .....</i>	<i>105</i>
<i>Глава восьмая. Друг Фрасил.....</i>	<i>119</i>
<i>Глава девятая. Фиванский заложник .....</i>	<i>135</i>
<i>Глава десятая. Уроки Эрота.....</i>	<i>155</i>
<i>Глава одиннадцатая. Возвращение в Пеллу .....</i>	<i>169</i>
<i>Глава двенадцатая. Похищение невесты.....</i>	<i>184</i>
<i>Глава тринадцатая. Царская свадьба .....</i>	<i>198</i>
<i>Глава четырнадцатая. Молодожёны.....</i>	<i>228</i>
<i>Глава пятнадцатая. Царские будни .....</i>	<i>233</i>
<i>Глава шестнадцатая. Золото .....</i>	<i>247</i>
<i>Глава семнадцатая. Беременность царицы .....</i>	<i>256</i>
<i>Глава восемнадцатая. Ожидание .....</i>	<i>263</i>
<i>Глава девятнадцатая. Тем временем в Эфесе .....</i>	<i>273</i>
<i>Глава двадцатая. Наследник македонского престола .....</i>	<i>285</i>
<i>Глава двадцать первая. Орёл в поднебесье .....</i>	<i>295</i>
<i>Послесловие. В смерти отказать.....</i>	<i>299</i>

Ильяхов Анатолий Гаврилович

Орёл в стае не летает

Знак Зевса

книга первая

Печатается в авторской редакции

Технический редактор А. В. Коваленко

Корректор И. Н. Масленникова

Вёрстка Е. С. Литвиненко, А. Е. Курского

Дизайн обложки Е. С. Литвиненко

Изд. лиц. ЛР № 065769 от 10.04.98.

Подписано в печать 24.02.2014. Бумага офсетная.

Формат 60х84 ¹/₁₆. Гарнитура Myriad Pro. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 174

Подготовлено к печати и отпечатано

в образовательном издательско-полиграфическом комплексе

«Перспективы образования»,

350038, г. Краснодар, ул. Володарского, 6.

По вопросам приобретения обращаться:

г. Краснодар, ул. Володарского, 6.

Тел. (861) 254-25-67, факс (861) 239-76-55

E-mail: info@kubes.ru.